

Джин М.Твенге

Поколение I

Почему поколение Интернета утратило **бунтарский дух**, стало более **толерантным**, менее **счастливым** — и абсолютно **не готовым** ко взрослой жизни *

*и что это значит для всех остальных

Джин М.Твенге Поколение I

Почему поколение Интернета утратило **бунтарский дух**, стало более **толерантным**, менее **счастливым** — и абсолютно **не готовым** ко взрослой жизни *

*и что это значит для всех остальных

Джин Твенге
ПОКОЛЕНИЕ I

*Почему поколение Интернета
утратило бунтарский дух, стало
более толерантным, менее
счастливым и абсолютно не
готовым ко взрослой жизни*

*Посвящается Джулии — последнему
айдженеру*

Jean M. Twenge

iGen:

Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious,
More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood

© Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc. the original
publisher

© Толмачев А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа компаний
«РИПОЛ классик», 2019

* * *

«Лучшая научная книга 2017 года» по версии Wired Magazine

«Лучшее, что вы можете сделать, прочитав эту книгу? Обсудить ее со своими детьми».

Philadelphia Inquirer

«Книга Твенге — это звоночек, который предвещает пробуждение и задает важнейший вопрос — а куда мы идем?»

Chicago Tribune

«Книга Твенге — это шквал статистики, анекдотические ситуации и анализ поп-культуры».

The New Yorker

«Поколение I — первая в истории когорта цифровых аборигенов. Родители, преподаватели и работодатели должны понимать их, потому что они — будущее».

Success.com

«Книга Твенге — черное зеркало современного общества».

Hollywood Reporter

«Современные дети незрелы, одержимы своими телефонами, их речь — это текст. Они кажутся нам непонятными. Книге Джин М. Твенге наконец осветит эту неизвестную нам территорию современности».

TIME

«Родители, нам надо оторвать глаза от наших смартфонов и посмотреть на детей».

The Washington Post

«Сегодня Джин Твенге — главный авторитет в вопросах нового поколения, находящийся на передовой новых социальных исследований».

Ялда Т. Ульс, психолог, автор книги «Media Moms и Digital Dads»

«Поколение I» — монументальное научное исследование с удивительными выводами о современных «новых взрослых». Если

вы хотите разобраться в психологии и привычках нового поколения
— начните с этой книги!

Эли Дж. Финкель, социальный психолог

Дети iPhone и Cola Zero

Название книги, которую вы читаете, хитрее, чем кажется. Хотя, может быть, вы и не держите бумажный экземпляр в руках, а пролистываете страницы, нажимая на тачскрин своего iPhone, конечно же предварительно прочитав отзывы или рецензию на экране своего iPad. И наверняка попутно отвлекаетесь на push-уведомления. На английском языке оно звучит как «iGen» и, рискну предположить, что практически нет современного человека, который бы не понимал, к продукции какой компании оно отсылает. Точнее так: если бы вы не знали, о чем все это, вы бы не заинтересовались этой книгой и не читали этот текст. В русском переводе вариант «Поколение I», несмотря на потерю узнаваемой формы наименования высокотехнологичного товара, сохраняет смысловые оттенки оригинала. Впрочем, есть некоторая (пост-)ирония в том, что поколение, которое думает о себе и своем «я» больше всего в истории, предлагается называть по образцу коммерческого массово-производимого товара, разошедшегося общим тиражом в 2.2 миллиарда копий^[1]. Но об этом дальше.

Пожалуй, первой проблемой, которую должно решить предисловие к изданию этой книги 2017 года на русском языке, может стать ответ на упрек в том, что это все «не про нас». Джин Твенге, доктор психологических наук, профессор Университета штата Калифорния в Сан-Диего, автор нескольких бестселлеров американского книжного рынка, использовала в первую очередь данные американской социологии и работала с американскими подростками. Этот факт действительно может оказаться проблематичным для оценки репрезентативности исследования в контексте российских реалий. В конце концов — и это важно — большинство представителей поколения, родившегося после 1995 года на пространствах бывшего Советского Союза, не могли приглашать домой сверстников, чтобы вместе поваляться у бассейна.

Столь же далеким и непонятным для русскоязычного читателя может стать особое внимание на архетипическом и важном для американской культуры сюжете о необходимости скорейшего

получения прав в 16 лет и обретения автономии посредством использования личного автомобиля. Из многих замечательных и красочных историй, которые рассказываются в «Поколении I», значительная часть посвящена именно этому закату великой автомобильной одержимости среди подростков. Видимо, для традиционных представителей американской культуры произошедшее продолжает оставаться шокирующим, а также они продолжают покупать и читать книги. Можно лишь посоветовать русскоязычному читателю отнестись с иронией к тому, как быстро все меняется, и предложить ему еще раз подумать о том, что буквально за какие-то несколько десятилетий безоговорочный автомобильный фанатизм сменился дискуссиями об этичности робомобилей и оправданности каршеринговых сервисов, предлагающих «... доступную мобильность и повышающих энергетическую и экологическую эффективность для общества»^[2]. Возможно, вызванная экономическими причинами куда более низкая в сравнении с США и Западной Европой автомобилизация населения в России обогнала свое время и станет впоследствии трендом новых поколений. Конечно, отказ айдженеров от получения прав и владения автомобилем чаще всего вызван не заботой об общественном благе, а, как об этом пишет Твенге, малой стрессоустойчивостью, боязнью трудностей и экзаменов, а также отказом от претензии на автономность. Последствия этого, впрочем, могут оказаться более благоприятными для мира. И таких парадоксов, сопровождающих существование айдженеров, описано в этой книге множество.

Действительно, читателю будет сложно примерить на себя большинство приводимых в тексте примеров из контекста взросления отпрысков среднего класса по ту сторону Атлантики. Но тем интереснее будет отметить сходства, которые в конечном итоге позволяют говорить о едином культурном пространстве, создающем поколение. Важно не то, был ли в 90-е годы задний дворик с бассейном и набором для гриля и барбекю в доме ваших родителей, или вы купались в холодной речке рядом с дачей и ели шашлык, приготовленный на мангале, сложенном из старых кирпичей. Ключевые приметы, определившие эпоху и унифицировавшие молодых людей всей планеты, совсем другие. Социальная сеть Facebook стала доступна пользователям в 2006 году, тем самым жестко

предопределив социализацию тех, кто на тот момент только вступал в переходный возраст. Первый iPhone поступил в продажу в 2007 году, и весь мир буквально оказался у тинейджеров в руках, на расстоянии пары кликов. Именно это стало самым важным. Британский философ культуры и литературовед Алан Кирби резюмировал эти приметы эпохи таким образом в концепции диджимодернизма, отметив, что для современности «...характерны совершенно новые технологии и, как следствие, изменившиеся отношения между „аудиторией“ и продуктами культуры, созданными в цифровом мире»^[3].

Упоминание актуальной философии культуры неслучайно. Желаясь разобраться в том, что же это за поколение «айдженеров», людей, родившихся в промежутке 1995–2012 годов, так или иначе придется задаться вопросом о причинах того, почему поколение I так отличается от остальных. Замечательный анализ социологических данных, результаты которого не только будут любопытны из праздного интереса, но и смогут быть полезны при проведении исследования, приведен в этой книге. Не желая испортить читателю удовольствия от самостоятельного ознакомления с многочисленными и красочными графиками, схемами и таблицами, отметим лишь, что большинство из проговариваемого так или иначе буквально витает в воздухе, в повседневных описаниях духа времени. Мы ведь много слышали о том, что айдженеры (а часто это бывает обращено в виде упрека к кому-либо из наших знакомых или даже к нам!) дольше живут с родителями, более инфантильны, предпочитают другие, более долгосрочные жизненные стратегии, не хотят взрослеть, не стремятся работать, не торопятся с созданием семьи. Все это правда, но, как правило, эти наблюдения не служат цели теоретического познания, а выступают фрагментированными аргументами для подтверждения чьей-либо позиции в дискуссии. Книга Джин Твенге совсем другая. Она стремится социологически зафиксировать произошедшие поколенческие изменения, коснуться их причин и просто понять «айдженеров». Все это она делает: в первую очередь обращаясь к функционированию современной культуры, увязанной с цифровой реальностью, которая не существует в отрыве от развития новых технологий: «Головокружительная скорость технического прогресса привела к образованию внушительного разрыва между рожденными в 1980-х и теми, кто появился на свет в 1990-е»^[4].

Тем более, что у меня, и скорее всего у каждого из читающих этот текст есть своя небольшая история — конечно же, из российского контекста — про высокие технологии и айфоны. В декабре 2007 года в Москве, в огромной поточной аудитории Факультета довузовской подготовки Высшей школы экономики на станции метро Нагатинская происходило нечто экстраординарное. Слушатели курсов столпились вокруг моего знакомого. Не желая никак его задеть, все же отмечу, что он не был особенно примечателен и до того дня никто не желал с ним активно знакомиться. Но тем вечером именно он задавал тон всего мероприятия, затмив очень харизматичного лектора, рассказывавшего, кажется, о захватывающей истории военной кампании СССР в Афганистане. У него появился первый iPhone. И он принес его с собой. Сейчас в такую реакцию сложно поверить, но тогда почти 100 человек окружили его и засыпали вопросами: Как это работает? Наверняка удобнее? Где ты его взял? Джобс гений? Можно подержать? Эта история важна как документ эпохи. Мне никогда не доводилось видеть ничего технологического, что вызывало бы такой интерес. Как видно, Россию та волна, о которой пишет Джин Твенге, не обошла стороной. Поэтому остановимся на том, что истории про американских подростков следует воспринимать как экскурс в другую культуру, которая, тем более, давно стала глобальной: смотрим же мы, в конце концов, Южный парк и Гриффинов, примеряя изображенное там на свою действительность. Кстати, в актуальном сезоне последнего мультсериала был изображен типичный герой этой книги, айдженер: человек заикленный на гаджетах, одержимый «селфи» и Инстаграмом.

Часто, говоря о научно-технологическом прогрессе и его влиянии на мир, нас охватывает ощущение скуки, потому что один достаточно пессимистичный прогноз сменяется другим, в свою очередь, еще более апокалиптическим. Все это кажется отвлеченной и бессмысленной научной фантастикой: редактирование генома человека, киборгизация, виртуальные пространства или даже колонизация Марса. Конечно, эти разговоры не лишены смысла, и, вероятно, стань что-либо из этого повседневностью, культура и общество бы изменились. Но философская проблема здесь в том, что за разговорами о будущем мы утратили реальное будущее, которое всегда уже здесь, как в одном из своих выступлений это резюмировал социальный философ Александр

Павлов: «... будущее может быть доступно нашему пониманию, потому что чаще всего не производится из „ничто“, а является продуктом комбинаторики уже имеющихся представлений. Эти представления существуют в популярной культуре как образы будущего, к которым мы привыкаем. И в результате, когда прогнозы сбываются, мы оказываемся к ним готовы и не испытываем удивления»^[5].

В недавно переведенной на русский язык книге американского писателя и урбаниста Адама Гринфилда «Радикальные технологии: устройство повседневной жизни» есть замечательные строки о том предмете из будущего, который уже изменил настоящее и повседневность до неузнаваемости, а, возможно, и дал имя целому поколению. Речь, конечно же, идет о смартфоне, который «... стал последним предметом, на который мы смотрим каждую ночь перед тем, как заснуть, и первым, за которым мы тянемся спросонья. Мы используем его, чтобы знакомиться с людьми, общаться, развлекаться и находить дорогу. С его помощью мы покупаем и продаем вещи. Мы полагаемся на то, что он зафиксирует места, в которых мы бываем, вещи, которые делаем, и людей, с которыми общаемся; мы рассчитываем на то, что он поможет нам убить время, заполнить установки и паузы, которые некогда занимали такую большую часть нашей жизни»^[6]. Какие бы приметы времени мы ни находили в культуре, они должны иметь возможность быть оцифрованы и перенесены на экраны гаджетов, сопровождающих нас всегда. Так удобнее. И это наш новый мир.

Казалось бы, очевидное внимание на феномене смартфона, социальных сетей и их влиянии на поколение, его культуру, психическое здоровье выгодно отличает книгу Твенге от многих других, стремящихся объяснить поколению современных молодых людей, кто же они такие. По меньшей мере, это делает ее живее и интереснее при чтении. Да, это исследование, и исследование серьезное, выполненное с опорой на большие массивы данных социологических служб, на глубинные интервью, проведенные самим автором. Но в книге много такого, что делает ее скорее эссеистичной. Поэтому оставим в стороне возможные претензии к вольности интерпретационных стратегий и к замечаниям автора, вдохновленным бихевиористской психологией. Они могут доставить удовольствие

заинтересованному темой читателю, но вряд ли смогут выполнить какую-либо функцию, помимо терапевтической, для старшего поколения, как это делается проговариванием тезиса: «Похоже, в наши дни отцы и дети достигли полного взаимопонимания, и их все устраивает»^[7]. Острый межличностный конфликт поколений ушел в прошлое и остался в шедеврах литературы и кино эпохи модерна.

Перевод «Поколения I» выходит на русском в 2019 году, и это не единственная актуальная книга, посвященная описанию современного поколения и черт эпохи, которую оно формирует. Интерес к получению новых знаний и образованию, пониманию своего места в мире может быть удовлетворен чтением менее эссеистичного, но более научного анализа, представленного в книге Вадима Радаева «Миллениалы: Как меняется российское общество».

Она выгодно отличается для русскоязычного читателя тем, что построена на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 1994–2016 годы. Это исследование ставит своей задачей отнюдь не представить критический анализ происходящего и высказаться о перспективах представителей современной молодежи, а просто стремится «понять» миллениалов, сравнив их повседневное существование и паттерны поведения с другими российскими поколениями. Но в данном аспекте мы сталкиваемся с неудобной и излишней фрагментацией, которая привносит дополнительные сложности для читателя: легко запутаться в том, кто же такие представители поколения X, поколения Y, поколения Z, миллениалы, айдженеры.

Попробуем разобраться. И «миллениалы», и «айдженеры» на самом деле связаны, потому что то, что позволило говорить о выделении целого нового поколения на основе его взаимоотношения с новыми технологиями, стало повсеместным: не только подростки, но и взрослые охотно ставят лайки своим «друзьям» в социальных сетях. С методологической точки зрения определение границ поколения не представляется тривиальной задачей. В обобщенной классификации российских поколений Вадима Радаева описывается шесть поколений, привязанных не только к году рождения, но и к периоду взросления. «Мобилизационное поколение» взрослело в период 1941–1955 гг., «поколение оттепели» — в 1956–1963 гг., «поколение застоя» — в 1964–1984 гг., «реформенное поколение» — в 1985–1999 гг.,

«поколение миллениалов» — в 2000–2016 гг., «поколение Z», о котором еще сложно сказать нечто уверенное, вступило в период взросления после 2017 г.^[8]

Как мы видим, Джин Твенге несколько меняет хронологическую рамку взросления айдженеров, если сравнивать ее с поколением «миллениалов», используемом в отечественной классификации. 1995 год рождения, совпавший с экспансией Интернета, достигшей кульминации с обеспечением повсеместного доступа к сети на рубеже 2007–2008-х гг., определил жизненный мир взросления айдженеров. Очевидна разница в методологических подходах. Но столь ли она значима? Рассуждая о поколении миллениалов, которое оказывается синонимичным поколению «айдженеров» в российском контексте, Вадим Радаев приходит к фиксации тех же состояний, описания которых мы находим в «Поколении I». В действительности и то, и другое поколение многим уже известно как «поколение Y», однако по каким-то причинам это название не прижилось и не стало частью саморефлексии цифрового поколения^[9]. Впрочем, сложно сказать, приживется ли и станет ли действительным и живым языком самоописания термин «iGen».

Вспомним, что в 2014 у Джин Твенге уже выходила книга с названием «Generation Me: Why Today's Americans Are More Confident, Assertive, Entitled and More Miserable Than Ever Before»^[10]. Существует и русский перевод этой работы 2018 года, вышедший в серии «психологический бестселлер»: «Поколение селфи. Кто такие миллениалы»^[11]. Ознакомление с этой работой демонстрирует не только то, что и для самой Джин Твенге ключевой характеристикой поколения является заикленность на собственном «я» и его изображениях в социальных медиа, но и то, что она начала работать над темой достаточно давно. И изначально эта работа носила практикоориентированный характер. Как практикующий психолог и исследователь, она фактически объясняла причины типичного для целого поколения психологического дискомфорта, а также давала рекомендации по поводу того, как позаботиться о себе в чересчур ярком мире медиа. Отметим также, что русский перевод верно ухватил социологическую категоризацию. Речь все так же идет о миллениалах. Как маркетинговая стратегия ребрендинга и определенного рода

провокация, «iGen» оказался удачен, но о его дальнейшей академической и культурной судьбе судить рано.

Тезисно опишем, что же объединяет эти два поколения (миллениалы, или «поколение Y», и «айдженеры»), которые на самом деле представляют собой одно и одновременно отличаются ото всех остальных. В первую очередь, мы имеем дело с наиболее образованным слоем молодых людей в истории, которые интересуются буквально всем на свете. Сам факт существования упомянутых выше книг свидетельствует об этом лучше любого исследования. Ведь адресатом и читательской аудиторией станут те, о ком это написано, поскольку они любят и считают важным учиться, хотят узнавать о себе. Откладывание взросления, которое на практике отнюдь не означает нежелания взрослеть, лишь говорит о более ответственном подходе к «взрослой жизни». К ней нужно хорошо подготовиться. А спешка в этом деле может лишь повредить. «Это первое поколение, которое проводит всю свою жизнь в цифровой среде; информационные технологии фундаментальным образом влияют на то, как они живут и работают»^[12].

Последнее замечание, впрочем, не означает, что мы говорим о поколении, которое буквально все время проводит в Интернете. Это было бы верно лишь отчасти. И Джин Твенге, и Вадим Радаев отмечают, что досуговые практики айдженеров также претерпели изменения в сторону интенсификации. Молодые люди умудряются совмещать активные занятия спортом, посещение кружков и секций с тем, чтобы постить фотографии этого времяпровождения в социальные сети. Встречи с друзьями также пострадали не так, как это обычно описывают. Их количество не снизилось, но изменился сам формат: многие продолжают каждую минуту заглядывать в свой смартфон, вызывая тем самым обиду у своих друзей и при этом не забывая обижаться на них за то, что те делают то же самое. Потребление алкоголя и сексуальная жизнь, темы, вызывающие повышенный интерес и внимание общества, также стали интересовать айдженеров меньше. Как правило, возраст, когда представители цифровой молодежи пробуют, а затем и начинают регулярно употреблять алкоголь, сдвигается ближе к 20-ти годам. У предыдущих поколений этот рубеж находился ближе к переходному возрасту. Впрочем, у этого есть и свои недостатки.

Ведь молодые люди оказываются не готовы к воздействию алкоголя на организм и часто компенсируют более позднее начало потребления алкоголя его количеством. Отношения российских миллениалов с алкоголем напоминают описанную картину с той лишь поправкой, что в сравнительной перспективе они потребляют значительно меньше алкоголя. Это отклонение вызвано тем, что предшествующее поколение в силу специфических социальных причин имело совершенно другие алкогольные практики и предпочтения.

Важной и значительной темой книги является комментарий и мнение автора как психолога. Реальность такова, что в новом поколении, несмотря на всю его противоречивую миролюбивость и предсказуемость, велика тревога в отношении самих себя. Резюмирует это беспокойство замечание Твенге о девочке-айдженере: «Она живет в том мире, в котором живет, однако она не уверена, что он ее полностью устраивает»^[13]. Это ощущение, подкрепляемое социологическими данными анализа социального благополучия, что все в порядке, но что-то не так, присуще всем айдженерам. При этом следует заметить, что оно не является только производным маркетинговой стратегии проблематизации знания, когда скандал и конфликт более продаваемы. Твенге не сгущает краски. Непозволительно большое количество молодых людей при внешнем благополучии действительно чувствуют себя если и не «мертвыми внутри» (dead inside)^[14], то, по крайней мере, недостаточно счастливыми.

И в этом, как отмечает Твенге, следует винить новые технологии. Они упрощают нашу жизнь с технической стороны, но делают ли они ее счастливее? О том, что ряд психологических и даже психических проблем увязаны с социальным и, что становится особенно актуальным в XX и XXI веках, технологическим прогрессом писали многие философы. К примеру, Фредрик Джеймисон, достаточно вольно обращаясь с термином, говорит о том, что шизофрения становится чертой эпохи постмодернизма. Под «шизофренией» теоретик подразумевает трансформации переживания субъектами темпоральности: подлинное переживание остается делом прошлого, подменяется субститутами культуры, а субъект помещается в «вечное настоящее» сменяющихся образов^[15].

Но расцвет постмодернизма пришелся на 80-е и 90-е годы, когда первый iPhone еще не поступил в продажу, а Марк Цукерберг не создал крупнейшую социальную сеть. Соответственно, его черты не так актуальны для айдженов, поколения Y. Однако зафиксируем, что укорененная в технологиях культура буквальным образом влияет на психологическое самочувствие и самоощущение людей. Тогда какая патология будет наиболее релевантной для айдженов? Ответ Джин Твенге прост: депрессия. Отметим, что о том, что депрессия является ключевой приметой современности, можно прочитать у социального и культурного теоретика Марка Фишера^[16], который покончил с собой в возрасте 48 лет. И в его работах можно познакомиться с другим ракурсом взгляда на тот феномен «беспокойства» о себе, который описывается в «Поколении I».

То, что новые технологии так или иначе увязаны с функционированием капиталистической экономики, понимает и Твенге, советуя родителям и всем испытывающим фрустрацию от взаимодействия с социальными медиа: «Запомните: создатели социальных сетей в первую очередь думают о прибыли, поэтому когда тинейджеры всю ночь напролет сидят в новом модном приложении, бизнесмены просто зарабатывают на них деньги. В этой игре наши дети всегда проигрывают»^[17]. Однако, фиксируя этот факт, автор не прибегает к пожеланиям, призывам или даже рефлексии об изменении социальной действительности. Напротив, фактически признавая оправданность и неизбежность существующего порядка, она говорит о том, как помочь самому себе. Эта значительная часть книги, несмотря на то, что многое из нее в достаточной степени банально, вероятно будет наиболее востребована у читателя из поколения «айдженов».

Практическая забота о себе понимается у Твенге исходя из тезиса, что психика человека оказалась не приспособлена к тем возможностям, которые предоставляют ему новые технологии, а возраст начала активного пользования ими слишком ранний для того, чтобы подросток мог полностью осознавать возможные последствия, к примеру, скинутых обнаженных селфи, нюдсов. Совета, в конечном итоге, всего два: самоограничение и понимание происходящего. Только это может избавить от возможных проблем, фрустрации и прибавить ценности жизни, в которой все дается так легко, а от того утрачивается ощущение удовлетворения результатами своего труда.

Кажется, ничего нового. Но талантливое проговаривание этого может кому-то помочь. Тем более, что айдженеров не так уж мало, а многие из них еще не созрели для того, чтобы купить и прочесть научную, пусть и написанную популярным языком, книгу.

В 1966 году вышел в прокат фильм Жан-Люка Годара «Мужское — женское». Его, возможно, смотрели многие айдженеры, поколению которых присущ интерес к качественному кино. История повествует о молодых людях французского послевоенного поколения, которые столкнулись с взрывным ростом экономики и формированием общества потребления. Они ищут свою новую идентичность в новом мире медиа и популярной культуры, протестуют против империалистических войн и рефлексиируют на тему экспансии капитализма в частную жизнь. Сцены фильма прерываются текстовыми вставками, одна из которых гласит: «Этот фильм мог бы называться „Дети Маркса и Кока-колы“». Жизнь современных айдженеров отталкивается от того послевоенного взлета экономического изобилия и стабильности. Фредрик Джеймисон отмечает, что именно после Второй мировой войны капитализм становится по-настоящему глобализованным, а массовая культура повсеместной. С тех пор прошло больше полувека, и отмеченные тенденции только усилились, обретая свое воплощение в культуре социальных сетей, гаджетах и болезненной заботе о своей частной жизни. При этом социальное и политическое измерение переживает не лучшие времена^[18]. В самом деле, разве айдженеров, не стремящихся брать ответственность на себя и принимать участие в рискованных политических мероприятиях, может заинтересовать что-то подобное? На данный момент и книга Джин Твенге «Поколение I» является замечательным тому подтверждением, фокус решения проблем поколения смещен в личное пространство даже тогда, когда осознается их глобальная природа. На смену Марксу пришел iPhone, а вместо Coca-cola айдженеры выбирают Cola Zero.

Николай Борисович Афанасов, младший научный сотрудник,
Институт философии РАН

Введение. Кто такие айдженеры и что мы о них знаем

Ясным летним днем, около полудня, я приступаю к беседе с тринадцатилетней Афиной. Судя по вялому голосу, она только что проснулась или плохо выпалась. Сначала мы немного болтаем о ее любимых песнях и телепередачах, а потом я спрашиваю, как она проводит время с друзьями.

— Мы ходим в торговый центр.

— Родители тебя подвозят и уезжают? — уточняю я, вспомнив, как в далекие 1980-е я радовалась любой возможности улизнуть от родителей и погулять с друзьями.

— Нет, мы идем всей семьей. Я приезжаю с мамой и братьями, а потом с друзьями немного отстаю от них. Каждые 30 минут или раз в час я должна сообщать, где нахожусь.

Хожение с мамой по торговым центрам — не единственная особенность повседневной жизни современных подростков. Афина, как и все ее одноклассники, предпочитает общаться с друзьями не лично, а с помощью телефона. Их любимый посредник — мобильное приложение Snapchat, предназначенное для обмена исчезающими после просмотра фотографиями. Больше всего им нравится фильтр «Собачка», накладывающий на селфи рисованный собачий нос и уши. «Это потрясающе. Самый классный фильтр», — говорит Афина. Еще подростки очень внимательно следят за своими снэпстриками (Snapstreaks), которые показывают, сколько дней они непрерывно общаются друг с другом в Snapchat. Иногда они делают на память скриншоты самых нелепых селфи своих друзей и называют их «хорошим компроматиком».

Афина говорит, что почти все лето она безвылазно сидит дома и тыкается в телефон, считая это особенностью своего поколения.

Мне больше нравится сидеть в своей комнате и смотреть Netflix на телефоне, чем общаться с родителями. Так проходит мое лето. С телефоном я провожу гораздо больше времени, чем с реальными

людьми. Мы не представляем себе жизнь без iPhone и iPad. Думаю, мы любим свои телефоны больше, чем реальных людей.

Пришло время поколения I.

Родившись в 1995 году или позже, они выросли, ни на минуту не расставаясь с телефоном. Свою первую страничку в Instagram они завели раньше, чем перешли в старшую школу, и они совершенно не представляют себе жизнь без Интернета.

Когда в 2007 году появился первый iPhone, первые айдженеры (iGenèr)^[19] были еще детьми, а когда в 2010 году был представлен первый iPad — старшеклассниками. Буква «i» в названии этих устройств означает Интернет (Internet), который начал коммерциализироваться также в 1995 году. Если и существует вещь, в честь которой можно назвать новое поколение, то это безусловно iPhone. Согласно одному маркетинговому исследованию, в 2015 году двое из трех американских подростков имели iPhone. Фактически это максимум, на который могут рассчитывать производители подобных устройств. «У каждого должен быть iPhone, — написала в социальной сети типичная 17-летняя американка. — Типа, у Apple монополия на тинейджеров».

Доступные смартфоны повлияли на все стороны жизни нового поколения, начиная с социальных связей и заканчивая психическим здоровьем. Это первое поколение, которому всегда и везде доступен Интернет. Даже если эти молодые люди пользуются телефоном Samsung или планшетом Kindle, они все равно остаются айдженерами (причем независимо от уровня доходов; дети из малообеспеченных семей проводят столько же времени онлайн, сколько и их более обеспеченные сверстники — это еще одно следствие доступности смартфонов). Средний подросток проверяет телефон более 80 раз в день.

Но не только технологии формируют молодежь. Буква i в слове iGen означает в том числе индивидуализм (individualism), который они считают чем-то самым собой разумеющимся. Он не только в широком смысле сформировал их базовые представления о равенстве, но и привел к отказу от соблюдения привычных социальных норм и правил. Также индивидуализм подчеркивает «имущественное неравенство» и порождает в поколении I чувство неуверенности в собственных силах и боязнь совершить ошибку на пути к финансовому благополучию:

всегда лучше «иметь», чем «не иметь». По этим и многим другим причинам айдженеры отличаются от всех своих предшественников: они иначе проводят свой досуг и ведут себя, а также по-другому относятся к религии, сексу и политике. Они абсолютно иначе социализируются, отвергают любые известные табу и ожидают от жизни и работы совершенно других вещей. Они зафиксированы на физической безопасности, обеспокоены собственным финансовым будущим и нетерпимо относятся к дискриминации по признаку расы, пола или сексуальной ориентации. Они стали первыми жертвами одного из глубочайших в истории кризисов психического здоровья, который разразился в 2011 году. Для него характерен стремительный рост уровня подростковой депрессии и числа самоубийств. Вопреки расхожему мнению, что каждое новое поколение взрослеет быстрее предыдущего, представители поколения I демонстрируют обратную тенденцию: восемнадцатилетний молодой человек ведет себя как пятнадцатилетний, а тринадцатилетний — как десятилетний. Физически современным тинейджерам угрожает меньше опасностей, однако психологически они стали более уязвимы.

Обработав результаты четырех крупных общенациональных опросов, в которых начиная с 60-х годов приняло участие около 11 миллионов американцев, я выявила и сформулировала 10 важнейших трендов, которые сформировали поколение I, а в широком смысле всех нас:

- *неспешность* (затянувшееся детство или медленное взросление);
- *Интернет* (как много времени они проводят в телефонах и в ущерб чему);
- *заочное общение* (все меньше общаются лично);
- *неуверенность* (рост психических расстройств);
- *нерелигиозность* (потеря интереса к религии);
- *изолированность и приземленность*;
- *финансовая незащищенность* (новое отношение к своей работе);
- *неопределенность* (новый взгляд на секс, отношения и детей);
- *инклюзивность* (учет интересов всех членов общества, терпимость, всеобщее равенство и свобода слова);
- *независимость* (в политических взглядах).

Айдженеры — идеальный объект для изучения новых трендов, поскольку они, с одной стороны, очень молоды, а другой — достаточны взрослые, чтобы выражать свое собственное мнение и делиться опытом.

Я занимаюсь теорией поколений около 25 лет — с тех пор, как, будучи двадцатидвухлетним доктором философии, я приступила к изучению психологии личности в Мичиганском университете. Именно тогда мне стало интересно, чем мое поколение X отличается от беби-бумеров (помимо всего прочего это большее гендерное равенство и повышенная тревожность). Со временем я установила, какие особенности поведения, черты характера и взгляды присущи миллениалам — поколению, рожденному в 1980-х и начале 1990-х. Это исследование завершилось публикацией в 2006 году книги «Поколение Я», переизданной в 2014 году. Большинство характерных особенностей поколения X и миллениалов формировались десять, а то и двадцать лет. Я привыкла к тому, что линейные графики трендов напоминают холмы с пологими склонами, а культурные изменения, изначально зафиксированные в небольших группах молодых людей, со временем, да и то не всегда, начинает влиять на большинство людей.

Но примерно в 2012 году я начала замечать резкие и мощные изменения в поведении и эмоциональном состоянии подростков. Внезапно графики стали похожи на американские горки — стремительные падения показателей за несколько лет перечеркивали рост, наблюдавшийся десятилетиями, и, наоборот, спустя годы неуклонного падения отдельные показатели могли внезапно достичь рекордных значений. За годы работы я проанализировала немало статистических данных, некоторые из них датируются 1930-ми годами, однако с подобным столкнулась впервые.

Сначала я предположила, что это случайные отклонения, которые полностью исчезнут или нивелируются через год, максимум два. Но этого не происходило — тренды не только сохранялись, но и порождали другие, стабильные и зачастую беспрецедентные тренды. Когда я с головой погрузилась в анализ данных, то обнаружила закономерность: большинство значительных изменений пришлось на 2011 или 2012 год. Это невозможно было объяснить Великой рецессией, которая официально длилась с 2007 по 2009 год.

И тут меня осенило: именно в 2011–2012 годах большинство американцев обзавелись смартфонами — сотовыми телефонами с выходом в Интернет, что и предопределило будущее айдженеров.

Наблюдаемый нами мощный поколенческий сдвиг имеет далекоидущие последствия. Молодые люди, которые действуют и думают по-другому — они сильно отличаются даже от своих ближайших «соседей»-миллениалов, — вступают во взрослую жизнь, и мы все должны научиться понимать их. Мы — это друзья и близкие, которые внимательно и порой с опаской присматриваются к ним, бизнес, которому требуются новые специалисты, маркетологи, которые уже ломают головы над тем, какие товары и услуги будут ими востребованы. Должны разобраться в себе и айдженеры, чтобы объяснить взрослым или более старшим сверстникам свои взгляды на жизнь.

Межпоколенческие различия огромны. Они влекут последствия, с которыми мы прежде не сталкивались. Главное отличие миллениалов от их предшественников заключалось в особенности мировоззрения, ориентированном в большей степени на собственное Я (отсюда и название моей прошлой книги — «Поколение Я»), нежели на социальные нормы и правила. С появлением доступных смартфонов айдженеры стали иначе проводить досуг и организовывать свое время. Жизненный опыт айдженеров кардинально отличается от опыта их предшественников. Каким-то образом эта причина привела к значительно более глубинным сдвигам, нежели те, что создали миллениалов. Вероятно, поэтому тренды, возвестившие о появлении нового поколения, оказались такими масштабными и непредсказуемыми.

Границы поколений

Головокружительная скорость технического прогресса привела к образованию внушительного разрыва между рожденными в 1980-х и теми, кто появился на свет в 1990-е. «Я не коренной житель цифрового мира, — написала в журнале New York Times Джульет Лапидос, родившаяся в 1984 году. — Интернет не был для меня знакомым с рождения явлением природы. Мне пришлось разбираться в том, что это такое, и учиться им пользоваться... Мобильный телефон у меня

появился только в 19 лет». Лapidос исполнилось 19 лет в 2002 году. Тогда для написания СМС требовалось несколько раз нажать одну и ту же кнопку телефона, чтобы добраться до нужной буквы, а для выхода в Интернет был нужен настольный компьютер. В 2007 году, всего через пять лет, был представлен iPhone, и все изменилось. Айдженерам смартфоны стали доступны уже в подростковом возрасте. Ключевая особенность с далекоидущими последствиями.

Поколение I появилось быстрее, чем кто-либо мог представить. До последнего времени основное внимание было сосредоточено на миллениалах, к которым обычно причисляют американцев, рожденных в период с 1980 до 1999 года. Однако для нашего времени это слишком большой промежуток — поколения сменяются чаще. Поколение X — предшественники миллениалов — полностью сформировалось всего за 14 лет, в период с 1965 по 1979 год. Если допустить, что поколение миллениалов также сформировалось за 14 лет, то последний миллениал должен был появиться на свет в 1994 году, а первый айджонер родиться в 1995 году, что соответствует времени появления Интернета. Другие ключевые события также указывают на 1995 год или близкие даты. Facebook стал доступен тринадцатилетним подросткам в 2006 году, таким образом, можно считать, что любой человек, рожденный после 1993 года, активно пользуется социальными сетями всю сознательную жизнь. В пользу середины 1990-х говорят и строго научные данные: в опросах 2011 года — именно тогда впервые были зафиксированы глобальные изменения — принимали участие подростки в возрасте от 13 до 18 лет, родившиеся, соответственно, в период с 1993 по 1998 год.

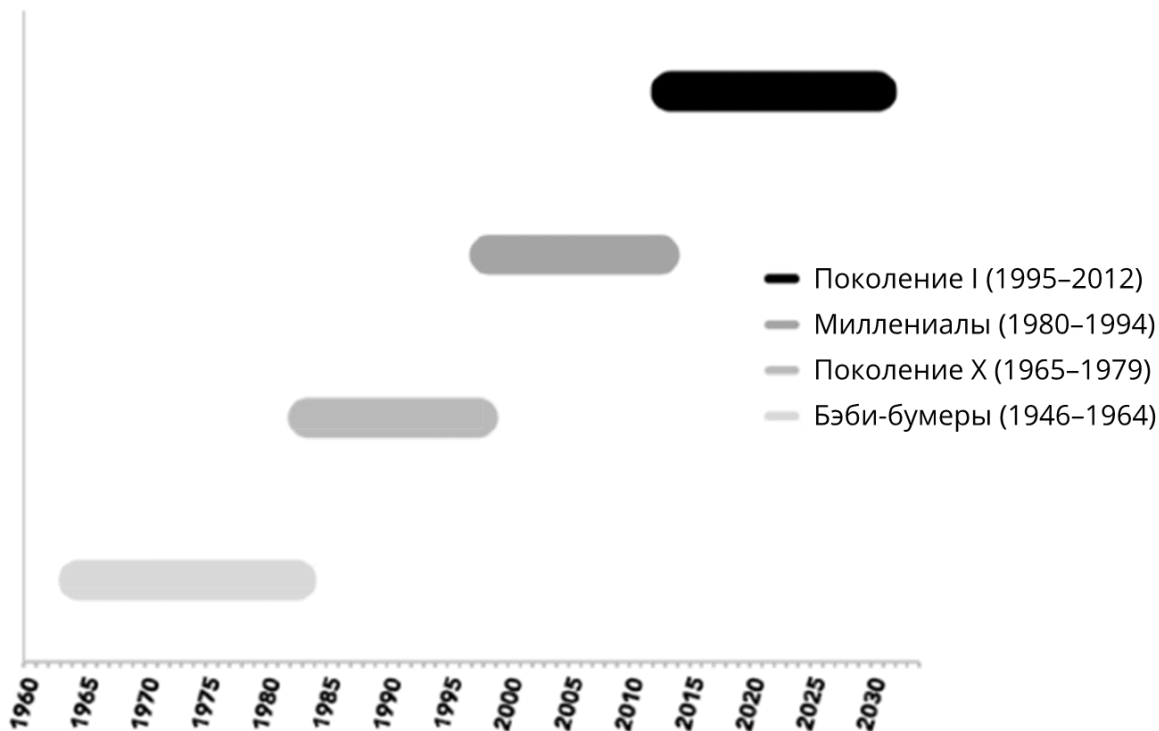

Рис. 0.1. Периоды времени, в течение которых большинство двенадцатиклассников и первокурсников были представителями одного из четырех последних поколений

Можно только догадываться, когда произойдет очередная смена поколений, но готова поспорить, что случится это примерно лет через 14–17 с начала 1995 года. Это значит, что последний представитель поколения I родился примерно между 2009 и 2015 годами, а если взять среднее арифметическое, то в 2012 году. Со временем границы могут сместиться, но период с 1995 по 2012 год можно уверенно взять за основу. Очень многое зависит от того, как будут развиваться новые технологий в ближайшие 10 лет и смогут ли они повлиять на новое поколение так же сильно, как смартфоны. Если учесть предложенный нами диапазон с 2009 по 2012 год, то первый айдженер закончил школу в 2012-м, а последний это сделает в 2030 году (см. рис. 0.1).

Надо понимать, что временные границы поколений достаточно условны, поскольку не существует точных научных знаний или общепринятого мнения, позволяющего их определить. Также необходимо учитывать, что люди, родившиеся на самом стыке поколений, растут в одинаковой культурной среде и имеют одинаковый жизненный опыт, а представителей одного поколения могут разделять десять и более лет, и, следовательно, они могут иметь совершенно

разные ценности. Но тем не менее разграничивать поколения и давать им названия можно и нужно. Несмотря на все условности и неточности, классифицировать поколения так же необходимо, как необходимо проводить государственные границы, устанавливать возраст совершеннолетия или классифицировать типы личности, поскольку это позволяет весьма точно описывать различные группы людей. Независимо от того, какой именно год мы возьмем за точку отсчета, очень важно разобраться, почему люди, рожденные в середине 1990-х, так сильно отличаются от тех, кто появился на свет всего на несколько лет раньше.

Название поколения

Поколение I (iGen) — это лаконичное, но в то же время полное и сравнительно нейтральное название. Один автор даже назвал его «мягким и пресным», но в этом и заключается его сила. Название должно быть достаточно емким и точным, чтобы одним словом описать большую группу очень разных людей, и одновременно достаточно нейтральным, чтобы его приняли как сами представители поколения, так и их предшественники. Также название должно подчеркивать ключевую особенность поколения. В случае с iGen слова iPhone и internet справляются с этой задачей более чем успешно. По мнению авторитетного журнала AdvertisingAge, имя iGen идеально подходит постмиллениалам. «Мы полагаем, что это самое точно название, потому что оно позволяет наилучшим образом понять это поколение», — заявил газете USA Today директор по стратегии журнала Advertising Age Мэтт Кармайл.

В качестве варианта предлагалось название Поколение Z, однако его нельзя признать удачным. Оно имеет смысл только при условии, что перед ним в алфавитном порядке идет Поколение Y, а это название не прижилось, и в настоящее время вместо него повсеместно используется термин «миллениалы», поэтому ярлык «Поколение Z» можно считать неуместным по умолчанию. Также надо учесть, что молодежи не нравится, когда их называют по аналогии со старшими. По этой причине имя беби-бастеры не подошло Поколению X, а Поколение Y не приклеилось к миллениалам. Название «Поколение Z»

является производным и потому глубоко вторичным, а удачным может быть только оригинальное и меткое прозвище.

Нил Хоу, который вместе с ныне покойным Уильямом Страуссом придумал термин «миллениалы», предложил назвать следующее поколение Хоумлендерами (Homelanders), имея в виду тот факт, что первые айджены пошли в школу в год основания Министерства внутренней безопасности США (Department of Homeland Security). Не думаю, что хоть одно поколение согласится быть названным в честь спецслужбы, сотрудники которой ежедневно заставляют разуваться пассажиров во время досмотра в аэропорту. Хоу также убежден, что новое поколение должно появиться не ранее 2005 года. Если учесть скорость развития технологий и упомянутых выше трендов, это утверждение представляется неубедительным. Предлагались и другие названия. В 2015 году опрошенные MTV тинейджеры выбрали для себя имя «основатели» (the Founders). Но «основатели» чего? Вопрос риторический.

Насколько мне известно, я первой использовала термин iGen для описания поколения постмиллениалов, упомянув его в первом издании своей книги «Поколение Я» в апреле 2006 года. В 2010 году я открыла компанию «iGen Consulting».

Данные

Наши знания о поколении I только сейчас начинают обретать форму и наполняться ясным содержанием. Допустим, некий опрос покажет, что 29 % тинейджеров равнодушны к религии или 86 % из них боятся остаться без работы. Проблема в том, что бессистемные однократные опросы просто фиксируют типичные для всех подростков страхи. Беби-бумеры в 1970-х и подростки Поколения X в 1990-х наверняка точно так же сторонились религии и испытывали страх перед безработицей. Полученные в ходе случайного опроса данные не имеют смысла, если их не с чем сопоставить. Они ничего не скажут нам о культурных изменениях, характерных чертах и индивидуальном опыте айдженов. Несмотря на это, все книги и статьи о поколении I до самого последнего времени опирались исключительно на результаты подобных опросов.

В некоторых опросах принимают участие представители разных поколений. Уже лучше, но этого все равно недостаточно, поскольку ни один из них не способен отделить возрастной фактор от поколенческого. Скажем, в ходе некоего исследования выясняется, что айдженеры заводят дружбу с коллегами по работе чаще, чем представители поколения X. Какой из этого следует вывод? Возможно, дело в том, что первые молоды и одиноки, а вторые давно женаты. Возможно, нет. Подобного рода опросы также не дают нам правильного ответа. К сожалению, фиксация особенностей различных возрастных групп ничего не говорит о произошедших за многие годы изменениях, например о том, изменилась ли мотивация молодых работников или студентов за последние десять лет или нет.

Чтобы понять, в чем заключается уникальность нового поколения, мы должны сравнивать айдженеров с их сверстниками из прошлого, а для этого нужны данные многолетних наблюдений. В этой книге я тщательно анализирую опросы, в которых молодым людям из года в год задавали одни и те же вопросы.

В основном я пользовалась четырьмя базами данных. Первая из них — это Monitoring the Future (MtF). В ней собраны ответы более чем на тысячу вопросов, которые ученикам двенадцатых классов ежегодно задавались начиная с 1976 года, а ученикам восьмых-девярых классов — с 1991 года. База The Youth Risk Behavior Surveillance System ведется федеральным агентством Центра по контролю и профилактике заболеваний США, которое опрашивает старшеклассников с 1991 года. База The American Freshman (AF) Survey ведется институтом Higher Education Research Institute, который изучает мнение первокурсников колледжей и университетов начиная с 1966 года. И, наконец, в базе General Social Survey собраны ответы на вопросы, которые задавались самым разным людям старше 18 лет начиная с 1972 года. Благодаря этим опросам нам известно, что волновало школьников беби-бумеров в 1970-х, как Поколение X зажигало в 1980–1990-х, как миллениалы пробивали себе путь в 2000-х, а айдженеры вызвали переполох в 2010-х.

Сравнивая таким образом поколения, мы можем точно узнать, что думали молодые люди сами о себе, а не просто полагаться на воспоминания повзрослевших людей о старых добрых временах. Мы можем видеть различия, которые обусловлены культурными

изменениями, а не возрастом. От них нельзя отмахнуться, сказав, что «молодежь всегда была такой». На самом деле эти опросы показывают, что современные молодые люди очень сильно отличаются от молодежи прошлого. Сравнительная новизна материалов дает нам возможность буквально в прямом эфире подсматривать за тем, как формируется идентичность айдженеров, как они начинают вырабатывать и высказывать свое собственное мнение и искать место в жизни.

Эти базы данных имеют еще три важных особенности. Во-первых, за несколько десятков лет миллионы американцев анонимно ответили на сотни самых разных вопросов, в результате чего накопилась колоссальная по объему информация. Во-вторых, организаторы позаботились о том, чтобы участники в полной мере представляли собой все население страны с точки зрения пола, расы, места жительства и социальноэкономического статуса. Из этого следует, что полученные выводы можно экстраполировать на всю американскую молодежь (в случае со студентами на всех студентов). В-третьих, вышеуказанные массивы данных транспарентны, поскольку они бесплатно доступны онлайн любому желающему. Эти опросы являются национальным достоянием и неотъемлемой частью Big Data и дают нам представление о жизни и убеждениях как прошлых поколений американцев, так и айдженеров. Имея в своем распоряжении такие основательные данные, нам больше нет необходимости полагаться на шаткие однократные исследования для того, чтобы понять поколение I.

Опросы репрезентативны на национальном уровне, и по ним можно судить не просто о разрозненных группах, а об американской молодежи в целом. Разумеется, демографическая ситуация непрерывно меняется. Например, по сравнению с прошлыми десятилетиями сейчас стало больше латиноамериканцев. Интересный вопрос — можно ли объяснить произошедшие поколенческие изменения исключительно этими демографическими изменениями? Точно ответить непросто, но задуматься стоит. По этой и другим причинам я изучила, насколько тренды свойственны всем группам (например, черным, белым и латиноамериканцам; девочкам и мальчикам; жителям Северо-Востока, Среднего Запада, Юга и Запада; жителям городов, пригородов и сельской местности; обладателям низкого и высокого социо-

экономического статуса — в частности, наличие высшего образования у родителей). За редким исключением они оказались общими для всех демографических групп — бедных и богатых тинейджеров всех национальностей и независимо от того, живут они в крупных городах, пригородах или в глубокой провинции.

Пройдите приведенный ниже тест, чтобы составить краткое представление о том, что такое поколенческие различия, и узнать, насколько ваши взгляды, убеждения и жизненный опыт близки и понятны поколению I. Неважно когда вы родились, — узнайте, насколько вы айдженер.

Демография и Мир

К поколению I, то есть всем родившимся в период с 1995 по 2012 год, относится 74 миллиона американцев, или около 24 % населения США. Другими словами каждый четвертый американец является айдженером — мы просто обязаны их понять. Поколение I является самым этнически диверсифицированным поколением за всю историю США: 25 % латиноамериканцев и 5 % мультирасовых людей. Белые в целом составляют абсолютное большинство — 53 %, однако ситуация меняется, и в период с конца 2009 по 2012 год их родилось менее 50 %. Таким образом, небелое население, рожденное за это время, впервые оказалось в большинстве.

Это означает, что ни одна группа не обладает большинством. Фактически это и есть определение диверсифицированного общества. Следующее поколение, то есть поколение, рожденное после 2012 года, станет первым, в котором небелое население получит абсолютное большинство.

В настоящей книге использованы результаты американских социологических исследований, поэтому сделанные выводы нельзя механически переносить на другие страны. Вместе с тем зафиксированные в США поколенческие сдвиги наблюдаются и в других культурах. По всему миру ученые фиксируют одинаковые тренды, что подтверждается все новыми и новыми исследованиями. Интернет и смартфоны появились в индустриально развитых странах в то же время, что и в США, поэтому можно предположить, что и последствия будут схожими.

***Пройдите этот тест, чтобы узнать насколько вы
айдженер. На вопросы следует отвечать «ДА» или
«НЕТ»***

_____ 1. За последние 24 часа вы как минимум один час потратили на написание сообщений с помощью мобильного телефона?

_____ 2. У вас есть аккаунт в Snapchat?

_____ 3. Вы считаете себя религиозным человеком?

_____ 4. Вы получили водительское удостоверение до того, как вам исполнилось 17 лет?

_____ 5. Вы поддерживаете легализацию однополых браков?

_____ 6. Вы употребляли алкоголь (больше чем просто несколько глотков), до того, как вам исполнилось 16 лет?

_____ 7. У вас были конфликты с родителями в подростковом возрасте?

_____ 8. Более трети ваших одноклассников по средней школе были представителями другой расы?

_____ 9. В средней школе вы почти каждые выходные встречались по вечерам с друзьями?

_____ 10. Вы работали в течение учебного года, когда учились в средней школе?

_____ 11. Вы согласны с тем, что безопасные пространства и предупреждения о триггерах (предупреждения о потенциально неприемлемом содержании материалов) — это хорошая идея, а также с тем, что эти меры способствуют снижению микроагрессии?

_____ 12. Вы политически независимы (не принадлежите к Республиканской или Демократической партии)?

_____ 13. Вы поддерживаете легализацию марихуаны?

_____ 14. Вы одобряете сексуальные отношения без чувств?

_____ 15. В средней школе вы часто чувствовали себя одиноким и никому не нужным?

Подсчет результатов. Поставьте 1 балл за каждый ответ «Да» на вопросы 1, 2, 5, 8, 11, 12, 13, 14 и 15. Поставьте 1 балл за каждый ответ «Нет» на вопросы 3, 4, 6, 7, 9 и 10. Чем больше вы наберете баллов, тем больше по своим взглядам, убеждениям и представлениям вы относитесь к поколению I.

Контекст

Чтобы конкретизировать и уточнить свои вычисления, я плотно общалась с реальной молодежью. Во-первых, я взяла лично или по телефону 23 интервью, которые длились до двух часов. Меня интересовали мысли собеседников о поп-культуре, социальной жизни тинейджеров, текущих событиях, противоречиях и столь важных для них смартфонах. Это были молодые люди в возрасте от 12 до 20 лет — белые, черные, азиаты, латиноамериканцы и выходцы с Ближнего Востока; жители Вирджинии, Коннектикута, Иллинойса, Огайо, Техаса, Миннесоты, Джорджии и Калифорнии; ученики средних школ и студенты колледжей, которые не относятся к числу элитных. Кроме того, я разместила опросники на сайтах вроде Amazon's MTurk Requester, провела опрос 250 первокурсников факультета психологии Государственного университета Сан-Диего, в котором я преподаю, и обсудила различные насущные проблемы со своими выпускниками. Также я подчерпнула много информации из газет, выпускаемых разными университетами и колледжами. Необходимо подчеркнуть, что эти источники не являются достаточно репрезентативными и не могут заменять собой данные полноценных социологических исследований. В них представлен опыт конкретных айдженов, по которым нельзя судить обо всем поколении. Данные, полученные в ходе социологических опросов, остаются золотым стандартом, а интервью и эссе призваны их иллюстрировать, но не подменять. Вместе с тем они помогают увидеть за цифрами живых людей. Поколение I начинает менять мир, и оно заслужило право быть выслушанным в дополнение к тому, чтобы быть понятым эмпирическим путем.

Работая над книгой «Поколение Я», посвященной миллениалам, я была немногим старше тех, о ком писала, и на меня влияли те же самые культурные феномены. Обе мои книги основаны на строгих данных социологических опросов, однако в первой из них отразилась часть моей жизни. В этой книге все по-другому. Сейчас я старше любого из тинейджеров на 25–30 лет (я огорчилась, когда один из интервьюируемых студентов сказал, что я похожа на его мать. Как выяснилось, мы были с ней одного возраста). Теперь я скорее наблюдатель, нежели участник. Впрочем, у меня изменился и взгляд на вещи: мои дочери родились в 2006, 2009 и 2012 годах. Я своими

глазами наблюдала за тем, как едва научившийся ходить ребенок с уверенным видом осваивает iPad. В шесть лет одна из дочерей попросила купить ей сотовый телефон, а в семь рассказывала о новом приложении для смартфона. Надеюсь, что мои дети будут чаще прислушиваться к моему мнению, если предложенное мной название их поколения приживется и станет общепринятым.

В этой книге айдженеры рассказывают — неважно в опросах или коротких интервью — сами о себе. В книге вы найдете сотни графиков и сможете составить наглядное представление не только об айдженерах, но и миллениалах, поколении X и беби-бумерах. Графики составлены на основе огромного массива данных и занимают совсем немного места (один график стоит тысячи слов). Благодаря составленным мною графикам, вы своими увидите, как когда-то стабильные тренды начали резко меняться в 2011 году.

Пояснения

Мне, как ученому, исследователю поколений, часто задают такие вопросы: «Почему вы обвиняете во всем детей? Разве это не ошибка родителей?» (или «Беби-бумеров?» или «Поколения X?») Этот вопрос содержит две ложные посылки: во-первых, предполагается, что все изменения негативны по своей природе; во-вторых, подразумевается, что все изменения можно объяснить одним-единственным фактором, в частности влиянием родителей. Это неверно. Некоторые изменения положительны, некоторые отрицательны, а многие имеют как свои плюсы, так и минусы. Людям свойственно видеть различные явления в черном или белом цвете, но в случае с культурными изменениями необходимо различать оттенки и полутона. Учитывая, что многие особенности нового поколения являются позитивными или как минимум нейтральными, такие слова как «обвинять» или «ошибка» не имеют никакого смысла. Более того, они контрпродуктивны, поскольку вместо того, чтобы понять и оценить тренды, мы начинаем заниматься поиском виновных. Также следует учитывать, что культурные изменения нельзя объяснить одной причиной. Помимо родителей, существуют технологии, СМИ, бизнес, образование, которые вместе создают новую культуру, новые условия, в корне отличающиеся от тех, в которых проживали наши родители и деды. Виноваты либо все, либо

никто. Меняется культура — меняется поколение. Это очень важно понимать. Мы все плывем в одной лодке, а не принимаем участие в конкурсе на звание лучшего поколения.

Выявив некие особенности нового поколения, логично задать вопрос: чем они обусловлены? Найти правильный ответ не так просто. В науке золотым стандартом, позволяющим обнаружить закономерности, является эксперимент, участники которого отбираются в случайном порядке и помещаются в различные условия. В нашем случае это означает, что люди должны родиться заново в другое, произвольно выбранное для них время, но эта миссия невыполнима. Другой доступный нам научный метод — это «двухшаговый процесс» (two-step process). Во-первых, два явления должны коррелировать друг с другом. Например, мы можем выяснить, действительно ли подростки, проводящие много времени в социальных сетях, более склонны к депрессии. Во-вторых, оба явления должны изменяться одновременно и пропорционально. Если продолжительность нахождения в социальных сетях и уровень депрессии растут в течение года, то, весьма вероятно, они взаимосвязаны. Если нет (скажем, одни показатели меняются, а другие нет), то, вероятно, они не связаны. Такой подход помогает, по крайней мере, исключить мнимые закономерности, хотя он тоже не идеален. Он дает зацепки, но не позволяет в полной мере установить все причины.

Еще одно уточнение — все приведенные в настоящей книге цифры являются средними. Например, нам достоверно известно, что средний айдженер проводит в Интернете больше времени, чем средний миллениал в 2005 году, однако некоторые современные подростки, разумеется, могут сидеть в Интернете реже, чем некоторые миллениалы, — эти две группы частично пересекаются. Однако, говоря о «среднем» айдженере, мы не хотим сказать, что все представители одного поколения абсолютно одинаковы. Но почему нельзя в целях статистики каждого человека рассматривать индивидуально? Почему мы говорим «средний» айдженер, а не «конкретный» Джон? Ответ прост — если вы собираетесь анализировать огромные массивы данных, то это в принципе невозможно. Статистика опирается на средние величины, поскольку без их использования невозможно сравнивать различные группы людей. Именно по этой причине ученые в большинстве случаев

оперируют средними величинами. Это не стереотип, а строго научный метод. Ошибочным стереотипом как раз является предположение, что любой член группы в полной мере представляет ее. Недопустимо критиковать ученых за то, что они обобщают и пользуются словом «все», говоря обо всем поколении в целом. Избыточное обобщение связано с ошибочной интерпретацией, а не с данными как таковыми.

Могут ли культурные изменения затрагивать всех людей, а не только айдженеров? Во многих случаях так и происходит. Это явление называется временным несовпадением или культурным изменением, которое влияет на всех людей независимо от возраста. В чистом виде указанный эффект встречается сравнительно редко, поскольку получение нового опыта и знаний зависит от возраста. В первую очередь культурные изменения затрагивают молодежь и только потом старшие поколения. Смартфоны и социальные сети наглядно демонстрируют это правило. Тем не менее эта книга посвящена современной молодежи, которая заметно отличается от своих предшественников — подростков беби-бумеров, представителей поколения X и миллениалов.

Перспективы

Куда идут айдженеры, туда идет страна. Родители хотят знать, как постоянное использование смартфонов повлияет на умственные способности, эмоции и отношения их детей. Большинство студентов колледжей уже являются айдженерами. Они приходят в студенческие кампусы со своими ценностями, взглядами и смартфонами. Не миллениалы, а молодые специалисты-айдженеры скоро начнут доминировать на рынке труда, что может заставить врасплох работодателей, которые имеют весьма смутное представление о новом поколении. Предпочтения айдженеров уже меняют рынок товаров и услуг, а вскоре они начнут доминировать в самом прибыльном его сегменте, рассчитанном на потребителей от 18 до 29 лет. Их политические взгляды окажут влияние на избирательную систему и приведут к изменению законодательства, а также внутренней и внешней политики. Количество заключаемых ими браков и уровень рождаемости повлияет на демографический баланс страны и покажет, смогут ли молодые работники в полной мере заместить выходящих на

пенсию представителей поколения X и миллениалов. Поколение I идет в авангарде, и от него зависят колоссальные изменения, ожидающие США. Их поведение определяется Интернетом, индивидуализмом, финансовым неравенством и другими культурологическими факторами. Понять поколение I — значит понять наше будущее.

Что в них такого особенного?

Глава 1. Спешить некуда: медленное взросление

Ясным осенним днем я приезжаю в среднюю школу, расположенную в окрестностях Сан-Диего, и прохожу в кабинет психологии. Учитель напоминает ученикам о предстоящих в понедельник экзаменах и говорит, что у них остался один день на повторение пройденного материала. Пока мы передвигаем две парты в коридор, учитель копается в документах. Наконец он находит расписку от родителей и вызывает школьницу по имени Азар. Длинноволосая брюнетка поднимает руку и отвечает «Да!».

Азар настроена позитивно и излучает оптимизм. Разговаривает она в столь любимой калифорнийскими тинейджерами быстрой и монотонной манере.

Она неожиданно спрашивает с восторгом:

— Вы смотрели фильм «Шпион»? Это так круто.

Когда я интересуюсь, есть ли у нее сейчас любимая песни, она отвечает:

— Да, Wildest Dreams Тейлор Свифт, Blank Space Тейлор Свифт и Bad Blood той же Тейлор Свифт.

— Тебе нравится Тейлор Свифт?

— Ну я бы так не сказала. Просто знаю все ее песню наизусть.

— А любимая книга?

— «Гарри Поттер» — мое все. Обожаю его.

Затем она сообщает, что у нее нет водительского удостоверения и в школу ее возит мама.

Учитывая заикленность на Тейлор Свифт, любовь к Гарри Поттеру и то, что в школу ее возит мама, можно предположить, что Азар лет 14. Это не так. Ей уже 17.

Азар очень медленно взрослеет и пока не готова брать всю ответственность за свои поступки на себя. Можно предположить, что она является исключением: учитывая доступность порнографии в Интернете, откровенные наряды школьниц на Хеллоуин и то, что семиклассники выпрашивают у своих сверстниц обнаженные

фотографии, многие считают, что современные дети и подростки взрослеют очень быстро.

Детства больше нет. Им доступен мир взрослых, и они считают себя его частью.

Директор одной из средних школ Бруклина

Многие уверены, что современные тинейджеры достигают зрелости, как никогда, быстро. Так ли это?

(Не) гуляю с друзьями, (не) хожу на свидания, (не) занимаюсь сексом

В пятницу вечером я подхожу к аккуратному загородному дому и стучу в дверь. Мне открывает четырнадцатилетняя Прия. Она симпатичная длинноволосая американка индийского происхождения, которая совсем недавно перешла в девятый класс старшей школы, расположенной в окрестностях Сан-Диего. Пока мы сидим за обеденным столом, ее мать предлагает стакан воды со льдом, а я рассматриваю комнату и замечаю большое количество учебников и розовый калькулятор. Прия уже демонстрирует успехи в школе и является отличницей. Я спрашиваю, как она проводит время с друзьями.

Иногда мы ходим в кино или... иногда выбираемся куда-нибудь пообедать. Обычно с нами идет, типа, один или двое родителей. Это зависит от того, сколько нас.

Гулять вместе с родителями и друзьями прикольно.

Они выбирают интересный для всех фильм, говорит Прия, и идут в кинотеатр в сопровождении родителей так, словно все еще учатся в начальной школе.

Я приезжаю на встречу с пятнадцатилетним Джеком. Он учится в десятом классе школы, расположенной в пригороде Миннеаполиса, и сейчас он только что вернулся домой с уроков. Мы уже общались несколько раз лично во время моих поездок в Миннесоту. Джек серьезный белый молодой человек с темными волосами и скромной улыбкой, который очень любит свою семью. Когда я задаю вопрос о

просмотренных за последнее время фильмах, он называет два, оба из которых он смотрел с родителями. Тогда я интересуюсь, ходит ли он в кинотеатр с друзьями хотя бы изредка. «Где ты тусуешься с друзьями и чем вы обычно занимаетесь?» — спрашиваю я. «Не знаю. Бегаем вместе, — отвечает он. — Мы либо плаваем у меня дома в бассейне, либо я хожу к ним в гости». Я спрашиваю, устраивают ли они вечеринки. Немного подумав, Джек вспоминает, как однажды летом они собрались дома у кого-то из друзей и играли в волейбол, при этом родители все время были рядом. По выходным он, как правило, бегают или проводит время с родителями.

Я спрашиваю:

— Ты ходишь куда-нибудь без них?

— Ну на футбол... На самом деле нет.

Образ жизни Прии и Джека становится нормой: представители поколения I все реже выбираются из дому без родителей. Впервые зафиксированный у миллениалов, этот тренд резко усилился с появлением поколения I (см. рис. 1.1). Цифры потрясающие. В 2015 году двенадцатиклассники гуляли без родителей реже, чем восьмиклассники в 2009 году. Другими словами, восемнадцатилетние школьники гуляют без родителей реже, чем четырнадцатилетние дети всего шесть лет назад.

Рис. 1.1. Сколько раз в неделю ученики 8, 10 и 12-х классов гуляют без родителей.

Monitoring the Future, 1976–2015

Это снижение никак не связано с изменением расового состава населения: белые тинейджеры также следуют этому тренду. В равной степени тренд затронул школьников как из рабочего, так и из среднего класса. Тренд никак не связан с рецессией: после начавшегося в 2012 году восстановления экономики число самостоятельных прогулок продолжило снижаться. Наиболее вероятной причиной следует признать смартфоны, которые появились у большинства подростков в 2011–2012 годах.

Как бы то ни было, результат остается неизменным: тинейджеры все реже познают окружающий мир самостоятельно, вследствие чего теряют всякое желание взрослеть, быть независимыми и нести ответственность за свои поступки.

Прямо противоположная ситуация наблюдалась в 70-х, в период взросления беби-бумеров. Билл Йейтс недавно опубликовал книгу с фотографиями подростков, которых он снимал в начале 70-х на площадке для катания на роликовых коньках, расположенном неподалеку от города Тампа, штат Флорида. На одной из фотографий

стоит голый по пояс тинейджер с большой бутылкой мятного шнапса за поясом. На другой — мальчишка позирует с зажженной сигаретой во рту. На нескольких фотографиях можно увидеть целующиеся парочки. По словам Йейтса, улизнув из-под опеки родителей, тинейджеры создавали на катке собственную модель взрослого мира, в котором можно было пить алкоголь, курить и целоваться на заднем сиденье своих машин. Казалось бы, на фотографиях нет ничего необычного — типичные для 70-х клетчатые брюки, широкие ремни, длинные волосы, — однако меня поразило то, насколько самостоятельно и независимо выглядят все запечатленные на них подростки, включая самых младших. Они уверенно смотрят в камеру, потому что привыкли самостоятельно принимать решения и отстаивать их, даже если объективно или, по мнению родителей, они абсолютно неправы. Такими были беби-бумеры — поколение, взрослевшее во времена, когда родители радовались, что их дети покидают отчий дом, а возможность разбогатеть мало зависела от наличия диплома.

Поцелуи на катке теряют популярность: дети поколения I ходят на свидания реже, чем их предшественники того же возраста (см. рис. 1.2). Число двенадцатиклассников, которые хотя бы раз в жизни были на свидании, снизилось в два раза со времен беби-бумеров. В начале 1990-х примерно трое из четырех десятиклассников время от времени ходили на свидания, а в 2010-х только один из двух.

Старшеклассники, с которыми я проводила интервью, заверили меня, что до сих пор пользуются словом «свидание», следовательно, даже теоретическое изменение терминологии не могло повлиять на результаты. Если поколение X первый этап отношений называло «лайкинг» (liking): «О, смотри, ты ему нравишься», — то дети поколения I иронично называют его «переписки» (talking), иронично намекая на то, что они предпочитают писать сообщения, а не болтать по телефону. После того как молодые люди «поговорят» в мессенджере, они могут договориться о свидании и затем начать встречаться.

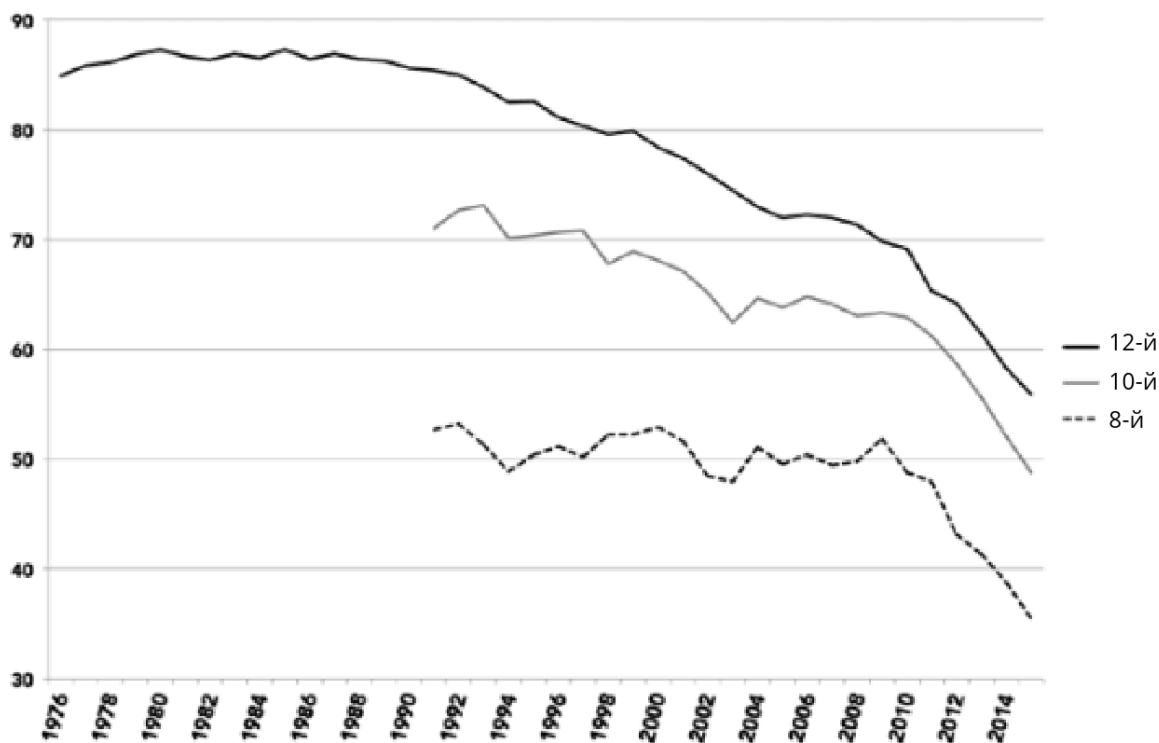

График 1.2. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, когда-либо ходивших на свидания.

Monitoring the future, 1976–2015

Четырнадцатилетняя жительница Миннесоты Эмили говорит, что некоторые из ее друзей ходят на свидания. Я спросила, как это выглядит.

Ходят друг к другу в гости или занимаются шопингом.

Обычно девушка что-нибудь покупает, а парень ее типа сопровождает.

Я расхохоталась и объяснила ей, что пожилые люди занимаются на свиданиях тем же самым.

У восемнадцатилетней жительницы штата Огайо Хлои было два молодых человека. По ее словам, в обоих случаях отношения начались на одну треть благодаря мессенджерам и социальным сетям (этап «переписки») и на две трети благодаря личным встречам. Таким образом, возможны ситуации, когда молодые люди считаются парой, но при этом сравнительно редко общаются лично. В других случаях родители могут отличаться гиперопекой, которая в прошлом встречалась реже.

Мой папа постоянно твердит, что встречаться с парнями в школе — это глупость и что никто в моем возрасте не должен ходить на свидания. Мне всегда было любопытно, почему он так считает, ведь сам он познакомился с мамой в десятом классе, и с тех пор они вместе. Когда я напоминаю им об этом, они отвечают, что были тогда слишком глупыми.

Лорен, девятнадцать лет

Другие подростки, особенно мальчики, говорят, что они боятся приглашать девушек на свидание.

Не. Я в эти игры не играл. В средней школе мне просто не доставало уверенности, поэтому о подруге я мог только мечтать.

Майк, восемнадцать лет

Общее снижение количества знакомств и свиданий напрямую связано с другим удивительным фактом: представители поколения I занимаются сексом реже, чем их сверстники в прошлом (см. рис. 1.3).

Число сексуально активных подростков наиболее заметно снизилось среди девятиклассников: почти в два раза по сравнению с 1990-ми. Среднестатистический тинейджер в наши дни получает первый сексуальный опыт в одиннадцатом классе, тогда как в 1990-е большинство подростков приобретали такой опыт в десятом классе. Число двенадцатиклассников, занимавшихся сексом в 2015 году, снизилось на 15 % по сравнению 1991 годом.

Нежелание подростков заниматься сексом создало один из самых важных, по мнению многих людей, молодежных трендов последних лет: в 2015 году рождаемость среди девушек-тинейджеров снизилась более чем в два раза по сравнению с пиковыми значениями начала 1990-х. В 2015 году только 2,4 % девушек в возрасте от 15 до 19 лет имели ребенка, тогда как в 1992 году таких было 6 %. Следовательно, чем реже они занимаются сексом, тем реже они беременеют и рожают в подростковом возрасте.

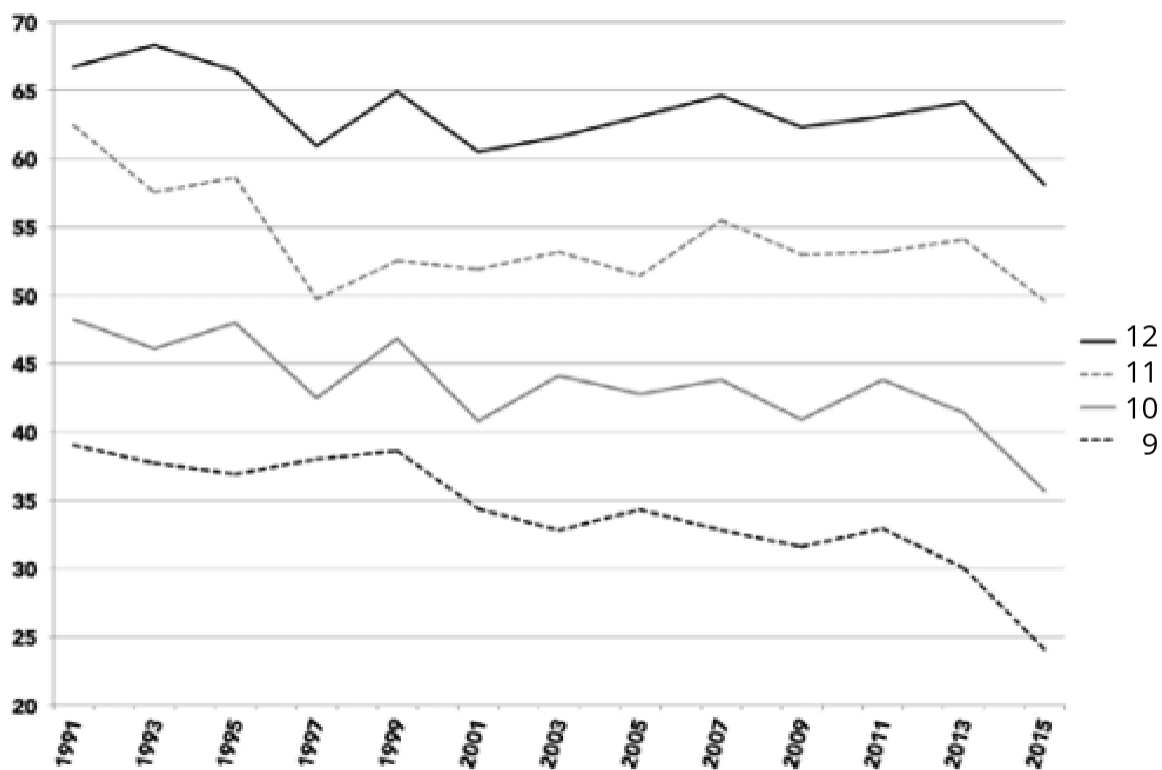

Рис. 1.3. Процент старшеклассников когда-либо занимавшихся сексом. Youth Risk Behavior Surveillance System, 1991–2015

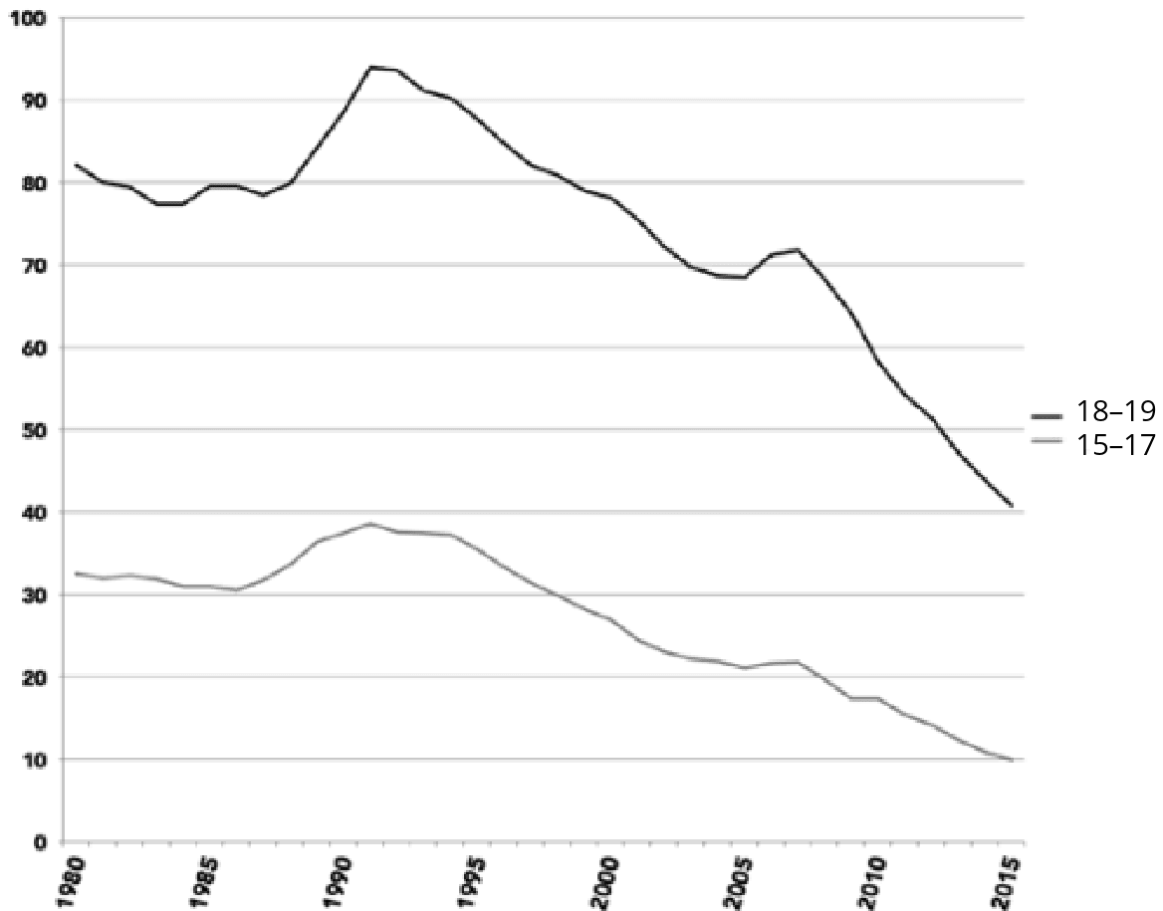

Рис. 1.4. Рождаемость среди девушек в возрасте 15–17 и 18–19 лет (на 1000 девушек соответствующего возраста). Centers for Disease Control, National Center for Health Statistics, 1980–2015

Идея стать матерью или отцом не кажется привлекательной современным подросткам.

Низкая рождаемость среди тинейджеров резко контрастирует с послевоенным периодом, например в 1960-х 9 % девушек-тинейджеров имели детей. Впрочем, в те времена большинство из них были замужем; так, в 1960-х средний возраст вступления в первый брак составлял 20 лет. Выходит, что в 1960-е примерно 50 % женщин впервые выходило замуж в подростковом возрасте — ситуация немыслимая сегодня, но абсолютно нормальная в те времена. Вопросы брака и рождения детей не актуальны для среднестатистического тинейджера. В восьмой главе мы более подробно изучим эту тему, а также выясним, изменяют ли они отношение к сексу в зрелом возрасте. В целом снижение сексуальной активности и падение уровня

подростковых беременностей является еще одним признаком медленного взросления поколения I: тинейджеры не спешат начинать половую жизнь и иметь детей точно так же, как они не спешат посещать кинотеатры и магазины без родителей или ходить на свидания.

Интерлюдия о том, почему тинейджеры не хотят быть взрослыми и почему в этом нет ничего плохого или хорошего

Должно быть, вам интересно знать, почему подростки не хотят делать обычные для взрослого вещи, например ходить в кино без родителей или заниматься сексом, и является ли медленное взросление позитивным или негативным трендом. Разобраться в этих вопросах нам поможет теория жизненных стратегий (life history theory), согласно которой скорость взросления зависит от того, где и в каких условиях человек растет. Или, выражаясь научным языком, скорость развития зависит от культурного контекста.

Современные тинейджеры выбрали стратегию «медленной жизни» (slow life strategy), распространенную в обществах, в которых принято иметь мало детей и при этом уделять большое внимание их воспитанию и образованию. В полной мере это относится к США, где на одну семью в среднем приходится два ребенка, которые уже в три года могут заниматься спортом, а в начальной школе, как мне кажется, начинают думать о поступлении в колледж. Теперь сравните это со стратегией «быстрой жизни» (fast life strategy), в рамках которой родители с большим количеством детей думают скорее об их пропитании, чем об образовании. Эта стратегия подразумевает заботу о дне сегодняшнем, а не завтрашнем. Стратегия быстрой жизни получила широкое распространение в эпоху беби-бумеров. В те времена трудосберегающие устройства еще не получили широкого распространения, а женщины в среднем имели четырех детей, в результате чего многие из них были обычно предоставлены самим себе. Когда мой дядя рассказал о том, как в восемь лет он купался нагишом в реке, я в первую очередь удивилась, как родители могли это допустить и почему их не было рядом. Потом я сообразила, что дело

было в 1946 году, у дяди было семь братьев и сестер, а родители весь день работали на ферме. Они должны были думать о выживании, а не о том, как научить своего ребенка играть на скрипке.

В соответствии с теорией жизненных стратегий ни одна из выбранных стратегий сама по себе не является хорошей или плохой, они просто существуют. Имейте это в виду при изучении трендов; изменения как таковые также не становятся плохими только потому, что они непривычны предыдущим поколениям. Например, в некоторых культурах свидания в школьном возрасте поощряются и оцениваются положительно, поскольку считается, что если молодой человек или девушка пользуются популярностью у противоположного пола, то, значит, они способны быстро подарить родителям внуков. В других культурах, наоборот, свидания в подростковом возрасте осуждаются, поскольку считается, что если школьница начинает рано ходить на свидания, то, значит, она интересуется только романтическими отношениями, а не поступлением в колледж. Таким образом, положительная или отрицательная оценка одного и того же явления зависит только от культурных особенностей конкретного общества. Полагаю, с такой же осторожностью следует использовать слова «зрелый» и «не зрелый». Частые встречи с друзьями — это признак зрелости или нет? А как быть с сексом? Развешивая ярлыки, мы упускаем главное — тинейджеры в наши дни просто иначе развиваются, и дело не в том, плохие они или хорошие, зрелые или незрелые, а в том, что ключевые события в их жизни происходят позже, чем это у нас.

Еще один важный момент: почти все описываемые в настоящей главе поколенческие сдвиги произошли во всех без исключения демографических группах, соответственно, результаты социологических исследований дают нам полное представление обо всей американской молодежи. Общенациональные тренды фиксируются во всех группах: среди представителей рабочего и верхнего среднего класса, национальных меньшинств и белых, юношей и девушек, жителей мегаполисов, пригородов и небольших городков. Независимо от расы, места жительства и происхождения современная молодежь взрослеет, как никогда, медленно.

Водительские права

Я дозваниваюсь до девятнадцатилетнего Мэтью, который учится в небольшом колледже в Пенсильвании. Он родом из Новой Англии и хочет стать учителем истории в средней школе. Судя по доступным в Интернете фотографиям, этот долговязый молодой человек увлекается теннисом и имеет хорошо поставленный удар. В его плейлисте на Youtube можно найти видео группы Imagine Dragons и забавный ролик «Безглютеновая утка», в котором утка отказывается есть обычный хлеб и просит угостить ее тортильей из коричневого риса или крекерами из киноа. Во время разговора он четко и ясно излагает свои взгляды на социальные проблемы и рассказывает о любимых книгах по истории. Несмотря на то что управлять автомобилем можно с 16 лет, он не получал водительское удостоверение до 18 лет. В школу он ездил на автобусе или его подвозили родители.

— Почему ты так долго не получал права?

— Лень было этим заниматься. На самом деле, я еще сильно нервничал, потому что моя старшая сестра, а она очень умная, пару раз провалила экзамен. Я подумал, что уж если она не справилась, то у меня тем более ничего не получится. Да, я волновался и боялся провала.

Разумеется, подростки всегда боялись сдавать экзамен на права, но ради одного из символов взрослой жизни и свободы передвижения находили в себе силы справиться с волнением.

Мэтью наглядно демонстрирует типичный для представителей поколения I тренд: если беби-бумеры к окончанию школы имели водительское удостоверение практически поголовно, то в 2015 году права были только у 72 % двенадцатиклассников. Другими словами, каждый четвертый представитель поколения I так и не удосуживается получить права до окончания средней школы (см. рис. 1.5). Для многих мама является настолько удобным шофером, что они не видят смысла учиться ездить на машине.

Родители меня возили, куда мне было надо, и никогда не жаловались. К 18 годам большинство моих друзей имели права, но мне они были ни к чему. Я их получила только после того, как мама сказала, что больше не может возить меня в школу.

Ханна, двадцать один год

Права у Ханны появились лишь через полгода после того, как ей исполнилось 18 лет. Другие представители поколения I также говорили, что сдавали экзамены на право управления автомобилем только под нажимом родителей — абсолютно немыслимая в прошлом ситуация. Хуану 19, и он до сих пор не имеет прав, потому что «родители меня не заставляют их получать».

У меня от таких слов отвисла челюсть. В мое время все было с точностью наоборот: мы мечтали получить права, а родители просили не торопиться. В комедии 1988 года «Водительские права» персонаж Кори Хейма не смог сдать экзамен на получение водительского удостоверения, но это не помешало ему однажды вечером забрать машину отца (родители ничего не замечают, потому что его мать должна вот-вот родить четвертого ребенка — отличная иллюстрация к теории жизненных стратегий). Герой Кори Фельдмана произносит пламенную речь о великом смысле, скрытом в обладании водительскими правами, и том, что без них невозможно пригласить девушку на свидание и обрести независимость.

Ты стоял и смотрел, как самые красивые девушки уезжают на машинах всяких придурков. Это унижительно, я знаю, о чем говорю, но все плохое заканчивается. Эта штукovina в твоём бумажнике не обычный кусок бумаги.

Это водительские права! Это право на жизнь, свободу, право ездить с кем угодно, когда угодно и куда угодно!

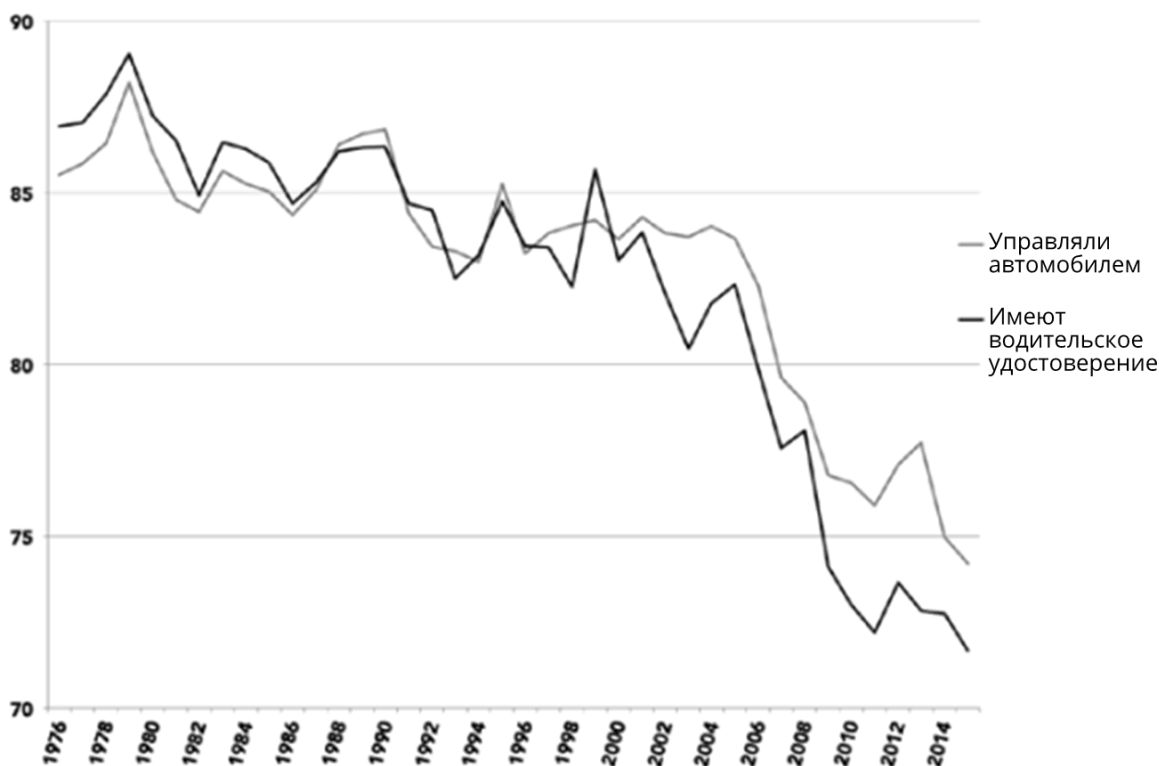

Рис. 1.5. Процент двенадцатиклассников, которые хотя бы раз в течение прошедшего года управляли автомобилем и у которых есть водительское удостоверение. Monitoring the Future, 1976–2015

Пока он говорит, фоном играет патриотическая музыка.

В свою очередь, подростки поколения I, задумавшись о получении прав, говорят: «Да ну их».

Может быть, подростки стали реже водить машины из-за появления таких сервисов, как Uber и Lyft? Маловероятно. Во-первых, эти сервисы требуют, чтобы пассажирам было не менее 18 лет, поэтому большинство старшеклассников не может ими пользоваться самостоятельно. Кроме того, Uber начал работать в 2009 году, Lyft — в 2012 году, а количество подростков, желающих получить водительские права, стало снижаться гораздо раньше. Так же надо учитывать, что Uber обычно недоступен в пригородах и сельской местности. Наиболее стабильно снижается количество водительских удостоверений, выдаваемых жителям пригородов, — надо полагать, все дело в родителях, которые сами возят своих отпрысков.

Известно, что в 2000-х годах в некоторых штатах изменились правила дорожного движения. Эти изменения могут сказаться на

совсем юных тинейджерах, но вряд они ли способны объяснить тренды, характерные для старшекласников: опросы проводятся весной, а значит, почти всем участникам на этот момент исполнилось как минимум 17 лет, а большинству — 18 (что интересно, за период с 1992 по 2015 год количество восемнадцатилетних респондентов выросло с 53 % до 57 %). По состоянию на 2016 год в 49 штатах (за исключением Нью-Джерси) разрешено самостоятельно, без сопровождения взрослых управлять автомобилем с 16 с половиной лет (в некоторых случаях действует запрет на ночную езду и перевозку пассажиров). Чтобы исключить влияние нового законодательства, можно изучить тренды, характерные для западного региона, где в большинстве штатов (одиннадцати из тринадцати, или в 85 %, включая Калифорнию) отсутствуют какие-либо ограничения для водителей старше 17 лет. Несмотря на это, количество подростков, не желающих иметь водительские права, выросло так же сильно или даже сильнее, чем в среднем по стране.

Если отвлечься от статистики получения прав, то можно заметить, что все чаще подростки вообще не хотят ездить за рулем. Во всех штатах разрешено управлять автомобилем с 14 до 16 лет при наличии ученических прав и в присутствии взрослого. Это значит, что к моменту участия в опросе буквально любой двенадцатиклассник мог иметь как минимум один год водительского стажа, и тем не менее каждый четвертый ни разу не садился к этому времени за руль. В подавляющем большинстве штатов (84 %) ученические права можно получить с 15 лет, а с 16 лет права можно получить во всех штатах без исключения. На момент окончания 10-го класса абсолютному большинству школьников уже исполнилось 16 лет, следовательно, они имеют право управлять автомобилем, однако в 2015 году впервые в истории большинство из них ни разу не сели за руль даже с ученическими правами. Этот тренд характерен для всех регионов, этнических групп и социоэкономических классов.

Один дома. На самом деле нет

В 2015 году пара из Мэриленда разрешила двум своим детям в возрасте шести и десяти лет самостоятельно пройти около мили от парка до дома. Кто-то заметил одиноко бредущих по улице детей и

вызвал полицию, в результате чего было открыто дело о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей, которое расследовала Служба защиты детей. История получила широкую огласку во многом благодаря интересу беби-бумеров, которые не забыли те времена, когда слонялись по улицам в том возрасте, который сейчас принято считать слишком юным для самостоятельных прогулок. Согласно проведенному в 2015 году опросу, 71 % взрослых заявили, что не позволят ребенку ходить в парк одному, но в то же время 59 % взрослых старше 30 лет заявили, что им самим родители не запрещали это делать. Одна моя подруга, типичная представительница поколения X, рассказывала, что самостоятельно ходила в детский сад, дважды в день пересекая железную дорогу. А сейчас стоит ее шестилетней дочери одной оказаться на улице в двух шагах от дома, как соседи оказываются рядом, поскольку думают, что она потерялась.

Практически любой представитель поколения X помнит, как, вернувшись из школы домой, он или она целый день были предоставлены самим себе, потому что родители допоздна задерживались на работе. Некоторые дети привыкали к самостоятельности со второго класса, а уж для старшеклассников это было обычным делом. В наши дни подростки все реже приобретают подобный опыт.

Рис. 1.6. Процент учащихся 8-х и 10-х классов, которые после школы весь день остаются дома без присмотра родителей. Monitoring the Future, 1991–2015

Сами по себе изменения не так уж велики, а вот направление тренда вызывает удивление, ведь в 2010-х матери работают полный рабочий день чаще, чем в 1990-х. Соответственно, количество тинейджеров, которые проводят много времени без родителей, должно было бы не уменьшаться, а увеличиваться (и вовсе не потому, что после школы они работают, ходят на дополнительные занятия или занимаются спортом; как мы выясним чуть позже, они отнюдь не стремятся найти работу, а время, уделяемое дополнительным занятиям, осталось неизменным). Тем не менее вышло так, что в силу разных причин подростки в возрасте от 14 до 16 лет не только все реже выбираются из дома без родителей, но и все чаще сидят с ними после школы дома.

Упадок рынка молодежного труда

Многие беби-бумеры и представители поколения X хорошо помнят тот день, когда они впервые потратили деньги, заработанные

собственным трудом (например, стрижкой газона или присмотром за чужими детьми). Так же отчетливо они помнят, как обналичили чек, полученный за работу в торговом центре, и потратили деньги на покупку модной одежды или нового альбома любимой группы.

Представители поколения I приобретают соответствующий опыт все реже. Количество работающих подростков за последнее время сильно сократилось: если в конце 1970-х только 22 % из них никогда не работали за деньги в течение учебного года, то к началу 2010-х таких стало в два раза больше (см. рис. 1.4). Количество работающих за деньги восьмиклассников снизилось вдвое. Падение ускорилось в годы Великой рецессии (2007–2009), однако ситуация несколько не улучшилась в посткризисный период, когда безработица упала до очень низкого уровня и работу стало найти значительно легче. Количество работающих тинейджеров самого младшего возраста неуклонно снижалось даже в условиях экономического бума. Также у подростков сократился рабочий день, например в 2016 году двенадцатиклассник, планирующий поступать в колледж, работал в среднем на 5 часов в неделю (40 минут в день) меньше, чем его сверстник в 1987 году.

Рис. 1.7. Процент учеников 8-х, 10-х, 12-х классов и первокурсников, имеющих постоянный заработок. Monitoring the Future and American Freshman Survey, 1976–2016

Тинейджеры стали реже работать даже летом. Если в 1980-х 70 % школьников устраивались на работу во время каникул, то в 2010-х — только 43 %. Этот спад никак нельзя объяснить нехваткой рабочих мест. Согласно данным Бюро трудовой статистики США, количество школьников, которые хотят, но не могут найти работу на лето, за прошедшие годы не изменилось, а количество не желающих работать удвоилось.

Может быть, тинейджеры мало работают и редко гуляют потому, что они стали больше времени уделять домашним заданиям, спорту, дополнительным занятиям и т. п.? Часто можно услышать, что американские школьники тратят все больше и больше времени на учебу, а школьная программа постоянно усложняется. Высказывается мнение, что они уделяют очень много времени в том числе на подготовку к поступлению в колледжи.

Это не так. Возьмем, к примеру, дополнительные занятия. Наиболее полное и точное представление о них можно составить по анкетам, которые студенты заполняют при поступлении в колледж, однако ничего особенного мы в них не находим. За многие годы время, затрачиваемое двенадцатиклассниками на факультативы или спортивные секции, практически не изменилось. Исключением является волонтерская деятельность, которая часто необходима для успешного окончания средней школы. Сейчас старшеклассники уделяют ей на 10 минут в день больше времени, чем их сверстники в конце 1980-х. Однако подъем волонтерского движения пришелся на 1980–1990 годы, т. е. задолго до того, как обозначился тренд на снижение интереса школьников к работе по найму. Таким образом, несмотря на возросшую популярность волонтерства, изменения слишком незначительны, чтобы ими можно было объяснить вышеуказанный тренд.

Как обстоят дела с домашними уроками? Оказывается, ученики восьмых, десятых и двенадцатых классов тратят на них меньше времени, чем их сверстники в начале 1990-х, а двенадцатиклассники, планирующие поступить в колледж, затрачивают столько же времени, как и раньше. В период с 2005 до 2015 год — именно на это время

пришлось наибольшее снижение интереса к оплачиваемому труду — творилась полная неразбериха: в 2015 году восьмиклассники тратили на выполнение домашних заданий на восемь минут меньше, чем в 2005-м, а десяти- и двенадцатиклассники, наоборот, на десять минут больше. В любом случае эти изменения слишком незначительны, чтобы брать их в расчет. Что касается восьмиклассников, то они не только реже работают, но и меньше времени тратят на уроки.

Давайте теперь выясним, сколько всего времени тинейджеры затрачивают на работу по найму, домашние задания, волонтерство и дополнительные занятия. Если оно увеличилось или осталось неизменным, значит, они перераспределили свое расписание в пользу учебы и дополнительных занятий. Если общее время уменьшилось, значит, учеба не является причиной снижения трудовой занятости.

Тренд очевиден. В совокупности представители поколения I тратят меньше, а не больше времени на домашние задания, оплачиваемую работу, волонтерство и дополнительные занятия. Например, в 2015 году первокурсники тратили на домашние задания, оплачиваемую работу, волонтерство и дополнительные занятия на четыре часа в неделю меньше времени, чем в 1987 году.

Как мы видим, все представители поколения I, включая двенадцатиклассников, планирующих поступать в колледжи, имеют на 33 минуты в день больше свободного времени, чем представители поколения X. Таким образом домашние задания и дополнительные занятия никак нельзя назвать причиной того, что тинейджеры стали меньше работать в течение учебного года.

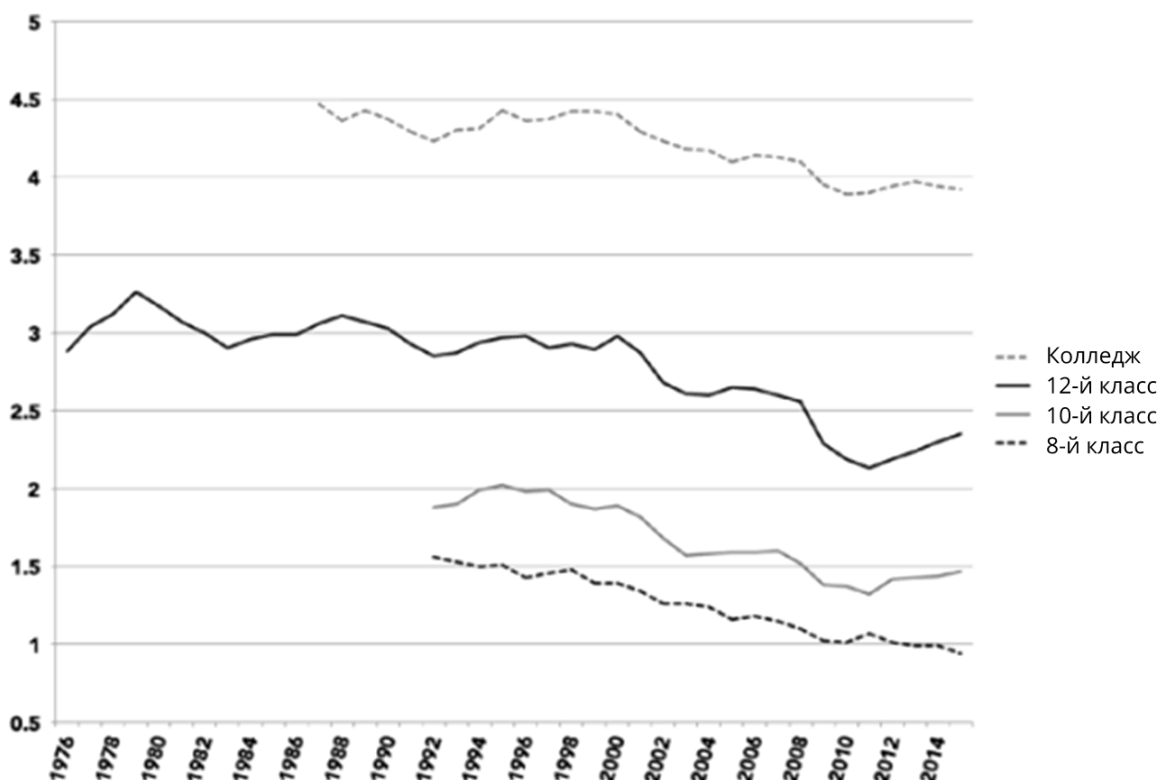

График 1.8. Сколько часов в день тратят ученики 8, 10, 12-х классов и первокурсники на работу и другие виды деятельности. Monitoring the Future и American Freshman Survey, 1976–2015. (Учитывалось время, потраченное первокурсниками на домашние задания, оплачиваемую работу, волонтерство, спорт и студенческие кружки; учениками 12-х классов на домашние задания, оплачиваемую работу и волонтерство; учениками 8-х и 10-х классов на домашние задания и оплачиваемую работу)

Так это плохо или хорошо, что подростки все реже хотят зарабатывать деньги? Думаю, и то и другое одновременно. Как правило, они могут рассчитывать на низкоквалифицированную работу, которая никак не связана с их будущей профессией. По словам моих студентов из Государственного университета Сан-Диего, они подрабатывали тем, что складывали одежду в магазинах Gap, заполняли полки продуктами в Target и мыли туалеты в Bath&Body Works. Безусловно, они приобрели некие навыки, необходимые в сфере обслуживания, однако вряд ли они пригодятся им после окончания университета. Кроме того, если подросток работает допоздна, то он не высыпается и не восстанавливает необходимые для учебы силы. И наконец, подростки, которые много работают, часто не

успевают сделать домашнее задание, хотя, как мы уже знаем, формально у них для этого есть достаточно много времени.

Вместе с тем, даже если подросток не приобретает на работе сложные навыки, он привыкает к ответственности и начинает ценить деньги. Двдцатидвухлетняя Вики слушала курс лекций по психологии личности, который я читаю в Государственном университете Сан-Диего. Родители, по ее словам, не хотели, чтобы она работала в школе, поэтому, поступив в колледж и столкнувшись с необходимостью искать работу, она испытала настоящий шок.

У меня не было опыта, и никто не хотел брать меня на работу, а когда я все таки устроилась, то совершила столько ошибок, что через несколько месяцев меня уволили. Если бы я работала, учась в школе, то знала бы, как себя вести с коллегами. Если бы у меня раньше была работа, не важно какая, я бы знала, что такое дисциплина и трудовая этика. Это сильно бы упростило мне жизнь. Я бы знала, как важна пунктуальность, которой мне всегда не хватало. Да что там говорить, я понятия не имела, как сложно зарабатывать деньги.

Вики, двадцать два года

Труд положительно влияет на некоторые категории тинейджеров. Так, в ходе одного исследования было установлено, что работающие во время летних каникул трудные подростки (их отобрали в случайном порядке) на 43 % менее склонны к насилию. Наибольший эффект достигался спустя два месяца работы. Можно предположить, что труд не просто заполняет свободное время, а в целом позитивно сказывается на подростках.

Наконец, в условиях, когда стоимость образования непрерывно растет, а выпускники колледжей сталкиваются с необходимостью погашать огромные кредиты за обучение, частичная занятость помогает многим студентам сводить концы с концами.

Хорошо это или плохо, но современные тинейджеры не торопятся вступать во взрослую жизнь и устраиваться на работу.

Жизнь за счет родителей

Ясным осенним днем я встречаюсь с Элли в ее школе. Она симпатичная шестнадцатилетняя школьница с длинными светло-коричневыми волосами. Мы сидим в коридоре и разговариваем. Элли рассказывает об использовании геотегов в Instagram. Она пока не имеет водительских прав, но задумывается об их получении, поскольку родители до сих пор вынуждены подвозить ее до торгового центра, когда она хочет погулять там с друзьями. Я спрашиваю, есть ли у нее работа, Элли отвечает отрицательно. Нет у нее и карманных денег. Я спрашиваю:

— Все, что нужно, тебе покупают родители, верно?

— Ну да. Типа, если мне на что-то нужны деньги, они мне их, типа, дают. Как-то так. Обычно я просто прошу деньги.

Они не всегда, но дают.

Учитывая, что количество работающих подростков неуклонно снижается, может сложиться мнение, что родители стали чаще давать своим детям некую фиксированную сумму на карманные расходы. На самом деле это не так. Если рост подростковой безработицы в 1980-х вынудил родителей увеличить расходы на содержание детей, то начиная с 2000-го года ситуация изменилась: количество тинейджеров, регулярно получающих карманные деньги от родителей, снизилось; работающих тинейджеров также стало намного меньше, и при этом 20 % семнадцати- и восемнадцатилетних подростков вообще не имеют никаких личных денег (см. рис. 1.9). Если им нужны деньги, они, как и Элли, просят их у родителей. Очередное доказательство того, что современные восемнадцатилетние тинейджеры ведут себя как пятнадцатилетние. Вместо того чтобы учиться управлять своими средствами, они как маленькие дети просто предпочитают просить или ждать, когда им что-то дадут или купят.

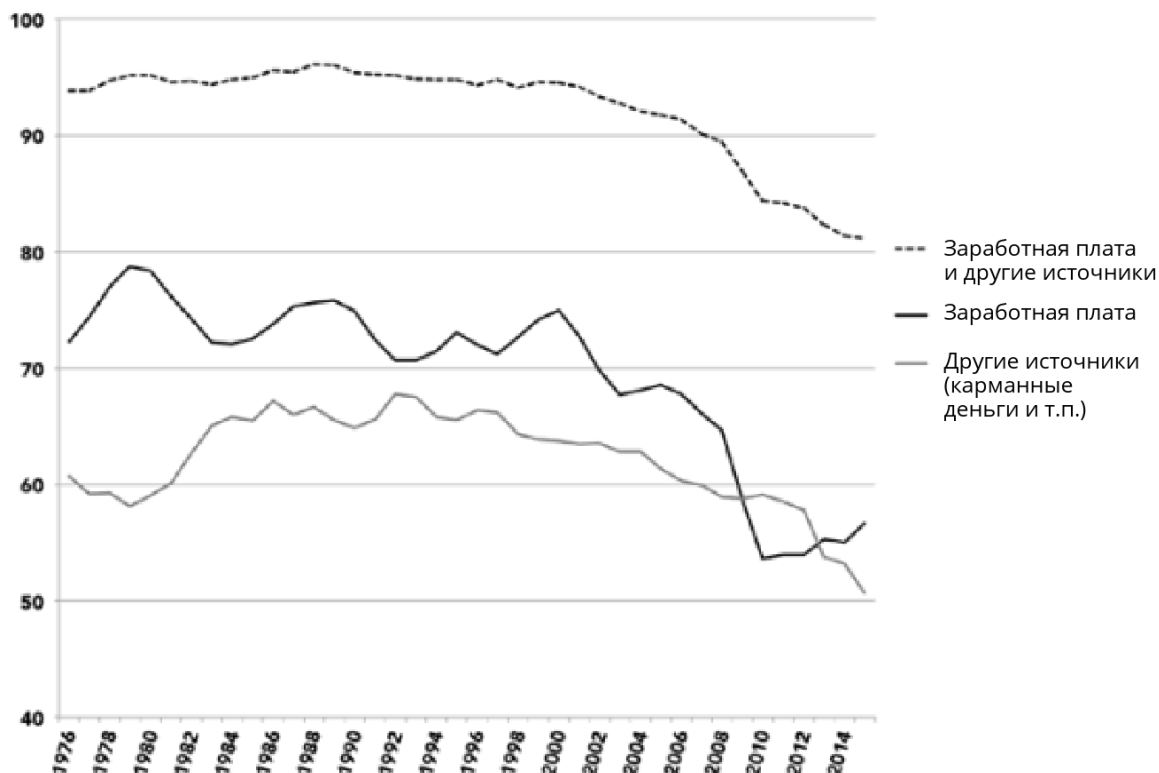

Рис. 1.9. Процент двенадцатиклассников, которые получают заработную плату, деньги на карманные расходы или имеют иные источники доходов. Monitoring the Future, 1976–2015

Сложно сказать, кому принадлежит идея введения родительского контроля за расходами — самим родителям или тинейджерам. Если родителям, значит, они полагают, что их великовозрастные отпрыски еще не готовы самостоятельно тратить деньги. Вполне возможно, тинейджеры сами сообразили, что, действуя подобным образом, они выманят денег больше, чем если будут время от времени получать фиксированную сумму на карманные расходы. Как бы то ни было, заканчивая среднюю школу, многие подростки не умеют распоряжаться деньгами и никогда не задумывались о том, сколько денег им нужно на кино, бензин, одежду. А ведь этот опыт пригодится им во взрослой жизни, когда им самим придется платить за аренду жилья, коммунальные услуги, еду и т. д.

Отношение к алкоголю

Ясным весенним днем я звоню девятнадцатилетней Хлое сразу после того, как у нее заканчиваются уроки. Она учится в двенадцатом классе средней школы, расположенной в пригороде Кливленда, штат Огайо, и сейчас собирается поступать в один из колледжей Университета штата Огайо. («Это так волнительно», — говорит она.) Раньше она мечтала сделать карьеру в мире моды, но потом передумала и решила стать психологом. Когда я задаю вопрос о ее любимых телепередачах, она, немного смутившись, признается, что смотрит реалити-шоу «Семейство Кардашьян». Впрочем, Хлоя сразу уточняет, что ее привлекает не сюжет, а возможность увидеть роскошную жизнь в Калифорнии. Еще она любит смотреть в Интернете видео с животными. С друзьями она, как правило, тусуется в торговом центре или ходит в кафе есть замороженный йогурт. Она работает неполный рабочий день, встречается с бойфрендом и имеет водительское удостоверение. Другие стороны взрослой жизни ей, похоже, неинтересны. Например, судя по реакции на вопрос об отношении к вечеринкам и алкоголю, Хлоя одинаково негативно относится и к тому и другому.

— Одна моя знакомая по работе легко бы вспомнила пару историй о том, как на выходных она была в универе, хорошенько там набралась, потом со всеми переругалась или типа того, а под конец переспала с каким-то парнем. Сами знаете, что все глупости делаются по пьяни.

— Тебя не привлекают такие развлечения?

— Нет. Я не понимаю, почему людям нравится напиваться и терять контроль над собой.

Многие представители поколения I охотно согласятся с мнением Хлои. По данным за 2016 год, около 40 % двенадцатиклассников ни разу не пробовали алкоголь, а количество знакомых с алкоголем восьмиклассников снизилось вдвое (см. рис. 1.10).

Более всего потребление алкоголя снизилось среди школьников, а менее всего — среди молодежи старше 19 лет.

Почти все молодые люди в возрасте от 19 до 30 лет пробовали алкоголь, и за несколько десятилетий ситуация практически не изменилась. Что изменилось, так это возраст, в котором подростки впервые пробуют спиртные напитки. Если в начале 90-х средний

восьмиклассник уже был знаком с алкоголем, то в 2014 его не пробовал даже средний десятиклассник. Выходит, что современные тинейджеры откладывают знакомство с алкоголем как минимум до окончания десятого класса или на более поздний период; медленное взросление проявляется в том числе и в отказе от спиртного. Этот тренд подтверждается также опросами Youth Risk Behavior Surveillance Survey of teens, который проводятся Центрами по контролю и профилактике заболеваний США.

Резкое снижение потребления алкоголя подростками безусловно радует. Думаю, все согласятся, что начинать пить в 13–14 лет — это не самая лучшая идея. Не менее важно и то, что, получив через несколько лет водительские права, они не сядут за руль в состоянии алкогольного опьянения и не пополнят список жертв ДТП. Изменение отношения к алкоголю — это гигантский и очень важный для всего общества шаг вперед.

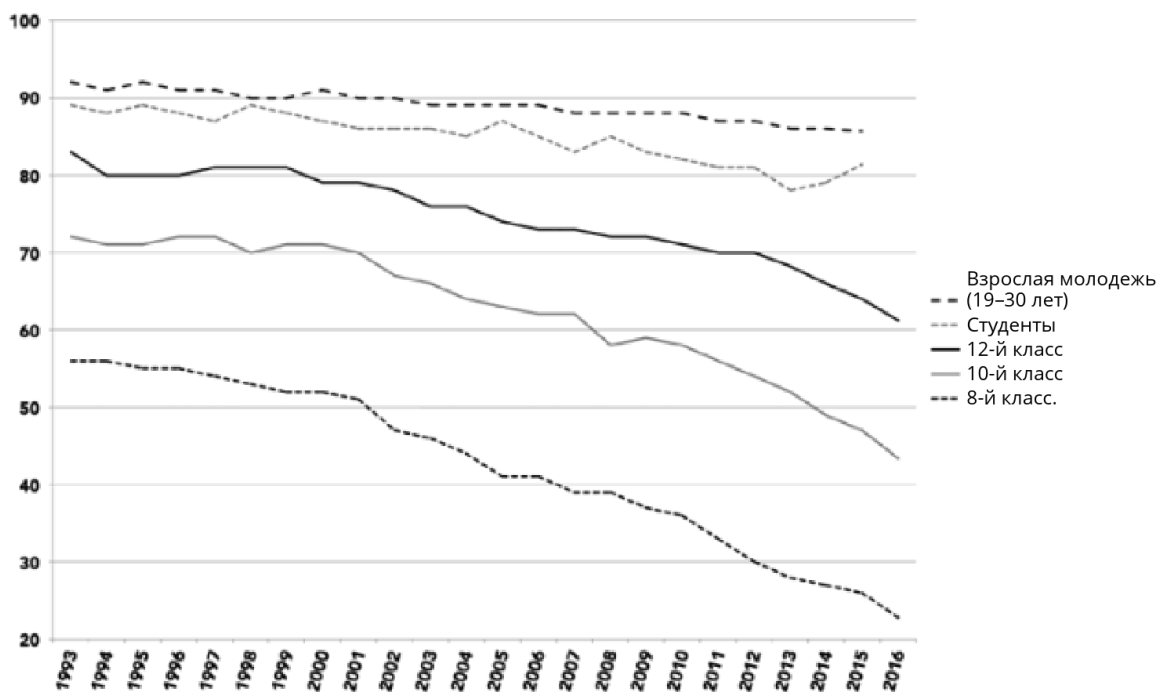

Рис. 1.10. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, студентов и молодежи в возрасте от 19 до 30 лет, когда либо употреблявших алкоголь (как минимум несколько глотков)

У этого тренда, впрочем, есть один побочный эффект: все больше молодых переезжают в университетские кампусы или просто вступают во взрослую жизнь, не имея опыта употребления алкоголя. Учитывая,

что потребление алкоголя среди молодежи в возрасте от 19 до 30 лет в целом и студентов в частности за многие годы снизилось весьма незначительно, можно предположить, что вчерашние школьники очень быстро наверстывают упущенное и начинают пить даже больше, чем их сверстники в прошлом. Про некоторых можно сказать, что они буквально срываются с места в карьер.

Наибольшую тревогу вызывает чрезмерное употребление алкоголя, под которым понимается принятие пяти и более порций спиртного с целью доведения себя до состояния сильного алкогольного опьянения. Это вызывает интоксикацию организма, нарушает мыслительные функции и нередко заканчивается управлением автомобилем в нетрезвом виде. С начала 1980-х количество восемнадцатилетних подростков, склонных к чрезмерному употреблению алкоголя, снизилось вдвое, а вот количество склонных к пьянству молодых людей в возрасте от 21 до 22 лет практически не изменилось (см. рис. 1.11)

Рис. 1.11. Процент молодых людей в возрасте 18 лет и в возрасте от 21 до 22 лет, признавшихся как минимум в однократном злоупотреблении алкоголем в течение двух недель,

Особую опасность представляет резкий переход к злоупотреблению алкоголем в возрасте от 18 до 22 лет. В ходе исследования, проведенного Национальным институтом здоровья, было установлено, что «злоупотребление алкоголем в возрасте от 18 до 21–22 лет повышает риск наступления неблагоприятных последствий. Вероятно, что чем быстрее растет индивидуальное потребление алкоголя, тем меньший опыт пребывания в состоянии алкогольного опьянения имеет человек и тем выше связанный с пьянством риск».

Этот феномен особенно актуален для студентов. Двенадцатиклассники, планирующие поступать в высшее учебное заведение, менее склонны к злоупотреблению алкоголем, чем их одноклассники, не имеющие таких планов. Однако, начав учиться в колледже, они с большей вероятностью начнут злоупотреблять алкоголем, чем их сверстники, не попавшие в колледж.

Мне 21, я нахожусь на пике алкогольной формы и не собираюсь останавливаться.

Анонимный студент

Это может стать серьезной проблемой для руководства колледжей, поскольку многие первокурсники изначально имеют весьма смутное представление об алкоголе, однако быстро осваиваются и начинают им злоупотреблять.

Как обстоят дела с наркотиками? Пик потребления наркотиков среди молодежи, главным образом марихуаны, пришелся на конец 1970-х — начало 1980-х. В начале 1990-х последовал резкий спад, сменившийся стабильным ростом в 2000–2010-х годах (см. рис. 1.12). Что интересно, уровень потребления наркотических средств среди молодежи в возрасте 18 и 21–22 лет практически не отличается. Стоит также отметить, что уровень употребления наркотиков немного повысился в начале 2010-х, что, вероятно, объясняется взрослением поколения I.

Почему модели потребления алкоголя и наркотиков так сильно различаются? Последние запрещены независимо от возраста в большинстве штатов. Ответственность за их употребление наступает также независимо от возраста. В свою очередь, покупка алкоголя

разрешена с 21 года. Полагаю, именно по этой причине новое поколение, отличающееся повышенной осторожностью, предпочитает дожидаться наступления совершеннолетия. Вполне вероятно, что легализация легких наркотиков изменит модель их потребления (этот тренд мы внимательно изучим в шестой главе). В настоящее время подростки поколения I реже пьют спиртное, но зато чаще, чем миллениалы, курят марихуану.

Неспешное взросление

Итак, по сравнению с прошлыми поколениями современные подростки реже гуляют и развлекаются без родителей, ходят на свидания, занимаются сексом, водят машины, работают и употребляют алкоголь. Им неинтересно все то, что обычно делают взрослые, хотя большинство людей всегда приобретало первый опыт взрослой жизни именно в подростковом возрасте.

Рис. 1.12.. Процент молодых людей в возрасте 18 лет и в возрасте от 21 до 22 лет, которые за прошедшие 12 месяцев хотя бы однажды принимали наркотики. Monitoring the Future, 1976–2015

Став старшеклассниками, представители поколения I на удивление редко проходят обычные в прошлом этапы взросления и не стремятся к самостоятельности и независимости от родителей (см. график 1.13), а те из поколения I, которые, вопреки трендам, проходят все ключевые точки взросления, делают это существенно позже, чем их предшественники. В равной степени это относится к занятию сексом, употреблению алкоголя, работе по найму и владению автомобилем. Во благо ли, во зло ли, но поколение I не торопится взрослеть. В восемнадцать лет подростки ведут себя так, словно им едва исполнилось четырнадцать, а в четырнадцать — так, словно им 10–12 лет.

Справедливости ради отмечу, что тенденция к замедлению взросления наметилась задолго до появления поколения I. Начало было положено в 1990-х молодежью из поколения X. Именно они первыми стали позже начинать карьеру, жениться и рожать детей. Если в 1975 году женщины в среднем выходили замуж в 21 год, то в 1995 году — уже в 25. Рост числа студентов привел к повышению возраста, с которого они начинают работать полный рабочий день.

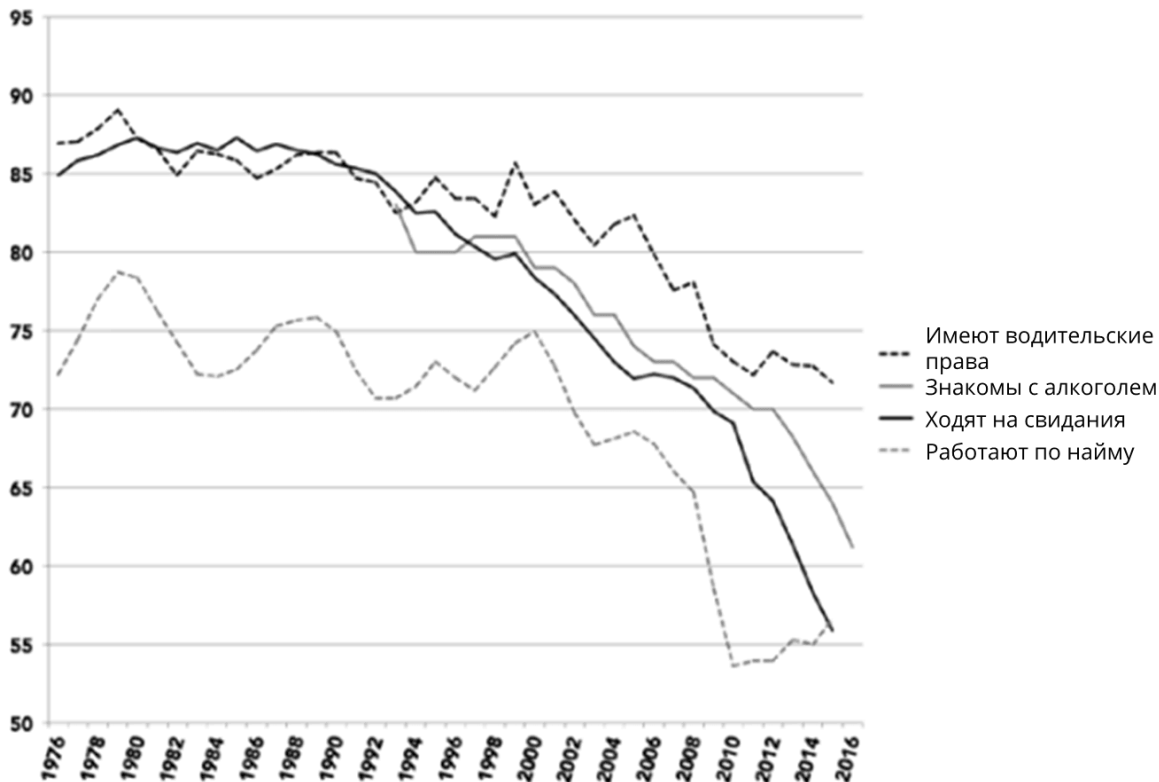

График 1.13. Процент старшеклассников, которые имеют водительские права, пробовали алкоголь, ходили на свидания и работали по найму в течение учебного года. Monitoring the Future, 1976–2015

Однако темп взросления тинейджеров поколения X не снижался. Так же, как и беби-бумеры, они водили машины, пробовали спиртное и ходили на свидания, при этом чаще занимались сексом и беременели в подростковом возрасте, однако, повзрослев, они не спешили строить карьеру и заводить детей. Таким образом, поколению X удалось сильно растянуть период отрочества и юности: они рано начинали взрослеть, но позже становились полностью взрослыми.

С появлением сначала миллениалов, а потом поколения I, подростковый период начал неумолимо сокращаться, а детство, наоборот, затягиваться. В наши дни родители окружают своих повзрослевших отпрысков такой заботой и опекой, словно те остаются малыми детьми, неспособными к самостоятельной жизни. Подростковый возраст, переходный этап между детством и взрослостью, наступает, как никогда, поздно. Тринадцатилетние и даже восемнадцатилетние подростки все реже ведут себя как взрослые люди

и, несмотря на физическое развитие, надолго застревают в детстве. Подростковый период стал продолжением детства, а не началом новой взрослой жизни, как это было прежде.

Может быть, представители поколения I стали более ответственными?

В редакционной статье, опубликованной в 2014 году в газете Washington Post, социолог Дэвид Финкельхор утверждал, что отказ поколения I от алкоголя и раннего секса «говорит об их моральной чистоте и высокой нравственности, которых так часто не хватало старшему поколению». В конце статьи он приходит к выводу, что «мы не сомневаемся в их добродетельности, поскольку они побороли присущую людям импульсивность, порочность и стремление оправдывать неблагоприятные поступки». Он уверен, что современные подростки достойны самой высокой похвалы за свою ответственность и сознательность. В 2016 году эта тема была вновь поднята в статье, опубликованной в той же газете под заголовком «Современные тинейджеры ведут себя лучше, чем вы».

Другие обозреватели, например двадцатилетняя писательница Джесс Уильямс, дают иную оценку новым трендам. Уильямс называет поколение I «скучным». Они не умеют веселиться, считает она. Один из журналов поддержал ее, опубликовав статью под названием «Зевающее поколение: в двадцать лет им уже под сорок»

С моей точки зрения, оба автора упускают из виду принципиально важный момент. Используя такие слова, как «добродетель», «неблаговидные поступки» и «скука», они исходят из того, что тренды могут быть только «плохими» или «хорошими». Но это однобокий подход: нельзя учитывать и оценивать одни детали и не замечать другие. Например, ни в одной из этих статей не говорится о том, что представители поколения I не очень хотят работать, не имеют водительских прав, не умеют распоряжаться собственными деньгами и почти никогда не бывают дома одни. А ведь все это, так или иначе, может изменить представление об их «благодетельности», «ответственности», «сознательности» или «скучности». В целом ни один из трендов не позволяет нам сделать вывод о том, что они стали более ответственными, сознательными или скучными. Зато все тренды недвусмысленно говорят о том, что новое поколение взрослеет очень медленно. Только этим можно объяснить, почему они не желают

работать, водить машину, сидеть дома одни или самостоятельно распоряжаться своими деньгами. Развешивая ярлыки, мы никогда не поймем простую вещь — представители поколения I просто медленно взрослеют.

Вместо того чтобы использовать малоинформативные штампы, гораздо лучше взять на вооружение терминологию теории жизненных стратегий, о которой мы говорили выше: подростки выбрали стратегию медленной жизни, что, вероятно, обусловлено небольшими размерами семей и непрерывно растущими из-за экономического неравенства потребностями. Соответственно, родители имеют больше времени на воспитание и подготовку каждого из своих детей к жизни в условиях высоконкурентной экономики. На это вполне может уйти 21 год, а не 16 лет, как раньше. Культурный сдвиг в сторону индивидуализма также может играть важную роль: дети дошкольного возраста и подростки отличаются невероятным эгоцентризмом, поэтому чем дольше длятся эти периоды развития, тем более выраженными индивидуалистами становятся дети в будущем. Кроме того, в маленьких семьях детям всегда уделяется повышенное внимание. Не вызывает никакого сомнения, что культ индивидуализма и медленное взросление были всегда тесно взаимосвязаны: в индивидуалистических обществах молодежь взрослеет медленнее, чем в коллективистских. Поскольку американская культура начиная с 1965 года становится все более и более индивидуалистической, то и молодежь все позже вступает во взрослую жизнь и обзаводится семьями.

Есть и другой важный фактор. В ходе нескольких хорошо известных исследований было установлено, что лобная доля, часть коры головного мозга, отвечающая за мышление и принятие решений, развивается примерно до 25 лет. В результате была выдвинута гипотеза, что подростки по объективным причинам не приспособлены к самостоятельной жизни и нуждаются в продолжительной опеке. Этой теме было посвящено множество книг и статей. Что интересно, авторы постоянно допускали одну и ту же ошибку — они игнорировали фундаментальный принцип, известный любому ученому: мозг развивается благодаря опыту. Вполне вероятно, именно отсутствие опыта взрослой жизни и нежелание его приобретать являются причиной недостаточной развитости лобной доли головного

мозга у современных подростков. Если бы в 1950-х годах существовали магнитно-резонансные томографы, я бы с огромным интересом посмотрела на результаты сканирования мозга молодых людей, которые начинали работать в 18 лет, а женились и заводили детей в 21. К сожалению, результаты исследований никогда не интерпретировались в таком ключе, поэтому многие родители убеждены, что их дети подросткового возраста самой природой запрограммированы на принятие неправильных решений и нуждаются в постоянной, максимально продолжительной опеке.

Партнеры, а не узники

Еще один ключевой вопрос: была ли стратегия медленной жизни выбрана подростками сознательно или она была навязана им родителями? Первым делом на ум приходит второй вариант: любой может легко представить себе бунтующих подростков, недовольных тем, что к ним относятся как к детям. Но что если медленное взросление было выбрано ими добровольно или интуитивно по той простой причине, что оно является самым оптимальным вариантом приспособления к существующей культурной среде?

В наши дни родители буквально не спускают глаз со своих чад. Все больше подростков утверждают, что родители всегда знают, где и с кем они находятся (см. рис. 1.14). Контроль заметно упростился с появлением приложений, позволяющих отслеживать местоположение в режиме реального времени. Вместе с тем приложение не может сказать, с кем в данный момент общается человек, однако сами подростки признаются, что родители знают, с кем они проводят время. Это еще один признак медленного взросления: подобно тому, как мать наблюдает за тем, как ее пятилетний малыш копается в песочнице, так и родители тинейджеров практически наверняка знают, где они и с кем.

Большинство взрослых хорошо помнит, как в детстве они боролись против любого вмешательства родителей в их личную жизнь: «Кто будет на вечеринке? Не знаю. А что?» Или как возвращаясь поздно вечером домой, иногда навеселе, на вопрос «Ты где был?» отвечали: «Играли в боулинг. Да, думаю, что это был боулинг, но не факт».

Подростки во все времена бунтовали против любых попыток родителей ограничить их свободу. Кстати, самый простой способ спровоцировать конфликт с тинейджером — это забрать у него ключи от машины, согласны? (Как нам уже известно, представители поколения I отказались от них добровольно.) Если поколение I недовольно ограничениями, значит, оно должно конфликтовать с родителями особенно сильно. Однако ничего подобного не происходит: напротив, количество подростков, имевших за один год более трех серьезных конфликтов с родителями, упало с 66 % в 2005 году до 56 % в 2015 году. Таким образом, поколение I не только находится на очень коротком поводке у родителей, но и все реже возражает против этого, в отличие от беби-бумеров и подростков поколения X, которые не упускали возможность поднять бунт в ответ на любые посягательства на их свободу. Похоже, в наши дни отцы и дети достигли полного взаимопонимания и их все устраивает.

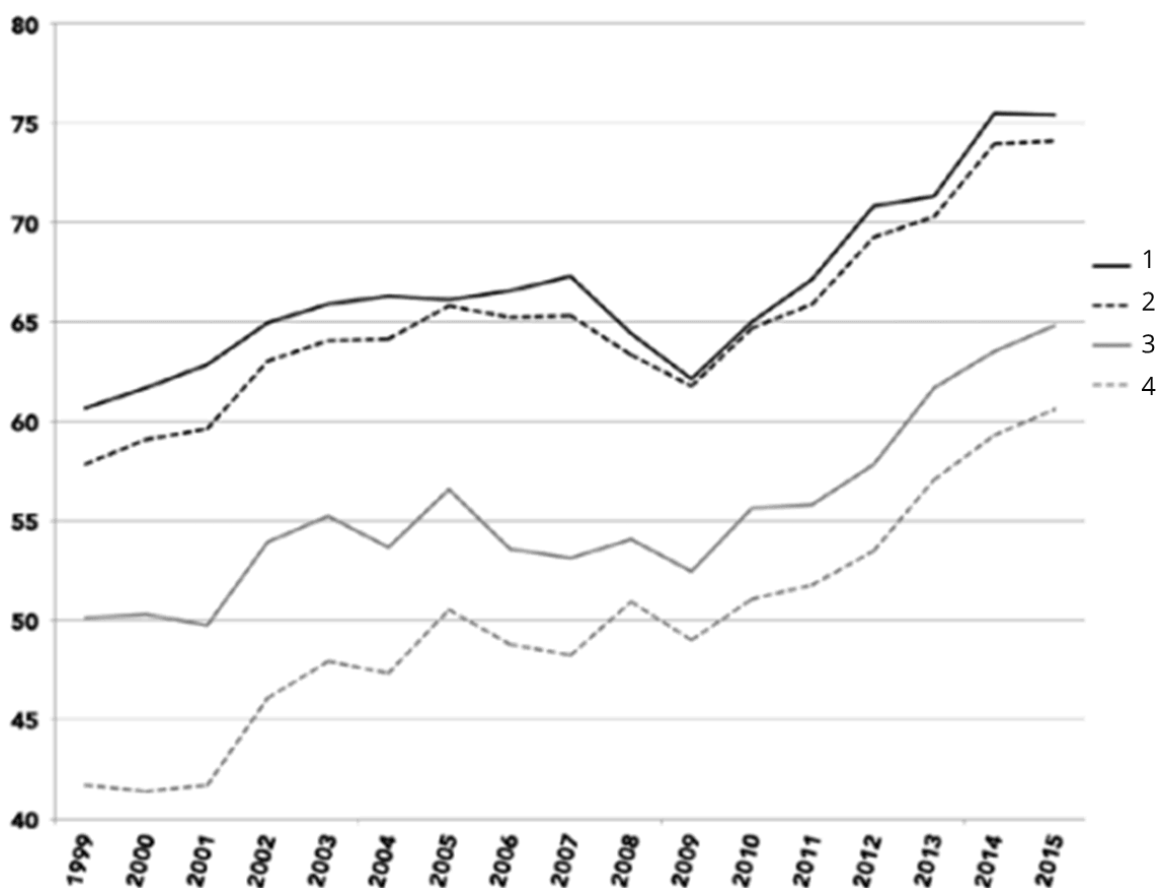

Рис. 1.14. Процент учеников 8-х и 10-х классов, родители которых всегда знают, где и с кем они находятся. Monitoring the Future, 1999–2015.

1 — восьмиклассники, родители которых знают, с кем они находятся; 2 — восьмиклассники, родители которых знают, где они находятся; 3 — десятиклассники, родители которых знают, с кем они находятся; 4 — десятиклассники, родители которых знают, с кем они находятся

В самых крайних случаях, когда конфликт заходит в тупик, подросток может задуматься о побеге. Поскольку подобного рода идея точно не может быть навязана родителями, то, изучив статистику, мы сможем узнать самые сокровенные мысли тинейджеров и понять их мотивы. Оказывается, представители поколения I все реже сбегают из дома: количество тинейджеров, пытавшихся после конфликта с родителями уйти из дома, резко снизилось всего за пять лет — с 2010 до 2015 годов, — что не может не радовать. (см. рис. 1.15).

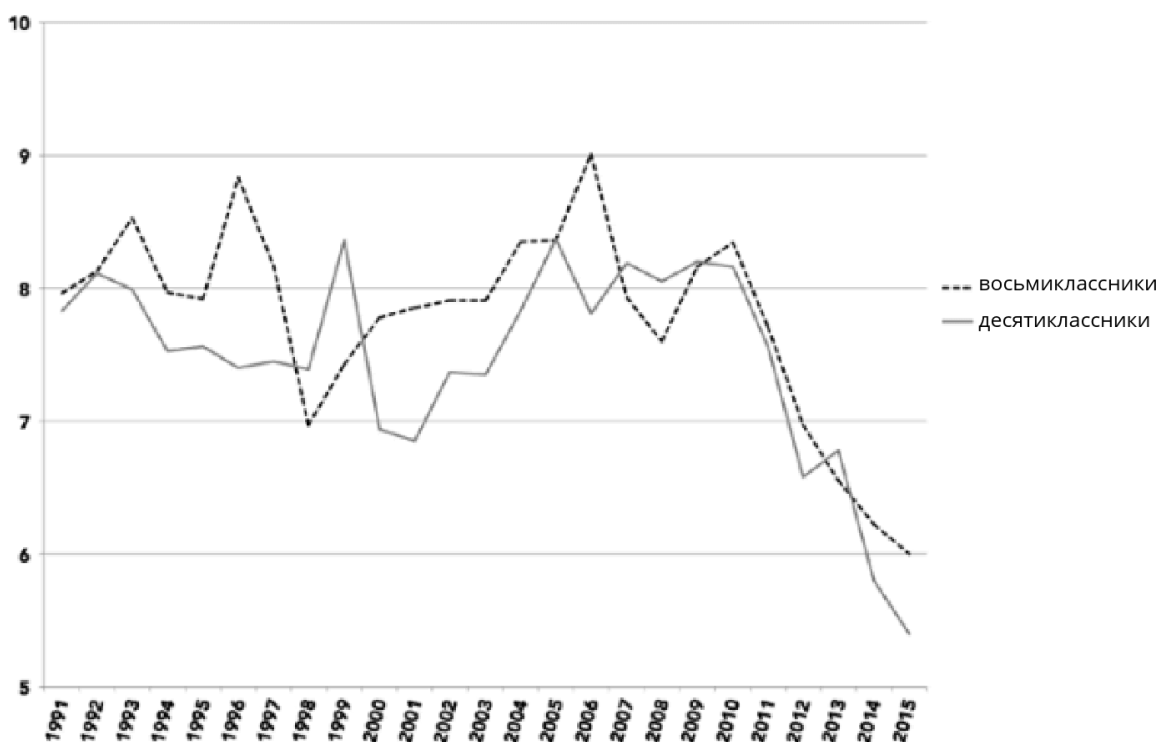

Рис. 1.15. Процент учеников 8-х и 10-классов, которые в течение прошедшего года совершали побег из дома. Monitoring the Future, 1999–2015

Статистика побегов также подтверждает факт медленного взросления современных тинейджеров: они сами хотят как можно дольше оставаться детьми. В результате одного из последних исследований было установлено, что студенты поколения I испытывают страх взросления гораздо чаще, чем их сверстники в 80-х и 90-х годах. Представители поколения I все охотнее соглашаются с утверждением: «Я хотел бы вернуться в детство» или «Детство — лучший период жизни». С утверждением «Я предпочитаю быть взрослым, а не ребенком» или «Я рад, что вырос, и детство осталось позади» они, напротив, соглашаются все реже. Дети поколения I не просто не против того, чтобы к ним относились как к маленьким детям, они об этом мечтают.

У многих людей детство, в отличие от взрослой жизни, прочно ассоциируется с развлечениями и отсутствием стресса. Вспомните о появившемся в 2014 году неологизме «adulthood», который означает необходимость заботиться о себе самостоятельно и выполнять все присущие взрослому человеку обязанности. В штате Мэн открылась школа Adulthood School, в которой молодежь учится распоряжаться своим бюджетом или, например, складывать белье. В Твиттере по хештегу #adulthood можно найти такие посты как

Что я ненавижу во взрослой жизни... необходимость оплачивать счета.

Поваляюсь в кровати... кажется, сегодня мне не до adulthood.

Помните, как в школе вы считали дни, оставшиеся до каникул? Что-то подобное должно входить во взрослые обязанности.

Слово «adult» (взрослый) в современном английском стало повсеместно использоваться в качестве глагола, и это уже не смешно.

Когда ты пьян в четыре утра и понимаешь, что через пять часов надо вставать и быть взрослым.

Когда все крепко спят, а я выхожу из дома на работу. Это и есть adulthood.

Все больше людей признается, что взрослая жизнь тосклива и уныла. Как написал один из пользователей Twitter

ПОЧЕМУ МНОГИЕ РАДУЮТСЯ, КОГДА ИМ ИСПОЛНЯЕТСЯ 18 ЛЕТ??? ЛИЧНО МЕНЯ ЭТА ПЕРСПЕКТИВА ПРИВОДИТ В УЖАС!!!

Я скучаю по всему, что окружало меня в детстве. Например, по цветным карандашам и забавным детским утренникам. Взрослые обязанности — отстой. Я хочу от них избавиться.

Каким образом он собирается это сделать, автор твита не уточнил.

В последние годы огромным спросом пользуются товары вроде антистрессовых расслабляющих «раскрасок для взрослых», в которых вполне зрелым людям предлагается, словно первоклассникам, раскрашивать контурные рисунки цветными карандашами. В одной статье, опубликованной в 2016 году на сайте Adweek, отмечалось, что бренды охотно наживаются на «тревогах и страхах миллениалов, обусловленных взрослением». В ходе интервью я попросила семнадцатилетнюю двенадцатиклассницу Джози, планирующую поступать в колледж, назвать ее любимые фильмы. Знаете, что она ответила? «Рапунцель: Запутанная история» и «Холодное сердце» — диснеевские анимационные фильмы для детей.

В отличие от прежних поколений — помните фильм «Большой» с Томом Хэнксом? — современные мальчишки предпочитают оставаться мальчишками. Согласно проведенному в 2013 году опросу, 85 % подростков в возрасте от 8 до 14 лет согласились с утверждением «Мне нравится мой возраст», тогда как в 2003 году таких было 75 %. Когда семилетнюю Ханну спросили, хотела бы она быть старше, чем сейчас, она ответила:

Нет. Мне нравится быть ребенком. У взрослых слишком много обязанностей.

Ханна, семь лет

Когда я задала двадцати представителям поколения I один простой вопрос: «Почему быть маленьким ребенком лучше, чем взрослым?», почти все они ответили, что в первую очередь потому что у взрослых очень много обязанностей. По словам моих респондентов, в детстве все заботы лежали на плечах родителей, а им самим оставалось только наслаждаться жизнью.

Я получала все или почти все что хотела, не прилагая к тому особых усилий и не задумываясь о логистике...

Также мне не приходилось думать о последствиях или, например, брать отгулы. Я просто развлекалась и получала удовольствие.

Элизабет, двадцать два года

Другими словами, детство для них — это самый беззаботный и веселый период жизни. Родители восхищались ими, удовлетворяли любые прихоти и почти ни чем не обременяли. Неудивительно, что они не хотят становиться взрослыми.

Даже поступив в колледж, студенты остаются для своих родителей маленькими детьми. Родители выбирают за них основные предметы, записывают их на спецкурсы, напоминают о дедлайнах и не забывают вовремя разбудить, отмечает Джули Литкотт-Хеймс, бывший декан по работе с первокурсниками Стэнфордского университета. Все это стало возможным благодаря мобильным телефонам.

В отличие от студентов моего поколения, этих студентов совершенно не смущает то, что родители все делают за них. Напротив, они счастливы и благодарны за это своим родителям. Они общались со своими родителями непрерывно: встречались в общежитиях, столовых, аудиториях, бродили по коридорам, уходили куда-то вместе после занятий, вместе обращались в студенческий профсоюз. Даже вместе приходили ко мне на прием. Во всяком случае пытались. «Это моя мам, — говорили они, застенчиво потупив взгляд. — Вы не возражаете если я...? Я только... ладно мам?»

Проработав в своей должности десять лет, Литкотт-Хеймс заметила, что студенты стали называть самих себя «мальчишками».

Круг замкнулся: не имея никакого другого опыта общения, дети поколения I в принципе не готовы и не способны протестовать против родительской гиперопеки. Напротив, они с радостью ее принимают.

Мы хотим, чтобы вы относились к нам как к детям, а не взрослым!

Студент на лекции — изумленному преподавателю

Некоторые полагают, что подобный менталитет стоит за такими новыми для студенческих кампусов трендами как «предупреждения о триггерах» — предупреждения о потенциально неприемлемом или оскорбительном содержании учебных пособий или лекций и так называемые безопасные пространства — места на территории кампуса, где обиженный студент может уединиться и прийти в себя. В таких местах, например, можно найти раскраски или посмотреть видео с забавными щенятами. По замыслу организаторов, все это должно воссоздавать атмосферу беззаботного и счастливого детства.

Если ненадолго отвлечься от причин медленного взросления, то неизбежно возникает логичный вопрос: если тинейджеры меньше работают, меньше тратят времени на домашние задания, меньше гуляют и реже употребляют алкоголь, то чем они вообще занимаются? В случае с поколением I ответ очевиден: сидят в смартфонах.

Глава 2. Интернет: Время, проводимое онлайн. Ах да, и другие медиа тоже

33-й отдел полиции Департамента полиции Нью-Йорка недавно предупредил местных жителей о серьезной опасности, ежедневно подстерегающей их в кровати, — мобильных телефонах. В частности, сообщалось о нескольких случаях самовозгорания телефонов, которые люди держали во время сна под подушкой. Подобный инцидент был зафиксирован в Техасе, где тринадцатилетняя девочка проснулась, почувствовав резкий запах гари. В ходе расследования выяснилось, что поставленный на зарядку и спрятанный под подушку телефон перегрелся и расплавился.

Оказалось, что некоторые смартфоны Samsung взрываются из-за бракованных аккумуляторов. Лично меня во всех этих историях поразили не столько самовозгорающиеся, взрывающиеся и плавящиеся телефоны, сколько нелепость самой идеи держать ночью телефон под подушкой. Зачем люди это делают? Представитель поколения X, живущий внутри меня, недоумевал. Вряд ли кто-то во сне серфит в Интернете. О каком здоровом сне может идти речь, если в любой момент вас может разбудить звонок или вибрация телефона, лежащего в нескольких сантиметрах от уха? Крайне озадаченная, я задала своим студентам-старшекурсникам очень простой, с моей точки зрения, вопрос: «Что вы делаете со своими телефонами во время сна?»

Ответы явно говорили об одержимости. Практически все студенты сказали, что спят, положив телефон под подушку, на матрас, или во всяком случае оставляют его на расстоянии вытянутой руки. Они сидели в соцсетях и смотрели видео, перед тем как заснуть, а едва проснувшись, сразу тянулись за смартфонами (скорее по необходимости, поскольку все студенты использовали их в качестве будильников). Другими словами, телефон был последним, что они видели перед тем, как сомкнуть глаза, и первым, что они видели, раскрыв их. Если они просыпались среди ночи, то сначала проверяли, на месте ли телефон, и только потом засыпали, не выпуская его всю ночь из рук. Рассказывая о своих телефонах, они напоминали героиновых наркоманов.

Объясняя свою привычку тыкаться в телефон в кровати, одна студентка написала:

Я знаю, что перебарщиваю, но ничего не могу с собой поделать,
Я хорошо сплю, только если знаю, что телефон лежит рядом.

Молли, двадцать лет

Телефон для них — это спасательный круг, часть тела или даже любовник.

Смартфоны, в отличие от любых ранее существовавших устройств, проникли во все сферы нашей жизни и стали ее неотъемлемой частью. Телефон развлекает, помогает общаться и делают жизнь более насыщенной и гламурной. Двенадцатиклассница Азар, с ней мы познакомились в первой главе, является отличным тому подтверждением. Когда я спрашиваю, можно ли ее сфотографировать, Азар стремительно поправляет свои длинные черные волосы и говорит: «Я должна хорошо выглядеть». Я интересуюсь, какими приложениями она чаще всего пользуется. Она называет Instagram, Snapchat и iFunny. О последнем я никогда не слышала и поэтому прошу рассказать о нем подробнее. Азар приходит в восторг от моего вопроса и сразу уточняет: «Серьезно? Я могу достать телефон?» Затем она показывает, как работает приложение, уделяя при этом особое внимание мемам и видео. Когда скорость мобильного Интернета неожиданно падает, Азар расстроено вздыхает: «Ну куда ты делся? Интернетик, пожалуйста, неееееет!» По словам Азар, ее тарифный план включает безлимитный Интернет, неограниченное количество эсэмэс и всего 100 минут разговоров, потому что «я никогда никому не звоню». С этого момента и до конца интервью она не выпускает телефон из рук и постоянно показывает мне картинки, фотографии и рассказывает про установленные приложения.

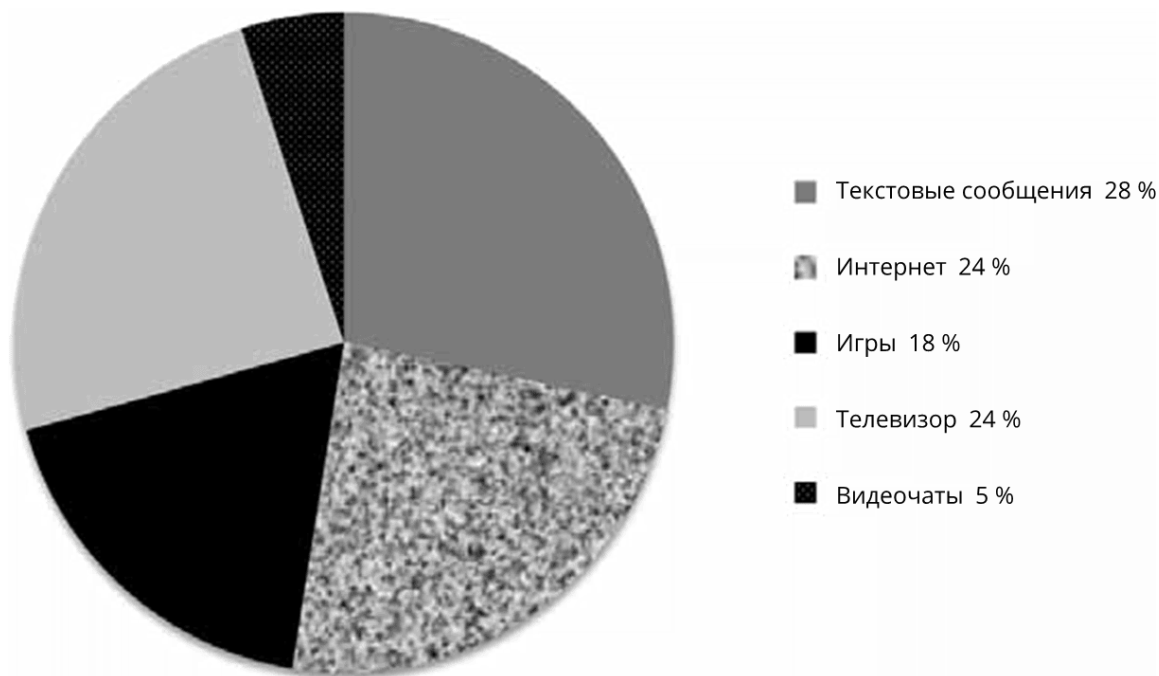

Рис. 2.1. Как ученики 12-х классов распределяют свое экранное время. Monitoring the Future, 2013–2015

Все уже привыкли, что тинейджеры (как, впрочем, и большинство людей) тратят много времени на свои телефоны, но при этом они не разговаривают, а пишут сообщения, сидят в Интернете и социальных сетях или играют (нередко все вместе это называют одним общим термином *новые медиа* (new media)). Начиная примерно с 2011 года, где бы мы ни оказались, куда бы мы ни посмотрели, везде мы видим людей с телефонами в руках. Кто-то может возразить, что по поведению в очередях в кафе, в ресторанах и других общественных местах нельзя делать обоснованные выводы о ситуации в целом, а опасения, высказываемые родителями и СМИ, абсолютно беспочвенны. Кто-то может возразить, что телефонное безумие охватило исключительно средний класс и обеспеченных людей, а молодых людей, которые абсолютно равнодушно относятся к смартфонам, мы просто не хотим замечать. К счастью, в нашем распоряжении есть репрезентативные опросы, которые дают нам реальное представление о том, сколько времени тинейджеры тратят на Интернет, игры и мессенджеры. Так сколько же? Если коротко, то много, очень много. Согласно самому последнему исследованию, обычный двенадцатиклассник ежедневно тратит два часа и

пятнадцать минут на написание текстовых сообщений, около двух часов — на Интернет, полтора — на электронные игры и полчаса на видеочаты. В совокупности они проводят в мире новых медиа чуть более шести часов в сутки, причем только в свободное от основных занятий время. (см. рис. 2.1). От них не сильно отстают восьмиклассники: ежедневно они тратят полтора часа на сообщения, полтора часа — на Интернет, полтора — на игры и полчаса — на видеочаты; в сумме это пять часов жизни в мире новых медиа. Общее время, пусть и незначительно, но может меняться в зависимости от семейного бэкграунда. С другой стороны, трудные подростки проводят времени в Интернете столько же или больше, чем их сверстники из благополучных семей. Эпоха смартфонов положила конец неравному доступу к Интернету.

Если учесть, что на школу, уроки и сон уходит около 17 часов, то, значит, почти все свободное время тинейджеры тратят на новые медиа. На просмотр телевизора в среднем остается полтора часа, хотя фактически тинейджеры смотрят его примерно два часа в день. Внимательный читатель, разумеется, возразит, что в сутках всего 24 часа и в приведенных расчетах затаилась ошибка. Лично я полагаю, что все объясняется очень просто: они одновременно могут делать несколько дел — писать сообщения и серфить в Интернете, смотреть телевизор и выкладывать фотографии в Instagram. Наконец они могут меньше спать (к этому вопросу мы вернемся в четвертой главе).

В целом сейчас подростки проводят значительно больше времени онлайн, нежели их сверстники в недалеком прошлом — в 2015 году двенадцатиклассники проводили в Интернете в два раза больше времени, чем двенадцатиклассники в 2006 году (см. рис. 2.2)

Но, даже принимая во внимание «многозадачность», шесть часов в день на гаджеты — это все равно чудовищно много. Что именно они делают все это время? Читают и пишут очень много сообщений. Все тинейджеры, с которыми мне удалось побеседовать, сообщили, что это основной для них вид общения с друзьями. Что они пишут друг другу в мессенджерах? Почти то же, что и взрослые люди, только чаще.

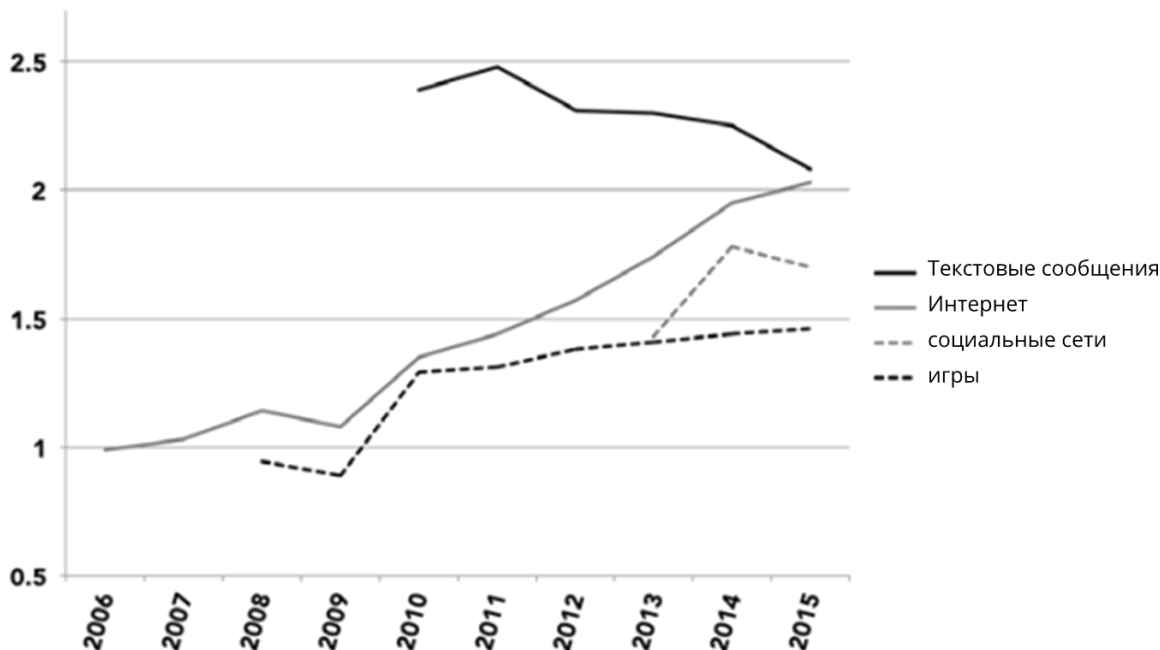

Рис. 2.2. Сколько часов двенадцатиклассники ежедневно тратят на новые медиа (текстовые сообщения, интернет, социальные сети и игры). Monitoring the Future, 2006–2015

Обычно я пишу своей девушке про школу, наши отношения, да про что угодно. Еще я постоянно переписываюсь с друзьями и пересылаю им всякие приколы.

Виктор, двадцать лет

Я пишу лучшей подруге и своему молодому человеку.

В основном мы обсуждаем всякие смешные события, произошедшие за день. Делимся приколами. Могу зайти в чат, чтобы спросить, как дела и что нового.

Ева, девятнадцать лет

Сообщения почти полностью заменили звонки: в 2015 году тинейджеры ежедневно тратили на разговоры по телефону в три раза меньше времени, чем на текстовые сообщения.

Несмотря всю популярность текстовых сообщений (сначала эсэмэс, а потом iMessage), социологические опросы обходили их стороной вплоть до 2010 года, поэтому более ранняя статистика их использования просто не существует. Стоит отметить, что в период с 2010 по 2015 год наметился незначительный спад: время, ежедневно проводимое за написанием текстовых сообщений, сократилось на 30

минут (с двух с половиной до двух часов). Почему? Вероятно, потому, что подростки стали больше внимания уделять социальным сетям.

Все делают это: Социальные сети

Пока моя арендованная машина, подсакивая на кочках, катится по грунтовой дороге, я рассматриваю едва различимый вдали сарай, зеленые кукурузные поля и голубое небо Миннесоты. Наконец я подъезжаю к небольшому домику на берегу озера, где меня встречает Эмили, которая со своей большой семьей выехала на природу, чтобы отпраздновать День независимости. Эмили четырнадцать лет, она занимается легкой атлетикой и недавно закончила девятый класс. У нее стройная спортивная фигура, волнистые светлые волосы, заплетенные в косички, и широкая счастливая улыбка, демонстрирующая брекетты. Большинство предложений она радостно заканчивает словами «Как-то так!».

Эмили живет в городке Твин Ситис, который находится в двух часах езды отсюда, но ее лучшая подруга живет на соседней ферме, и они часто ходят друг к другу в гости. Первым делом мы отправляемся знакомиться с любимой коровой Эмили по кличке Либерти, которая родилась ровно два года назад, 4 июля. Босоногая Эмили перескакивает через ограду, открывает дверь сарая и выпускает Либерти на свободу. Девушка улыбается, пока я фотографирую ее на фоне огромного животного, недоверчиво уставившегося на меня своими темно-коричневыми глазами.

Классическая сцена, которую можно было наблюдать в этих местах и 200 лет назад: деревенская девушка с косичками показывает свою корову. Но времена меняются, и Эмили в первую очередь является типичным представителем своего поколения: со своими друзьями она общается в социальных сетях, что отчасти можно объяснить необходимостью.

Все в них сидят. Через них типа очень удобно договариваться о встречах и строить планы. Если ты не пользуешься сетями, то можешь пропустить какое-то важное мероприятие.

Первый смартфон появился у Эмили только в начале девятого класса, что сравнительно поздно для айдженера, но она уже не может без него жить. Когда я спрашиваю, какими приложениями она пользуется, Эмили отвечает:

В основном это Snapchat, Instagram и Twitter... Еще я получаю новости от своего тренера и смотрю смешные видео. Я выкладываю фотографии, которые делаю на тренировках или когда просто развлекаюсь с родителями и друзьями. Очень многие помешаны на селфи и выкладывают только их. Если кто-то не отметил тебя на фотографии, значит, он или обиделся или больше не считает тебя своим другом.

Добро пожаловать в новую реальность: социальная жизнь подростков отныне проходит онлайн. Она абсолютно прозрачна, а для большей ясности снабжена метками, поясняющими, кто какое место в ней занимает.

Сколько времени подростки проводят в социальных сетях и насколько ситуация изменилась за последние десять лет? Социальные сети отнюдь не новое явление: первая сеть появилась в далеком 1997 году, MySpace дебютировал в 2003 году, а Facebook открыл регистрацию для всех желающих старше 13 лет в 2006 году. Вопрос, посвященный социальным сетям, был включен в опрос The Monitoring the Future только в 2008 году (как жаль, что обычно расторопные социологи на этот раз все проспали). Респондентам ежегодно предлагается ответить, как часто они пользуются социальными сетями: «почти каждый день», «не меньше одного раза в неделю», «несколько раз в год», «никогда». Несмотря на всю запоздалость исследования и простоту вопроса, стремительный рост популярности соцсетей не вызывает сомнений (см. рис. 2.3)

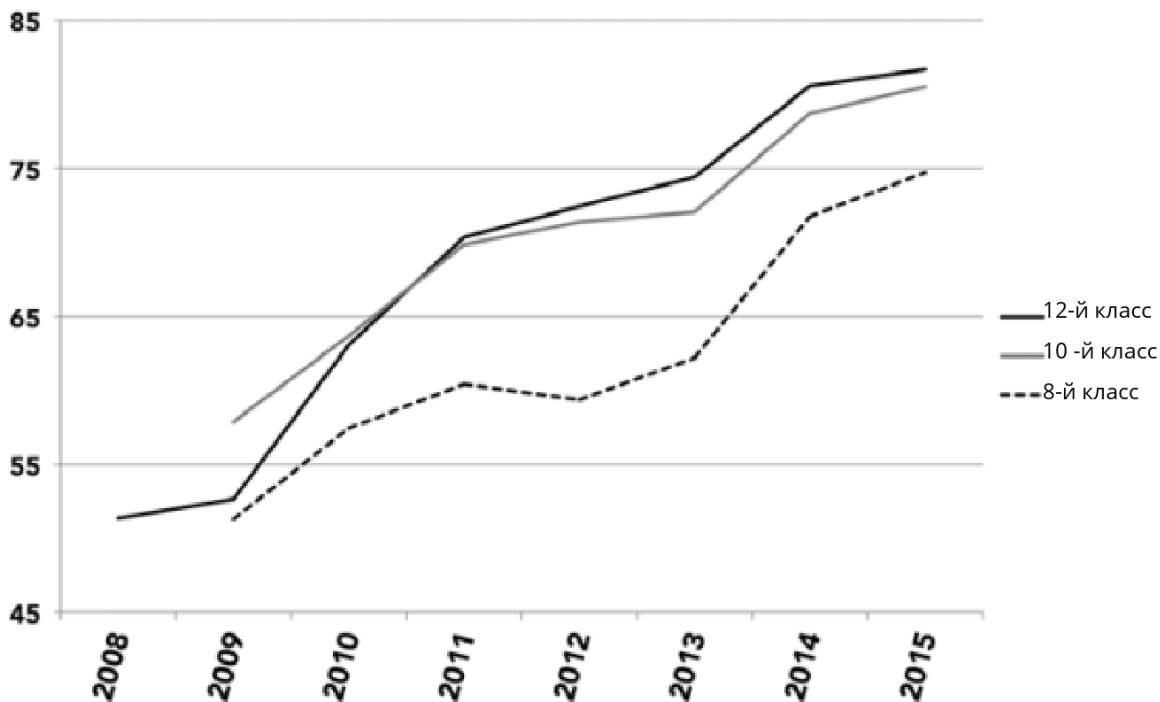

Рис. 2.3. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, которые пользуются социальными сетями почти ежедневно. The Monitoring the Future, 2008–2015

Всего за семь лет количество школьников, ежедневно заходящих в соцсети, выросло почти вдвое. Особенно впечатляет статистика по девочкам: в 2015 году 87 % двенадцатиклассниц (77 % юношей) пользовались социальными сетями ежедневно.

Аудитория социальных сетей сильно выросла за счет представителей национальных меньшинств и выходцев из малообеспеченных семей. Если в 2008 году в соцсетях ежедневно сидели преимущественно белые и богатые тинейджеры, то в 2015 году расовый и экономический факторы утратили свое значение. Ежедневное посещение соцсетей в настоящее время доступно всем подросткам, более того, оно превратилось в насущную потребность: если в 2008 году 14 % двенадцатиклассников заявили, что никогда не были в соцсетях (это достаточно много, чтобы говорить о существовании отдельной социальной группы), то в 2015 году таких оказалось всего 3 %. Только 2 % двенадцатиклассниц заявили, что никогда не пользовались соцсетями. Таким образом, 97 % двенадцатиклассников и 98 % двенадцатиклассниц знакомы с соцсетями и пользуются ими с разной периодичностью.

В социальных сетях очень важно уметь правильно себя подать. Харпер двенадцать лет, и она самая юная представительница поколения I, у которой я брала интервью. Ясным весенним днем она со своей тетей приехала ко мне домой, и, пока тетя играла с моими детьми, нам удалось поговорить на разные темы. Харпер до сих пор выглядит как ребенок, а не подросток, несмотря на то что она почти каждые выходные участвует в соревнованиях по чирлидингу и привыкла носить яркий макияж. Она живет в небольшом городке в Калифорнии, но иногда остается у бабушки с дедушкой, потому что ее родители развелись. У нее уже есть айфон, и она им активно пользуется. Как и большинство тинейджеров, с которыми мне приходилось общаться, она согласна с тем, что в социальных сетях необходимо быть позитивным и постоянно работать над улучшением своего имиджа. Сетями Харпер пользуется в основном для того, чтобы просматривать фотографии своих друзей в Instagram.

Обычно никто не хочет выглядеть там грустным. Если ваш друг, например, оказался в интересном месте, вы можете узнать, чем он там занимается. Там никто не делает ничего плохого. Мы просто посмотрим, кто, где и что делает.

Харпер, двенадцать лет

Недавно газета The Washington Post провела любопытный эксперимент, в котором приняла участие тринадцатилетняя Кэтрин, жительница города Маклин, штат Вирджиния. В статье подробнейшим образом описаны все действия, которые девочка совершала со своим айфоном во время двенадцатиминутной поездки из школы домой.

Большой палец на иконке Instagram. На экране появился мем с Барбарой Уолтерс. Она скролит, появляется новый мем. Затем еще один мем, и она закрывает приложение.

Она открывает BuzzFeed. На экране появляется статья о губернаторе Флориды Рике Скотте, которую она пропускает и переходит к статье о Джанет Джексон, затем к статье «28 вещей, которые вы поймете, если одновременно являетесь британцем и американцем».

Выходит из приложения. Открывает Instagram. Открывает приложение NBA. Выключает экран. Снова включает.

Запускает Spotify. Открывает Fitbit. Приложение показывает, что она сделала за день 7427 шагов. Снова открывает Instagram. Открывает Snapchat. Смотрит видео, на котором изо рта ее подруги появляется радуга.

Смотрит видео со звездой YouTube, которая надувает губы и щеки на камеру. Смотрит видео о том, как делать маникюр. Она почувствовала, как машина легко подпрыгнула на бордюре при въезде во двор, и оторвалась от телефона. Она дома.

У Кэтрин 604 подписчика в Instagram, и она сохраняет только фотографии, набравшие достаточно много лайков. «Если их больше 100, то уже неплохо», говорит она. Когда Кэтрин сменила имя пользователя в Snapchat, то ее Snapchat score (рейтинг) обнулится (пользователи получают баллы за отправленные и полученные фотографии). В тот же день она отправила 1000 фото, чтобы поднять его на прежний уровень. Она настолько интенсивно пользуется мобильным Интернетом, что ее отец давно отчаялся найти подходящий тарифный план.

Работая над книгой «Американские девушки, Социальные сети и тайная жизнь тинейджеров», репортер Нэнси Джо Сейлс взяла интервью у сотен девушек со всей страны. Помимо прочего, ее интересовало, что современные девушки делают в своих смартфонах и как это влияет на их жизнь. Она описала девушек, которые в погоне за лайками и положительными комментариями столкнулись с необходимостью выкладывать сексуальные или откровенные фотографии. Дело в том, что именно такие фотографии собирают наибольшее количество лайков. Однажды весной она беседовала сразу с несколькими тринадцатилетними школьницами из города Монклер, штат Нью-Джерси. Они, как и тинейджеры, с которыми довелось разговаривать лично мне, крайне неоднозначно относились к своим телефонам и социальным сетям.

Я так много провожу времени в Instagram за разглядыванием фоток незнакомых мне людей, что иногда типа удивляюсь: «Зачем мне все это?», но все равно продолжаю смотреть.

Мелинда

Если я открываю Snapchat, то могу забыть обо всем и зависнуть на час.

Райли

Я всегда держу телефон рядом, когда делаю уроки, чтобы видеть сообщения друзей... Типа кто-то постоянно хлопает меня сзади по плечу и заставляет оборачиваться.

София

Они бы и рады остановиться, но не могут.

Когда родители в наказание за плохое поведение удалили мой аккаунт в Instagram, я целую неделю испытывала жуткий стресс и переживала, что все от меня отпишутся.

Мелинда

Я всегда сама хотела удалить Instagram на телефоне.
С другой стороны, у меня там такие классные фотки.

София

Со временем многие айдженеры осознают бессмысленность погони за лайками и теряют к ним интерес, но обычно это происходит ближе к 20 годам. Джеймс, которому как раз 20 лет, учится в колледже в штате Джорджия.

Стоит зайти в социальную сеть и поставить статус или запостить картинку, как на тебя внезапно обрушивается лавина лайков и всего прочего. Со временем все эти виртуальные дружеские похлопывания по спине типа «Ты умница, ты прикольный, ты такой симпатичный» могут вызвать привыкание и зависимость. Думаю, это пустая трата времени.

Джеймс

Конечно, все это terra incognita для поколения X и даже миллениалов, которые выросли в совершенно другом мире.

Если вдуматься, то многие привычные сейчас вещи со стороны выглядят достаточно безумно. Если бы я в подростковом возрасте ходил по улицам со своей фотографией и приставал к прохожим с просьбой ее «лайкнуть», то мне бы сразу навешали тумачков. А если бы девушка раздавала налево-направо свои обнаженные фотографии, то люди бы решили, что ей следует обратиться к

психиатру. В наши дни те же самые по своей сути действия стали нормой и не вызывают удивления.

Пол Робертс, автор книги «Импульсивное общество: Америка в эпоху мгновенного удовлетворения»

Какие сайты посещают современные подростки? Социальные сети настолько стремительно появляются и бесследно исчезают, что к тому моменту, когда вы прочтете эти строки, наверняка появятся новые. Осенью 2016 года руководство фирмы «Piper Jaffray» выяснило, что только 30 % четырнадцатилетних подростков заходят в Facebook как минимум один раз в месяц, при этом 80 % из них пользуются Instagram, а 79 % — Snapchat. Обе платформы стремительно набирают популярность у взрослой молодежи: по данным Исследовательского центра Пью (Pew Research Center), 59 % молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет пользуются Instagram, а 56 % — Snapchat. Подростки, с которыми я беседовала в конце 2015-го и в 2016 году чаще всего упоминали в разговорах Instagram и Snapchat. Одно из последних увлечений айдженов — это приложения для видеочатов вроде Houseparty. Сами подростки называют их «будоражающими».

Мэтью, девятнадцатилетний студент пенсильванского колледжа, про которого мы уже говорили в первой главе, пользуется такой функцией Snapchat как Snapstory.

Если я играю в теннис или обедаю с друзьями, я записываю происходящее на видео или просто делаю фотографии, а затем добавляю контент в Snapstory, чтобы поделиться им с друзьями. Также я вижу Snapstory своих друзей и смотрю, что делают они. Все очень просто.

Главное в приложении — это камера, а фотографии загружаются значительно быстрее, чем на Facebook.

Я попадаю в своеобразный водоворот и всегда в курсе того, что происходит с моими друзьями.

В Snapstory фотографии хранятся 24 часа и потом автоматически удаляются, в результате образуется непрерывный поток фотографий, рассылаемых всем, кто добавлен в друзья.

Многие тинейджеры пользуются стандартной версией программы, в которой фотографии и сообщения исчезают автоматически (после просмотра «снэпы» автоматически удаляются с серверов компании).

Подростки рассматривают Snapchat в качестве «безопасного» способа общения с друзьями, поскольку любые фотографии или сообщения, за которые может быть стыдно, исчезают бесследно и не могут быть переданы другим пользователям. Одна из последних функций, добавленных в программу, предупреждает пользователей о том, что кто-то сделал скриншот их фотографии. «Скриншоты бесят всех», — сказал мне один тинейджер.

Как мы уже знаем, девушки, как правило, проводят в соцсетях больше времени, чем парни. Чем же еще так увлечены юноши кроме сетей? Они играют в видеоигры, как, впрочем, и многие девушки. За прошедшие несколько лет подростки стали уделять играм больше внимания. Если в 2008 году двенадцатиклассники играли менее часа в день, то сейчас полтора часа. Девушки увлеклись играми, вероятно, после того, как в них стало меньше насилия и появились ориентированные на них приложения вроде Candy Crush.

В играх есть то, что специалисты по статистике называют «бимодальным распределением»: кто-то играет очень много, а кто-то не играет вовсе. В 2015 году 27 % тинейджеров заявили, что играют в видеоигры менее часа в неделю, а 9 % признались, что играют больше чем 40 часов в неделю. Между прочим, это пять полных рабочих дней.

Когда я спрашиваю шестнадцатилетнего Макса, ученика старшей школы в Сан-Диего, как он развлекается, тот отвечает: «Играю в видеоигры». Он предпочитает многопользовательские онлайн-игры, в которых можно общаться с другими игроками с помощью наушников и микрофона. Я никогда ни во что подобное не играла и поэтому спрашиваю Макса, как это выглядит, а он пытается доступно объяснить. «Игра начинается в определенной точке. Из нее вы идете захватывать или уничтожать что-то, что принадлежит противнику. Вы командуете персонажами, которые дерутся с противником и походу дела разрушают башни», — рассказывает он.

Макс и четверо его друзей общаются на темы, не связанные с игрой, но когда я спрашиваю, встречаются ли они лично, он отвечает: «Иногда. На самом деле редко». В социальных сетях он также появляется не часто. Когда я спрашиваю, каким еще образом он проявляет свою социальную активность, Макс отвечает, что предпочитает сидеть дома и никуда особо не ходит. В этот момент я

понимаю, что его социальная активность сводится исключительно к видеоиграм.

Марку 20 лет, он учится в колледже в Техасе и называет себя «большим игроком». Со своим лучшим другом он познакомился, когда тот однажды на школьной перемене произнес слово «Snapshot» (речь шла о его любимой игре Halo). Они обменялись никами игроков в Xbox и с тех пор всегда играют вместе. Когда я спрашиваю Марка, что в первую очередь следует знать или сделать взрослым, чтобы понять его поколение, он, к моему удивлению, заявляет, что они просто должны понять суть видеоигр.

Когда ты играешь в Xbox онлайн, ты не можешь просто взять и нажать на паузу. Если родителям от тебя что-то нужно, то, по их мнению, ты должен это сделать немедленно. Я пытаюсь объяснить им, что «играю онлайн с другими людьми и не могу сейчас все бросить», но они ничего не понимают.

Марк

Некоторые молодые люди тратят на видеоигры настолько много времени, что впоследствии они вынуждены жестко себя ограничивать. Дарнеллу 20 лет, и он учится на экономиста в Университете штата Джорджия.

В старших классах у меня была серьезная проблема: кроме игр, меня мало что интересовало. Я приходил домой после тренировок примерно в девять вечера и сразу начинал играть в видеоигры. Заканчивал я обычно в 4 утра, а в 6:30 должен был вставать и идти в школу.

Сейчас Дарнелл позволяет себе играть только во время каникул.

Мне не нужны проблемы в колледже. Никто ведь меня не разбудит и не скажет: «Подъем! Пора в школу», поэтому если я снова начну играть, то просто забью на учебу.

В целом и девушки, и молодые люди проводят очень много времени онлайн и очень часто пользуются электронными устройствами. Совершенно очевидно, что делать это они могут только в ущерб какому-то другому занятию. У меня есть несколько вариантов, но полагаю, что в первую очередь пострадало то, что еще совсем

недавно объединяло и развлекало людей. И я говорю не о кнопочных телефонах.

Книги умерли?

В конце весны в Вирджинии уже невыносимо жарко и душно, поэтому прохладный кондиционированный воздух приносит долгожданное облегчение. Тринадцатилетний Сэм очень медленно и осторожно открывает нам дверь — недавно он подрался с другом и сильно травмировал руку, поэтому теперь вынужден носить черный бандаж. В его комнате стоит деревянная мебель, на окнах висят темно-синие занавески, стены увешаны спортивными постерами, а полки заставлены учебниками и школьными принадлежностями. В старшей школе он планирует заняться американским футболом и, возможно, борьбой. «Мне нравятся силовые виды спорта, в которых можно сбить кого-то с ног и положить на лопатки», — говорит он мне тоном, не терпящим возражений. Больше всего на свете он любит гулять с друзьями, при этом они подкалывают друг друга так, как это могут делать только мальчишки, а потом мужчины. Так, стоило появиться первым усикам у одного из его приятелей, как его немедленно прозвали «Лобковым усом». Другого зовут не иначе «Торпедо-Диабето». Хотя Сэм предпочитает живое общение с друзьями, он не прочь поболтать с ними в Snapchat. Особенно ему нравится функция, которая позволяет менять на фотографии лица (но не туловище или волосы) двух людей между собой. «Обычно это дико ржачно». Если у него появляется минута свободного времени, он смотрит программу «SportsCenter» на канале ESPN или спортивное видео в YouTube. Мне стало любопытно, читает ли он журнал «Sports Illustrated», спортивные колонки в газетах или книжки на спортивную тематику. Нет, не задумываясь, отвечает он.

Читаю только то, что в школе задают на дом. Я не большой фанат чтения.

Следует ли нам признать Сэма типичным представителем поколения I в том, что касается чтения книг? Положительный ответ напрашивается сам собой, если вспомнить, сколько времени они тратят на телефоны. С другой стороны, подростки никогда не были особыми любителями книг. Найти истину мы сможем, если сравним подростков разных поколений. Итак, действительно современные тинейджеры читают реже, чем их предшественники?

Судя по всему, да, реже. В конце 70-х большинство тинейджеров читали книги и журналы почти каждый день, а в 2015 году таких набралось лишь 16 %. Другими словами, тинейджеры читают в три раза реже, чем их сверстники в прошлом. Поскольку вопросы для исследования формулировались в 70-х, т. е. до изобретения электронных книг, следовательно, формат книг и журналов не уточнялся, то в круг читателей мы вправе внести миллениалов и айдженеров, предпочитающих Kindle или iPad.

Если быть краткой, то пользователи электронных книг ненадолго спасли книги как таковые: количество тех, кто для удовольствия прочитывает более двух книг в год, восстановилось к концу 00-х, однако с появлением айдженеров (и смартфонов), количество читателей стало снижаться. В 2015 году каждый третий старшеклассник признался, что за год не прочитал ни одной книги ради удовольствия. Это в три раза больше, чем в 1976 году. Удивительно, но даже студенты, т. е. молодые люди, которые по умолчанию должны любить книги, стали читать реже (см. рис. 2.4).

Столь стремительное падение плохо вяжется с проведенным в 2014 году опросом Исследовательского центра Пью, из которого следовало, что молодые люди в возрасте от 16 до 29 лет читают больше, чем взрослые. Как это понимать? Дело в том, что исследователи включили в статистику книги из обязательной школьной программы и допустили тем самым классическую ошибку, присущую многим однократным социологическим опросам: сравнили людей разного возраста и разных поколений. Согласно результатам опросов, использованных в настоящей книге и позволяющим сравнивать подростков из разных поколений, айдженеры читают намного меньше, чем их сверстники в прошлом.

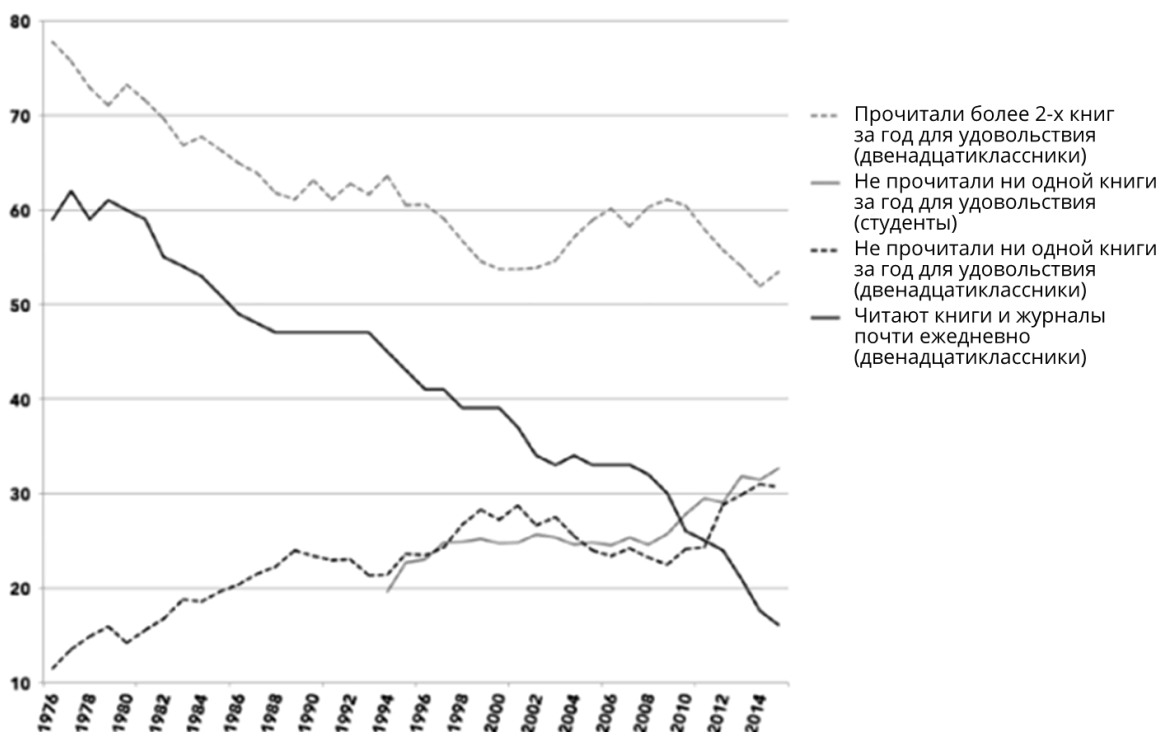

Рис. 2.4. Процент двенадцатиклассников (Monitoring the Future) и первокурсников (American Freshman Survey, 1976–2015), читающих книги и журналы

Почему? Потому что чтение занимает много времени. Поколение, привыкшее кликать мышкой по ссылкам и за несколько секунд прокручивать десяток страниц, просто неспособно надолго сконцентрироваться на книге.

Я не самая большая любительница книг. Мне сложно собраться и долго читать одну и ту же книгу. Я просто не могу спокойно сидеть на месте. Мы должны читать по 20 минут в день, и если книга оказывается не очень интересной, то мне по-настоящему сложно ее читать.

Харпер, отличница, двенадцать лет

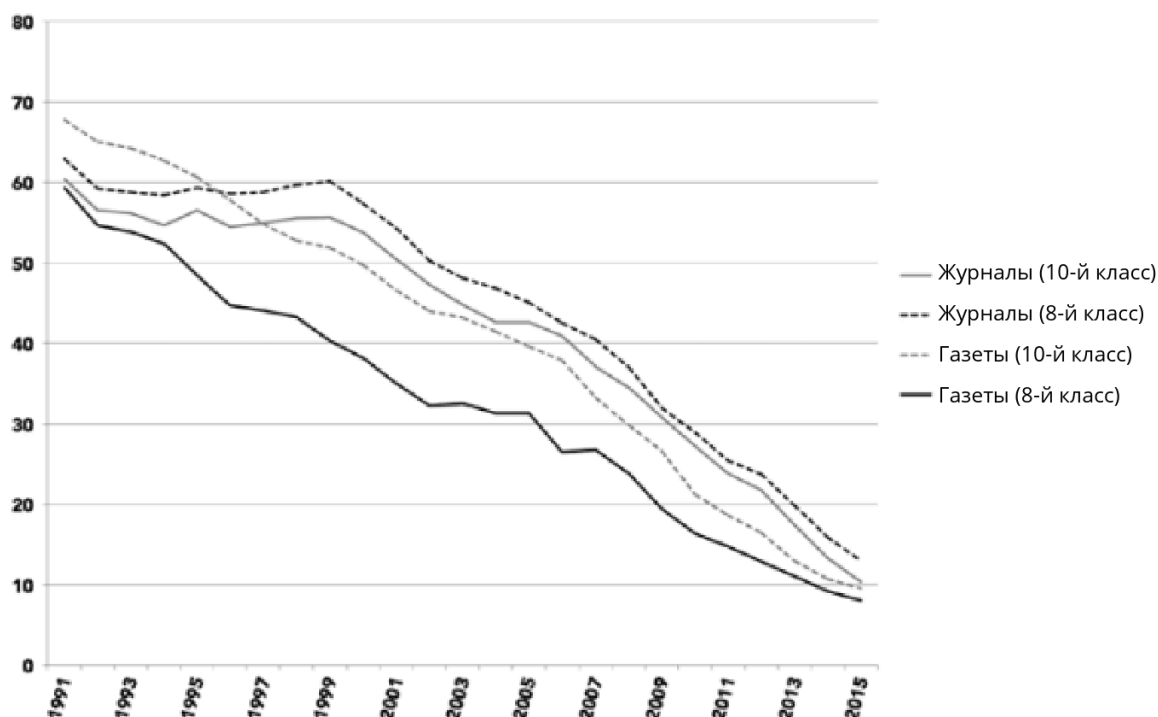

Рис. 2.5. Процент учеников 8-х и 10-х классов, которые читают журналы и газеты не менее одного раза в неделю. Monitoring the Future, 1991–2015

Айдженеры перестали читать отнюдь не только книги. Опросы учеников восьмых и десятых классов говорят о стремительном снижении интереса к газетам и журналам (см. рис. 2.5). Если в начале 90-х газеты читали 70 % подростков, то в 2015 году только 10 % (речь идет о чтении как минимум раз в неделю, что совсем немного). Ситуация с журналами обстоит немногим лучше.

Кто-то может сказать «так оно и есть». Однако сложившаяся ситуация противоречит многим научным теориям. Некоторые исследователи утверждают, что новые технологии не замещают, а дополняют старые формы медиа. Заинтересовавшись какой-либо темой, люди ищут информацию по ней в самых разных источниках и самыми разными способами. Кроме того, современные технологии упростили доступ к книгам и журналам, поскольку теперь их можно прочитать на Kindle и iPad, не выходя из дома. Но этих факторов недостаточно, чтобы остановить спад читательского интереса к печатной продукции (как сказал в одном мультике библиотекарь, передавая подростку книгу: «Представь, что это длинное текстовое сообщение»).

Может быть, тинейджеры меньше читают из-за того, что тратят больше времени на выполнение домашних заданий и дополнительные занятия вне школы? Нет. Как мы уже убедились в первой главе, на это они тратят столько же или меньше времени, чем их сверстники в прошлом (не забывайте, что работать по найму они также стали реже). Самый наглядный пример — это восьмиклассники: на уроки они тратят на 2 часа меньше, чем восьмиклассники в 90-х, при этом читают они тоже намного меньше. Когда представитель некоммерческой организации NPR спросил девятиклассницу Джамахри Сиднор, живущую в городе Вашингтон, округ Колумбия, читает ли она хоть что-нибудь, та ответила:

— Я не читаю книги для удовольствия... Я смотрю Netflix или Hulu. Да, я в основном смотрю телевизор. Это все.

Ее подруга Чиамака Аносике сказала:

— Я читаю то, что задают в школе. Обычно я сижу в телефоне или смотрю телевизор.

Большинство из двухсот опрошенных мной в 2015 году студентов первого и второго курсов Государственного университета Сан-Диего заявили, что газеты они не читают вовсе, но иногда просматривают в модных журналах статьи о светской жизни звезд. Один из ответов удивил меня своей конкретностью: «Я читаю журналы типа *Cosmopolitan* только в самолете». Типичный же ответ звучал примерно следующим образом:

Читал только то, что требовалось в рамках школьной программы. Мне не очень хочется тратить свободное время на книжки.

Многие студенты просто сказали, что любят читать, однако некоторые выражали свою неприязнь к книгам весьма категорично.

Я не люблю читать книги. Они нагоняют тоску и сон.

Студент

Мне не хватает терпения на чтение тех книг, которые я не должен читать по учебе.

Студент

Кто-то прямо заявил, что за всю жизнь не прочитал ни одной книги.

Перефразируя цитату из культового фильма «Принцесса-невеста», можно сказать, что книги не мертвы — они скорее мертвы. Или что они впали в кому и их жизнь поддерживается искусственным путем. Мало какое развлечение способно выдержать конкуренцию со смартфонами.

Мой отец до сих живёт в мире книг. Походу он не в курсе, что их место давно занято Интернетом.

Студент в интервью Chronicle of Higher Education

Пожалуй, отказ от бумажных книг сам по себе выглядит вполне безобидно, но только при условии, что он не влияет на академические навыки. Увы, но средние баллы, набираемые школьниками при выполнении «Академического оценочного теста» (SAT), неуклонно снижаются с середины 2000-х. Более всего пострадали такие навыки, как письмо (снижение на 13 баллов начиная с 2006 года) и чтение (снижение на 13 баллов начиная с 2005 года; см. рис. 2.6). К сожалению, по развитости академических навыков айдженеры сильно отстают от миллениалов.

Снижение баллов по SAT нередко пытаются объяснить увеличением числа абитуриентов. И действительно, чем больше школьников сдает необходимые для поступления в колледжи тесты, тем больше среди них оказывается недостаточно прилежных учеников. По этой причине резко снижались средние баллы по SAT в 70–90-х годах прошлого века, однако в период с конца 2000-х до начала 2010-х годов число абитуриентов практически не менялось. Любопытно, что баллы, набираемые за такой критически важный навык как чтение, растут и снижаются одновременно с увеличением и снижением числа школьников, читающих более двух книг в год.

Судя по всему, написание текстовых сообщений и постов в социальных сетях никоим образом не способствует развитию навыков чтения и письма. Частично это объясняется тем, что умение сохранять концентрацию внимания не является необходимым условием пользования социальными сетями. В ходе одного исследования студентам на ноутбуки была установлена программа, делающая скриншоты экрана каждые пять секунд. Исследователи выяснили, что в среднем студенты переключались между заданиями каждые 19 секунд. Более 75 % студентов закрывали программы менее чем через

минуту после открытия. Такая модель поведения никак не подходит для продолжительного чтения одной книги.

Рис. 2.6 Средний бал, набираемый старшеклассниками при сдаче «Академического оценочного теста» (SAT). College Board

Спад читательской активности в ближайшем будущем создаст множество проблем самому широкому кругу лиц: родителям, преподавателям и издателям. Действительно, каким образом непривычный к чтению студент собирается осилить восьмьсотстраничный учебник? Многие преподаватели жалуются, что их студенты вообще не читают учебники, даже если это необходимо для успешного освоения материала.

Некоторые издатели ради сохранения читательской аудитории все больше внимания уделяют электронным книгам. Как преподаватель университета, автор и соавтор трех учебников, я считаю, что надо идти еще дальше. Айдженерам нужны максимально интерактивные учебники, в которых будет много видеоматериалов и вопросников. Кроме того, учебники необходимо сократить в объеме и писать их более разговорным языком. Поступая в колледж, школьники не обладают достаточно развитыми навыками чтения, поэтому мы

обязаны принять их такими, какие они есть, и одновременно дать все предусмотренные учебной программой знания. Определенные потери информации при этом неизбежны, но это лучше, чем полное отсутствие знаний, обусловленное нежеланием читать.

Авторы привычных книг и журналисты уже сделали некоторые шаги в этом направлении; например, статьи все больше сокращаются и упрощаются. Для сохранения и поддержания интереса к своей продукции издатели, вероятно, будут вынуждены разбавлять тексты опросниками, тестами, фото и видеоматериалами по аналогии с веб-страницами. В результате, я надеюсь, айдженеры наконец полюбят чтение.

Подборка «Смешные котики 2017»!

Короче, там, типа, собака карабкается на детские ворота безопасности. Они типа начинают заваливаться, и собака короче падает вместе ними и исчезает из кадра. Очень смешно.

Хлоя, ученица двенадцатого класса.

Хлоя обожает смотреть с подругой видео, особенно про животных, в YouTube, Twitter, Buzzfeed и Facebook. Вот, например, ее описание еще одного любимого ролика:

Там, типа, собака что-то натворила. Вы когда-нибудь видели собаку, которая накосячила и понимает это, а потом, типа, извиняется и пытается улыбнуться? Не, она реально улыбалась. Еще там была прикольная музыка за кадром. В январе я влюбилась в это видео и реально пересматривала его каждые пять минут.

Подобные ролики пользуются неизменной популярностью и набирают тысячи просмотров с момента появления YouTube в 2006 году. Несмотря на отсутствие полноценных исследований, подтверждающих мое мнение, рискну предположить, что подростки тратят кучу времени на просмотр видео в социальных сетях и на сайтах вроде YouTube. Также они могут находить ролики в Twitter. Например, двадцатилетний Дарнелл подписан на нескольких пользователей, которые выкладывают только фотографии собак.

Рис. 2.7. Количество часов, проводимых учениками 8, 10 и 12-х классов еженедельно перед телевизором. Monitoring the Future, 1976–2015

Я могу весь день рассматривать щенков.

Дарнелл, двадцать лет

Огромной популярностью пользуются ролики с «фейлами» животных, улыбающимися младенцами, детьми, которых силой затаскивают в кабинет к стоматологу, видеоклипы и почему-то танцующие цыплята. Впервые в истории человечества любому доступна абсолютно любая информация, но мы предпочитаем смотреть видео с котиками.

Онлайн видео почти заменило подросткам телевизор, хотя в целом его популярность снизилась не так сильно, как у книг. В 2015 году подростки ежедневно тратили на просмотр телепередач в среднем на один час меньше времени, чем в начале 90-х (см. рис. 2.7). Удивительно, но даже Netflix и Amazon Prime не смогли одолеть котиков.

Смотреть телепередачи айдженеры предпочитают в записи или онлайн на сайтах телеканалов.

Я понятия не имею, как включается дома телевизор. Весь интересный мне контент я получаю с помощью ноутбука.

Грейс Масбэк, семнадцать лет, в газете Hufington Post

Айдженеры также стали реже ходить в кинотеатры. Посещаемость кинотеатров оставалась на стабильно высоком уровне в эпоху видеопрокатов в 80-х и 90-х годах и практически не менялась вплоть до середины 2000-х, когда наметился четкий тренд на снижение (см. рис. 2.8). Таким образом, ни сеть видеопроката Blockbuster (открылась в 1985 году), ни Netfilx (появился в 1997 году), распространявший фильмы по почте, не смогли отбить у подростков желание смотреть фильмы на большом экране. С этой задачей успешно справились потоковое видео и различные онлайн-сервисы (попутно они убили и Blockbuster).

Когда я спросила своих студентов, где они предпочитают смотреть кино — в кинотеатрах или дома большинство из них ответили, что дома, потому что это проще, дешевле и удобнее. Многие айдженеры привыкли смотреть кино только в привычной для них обстановке.

Я не вполне понимаю тех, кто утверждает, что им нравится платить деньги за просмотр фильмов в кинотеатре. Благодаря современным технологиям я могу сидеть дома в любой одежде (или без нее) и смотреть любые фильмы онлайн, доставая при этом еду из холодильника, а не покупая ее втридорога. Я всегда могу нажать на паузу, отмотать назад или вперед. Все это совершенно невозможно сделать в кинотеатре.

Кармен, двадцать два года

Итак. Поколение I проводит очень много времени онлайн, пишет очень много текстовых сообщений и все меньше времени тратит на такие традиционные медиа, как журналы, книги и телевидение. Айдженеры тратят столько времени на смартфоны, что им некогда и неинтересно читать журналы, ходить в кино и смотреть телевизор (в виде исключения они смотрят телепередачи в телефоне). Хотя «экранная» революция началась с изобретения телевизора, именно Интернет ускорил гибель печатной продукции. Печатный станок был изобретен Гуттенбергом в 1440-х годах, таким образом более 500 лет информация хранилась и передавалась преимущественно в виде

напечатанного на бумаге текста. Мы живем в эпоху удивительных перемен: мир стремительно меняется у нас на глазах.

Рис. 2.8. Процентное соотношение учеников 8-х, 10-х, 12-х классов, которые ходят в кино раз в месяц или более. Monitoring the Future, 1976–2015

Будущее айдженеров, как и всех нас, зависит от итогов этой революции. Все может сложиться как нельзя лучше, если веб-страницы начнут конкурировать с электронными книгами, а весь необходимый контент будет храниться в ноутбуках или облачных хранилищах. В этом случае мы избавимся от макулатуры и необходимости паковать книги в огромные коробки при переезде. Гораздо хуже будет, если айдженеры и будущие поколения не научатся терпеливо и глубоко погружаться в изучение важных и сложных тем. В этом случае Америку ждет серьезный экономический кризис.

Есть еще один, более насущный вопрос. Если тинейджеры привыкли общаться с друзьями онлайн, то насколько часто они видятся лично? Смогли ли электронные устройства заменить личные встречи? Давайте разбираться.

Глава 3. Только не лично: я с тобой, но виртуально

С семнадцатилетним Кевином, американцем азиатского происхождения, мы встречаемся на перемене в коридоре его школы, расположенной на севере Сан-Диего. У него черные жесткие волосы и усталая улыбка. Кевин — старший из трех детей в семье, при этом его родители ждут рождения четвертого. До недавнего времени все они жили в квартире, в которой всегда стоял детский шум и гам. Вероятно, поэтому он необычайно чуток и отзывчив для своего возраста. «Замотались за день?» — спрашивает он, когда в начале разговора я делаю пару глотков воды.

Кевин — не самый организованный школьник на свете: вначале он забывает принести письменное согласие родителей на наше интервью, а потом не может вспомнить, о чем хотел меня спросить пару минут назад. Но когда я спрашиваю, чем его поколение в первую очередь отличается от всех предыдущих, он, не колеблясь, отвечает:

Мы меньше тусуемся и реже ходим на вечеринки. Никто вообще никуда не ходит. Мое поколение утратило интерес к личному общению — нет физического контакта. Все сидят дома и строчат друг другу сообщения.

Кевин, семнадцать лет

Кевин знает, о чем говорит. К примеру, тинейджеры сейчас ходят на вечеринки гораздо реже, чем их предшественники (см. рис. 3.1.). Опрошенные в 2016 году студенты также признались, что в двенадцатом классе они мало интересовались вечеринками и в среднем тратили на них два часа в неделю — в три раза меньше, чем школьники из поколения X в 1987 году. Спад никак не связан с перегруженностью школьников. В первой главе мы уже рассказывали о том, что на домашние задания они тратят времени столько же или меньше, чем их предшественники. Также тренд нельзя объяснить ростом иммиграции или изменением этнического состава населения, поскольку в равной степени спад затронул и белую молодежь.

Рис. 3.1. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, которые ходят на вечеринки раз в месяц или чаще. Monitoring the Future, 1976–2015

Девятиклассница Прия, с которой мы познакомились в первой главе, говорит, что никогда не была на вечеринках и не собирается на них ходить. «В книжках пишут, типа, школьники только и делают, что играют в американский футбол и ходят на вечеринки. На самом деле это совсем не так. Никому, в том числе и мне, это не интересно». Некоторые из принявших участие в опросе Государственного университета Сан-Диего первокурсников отметили, что школьные вечеринки обычно организуются родителями и сейчас они совсем не похожи на увековеченные в фильмах Джона Хьюза безумные гулянки, во время которых подростки напивались и крушили все вокруг.

В старшей школе я ходил только на дни рождения своих друзей. Почти все эти вечеринки были организованы родителями или как минимум на них присутствовал кто-то из взрослых.

Ник, восемнадцать лет

Почему вечеринки утратили популярность? Кевину есть что ответить на этот вопрос:

Люди ходят на них от скуки — им надо как-то развлечься. Сейчас у нас есть Netflix, и мы можем смотреть сериалы круглосуточно. Про Интернет я вообще молчу.

Ник, восемнадцать лет

Вполне возможно, он прав. Действительно, если дома к нашим услугам гигантская индустрия развлечений, то зачем заморачиваться с вечеринками? Кроме того, у подростков появились множество новых способов общения. Вечеринка никогда не заканчивается... в Snapchat.

Просто болтаемся

Почему бы не предположить, что классические вечеринки чужды этому осторожному, сфокусированному на будущей карьере поколению? Может быть, равнодушная к алкоголю молодежь предпочитает тусоваться на улице или в торговых центрах?

Ничего подобного. Количество подростков, ежедневно встречающихся со своими друзьями, снизилось за прошедшие 15 лет вдвое (см. рис. 3.2).

Это самое убедительное доказательство того, что айдженеры уделяют личному общению значительно меньше времени, чем их сверстники в прошлом. И речь идет не об участии в безумных вечеринках, а о живом человеческом общении, которое, казалось бы, необходимо ботаникам и задирам, интровертам и экстравертам, богатым и бедным, троечникам и отличникам, любителям травки и тем, кто выбрал здоровый образ жизни. Необязательно тратить кучу денег или ходить в пафосные клубы — достаточно просто быть друзьями и часто видеться. Современным подросткам все это не интересно.

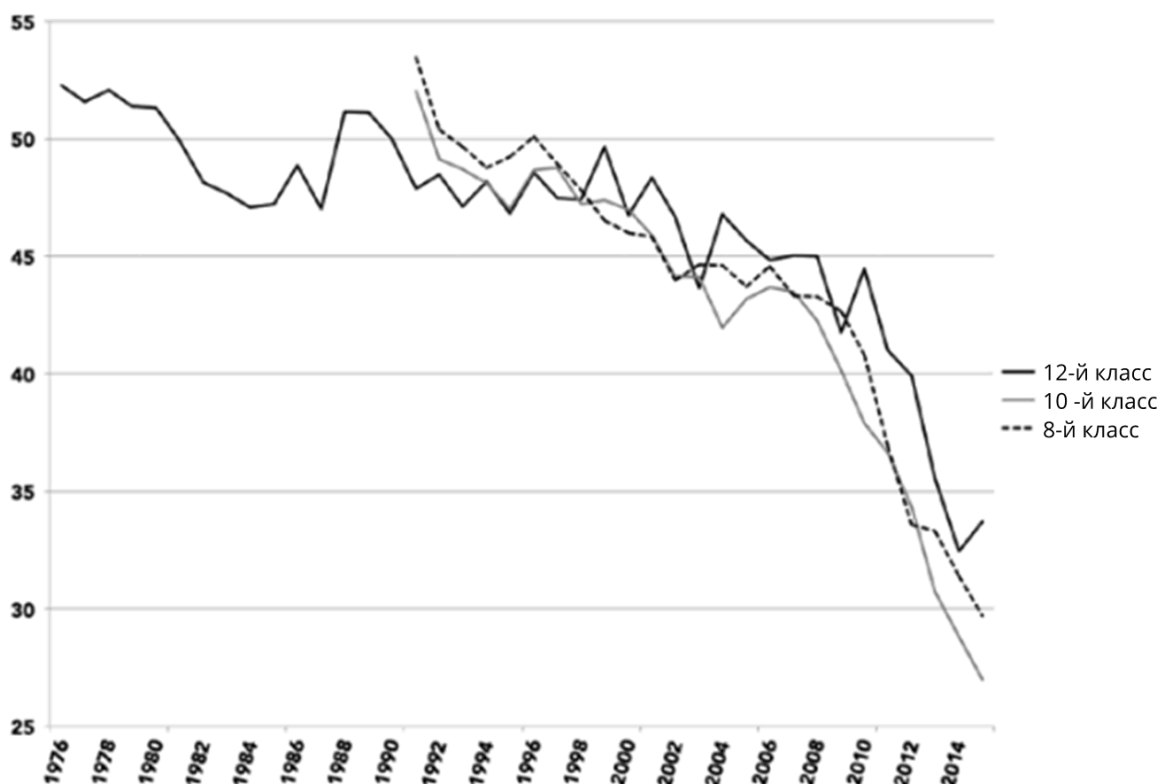

Рис. 3.2. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, которые встречаются с друзьями ежедневно или почти ежедневно. Monitoring the Future, 1976–2015

Благодаря опросу, в ходе которого студенты ответили на вопрос о том, сколько часов в неделю они проводят с друзьями, нам известны некоторые особенности их социального взаимодействия. Так, в 2016 году студенты тратили на встречи с друзьями на четыре, а на вечеринки на три часа в неделю меньше времени, чем их сверстники в конце 80-х. Таким образом, время, уделяемое личному общению, сократилось на семь часов в неделю или на один час день, а ведь этот час они могли бы посвятить развитию социальных навыков и умению управлять своими эмоциями. Некоторые родители ошибочно полагают, что этот час их дети тратят на что-то более полезное, однако, как нам уже известно, они проводят его не за уроками, а перед монитором или экраном смартфона.

Тинейджеры также редко и мало куда ходят с друзьями. Кроме того, из первой главы нам известно, что они все реже выходят из дома без родителей. С этим связана интересная закономерность: подростки, которые редко гуляют с друзьями, в пятницу и субботу вечером почти всегда сидят дома. Если в прошлом таких двенадцатиклассников

насчитывалось не более 8 %, то в 2015 году их было уже 20 %. Следуют этому тренду, причем с заметным опережением, и ученики восьмых и десятых классов: в 90-х только каждый пятый редко гулял с друзьями, а 2015 году — каждый третий.

Весьма примечательно и то, что стремительное падение интереса к личному общению со сверстниками совпало по времени с появлением доступных смартфонов и социальных сетей.

Из мира реального общение перешло в мир виртуальный.

Некоторые ребята настолько увлечены социальными сетями и играми, что не замечают тех, кто находится рядом с ними. Они даже умудряются там заводить фейковых виртуальных друзей. Да, эти как бы друзья могут подбодрить или развеселить, но реально-то вы с ними не знакомы, поэтому ни о какой настоящей дружбе говорить не приходится.

Кевин, семнадцать лет

Все вместе (или не вместе)

Если ваше детство и юношество прошли в 80-е или 90-е, то вы, конечно, помните, как гуляли с друзьями в торговых центрах, разглядывали спорттовары в Sports Authority, примеряли сережки в Claire's, а затем перекусывали на фуд-корте. Айдженеры делают все это гораздо реже (см. рис. 3.3), и в целом количество подростков, отдыхающих с друзьями в торговых центрах, неуклонно снижается.

Это одна из важнейших причин закрытия торговых центров по всей стране. На сайте Buzzfeed.com можно найти интересную подборку сюрреалистичных фотографий, сделанных в заброшенных торговых центрах. Так в Rolling Acres Mall, опустевшем в 2013 году, мы видим увядшие растения на фоне зеркальных боковых панелей эскалаторов, в бывшем Cloverleaf Mall — никому не нужные тележки по продаже попкорна, навсегда погасшую вывеску Food Court, мертвые пальмы, склонившиеся над пустым фонтаном, пустые витрины и груды мусора, а в Randall Park Mall — телефонные будки и лежащую на полу, как сбитое животное на дороге, телефонную книгу.

Рис. 3.3. Процент учеников 8-х и 10-х классов, посещающих торговые центры не реже одного раза в месяц. Monitoring the Future, 1991–2015

Миллениалы, представители поколения X и беби-бумеры в свое время были социализированы куда лучше, чем айдженеры. Как мы знаем из первой главы, современная молодежь все реже гуляет и ходит на свидания. Им вряд ли придет в голову сесть в машину и ехать куда глаза глядят просто ради удовольствия, а ведь когда-то это было одной из важнейших тем таких фильмов как «Под кайфом и в смятении» и «Американские граффити». В прошлом подростки не мыслили своей жизни без регулярных походов на вечерние киносеансы (о каком детстве вообще можно говорить, если вы никогда не ловили ртом попкорн?), но, как нам известно из второй главы, айдженеры обходят кинотеатры стороной. Они реже стали ходить в бары и ночные клубы. С тех пор как в 1988 году возраст, начиная с которого разрешено употреблять алкоголь, был повышен до 21 года, количество двенадцатиклассников, посещающих бары и ночные клубы, снизилось вдвое. В 2001 году газета New York Times обратила внимание на интересный тренд — появление клубов для тинейджеров (т. н.

«начальные клубы»), в некоторые из которых могли попасть подростки младше 18 лет. Впрочем, та же газета в 2016 году сообщила о закрытии многих из таких клубов.

То, что тинейджеры безвылазно сидят дома, вовсе не означает, что все это время они посвящают общению с родителями, братьями и сестрами.

Тринадцатилетняя Афина, с которой мы познакомились в самом начале книги, рассказала, что дома она, как и ее друзья, обычно тыкается в телефон.

Они могут сидеть в одной комнате и вообще не разговаривать. Иногда они, не отрываясь от телефона, могут сказать «да, да, хорошо». Они не уделяют своей семье никакого внимания.

Афина, тринадцать лет

В последнее время Афина часто сидит дома одна. Она шутит, что после лета, проведенного в социальных сетях, ее кровать навсегда приняла форму ее тела. Судя по всему, айдженеры — это первое поколение, которое предпочитает все свободное время проводить в полном одиночестве.

Хотя достоверно это не известно, я полагаю, что свободное время они проводят онлайн: сидят в социальных сетях, смотрят видео и пишут текстовые сообщения.

Короче говоря, по сравнению с тремя другими изученными возрастными группами, айдженеры наименее склонны к осуществлению любых видов деятельности, требующих личного контакта. К указанным видам деятельности в равной степени относится общение как в малых группах (например, тет-а-тет с близкими друзьями), так и в больших (например, участие в вечеринках); простые случайные действия (например, совместная поездка на автомобиле), и сложноорганизованные, (например, совместный поход в кино); действия, которые можно совершать как в реальной жизни, так и онлайн (например, совершение покупок), и, наконец, действия, которые невозможно воспроизвести онлайн (например, совместные прогулки).

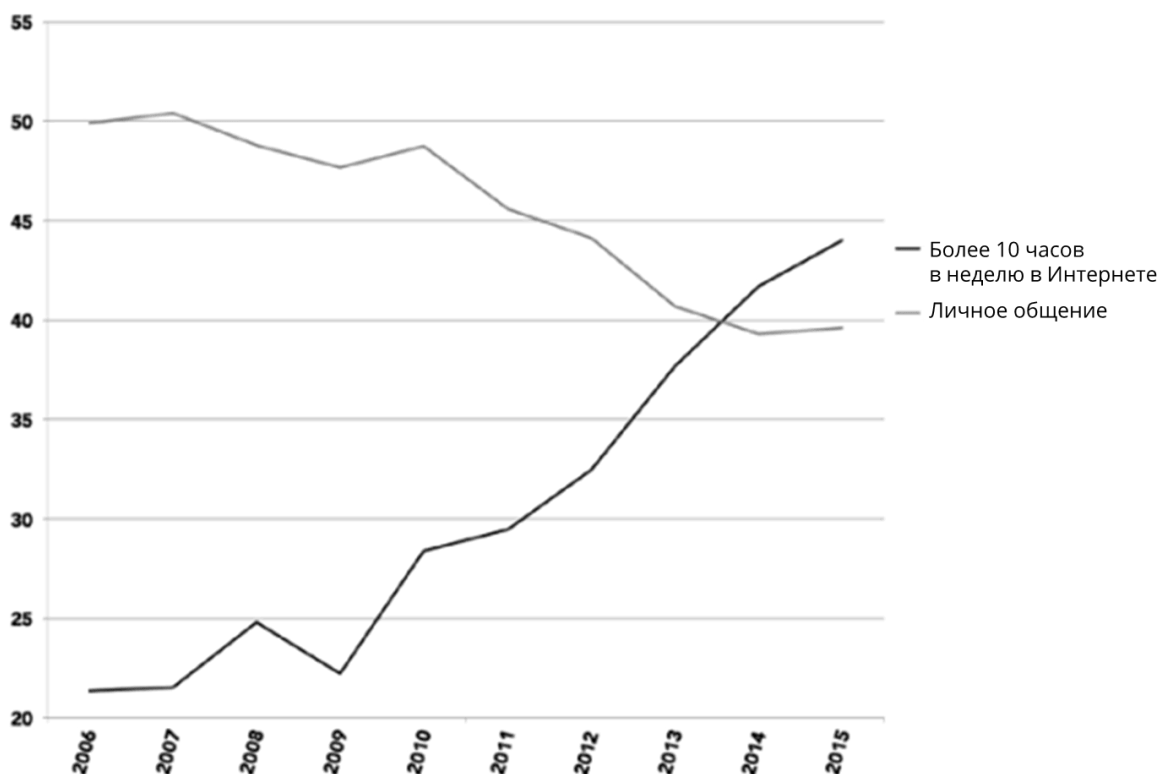

Рис. 3.4. Процент двенадцатиклассников, проводящих 10 и более часов в Интернете, и процент тех, кто отводит на личное общение со сверстниками в среднем 4 часа в неделю. Monitoring the Future, 2006–2015

При этом они с удовольствием общаются друг с другом с помощью электронных устройств. Обратите внимание на рис. 3.4. По нему можно сделать только один вывод — Интернет победил раз и навсегда. Подростки все чаще общаются друг с другом посредством текстовых сообщений в Instagram или Snapchat и все реже лично. Айдженеры отказались от реальной дружбы в пользу электронной.

Некоторые утверждают, что шумиха вокруг «экранного времени» вызвана искусственно и не имеет под собой никаких реальных оснований. Дескать, подростки просто связываются со сверстниками время от времени онлайн, а в остальном их жизнь никак не изменилась. Приведенный выше график однозначно свидетельствует об обратном: с появлением смартфонов и социальных сетей социальная жизнь тинейджеров изменилась коренным образом. Они все реже общаются с друзьями лично — примерно на час в день меньше, чем их сверстники в прошлом. Надо понимать, что жизнь

современных тинейджеров, как и всех нас, никогда не будет прежней, потому что мобильный Интернет слишком глубоко пустил в ней корни.

Кто-то заявляет, что социальные сети не заменили личное общение, а дополнили его. Дескать, подростки, которые проводят много времени в Сети, так же активны и в реальной жизни. Действительно, такие исключения встречаются (вспомните энергичных «крутых» школьников, которым до всего есть дело, и сравните их с «ботаниками»), но они лишь подтверждают правило. Ни для кого не секрет, что социально активные подростки одинаково активны как в Интернете, так и в обычной жизни, однако в целом за последние пять лет количество подростков, предпочитающих общаться в Интернете, значительно увеличилось.

Если вы не айдженер, то попробуйте вспомнить свои школьные годы. Что вы вспомнили в первую очередь? Свой выпускной, первый поцелуй, ссору в торговом центре? Все это могло произойти только в отсутствие родителей. Современные подростки все реже получают подобный опыт. Что они будут вспоминать, когда вырастут? Как однажды удачно пошутили, переписываясь с друзьями? Свое лучшее селфи? Вирусный мем? Или все-таки то, как однажды весело провели время с друзьями на улице?

Дарнелл, о нем мы уже говорили выше, абсолютно уверен, что повальное увлечение смартфонами напрямую связано с нежеланием общаться лично.

Родители хотят, чтобы мы чаще виделись с друзьями, однако мало кто из нас к этому стремится. Наше поколение более технологично. Я не представляю, как можно жить без телефона. Мой календарь, электронная почта, какие-то записи — все хранится в нем. Наконец я постоянно что-то читаю.

Дарнелл, двадцать лет

Лично мне проще написать сообщение, поставить лайк или оставить комментарий, чем звонить кому-то и говорить типа: «Привет, не хочешь пойти куда-нибудь перекусить?»

Джеймс, студент

Но даже если они договариваются о встрече, то технологии, в первую очередь сообщения, заметно упрощают им жизнь.

Двадцатитрехлетний Генри считает, что сообщения позволяют ему избегать потенциально неловких ситуаций.

Когда я заезжаю за другом, то вместо того, чтобы стучать в дверь, а потом вступать с диалогом с его соседями или родителями, я просто пишу, что уже подъехал.

Несложно представить себе сцену, как Генри паркуется около дома, отправляет короткое сообщение, и уже через пару мгновение его друг выходит на улицу и садится к нему в машину. Дверь хлопает, и они уносятся прочь. Никаких лишних контактов с посторонними.

Когда гаснут экраны: Психическое здоровье и счастье

Многие люди утверждают, что в виртуальном общении нет ничего плохого. Мол, это личное дело подростков, и не надо им мешать. С этой точки зрения виртуальное общение ничем не отличается от реального. Следовательно, на психическое здоровье и уровень счастья оба вида общения влияют одинаково положительно: подростки, которые не выходят из социальных сетей и часто пишут сообщения, так же счастливы и так же редко страдают от депрессий или одиночества, как и их социально активные сверстники, предпочитающие живое общение с друзьями и проводящие меньше времени с телефоном.

Мы вполне можем проверить эту гипотезу. Давайте начнем с уровня счастья. В ходе опросов Monitoring the Future подросткам задаются предельно общие вопросы о том, насколько счастливыми они себя считают: очень счастливыми, достаточно счастливыми или не очень счастливыми. Кроме того, респонденты должны сказать, сколько свободного времени они тратят на социальные сети, текстовые сообщения, Интернет, встречи с друзьями, занятия спортом и печатные СМИ. Таким образом, не представляет никакой сложности выяснить, какие виды деятельности приносят радость, а какие создают проблемы.

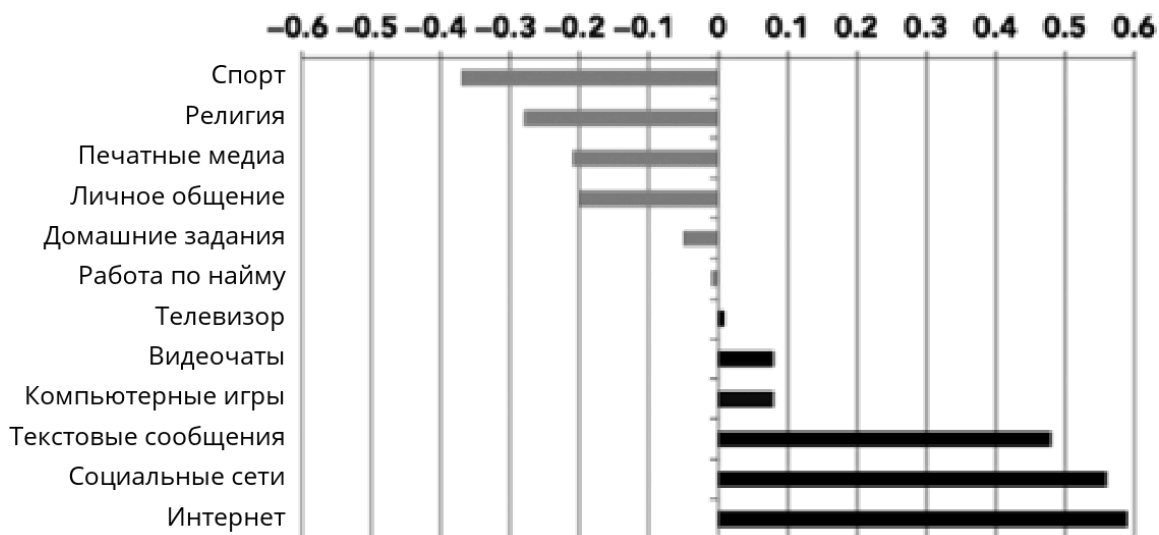

Рис. 3.5. Факторы, снижающие (серые полосы) и повышающие (черные полосы) уровень неудовлетворенностью жизнью у восьмиклассников. Monitoring the Future, 2013–2015

Результаты опросов однозначно говорят, что социально активные и общительные подростки более счастливы и довольны жизнью, чем подростки, проводящие много времени перед мониторами и экранами телефонов (см. рис. 3.5). Нет ни одного исключения. Чем больше времени вы тратите на телефон и компьютер, тем менее вы счастливы.

Например, если восьмиклассник проводит в социальных сетях десять и более часов в неделю, то вероятность того, что он будет чувствовать себя несчастным, возрастает на 56 %. Безусловно, десять часов — это слишком много. Давайте узнаем, как обстоят дела у тех, кто проводит в сетях шесть часов неделю. Вероятность того, что они признают себя несчастными, повышается на 47 %. И наоборот, если подросток проводит много времени с друзьями офлайн, то вероятность того, что он будет чувствовать себя несчастным, снижается на 20 %. Секрет счастливой жизни прост: достаточно отложить в сторону телефон, выключить ноутбук или iPad и сделать что-то по дому, прочитать книгу, заняться спортом или встретиться с друзьями.

Эти данные не позволяют нам безоговорочно утверждать, что экранное время (screen time) делает людей несчастными. Вполне возможно, что недовольные жизнью подростки просто чаще сидят в Интернете. Однако три других исследования дают основание полагать, что экранное время (в первую очередь время, проводимое в социальных сетях) способно делать людей несчастными. Так, в ходе первого исследования студентам, зарегистрированным в Facebook, было предложено в течение двух недель регулярно отвечать на несколько простых вопросов — пять раз в день им на телефон приходила ссылка на опросник, и они докладывали о текущем настроении и о том, сколько времени провели в Facebook с момента получения предыдущего сообщения. Выяснилось, что чем больше времени они проводили в социальной сети, тем более несчастными они себя чувствовали. Что интересно, плохое настроение и неудовлетворенность жизнью не вызывали желания проводить больше времени в Facebook.

Другое исследование, в котором приняли участие взрослые люди, дало тот же самый результат: чем больше времени они проводили в

Facebook, тем сильнее ухудшалось их психическое здоровье и рос уровень неудовлетворенности жизнью. Однако, как только участники исследования начинали больше проводить времени с друзьями, их психическое здоровье приходило в норму, а уровень неудовлетворенности жизнью снижался. В третьем исследовании приняли участие 1095 взрослых датчан, которые в случайном порядке были разделены на две группы: экспериментальную, участники которой должны были отказаться от пользования Facebook, и контрольную, участники которой пользовались социальной сетью без каких-либо ограничений. Спустя неделю те, кто были лишены Facebook, чувствовали себя менее подавленными, одинокими и более счастливыми (причем с заметным отрывом: счастливых стало больше на 9 %, а подавленных и одиноких — на 33 % и 36 % процентов меньше, соответственно), чем те, кто продолжал пользоваться Facebook. Кроме того, было установлено, что члены первой группы стали менее раздражительными, тревожными и грустными. Результаты эксперимента полностью опровергают мнение, что неудовлетворенные жизнью люди изначально склонны проводить много времени в социальных сетях. Как выяснилось, именно Facebook делает людей одинокими, несчастными и депрессивными.

Наибольшую опасность социальные сети представляют для самых младших тинейджеров. Вероятность того, что восьмиклассники будут чувствовать себя несчастными, возрастает на 56 %, если они проводят в социальных сетях десять и более часов в неделю. Для учеников десятых и двенадцатых классов этот показатель равен 47 % и 20 % соответственно (см. рис. 3.6). Столь высокая уязвимость восьмиклассников объясняется тем, что они еще не полностью сформированы как личности и зачастую испытывают комплексы из-за своей внешности. Гремучая смесь, особенно если добавить в нее кибербуллинг (травля в Интернете). По мере взросления тинейджеры травят друг друга все реже, становятся более уверенными и поэтому менее склонны считать себя несчастными.

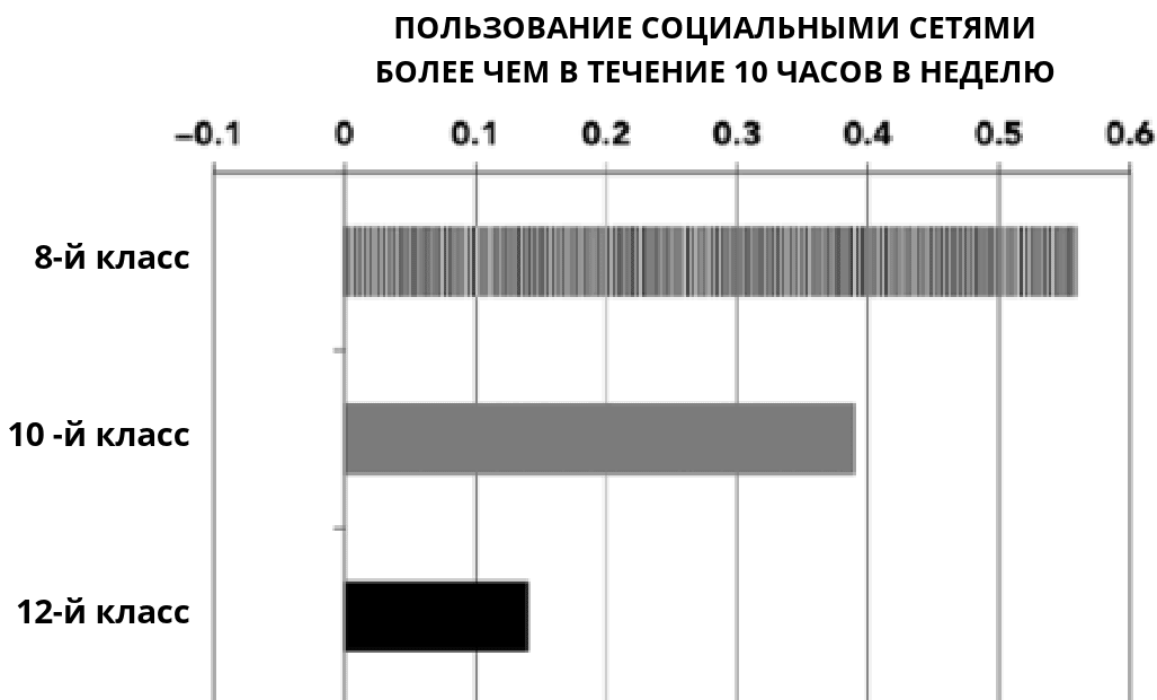

Рис. 3.6. Влияние социальных сетей на уровень несчастья учеников 8, 10 и 12-х классов, которые пользуются ими 10 и более часов в неделю. Monitoring the Future, 2013–2015

Предположим, что социальные сети имеют свои плюсы. В теории они, как минимум, должны объединять людей. Действительно, если соцсети еще никого не сделали счастливым, это не значит, что они не могут избавить от одиночества и дать ощущение некой сопричастности. Недавно в рекламе Facebook Live появился такой совет:

Если вам есть что сказать, то достаньте телефон, запустите приложение, нажмите на иконку с изображением видеокамеры и выходите в прямой эфир. Вы не одиноки. Ваши друзья всегда вас услышат.

Другими словами, социальная сеть якобы способна избавить от одиночества и окружить всех пользователей дружеской заботой и участием. Если это так, то, значит, подростки, проводящие много времени в соцсетях, не должны страдать от одиночества, а общение в соцсетях по сути ничем не должно отличаться от реальных встреч с друзьями.

К сожалению, это не так. Подростки, которые ежедневно заходят в социальные сети, с высокой долей вероятности соглашаются с такими

утверждениями как «Я часто чувствую себя одиноким», «Мне часто кажется, что я никому не нужен» и «Я часто мечтаю иметь больше хороших друзей» (см. рис. 3.7). И наоборот, подростки, которые занимаются спортом и проводят много времени с друзьями, жалуются на одиночество гораздо реже.

Как и в случае с уровнем счастья, результаты говорят сами за себя: пользование компьютером, смартфоном и просмотр телевизора делают людей более одинокими. Подростки, которые часто встречаются с друзьями, редко считают себя одинокими, а подростки, которые ежедневно или почти ежедневно сидят в социальных сетях, чувствуют себя на 11 % более одинокими. От одиночества людей избавляет реальная жизнь, а не социальные сети. Наиболее одиноки подростки, которые одновременно проводят много времени в сетях и очень редко общаются с друзьями лично.

Если общение с реальными друзьями в социальной сети начинает вытеснять и заменять собой личные встречи с ними, то рано или поздно люди начинают страдать от одиночества.

Как и в случае с уровнем счастья, мы можем предположить, что одинокие подростки по определению проводят много времени в социальных сетях. Однако два из упомянутых выше исследований доказали, что социальные сети только усиливают одиночество. Прямая зависимость уровня одиночества от времени, проводимого в социальных сетях, характерна для всех демографических групп: девушек и юношей, белых и черных, богатых и бедных.

В школе все ведут себя очень тихо. Они заняты своими устройствами и полностью игнорируют друг друга.

Я недовольна своей жизнью, потому что многие мои друзья окончательно подсели на телефоны. Мне кажется, они не хотят разговаривать со мной только потому, что не могут оторваться от своих телефонов.

Оливия, двенадцатый класс, восемнадцать лет.

Оливия выглядит не просто одинокой, а глубоко несчастной и подавленной. Многие родители и учителя переживают, что зависимость от телефона может вызвать депрессию или стать причиной других серьезных проблем с психикой. Также они

опасаются, что чрезмерное увлечение телефонами не может пройти бесследно для физического здоровья.

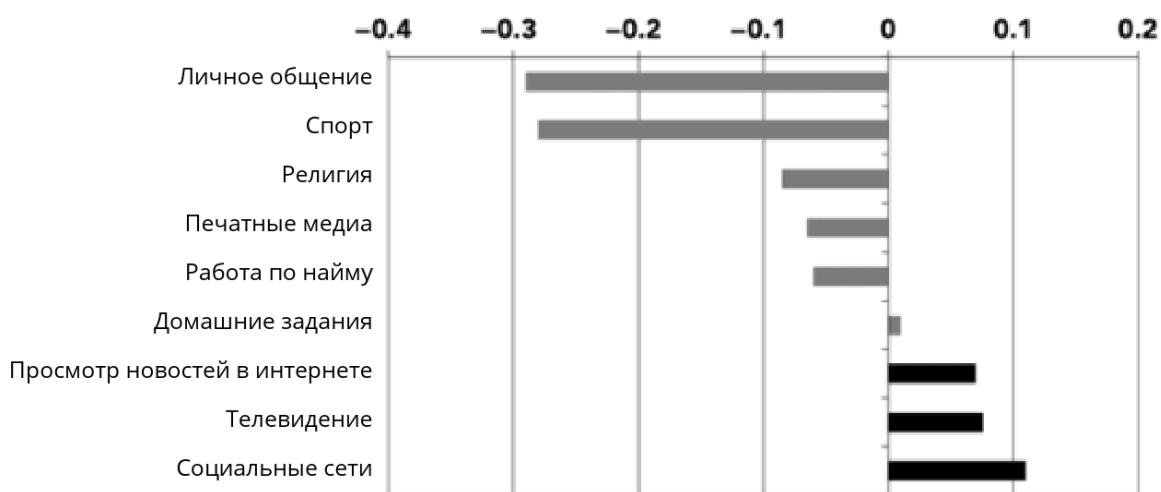

Рис. 3.7. Факторы, снижающие (серые полоски) и повышающие (черные полоски) уровень одиночества среди учеников 10-х классов. Monitoring the Future, 2009–2015

Мы можем узнать, насколько оправданы их опасения. В рамках проекта Monitoring the Future социологи выявляют признаки депрессии у участников исследования по тому, соглашаются или не соглашаются со следующими утверждениями: «Жизнь мне часто кажется бессмысленной», «Будущее мне часто кажется безнадежным», «Я чувствую, что все делаю неправильно», «Я чувствую, что моя жизнь бесполезна», «Я радуюсь жизни, как и все», «Мне нравится жить». Конечно, для диагностики клинической депрессии применяются другие, гораздо более сложные тесты, но даже этот несложный тест позволяет выявить такие классические симптомы депрессии как подавленное настроение, потеря смысла жизни и интереса к ней.

И снова уже в который раз мы видим четкую грань, отделяющую «экранную активность» (screen activities) подростков от «внеэкранной» (nonscreen activities): тинейджеры, которые проводят много времени перед экраном, страдают депрессией чаще, чем их сверстники, предпочитающие проводить больше времени офлайн (см. рис. 3.8). Активное пользование социальными сетями повышает риск возникновения депрессии у восьмиклассников на 27 %, тогда как занятия спортом, участие в религиозных церемониях и даже простое выполнение домашних заданий значительно снижают этот риск. В

целом все подростки, злоупотребляющие социальными сетями, входят в группу риска развития депрессии — психического расстройства, от которого страдают миллионы американских подростков.

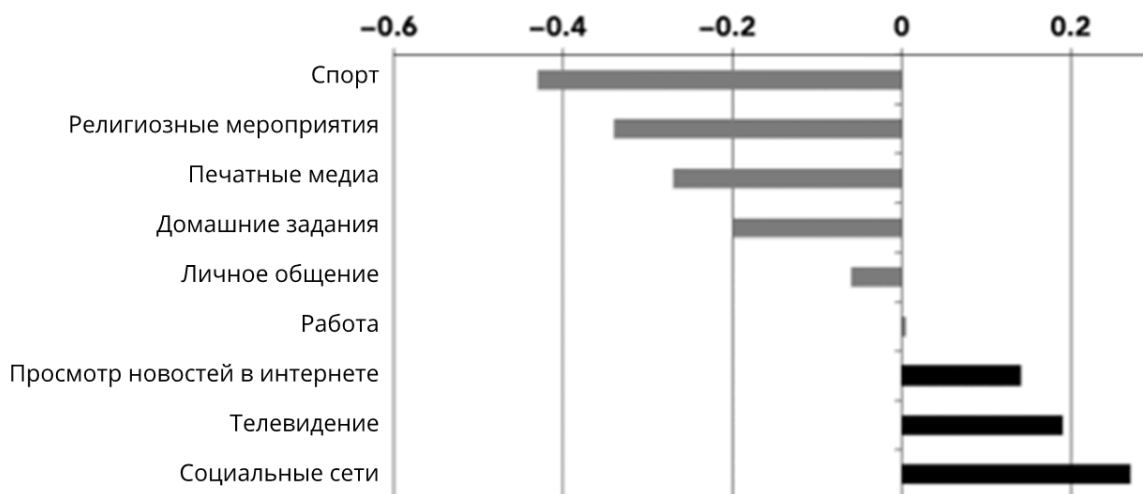

Рис. 3.8. Факторы, снижающие (серые полоски) и повышающие (черные) вероятность появления симптомов депрессии у восьмиклассников. Относительный риск появления симптомов депрессии, 2009–2015

Наибольшую опасность социальные сети представляют для психического здоровья самых младших тинейджеров. К десятому классу риск развития депрессии в результате активного пользования сетями снижается. Тем не менее надо понимать, что социальные сети не приносят никакой пользы и не могут предотвратить депрессию.

Бену восемнадцать лет, он живет в городе Шампань, неподалеку от главного кампуса Иллинойского университета. Бен обожает читать и очень радуется, что всего через четыре дня после нашей встречи он начнет учиться на первом курсе престижного частного колледжа на северо-западе США. Мы болтаем о сложностях переезда на новое место и плавно переходим к обсуждению темы социальных сетей.

Первую страницу в Facebook я создал в 13 лет.

Конечно, все уже имели там свою страницу. После каждого нового поста я испытывал если и не панику, то, как минимум, сильное волнение. Я постоянно обновлял страницу, чтобы не пропустить лайк или сообщение. Сейчас мое отношение к социальным сетям сильно изменилось. Я стал более уверенным, и

теперь мне не так важно, что люди думают обо мне и моей страничке. Можно сказать, что я почти перестал заходить в Facebook.

Фактически Бен обратил внимание на три важных момента: социальные сети пагубно влияют на психическое здоровье подростков, в первую очередь самых младших; сети вызывают повышенную тревогу и беспокойство, особенно у восприимчивых подростков; зависимые от «лайков» подростки часто подвержены риску психических расстройств.

В ответ на поисковый запрос «Facebook и депрессия» Google находит несколько миллионов страниц, включая ссылку на форум, где обсуждается тема «Я думаю, Facebook вызывает у меня депрессию».

Уверена, что он довел меня до депрессии. Все мои друзья пишут о своей glamorous жизни, а я из-за этого чувствую себя полным... Ненавижу ФБ.

Шестнадцатилетняя девушка под ником MissingGirl

Я просматриваю ленту, вижу там своих счастливых друзей и впадаю в тоску. И еще... мне никто не пишет сообщения. От этого мне становится очень грустно и одиноко. Facebook вызывает у меня депрессию.

Думаю, я перестану им пользоваться.

Пользователь сайта Reddit.com

Депрессия — это не просто плохое настроение: она представляет угрозу жизни и физическому здоровью. В рамках опросов YRBSS, проводимых Центрами по контролю и профилактики заболеваний, для оценки риска суицида тинейджерам предлагают согласиться или не согласиться со следующими суждениями: «Я чувствую очень сильную тоску и безысходность в течение двух недель», «Я серьезно рассматриваю возможность совершить самоубийство», «Я планирую совершить самоубийство», «Я пытался совершить самоубийство». И снова тесная связь экранного времени и психических расстройств не вызывает никаких сомнений: подростки, которые пользуются электронными устройствами более трех часов в день, на 35 % чаще имеют как минимум один фактор суицидального риска (см. рис. 3.9). Это куда больше, чем в случае с просмотром телевизора, из чего

следует, что дело не в экранном времени как таковом, а в новых медиа: смартфонах, играх и социальных сетях. Внеэкранная активность, например занятия спортом, напротив, снижает риск суицида. Таким образом, подростки, которые непрерывно пользуются телефонами, чаще страдают депрессией и более склонны к совершению суицида.

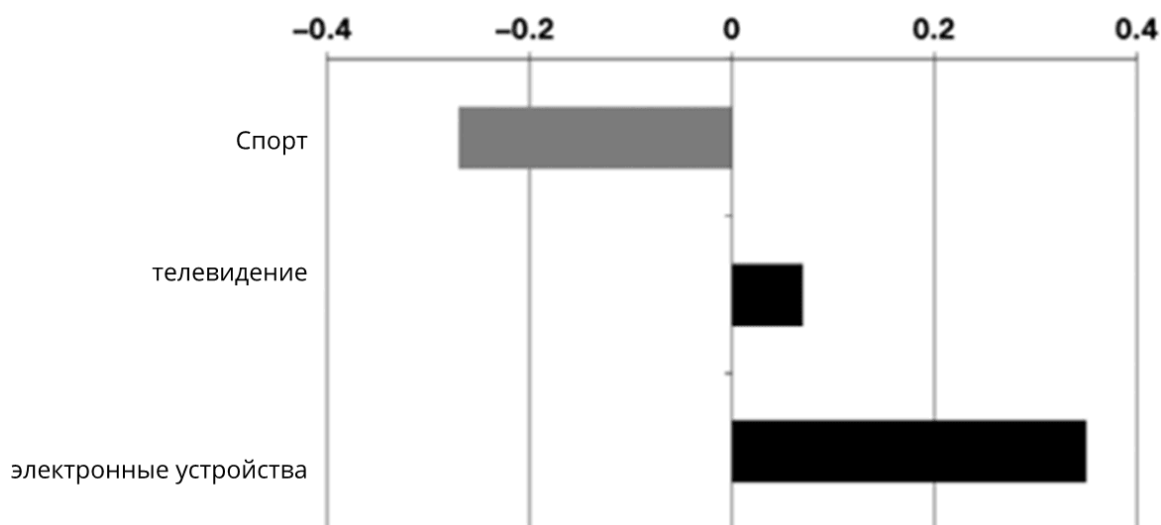

Рис. 3.9. Влияние «экранной» (черные полоски) и «внеэкранной» (серая полоска) активности на вероятность возникновения как минимум одного фактора суицидального риска у учеников 9–12 классов. Youth Risk Behavior Surveillance System, 2013–2015. (Электронные устройства включают смартфоны, планшеты, игровые приставки и компьютеры.) Вероятность возникновения как минимум одного фактора риска суицида, 2013–2015

Мы выяснили, что три часа экранного времени в день повышают риск совершения самоубийства. Однако интересно было бы знать, в какой момент экранного времени становится слишком много? Уровень несчастья и риск самоубийства начинают расти при ежедневном использовании смартфоном в течение двух и более часов, а если подросток проводит перед экраном электронного устройства более пяти часов в день, то риски (см. рис. 3.10) становятся уже очень высокими. Из этого следует, что родители должны вмешиваться и ограничивать (но не лишать полностью) время пользования компьютером, телефоном и другими гаджетами.

Почему пользование электронными устройствами так тесно связано с суицидальным поведением тинейджеров? Демографические факторы на него почти не влияют. Риск суицида мало зависит от пола,

расы или возраста подростка. Похоже, что все ниточки тянутся именно к гаджетам.

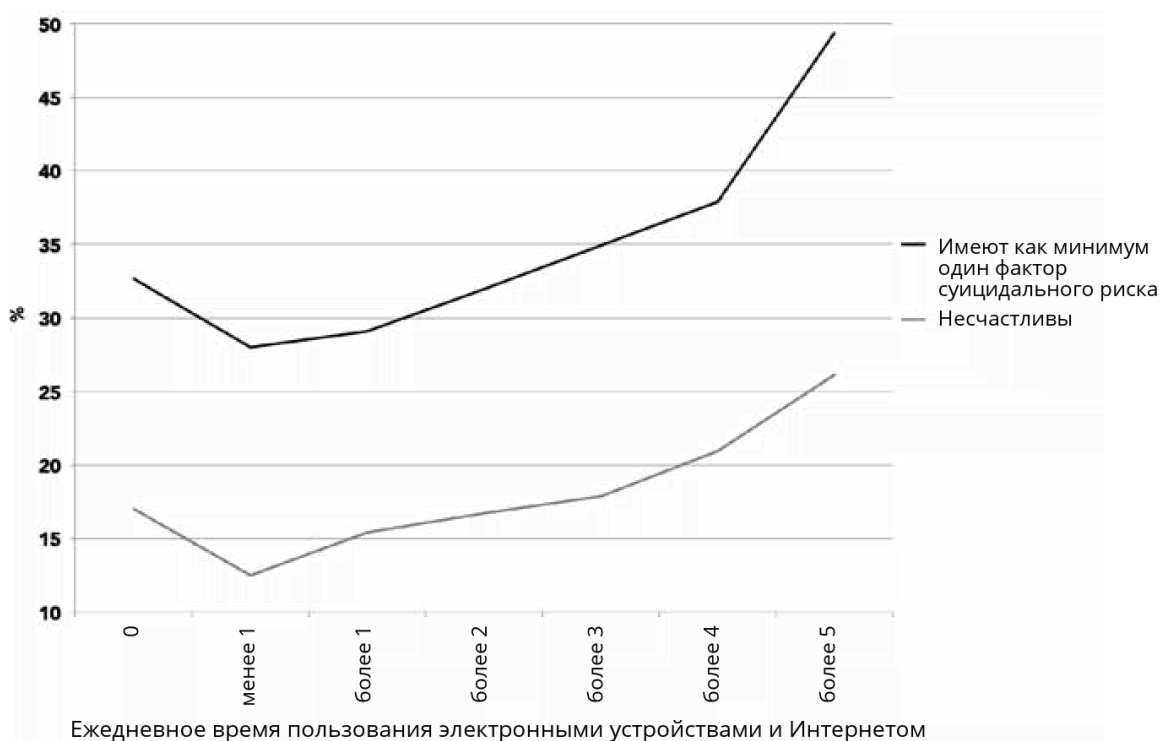

Рис. 3.10. Процент считающих себя несчастными или имеющих как минимум один фактор суицидального риска учеников 9–12-х классов (Youth Risk Behavior Surveillance System) и учеников 8, 10 и 12-х классов (Monitoring the Future), в зависимости от времени, затрачиваемого на электронные устройства или интернет (кривая «воздействие-реакция»)

Вместе с тем кто-то может справедливо возразить, что часто пребывающие в депрессии тинейджеры предпочитают пассивную деятельность, например просмотр телевизора, интерактивной, например общению в социальных сетях и компьютерным играм. Что же такого особенного кроется в гаджетах? Чем они принципиально отличаются от телевизора и почему они представляют такую опасность? Все дело в кибербуллинге (травля в социальных сетях, чатах или посредством текстовых сообщений).

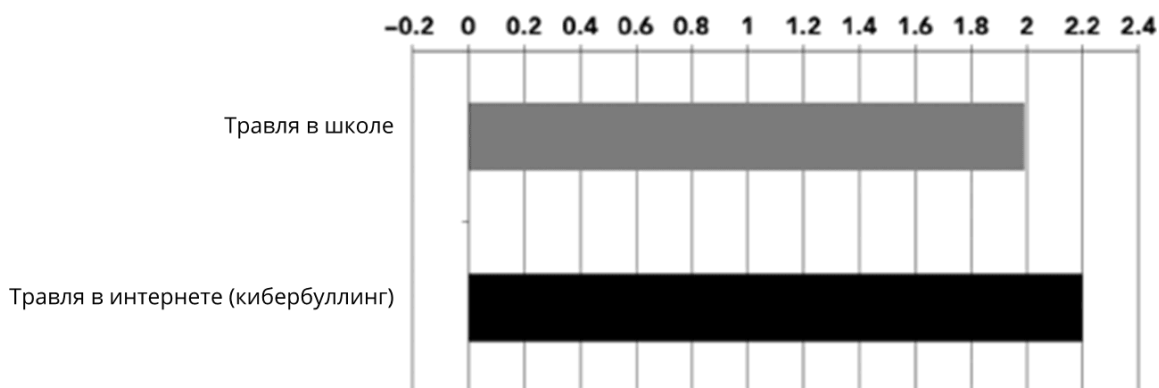

Рис. 3.11. Вероятность возникновения как минимум одного фактора суицидального риска у учеников 9–12-х классов, которые подвергались кибербуллингу (черная полоска) и травле в школе (серая полоска). Youth Risk Behavior Surveillance System, 2011–2015

Травля была и остается одной из важнейших причин самоубийств у подростков. Тинейджеры, которые подвергаются травле в школе, в два раза чаще задумываются о совершении самоубийства или планируют его совершить. Однако кибербуллинг представляет еще большую опасность (см. рис. 3.11). Две трети (66 %) подвергающихся кибербуллингу подростков имеют как минимум один фактор суицидального риска, тогда как среди подростков, подвергающихся травле в школе, таких примерно на 9 % меньше. Затравленные в Интернете подростки часто признаются, что спастись от своих мучителей они могут, только полностью отказавшись от смартфонов, тогда как в обычной жизни для этого вполне достаточно избегать встреч с некоторыми сверстниками.

Они сказали: «Ты никому не нравишься, иди убей себя, у тебя нет задницы. Перестань выкладывать такие фотографии. Они никакие. Ты выглядишь как шлюха. Ты выглядишь глупо... Ты одета, как уличная дешевая проститутка». Я начала постоянно есть мороженое, чтобы хоть как-то отвлечься, но, с другой стороны, толстеть я не хочу. В результате я стала наносить себе мелкие порезы.

Пятнадцатилетняя Сиерра из Вирджинии автору книги «American Girls» об издевавшихся над ней девочках

Непрекращающиеся издевательства довели Сиерру до отчаяния. В конце концов она совершила две попытки суицида: в первый раз она

наглоталась таблеток, а во второй попыталась прыгнуть под машину. От смерти Сиерру спас друг, успевший вовремя схватить ее и оттолкнуть от дороги.

Дэвид Молак учился в десятом классе старшей школы в Сан-Антонио, штат Техас, когда его беспричинно начали травить одноклассники. Они высмеивали его внешность, писали оскорбительные сообщения и иным образом издевались. 4 января 2016 года он покончил жизнь самоубийством.

Я видел, как он страдал после того, как его три дня назад пригласили в групповой чат только для того, чтобы высмеять и сразу выкинуть его оттуда. Он целый час не двигался и смотрел в одну точку. Я физически чувствовал его боль. Дэвид очень долго терпел подобные унижения.

Сейчас хулиганы никого не закрывают в шкафчиках для одежды. Они создают фейковые профили в социальных сетях, чтобы безнаказанно унижать и оскорблять ни в чем не повинных людей.

Клифф, старший брат Дэвида, в Facebook

В тех случаях, когда кибербуллинг не доводит до самоубийства, он может вызвать сильную депрессию. Даже успешные и знаменитые айдженеры не защищены от издевательств в сети. Трехкратная чемпионка Олимпийских игр по гимнастике Габби Дуглас стала жертвой кибербуллинга после неудачного выступления в 2016 году.

Не знаю, сколько слез я выплакала. Думаю, несколько галлонов. Страдания и боль разрывали меня изнутри.

Габби Дуглас, двадцатиднолетняя спортсменка журналу People

Согласно ряду исследований, проведенных Центром исследования кибербуллинга (Cyberbullying Research Center), кибербуллинг становится все более распространенным явлением. Если в 2007 году кибербуллингу подверглись 19 % подростков, то в 2016-м уже 27 %. Значительная часть жизни подростков проходит онлайн, поэтому нет ничего удивительного в том, что каждый третий из них становится жертвой травли в Интернете.

Есть еще одно, пусть косвенное, но от того не менее поразительное доказательство того, что подростки предпочитают общаться не лично,

а в Интернете. Начиная с 2007 года количество убийств, совершаемых тинейджерами, неуклонно снижается, а количество самоубийств, наоборот, растет (см. рис. 3.12). Это естественно, ведь чем меньше тинейджеры проводят времени вместе, тем реже они совершают убийства. На первый взгляд, если невнимательно смотреть на график, рост числа самоубийств может показаться незначительным, однако на самом деле в 2015 году подростки совершили на 46 % самоубийств больше, чем в 2007 году. Резкий взлет числа самоубийств последовал после того, как подростки стали больше времени проводить перед экранами своих гаджетов. В 2011 году впервые за 24 года наблюдений количество подростковых самоубийств превысило число совершаемых подростками убийств. В период с 2011 по 2014 год разрыв достиг 32 %, а в 2015 году снизился до 30 %.

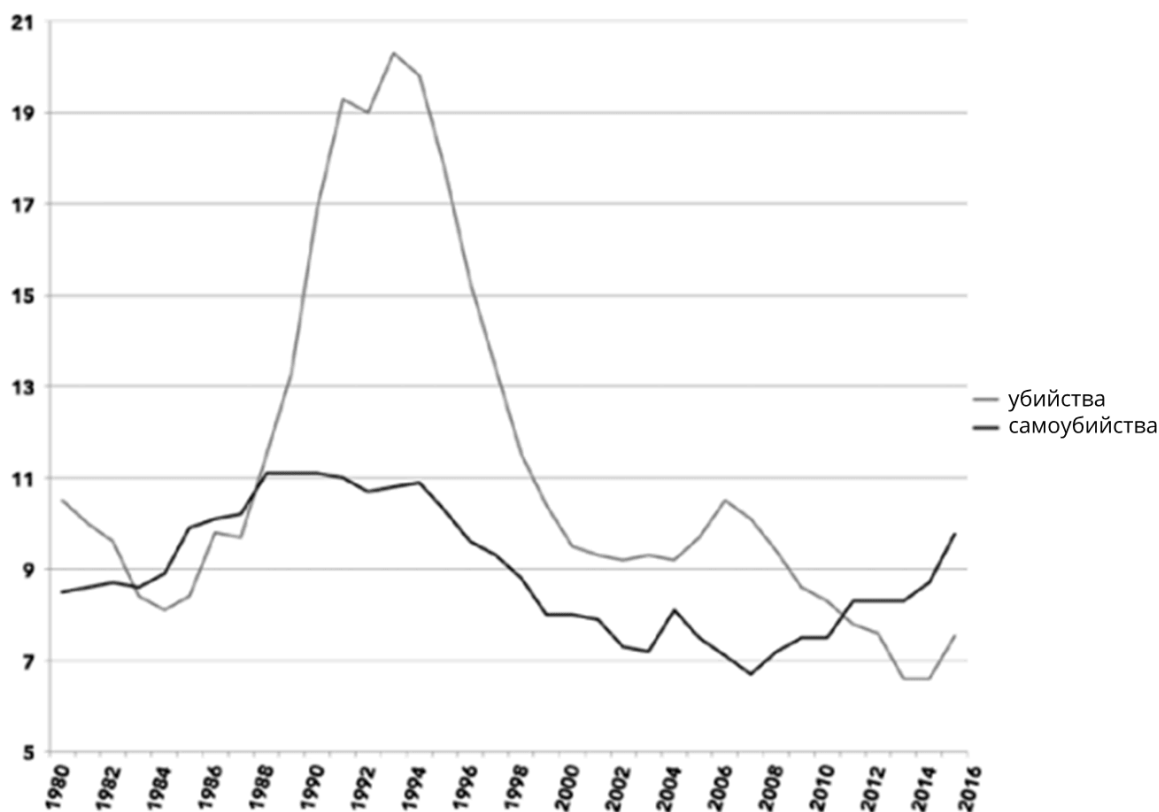

Рис. 3.12. Число убийств и самоубийств (на 100 000 человек) среди подростков в возрасте от 15 до 19 лет. Centers for Disease Control and Prevention

Кажется просто невероятным, что смартфоны смогли так сильно изменить статистику убийств и самоубийств. Чем чаще тинейджеры

пользуются смартфонами и реже общаются с друзьями лично, тем чаще они впадают в депрессию и кончают жизнь самоубийством и тем реже совершают убийства. Скажем прямо, довести до самоубийства гораздо проще, чем убить: для этого не надо далеко ходить и достаточно иметь телефон.

Но даже если дело не доходит до кибербуллинга, виртуальное общение само по себе усиливает социальную изоляцию, что, в свою очередь, может стать причиной депрессии и иногда суицида. Разумеется, существует множество других причин деструктивного поведения (в конце концов, в 90-х, задолго до появления смартфонов, уровень самоубийств был более высоким). В то же время абсолютно неприемлемо и очень печально, что подростки все чаще становятся жертвами технического прогресса.

Мышление пещерного человека, синдром упущенной выгоды и мягкие навыки

В целом личное общение более полезно для психического здоровья, нежели общение виртуальное. И действительно, человек по своей природе — существо социальное, а наш мозг идеально приспособлен к живому личному общению. В далекой древности изгнанный из племени человек был обречен на смерть, поскольку в одиночку он не мог обеспечить себя едой (по этой же причине он не мог оставить потомство). В результате эволюции наш мозг научился моментально улавливать даже самые незначительные признаки социального принятия и отторжения. С этой темой я знакома не понаслышке: в ходе экспериментов, проводимых под руководством знаменитого социального психолога Роя Баумаистера, я изучала в аспирантуре эффекты социального отторжения. Мы обнаружили, что, получив даже непродолжительный и случайный опыт социального отторжения, человек впадает в ступор, становится агрессивным, испытывает отчаяние и начинает есть больше печенья (моя любимая реакция). Нейробиологи установили, что у людей, исключенных из игры другими игроками, в головном мозге активизируются центры боли. Поэтому отнюдь не случайно для описания сильных эмоциональных переживаний часто используются такие словосочетания, как «болезненные чувства», «раненое сердце»,

«разбитое сердце» (конечно, следовало бы говорить о «„разбитом“ или „раненом“ мозге», но эти фразы появились в те времена, когда люди верили, что мысли и чувства рождаются в сердце).

Итак, благодаря нашему мозгу, столь тонко настроенному и восприимчивому к любым проявлениям социального отторжения, текстовые сообщения и социальные сети создают благоприятные условия для появления негативных эмоций. Даже когда у человека все в порядке, общение посредством гаджетов может само по себе создавать проблемы. В отличие от живого общения, во время виртуального общения часто возникают вынужденные паузы. Представьте, например, что вы отправили кому-то текстовое сообщение. Если ваш собеседник сразу не отвечает, то вы начинаете беспокоиться. А вдруг он разозлился? А если ему не понравилось то, что я написал? То же самое происходит, когда вы делаете пост в социальных сетях. Большинство людей ожидает немедленного, причем позитивного, отклика, и если этого долго не происходит, то появляется чувство тревоги.

В ходе одного небольшого эксперимента ученые недавно выяснили, что при живом общении у студентов устанавливается более глубокая эмоциональная связь, чем при виртуальном. Ничего удивительного, если вспомнить, в каких условиях эволюционировал мозг. Только представьте себе, что тысячи лет люди общались почти исключительно лично и прекрасно обходились без гаджетов. Виртуальный собеседник — бледная копия живого человека, сидящего рядом с вами.

Многие айдженеры признаются, что жизнь в сети похожа на бег по лезвию ножа.

На самом деле я считаю, что пользование социальными сетями вызывает жуткий стресс. Ты просто знаешь об этом, и все. Очень непросто выйти из Интернета и остаться наедине со своими мыслями.

Девятнадцатилетняя София Стоик в австралийской газете The Age

Другие айдженеры, принявшие участие в этом интервью, заявили, что иногда они отключают уведомления и даже выключают телефон, чтобы сосредоточиться на повседневных делах, но быстро включают

их снова, потому что боятся даже на время выпасть из виртуальной жизни и привычного круга общения.

Ты не можешь просто взять и избавиться от телефона.

Его можно выключить, но от этого он никуда не денется.

Эми Бисмир, девятнадцать лет

Даже если общение в социальных сетях проходит гладко и не вызывает никаких сложностей, оно все равно не может полностью заменить встречи с друзьями. Если у вас есть друзья, то настоящее удовольствие вы получаете, только когда тусуетесь с ними. Классно, когда у вас есть общие интересы и когда вы делаете что-то вместе. В реальной жизни вы ссоритесь и миритесь по настоящему. Такие эмоции и такой опыт невозможно получить в соцсетях.

Кевин, семнадцать лет

Как ни странно, но айдженеры до сих пор испытывают потребность в личном общении. Почти все первокурсники Государственного университета Сан-Диего утверждают, что общению в Интернете они всегда предпочтут личную встречу с друзьями.

Конечно, с живым человеком разговаривать интереснее.

Бейли, девятнадцать лет

Когда вы встречаетесь с близкими друзьями, вы погружаетесь в невероятную атмосферу любви и доверия.

У вас появляются общие воспоминания, только вам понятные фразы. Это уникальный опыт, который невозможно получить в социальных сетях.

Джулиан, восемнадцать лет

Родители, учителя и работодатели переживают, что перекося в сторону виртуального общения может негативно повлиять на формирование и развитие социальных навыков у подростков. К сожалению, их опасения подтверждаются некоторыми исследованиями. Так, в ходе одного эксперимента две группы шестиклассников несколько дней жили в одном лагере, при этом первая группа была полностью лишена доступа к телефонам, компьютерам и телевизорам, а вторая (контрольная) пользовалась ими без ограничений. Через пять дней им было предложено определить

эмоции (радость, печаль, злость, страх) людей по фотографиям и беззвучному видео. Надо ли говорить, что ребята из первой группы справились с заданием гораздо лучше, чем ребята из второй группы?

Тринадцатилетняя Афина считает, что ее сверстникам негде приобретать социальные навыки.

Мы выросли с iPhone в руках. Мы не знаем, как правильно общаться с живыми людьми. Мы не умеем во время разговора смотреть в глаза. Иногда мы чувствуем себя инопланетянами, потому что не знаем, как правильно выражать свои мысли и эмоции.

Афина

Школьная учительница Афины по театральному искусству говорит: «Уберите телефоны в коробку. Сегодня мы будем учиться смотреть в глаза». Афина уверена, что телефоны отрицательно повлияли на развитие речи.

Умение общаться — точно такой же навык, как, например, умение играть на пианино. В обоих случаях нужна ежедневная практика. В отличие от своих предшественников, айдженеры имеют не так много возможностей для развития социальных навыков и поэтому часто сталкиваются с проблемами в таких важных для любого взрослого человека ситуациях как, например, собеседование при поступлении в колледж или на работу. Хотим мы того или нет, но самые ответственные решения в жизни до сих пор обычно принимаются при личном общении, а подростки все реже понимают, как себя при этом правильно вести. Вполне возможно, что лет через десять многим молодым людям будет проще выражать эмоции не мимикой, а с помощью эмодзи.

Глава 4. Неуверенность: Новый кризис психического здоровья

Все началось во время каникул, которые студентка Калифорнийского института в Беркли Илаф Есуф проводила дома. Возвращаясь с матерью из похода по магазинам, она неожиданно почувствовала тоску и разрыдалась.

Когда мы въехали во двор, мои рукава были мокрыми от слез. Мама была ошарашена. Она взяла меня за руки и спросила, почему я плачу, но я не знала, что ответить. Внезапно нахлынувшая беспричинная тоска не проходила, и расстроенная мама просто стояла у двери и ждала, когда я приду в себя. Я не знаю, в чем дело и почему я так себя чувствую, но обещаю, что со мной все будет в порядке. Примерно это я себя говорю, когда начинаю без повода реветь на улице.

Илаф Есуф в студенческой газете Daily Californian

В Интернете айдженеры выглядят такими счастливыми, когда кривляются в Snapchat или улыбаются в Instagram. Но если копнуть глубже, то все не так просто. Поколение I стоит на грани самого разрушительного кризиса психического здоровья, с которым только сталкивалась молодежь за последние несколько десятков лет. Ситуация выглядит безоблачной только на первый взгляд.

Все (не) классно

Знаешь, что самое классное? ВСЕ!

Лего-фильм

В наши дни Интернет, как и общество в целом, настойчиво продвигает и поощряет безграничный позитив. Посты в социальных сетях посвящены ярким и счастливым моментам в жизни и очень редко печальным: на селфи не улыбаются только в тех случаях, когда делают «утиное лицо» (duck face).

Сфокусированность на позитиве уходит своими корнями в тренд, который задали беби-бумеры, доработали представители поколения X и довели до апогея миллениалы: все это следствие растущего индивидуализма, изначально присущего американской культуре. Основное внимание в индивидуалистических культурах уделяется личности, а не общественным нормам и правилам. Индивидуализм лежит в основе самых фундаментальных культурных изменений последнего времени, начиная с трендов, которые принято считать положительными (все реже кто-то сомневается, что люди равны независимо от расы, пола и сексуальной ориентации) и заканчивая отрицательными трендами (очень многие люди считают, что им «все должны»). Индивидуализм также поощряет чрезмерно оптимистичную оценку человеком своего положения, возможностей или достижений. Позитивный эгоизм является неотъемлемым признаком индивидуалистических культур, в которых ценятся самоуважение и умение продвигать себя. На волне индивидуализма, поднявшейся в 1990-х и 2000-х годах, миллениалы быстро заработали репутацию сверхсамоуверенных людей с нереалистичными ожиданиями за свой нарциссизм, позитивный эгоизм и амбициозность. Однако вышеуказанные тренды ослабли, и айдженеры уже не те самоуверенные оптимисты, которыми были миллениалы в их возрасте. Айдженеры менее склонны к нарциссизму, а их ожидания от жизни стали более приземленными, из чего следует, что присущее многим миллениалам мнение, что им «все должны», возможно, скоро перестанет быть привычным.

В 2000-х годах подростки-миллениалы, несомненно, были более счастливы, нежели их сверстники из поколения X, которые выросли в 1990-е — эпоху черных футболок и разговоров о том, у кого сильнее депрессия. Упор на свободу, оптимизм и индивидуализм предоставил подросткам лучшие условия для саморазвития и в результате сделал их более счастливыми.

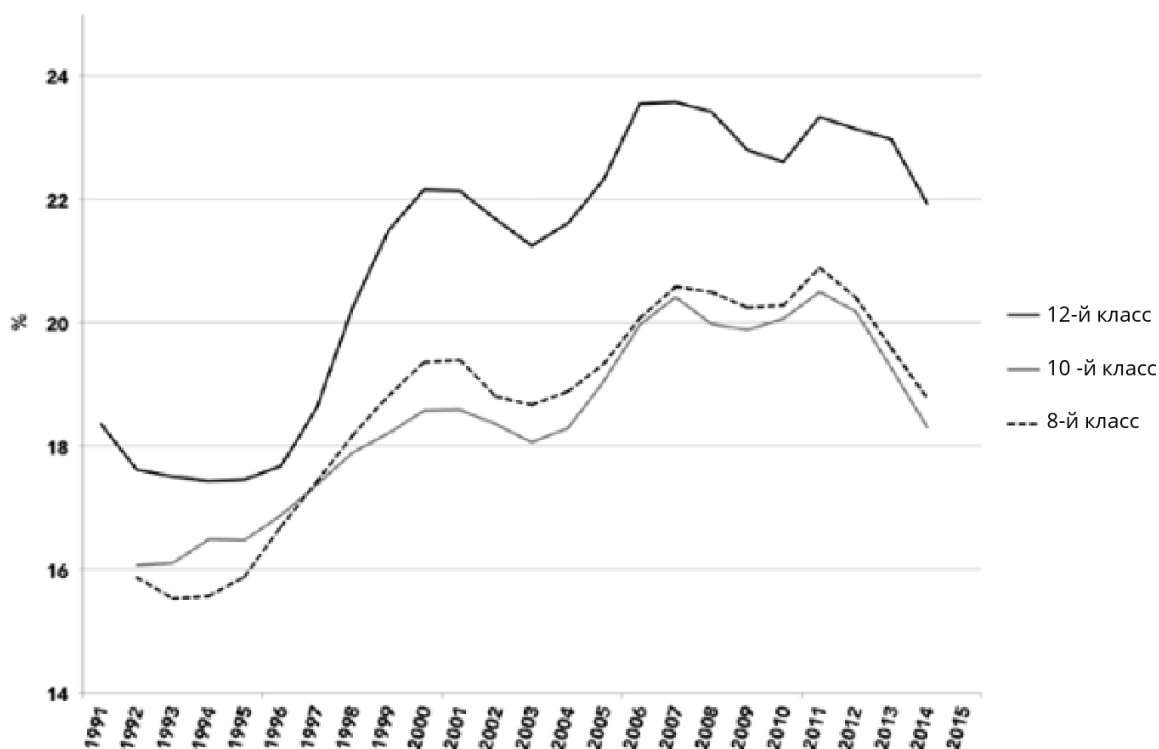

Рис. 4.1. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, заявивших, что считают себя «очень счастливыми». Monitoring the Future, 1991–2015

С выходом на сцену айдженеров ситуация с уровнем счастья среди подростков начала меняться в худшую сторону. В первую очередь это относится к ученикам восьмых и десятых классов (см. рис. 4.1). Как только айдженеры начали принимать участие в опросах, высокий уровень счастья, характерный для миллениалов, начал стремительно падать. Каким-то образом поп-культура смогла предугадать эти события, что проявилось, например, в изменении тематики фильмов для подростков: на смену комедиям о тусующихся старшеклассниках («Американский пирог», «SuperПерцы»), пришли истории о выживании молодых людей в мрачном антиутопическом будущем («Голодные игры», «Дивергент»).

Разумеется, вопрос счастья является важным, но не единственным, тем более что снижение нельзя назвать критичным. Поэтому следует внимательно изучить тренды, влияющие на психологическое благополучие молодежи.

Первый тревожный звонок прозвучал, когда айдженеры начали отвечать на вопрос о том, насколько они удовлетворены собой и своей

жизнью в целом. В период с 1980-х до 2000-х годов количество довольных жизнью подростков постоянно росло. Затем, с появлением в 2012–2013 годах первых айдженеров-двенадатиклассников, уровень удовлетворенности начал стремительно падать, достигнув к 2015 году исторического минимума (см. рис. 4.2). Таким образом, как только подростки стали реже общаться с друзьями вживую и проводить больше времени с телефонами, уровень удовлетворенности жизнью обрушился с невероятной скоростью.

Внезапный, катастрофический сдвиг всего за три года свел на нет успехи, достигнутые более чем за два десятилетия. И это, как выяснилось, всего лишь верхушка айсберга.

Лишние и одинокие

Тринадцатилетняя Грейс Назарян однажды открыла свою страничку в Instagram и увидела фотографии своих лучших друзей, которые развлекались без нее на вечеринке по случаю дня рождения.

Я поняла, что там, типа, были все кроме меня... Я думала только о том, как они хорошо проводят без меня время. Мне было очень плохо и обидно.

Грейс Назарян в эфире телепередачи Today

Подобные ситуации становятся все более обычными: если раньше подростки узнавали о пропущенных тусовках из случайно подслушанных в школе разговоров, то теперь они могут своими глазами увидеть подробнейшие, буквально поминутные отчеты о любых мероприятиях, на которые их не пригласили. Айдженеры даже придумали специальный термин — FOMO (*англ.* Fear of missing out — боязнь пропустить важное событие). Подобный термин сам по себе может загнать в депрессию или вызвать чувство одиночества.

Конечно, онлайн-коммуникация имеет свои преимущества и может давать противоположный эффект, поскольку она позволяет подросткам оставаться на связи, даже когда их разделяют огромные расстояния. Они непрерывно общаются в Интернете, обмениваются текстовыми сообщениями и смешными фотографиями в Snapchat и держат друг друга в курсе последних событий. Увы, но все это не избавляет от одиночества. За период с 2011 по 2015 год количество страдающих от

одинокства учеников восьмых и десятых классов выросло на 31 %, а двенадцатиклассников — на 22 % (см. рис. 4.3.) Колоссальные изменения произошли всего за четыре года. За весь период наблюдений, ведущихся с 1991 года, подростки никогда не были настолько одинокими.

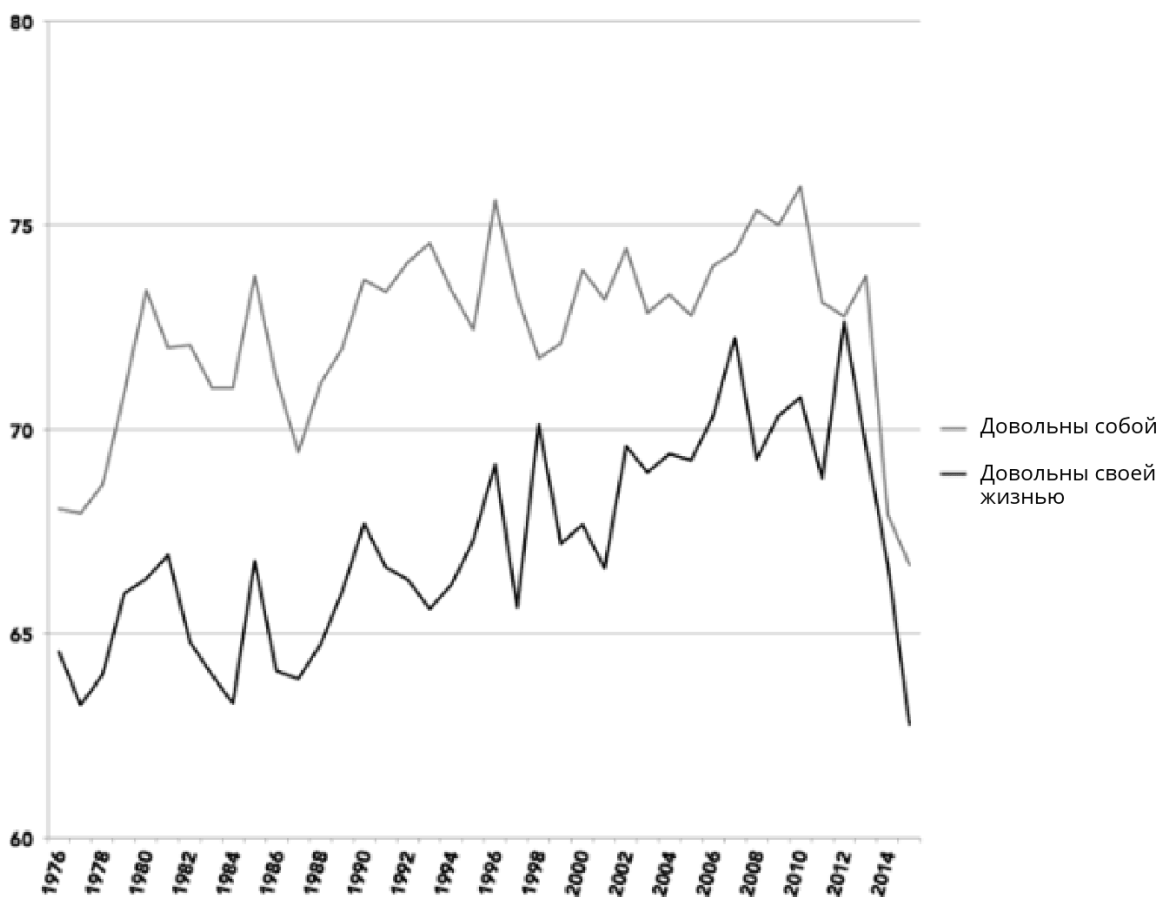

Рис. 4.2. Процент учеников 12-х классов, довольных собой и своей жизнью в целом.
Monitoring the Future, 1976–2015

Как и следовало ожидать, в эпоху FOMO количество подростков, которые постоянно чувствуют себя лишними или отвергнутыми, еще выше, причем во всех трех возрастных группах. При этом рост такой же стремительный, как и в случае с одиночеством. (см. рис. 4.3.)

Настолько масштабные и стремительные изменения весьма необычны, поэтому они должны иметь под собой какую-то очень конкретную и вескую причину. Если принять во внимание тайминг, то наиболее вероятной причиной являются смартфоны, поскольку именно

они прямо и косвенно заменили собой живое личное общение. Если подросток все меньше уделяет времени тем видам деятельности, которые избавляют от одиночества, и одновременно делает все для того, чтобы свести к минимуму личное общение, то совершенно не удивительно, что рано или поздно он начнет жаловаться на одиночество. Вероятный механизм приведен на Рис. 4.4.

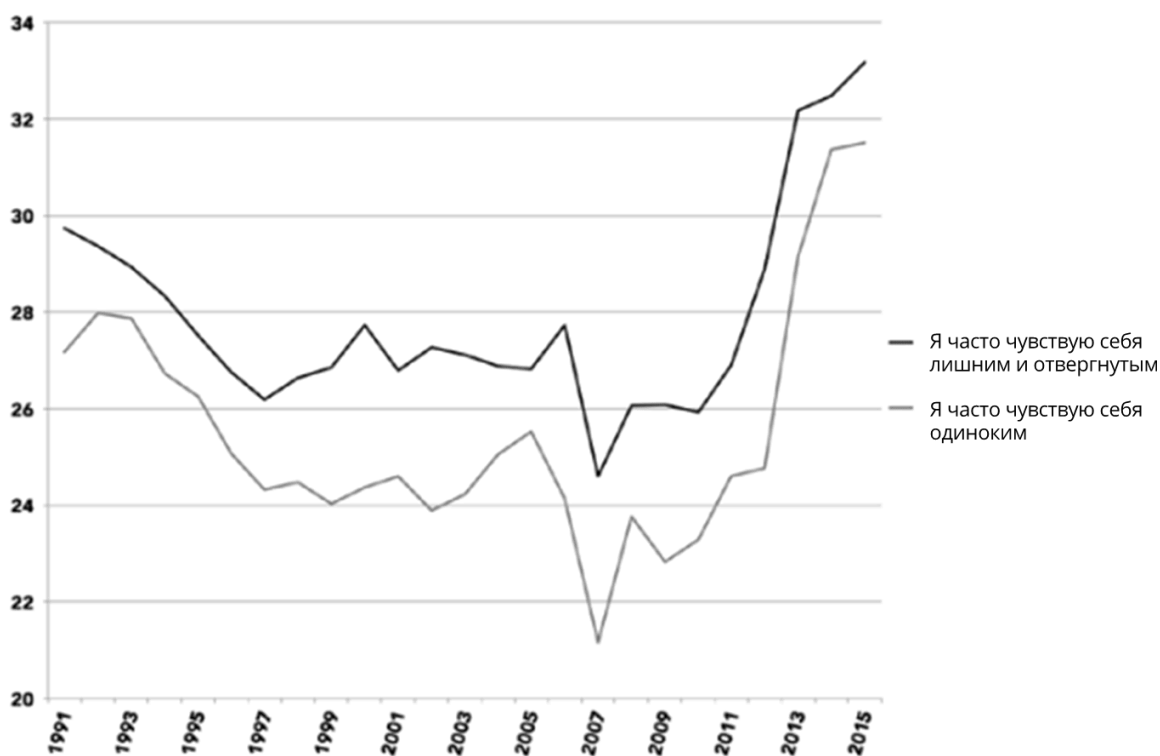

Рис. 4.3. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, которые согласны или скорее согласны с утверждением «я часто чувствую себя лишним и отвергнутым» и «я часто чувствую себя одиноким». Monitoring the Future, 1991–2015

Постоянно растущий дефицит личного общения можно сравнить с наемным убийцей, который является исполнителем, но никак не организатором преступления. Так вот экранное время не только нанимает убийцу, но и на всякий случай само делает пару контрольных выстрелов.

Важное замечание: это не модель того, как личное общение и экранное время влияют на конкретных людей, потому что подростки, которые проводят больше времени в социальных сетях, также больше времени уделяют личному общению — в обоих случаях социально

активные тинейджеры всегда более активны, нежели их менее общительные сверстники. Скорее это гипотеза, которая объясняет то, как оба фактора работают на уровне целого поколения: когда подростки проводят больше времени перед экранами и меньше времени общаются лично, тогда растет уровень одиночества.

Рис. 4.4. Вероятная модель возникновения и развития чувства одиночества у представителей поколения I

Предположим, что не смартфоны делают людей более одинокими, а, наоборот, одиночество вынуждает чаще пользоваться смартфонами. Однако в условиях резкого и стремительного увеличения числа одиноких подростков это предположение никак нельзя признать логичным. Если одиночество вынуждает чаще пользоваться смартфонами, то ничем не объяснимый и взрывной рост одиночества с необходимостью должен был бы вызвать столь же внезапный рост популярности смартфонов. Представляется, что все произошло с точностью наоборот: внезапно ставшие популярными смартфоны увеличили экранное время, что, в свою очередь, привело к росту одиночества. Кроме того, как мы уже выяснили в прошлой главе, некоторые исследования доказали, что между использованием социальными сетями и негативными эмоциями существует прямая зависимость: чем больше времени человек проводит в социальных сетях, тем больше негативных эмоций он испытывает.

Несмотря на то что тренд к увеличению числа подростков, которые чувствуют себя никому не нужными, зафиксирован как среди юношей, так и среди девушек, последних он затронул особенно сильно. С 2010

по 2015 год количество девушек, считающих себя отверженными, возросло на 48 %, а юношей — на 27 %. Девушки пользуются социальными сетями чаще, чем юноши, соответственно, вероятность того, что после просмотра фотографий с вечеринок, на которые их не пригласили, они будут чувствовать себя отверженными и одинокими, значительно выше. Кроме того, социальные сети идеально приспособлены для выражения вербальной агрессии, которую обычно выбирают девушки. Ни для кого не секрет, что юноши во все времена отдавали предпочтение насилию физическому, а девушки — вербальному, и с появлением Интернета ситуация не изменилась. Социальные сети предоставляют ученицам средней и старшей школы круглосуточно работающую площадку, которая идеально приспособлена для травли и остракизма других девушек. Девушки становятся жертвами кибербуллинга в два раза чаще, чем юноши; согласно опросу YRBSS, кибербуллингу подвергаются 22 % девушек и 10 % юношей. Социальная жизнь девушек поколения I проходит онлайн, поэтому нет ничего удивительного в том, что они чувствуют себя отверженными и одинокими в жизни обычной.

Боюсь, я буду жить: Депрессия

Судя по профилю на Tumblr, у Лауры темные волнистые волосы, а на вид ей можно дать не более 16 лет. Свою страницу она назвала «жизнь депрессивного человека» (a depressed person life). Все ее посты преисполнены болью и отчаянием: «Депрессия накрывает так. Однажды утром ты просыпаешься и боишься, что будешь жить», «Я не знаю, почему я такая тупая. Я не знаю, почему я такая несчастная» и «Все выглядят такими счастливыми. Почему я не могу выглядеть счастливой?» Вкладку своей страницы в браузере она озаглавила одним словом — «сломлена» (broken).

Такая депрессия, как у Лауры, в наши дни, вероятно, встречается гораздо чаще, чем раньше. Многие родители и преподаватели переживают, что непрерывное пользование смартфонами (особенное беспокойство у них у них вызывают бесконечные уведомления о входящих сообщениях) породило эмоционально неустойчивое, склонное к депрессиям поколение. Этот вопрос часто обсуждался, и поэтому он достаточно хорошо изучен, благо что многие темы были подчерпнуты из отчетов консультационных центров колледжей. Выяснилось, что студенты все чаще обращаются к администрации за помощью, причем проблемы всего за несколько лет стали очень серьезными. Впрочем, полагаю, что на восприятие сотрудников колледжей повлияло множество неучтенных ими внешних факторов, в том числе то, что современные студенты в целом стали чаще жаловаться и просить о помощи.

Чтобы понять, действительно ли в наши дни психические расстройства встречаются чаще, чем в прошлом, нам следует внимательно изучить анонимные опросы тинейджеров (причем всех, а не только тех, кто обращается за помощью к администрации); желательно, чтобы в опросах принимали участие только двенадцатиклассники, планирующие поступать в коллежи, а не студенты (чтобы исключить любую связь между учебой в колледже и психическим расстройством) и чтобы в этих опросах принимали участие представители всех поколений (это позволит нам сравнить различные поколения тинейджеров одного возраста). К счастью, Monitoring the Future проводит интересные нас опросы учеников

восьмых, десятых и двенадцатых классов, во время которых замеряются шесть важнейших признаков депрессии. Опросник позволяет зафиксировать объективные симптомы, а не просто получить субъективные ответы на прямые вопросы о том, страдает ли респондент депрессией. Разумеется, каждый раз участники предупреждаются о полной анонимности. Вышеуказанный опросник не заменяет собой тесты, используемые в медицине для постановки диагнозов, однако он позволяет выявить мысли и чувства, которые сами по себе являются важнейшими факторами риска депрессии.

Полученные в ходе опросов данные шокируют: количество старшеклассников, согласившихся с суждением «Я чувствую, что я все делаю неправильно», взлетело до небес, причем исторический максимум был достигнут всего за три года (см. рис. 4.5). Это не волна, это цунами.

Социальные сети не могли не сыграть в этом свою роль: люди пишут в Интернете только о своих успехах, поэтому многие подростки даже не догадываются, что их друзья тоже совершают ошибки. Они просматривают чужие странички в социальных сетях и начинают чувствовать себя неудачниками. Если бы они больше общались лично, они бы поняли, что все люди время от времени сталкиваются с проблемами и совершают ошибки. В ходе одного исследования было установлено, что чем чаще студенты пользовались Facebook, тем чаще они страдали депрессией, но только в том случае, если они завидовали другим пользователям. Для измерения уровня зависти социологи предлагали респондентам оценить следующие суждения (большинство завсегдатаев соцсетей с ними соглашались): «Обычно я чувствую, что я хуже других», «У многих моих друзей более интересная жизнь, чем у меня» и «Многие мои друзья более счастливы, чем я».

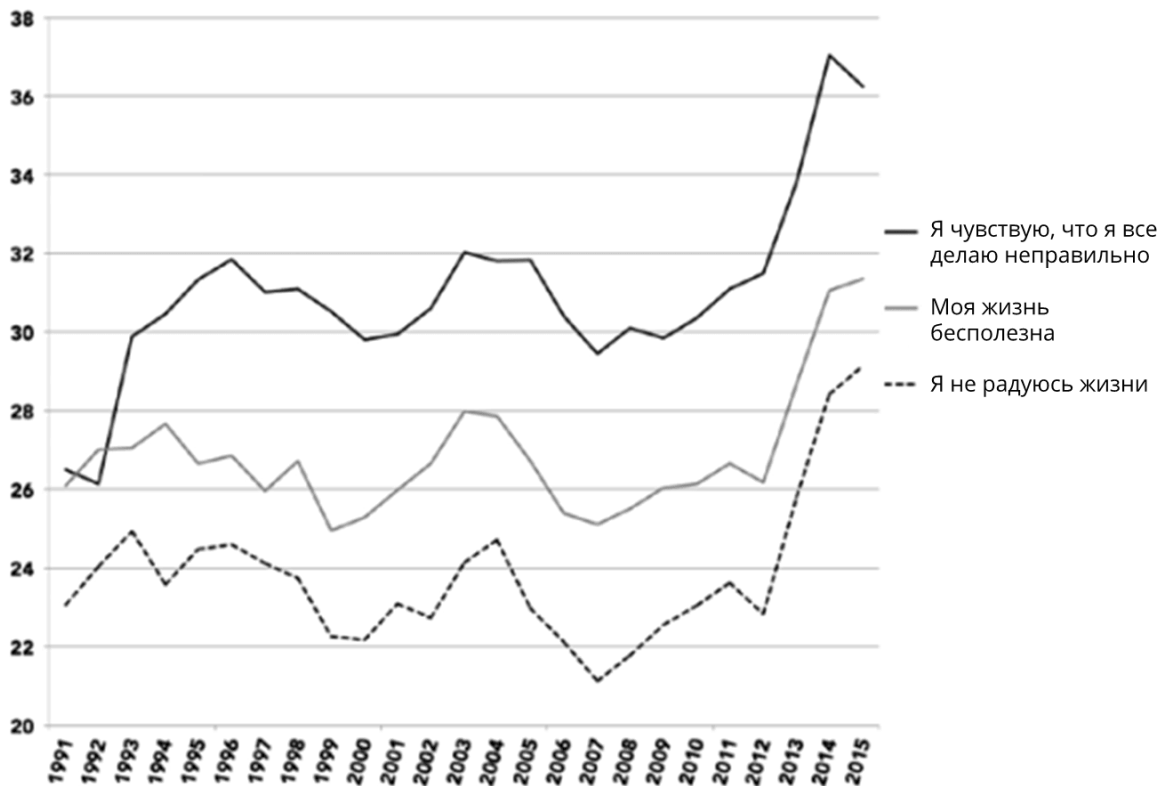

Рис. 4.5. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, которые ответили нейтрально, согласились или полностью согласились со следующими суждениями: «Я чувствую, что я все делаю неправильно», «Моя жизнь бесполезна» и «Я не радуюсь жизни». Monitoring the Future, 1989–2015

Меган Армстронг, студентка Университета Миссури, которая долгое время безуспешно боролась с депрессией, сформулировала проблему на свой лад.

Ты постоянно слышишь, что кто-то сделал что-то очень круто. Вот мне интересно: что я-то делаю не так? Что я должна делать? Этого будет достаточно?

Меган Армстронг

Двенадцатиклассница Азар, о которой мы говорили в прошлых главах, оказалась весьма проницательным наблюдателем, способным легко отличить черное от белого.

Люди постят в Instagram фоточки и делают подписи типа «Моя жизнь прекрасна». Ну-ну. Их жизнь — полное дерьмо. Они простые

никчемные подростки. Одна знакомая написала «Я так благодарна своей подруге».

Чушь какая. Пусть повторит свои слова через пару недель, когда эта подруга переспит с ее бойфрендом.

Я посмотрю, как лучшие подружки будут таскать друг дружку за волосы и выцарапывать глаза. Это и есть настоящая жизнь подростков.

Азар

Рассуждения Азар одновременно забавны и печальны, поскольку они фиксируют присущий поколению I парадокс: оптимизм и самоуверенность онлайн, за которыми скрывается повышенная ранимость, даже депрессивность в реальной жизни. Рассказ Азар о жизни айдженеров в социальных сетях на наших глазах становится историей целого поколения. Подобно уткам, которых они имитируют на селфи (duckface), снаружи айдженеры спокойны и невозмутимы, однако под водой они безостановочно молотят лапками, отчаянно борясь за свое будущее.

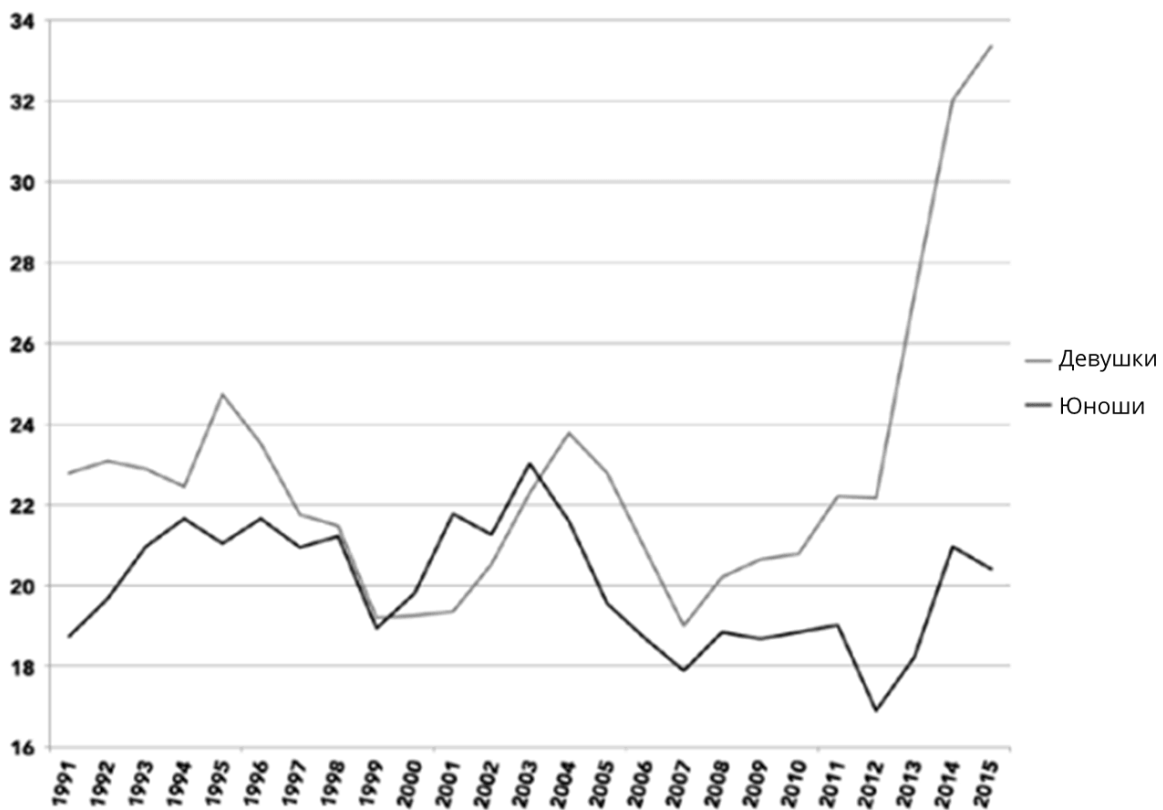

Рис. 4.6. Симптомы депрессии у юношей и девушек 8, 10 и 12-х классов

Однако проблема не только в комплексе неполноценности. Последнее время все больше тинейджеров соглашаются с суждением «Моя жизнь бесполезна»; другими словами, такими же бесполезными они считают все традиционно важные цели в жизни (см. рис. 4.5). Более того, тинейджеры все реже соглашаются с суждением «Я наслаждаюсь жизнью так же сильно, как и все». Несогласие с этим суждением является очевидным признаком депрессии, поскольку любой человек, страдающий депрессией, скажет, что он больше не наслаждается жизнью (см. рис. 4.5). Стремительный, произошедший в кратчайшие сроки рост показателей заболеваемости депрессией подтверждается положительными ответами на все шесть суждений, использованных в опросах Monitoring the Future. Этот тренд является общим для всех: белых, черных и латиноамериканцев; жителей мегаполисов, пригородов и небольших городков; представителей всех социоэкономических классов, проживающих во всех регионах США. На популярном среди подростков сервисе микроблогов Tumblr упоминаемость «психического здоровья» (mental health) взлетела с 2013 по 2016 год на 248 %

Если вы хотели создать идеальную среду, в которой можно до бесконечности штамповать недовольных жизнью нытиков, то вам это удалось. Они варятся в котле, из которого им никогда не выбраться.

Дженис Уитлок, исследователь Корнелльского университета

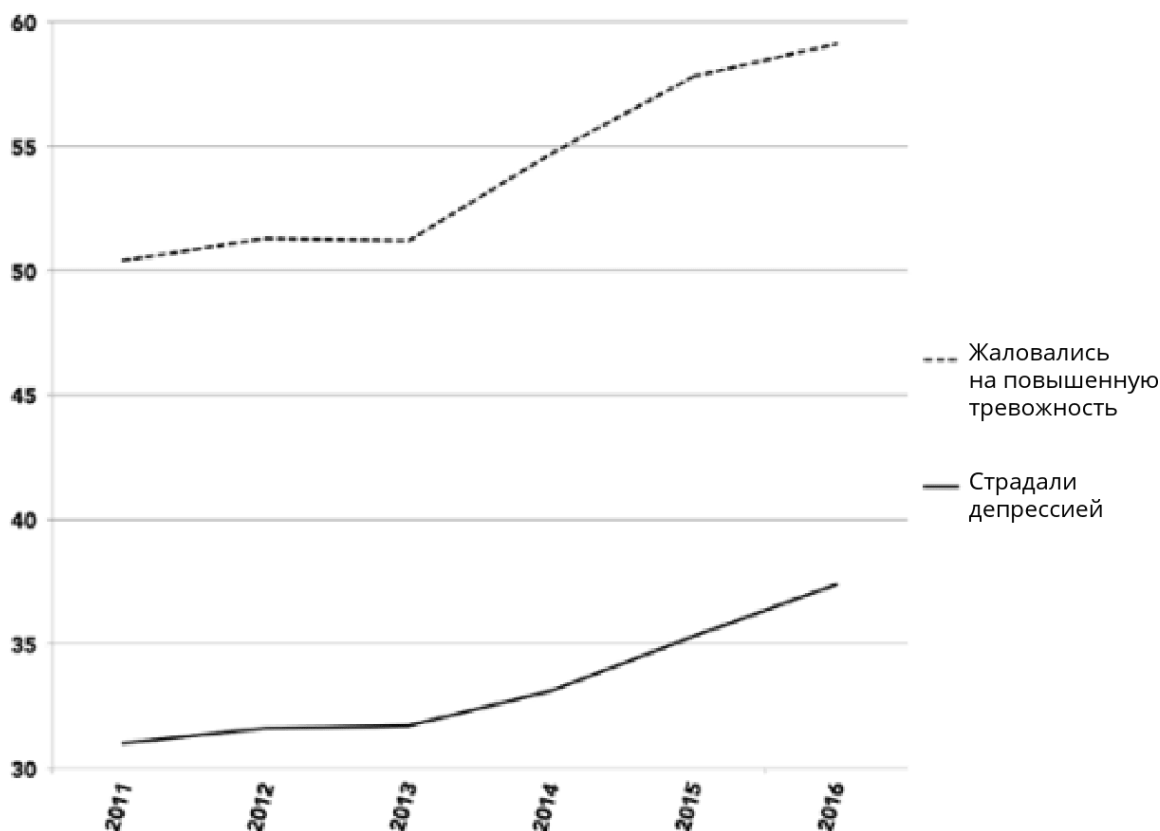

Рис. 4.7. Процент студентов, проходящих обучение на бакалавриате, которые жаловались на повышенную тревожность или страдали депрессией настолько сильно, что не могли нормально жить и учиться в течение последних 12 месяцев. 2011–2016, American College Health Association (АСНА). В опросе приняло участие 400 000 студентов из более чем 100 колледжей

Как и в случае с одиночеством, чаще всего депрессией страдают девушки, хотя в недалеком прошлом заболеваемость практически не зависела от пола (см. рис. 4.6). За период с 2012 по 2015 год распространенность депрессивных расстройств среди юношей увеличилась на 21 %, а среди девушек — на 50 %. Более чем двукратную разницу можно объяснить только тем, что девушки проводят больше времени в соцсетях.

Мы — первое поколение, ни один из представителей которого не способен избежать присущих нам проблем.

Двадцатилетняя Фэйт Энн Бишоп в журнале Time

Психическое здоровье студентов также ухудшается. Согласно многолетнему социологическому исследованию, организованному American College Health Association, студенты чаще жалуются на повышенную тревожность и подавленное состояние, которые не позволяют им учиться. Как и в случае со старшеклассниками, распространенность депрессии среди студентов начала расти после 2013 года (см. Рис. 4.7).

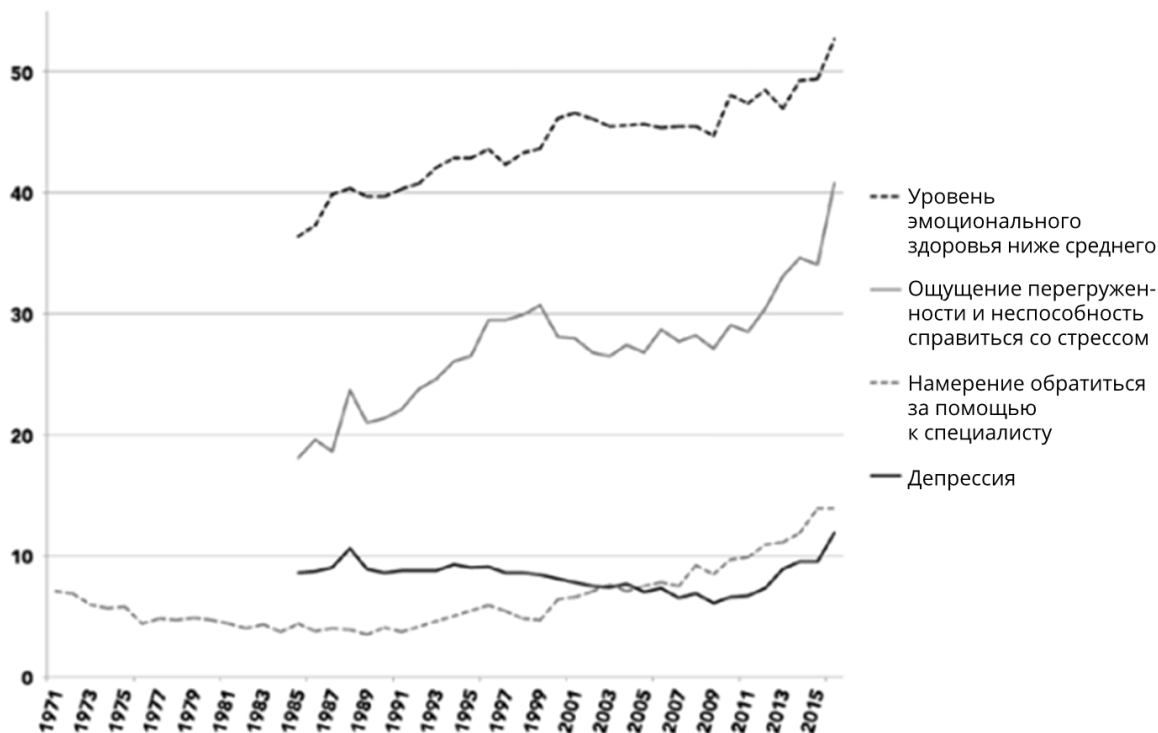

Рис 4.8. Проблемы с психическим здоровьем у первокурсников. American Freshman Survey, 1971–2016

Опросы American Freshman Survey, в которых принимают участие первокурсники, фиксируют те же тренды. В 2016 году достигли своего исторического максимума абсолютно все индикаторы — уровень эмоционального здоровья ниже среднего (с 2009 года вырос на 18 %), ощущение перегруженности (рост на 51 %), намерение обратиться за помощью к специалисту (рост на 64 %) и самый тревожный индикатор — депрессия (рост на 95 %, т. е. практически двукратный), причем самый заметный скачок произошел в 2015–2016 годах. В 2016 году впервые большинство первокурсников охарактеризовали свое психическое состояние как неудовлетворительное (ниже среднего) (см.

рис. 4.8). В целом все больше и больше студентов испытывают проблемы с психическим здоровьем, причем не только те из них, кто обращается за помощью в консультационные центры колледжей, но и те, кто принимает участие в анонимных репрезентативных опросах.

Внезапный резкий рост заболеваемости депрессией начался почти сразу после того, как смартфоны стали незаменимыми, а личное дружеское общение было сведено подростками к минимуму. Слишком много похожего, чтобы говорить о случайном хронологическом совпадении трендов, тем более что они четко коррелируют между собой: люди проводят все больше времени в социальных сетях, все реже общаются лично и при этом все чаще страдают депрессией. Надо полагать, что подобную корреляцию можно объяснить по-разному: пользование социальными сетями вызывает депрессию; люди, страдающие депрессией, проводят больше времени в соцсетях; существует некий третий фактор, способный одновременно объяснить как рост заболеваемости, так и увеличение времени, проводимого в соцсетях. Но даже если два последних предположения могут оказаться истинными применительно к конкретным лицам, они не способны объяснить внезапный рост заболеваемости депрессией. Остается предположить, что существует неизвестный внешний фактор, вызывающий у подростков депрессию. Может быть, этим фактором является Великая рецессия 2007–2009 годов? Она тоже началась внезапно, однако не следует забывать о тайминге. Безработица — именно она больше всего влияет на обычных людей во время экономического кризиса — достигла своего пика в 2010 году, а затем пошла на спад. С депрессией ситуация совершенно иная: уровень распространенности заболевания оставался стабильным до 2012 года, а затем начался резкий рост. В этот же период стали набирать популярность смартфоны (см. рис. 4.9).

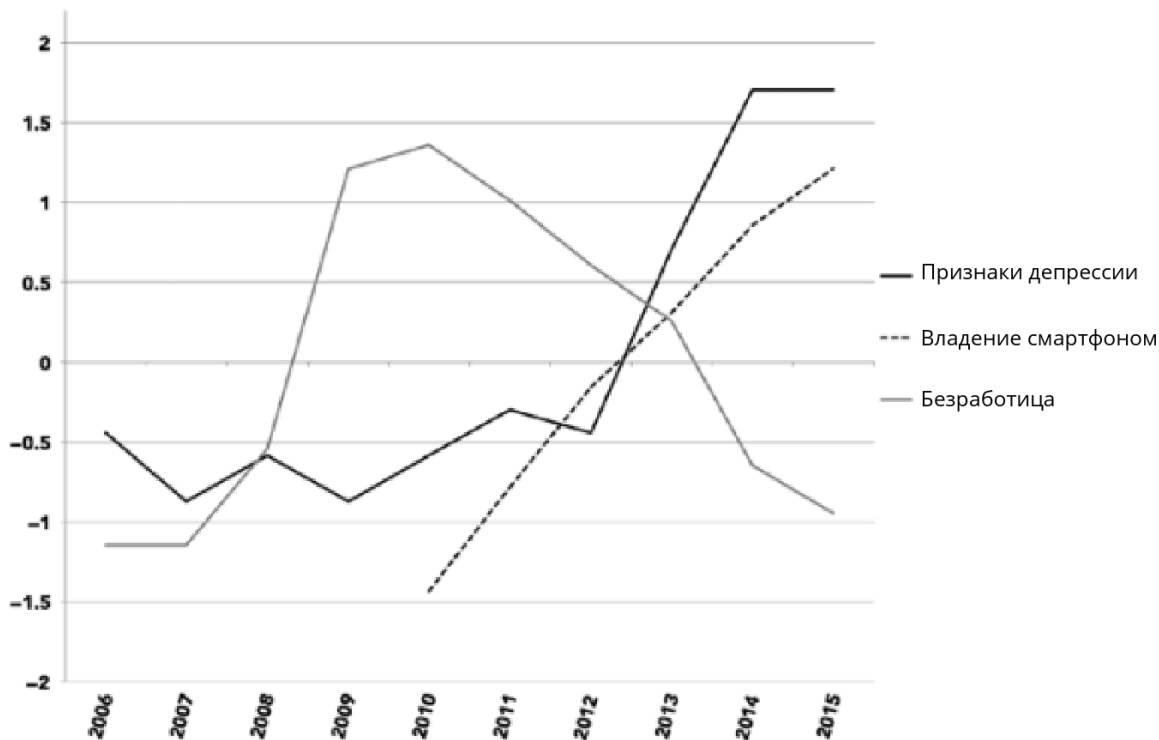

Рис. 4.9. Владение смартфонами в США, уровень безработицы и распространенность депрессии среди учеников 10-х классов. Monitoring the Future, 2006–2015. (Переменные стандартизированы)

Каким образом смартфоны вызывают депрессию? Во-первых, отсутствие ответа на текстовое сообщение или пост в социальных сетях с очень высокой вероятностью повышает тревожность, а это типичный предвестник депрессии. В качестве примера можно привести опубликованную в книге *American Girl* историю общения трех шестнадцатилетних девушек из Лос-Анджелеса. Говоря о молодых людях, которые не отвечали на СМС и сообщения в Snapchat, Гретта сообщила:

Гретта: Я хочу сказать, что мы, типа, очень сильно заморачивались. Тут все сложно. Мне нравится, когда я, типа, разозлилась на парня, не отвечать на его сообщения. Он видит, что я видела его сообщения, и он знает, что я его игнорирую.

Мелисса: С другой стороны, очень бесит, когда не отвечают тебе. Это вызывает стресс.

Падма: И депрессию. Когда они долго не отвечают на твое сообщение, ты, типа, думаешь: «Почему я еще не умерла?»

Социальные сети могут очень негативно влиять на психическое здоровье девушек. Акцент на идеальное селфи усилил их недовольство собственным телом. Нередко они делают сотни фотографий, потом выбирают одну, казалось бы безупречную, и все равно остаются недовольными.

Они заставляют тебя думать, что ты должна что-то изменить в себе, например похудеть или наоборот набрать вес, вместо того чтобы быть самой собой.

Анонимная школьница в беседе с автором книги *American Girl*

Каждое утро ты просыпаешься и натягиваешь маску, чтобы быть кем угодно, но только не собой. И при этом ты все равно несчастна.

Анонимная школьница в беседе с автором книги *American Girl*

Девятнадцатилетняя модель Эссена О`нил неплохо зарабатывала в Instagram, однако в ноябре 2015 года она внезапно удалила свой аккаунт, а затем выложила на YouTube видео, в котором объяснила свой поступок:

Я часами рассматривала красоток в Интернете и мечтала когда-нибудь стать одной из них. Став «одной из них», я не стала счастливой и не обрела душевного спокойствия. Социальные сети — это не настоящая, а фейковая жизнь.

Эссена О`Нил

Ее фотографии только на первый взгляд кажутся спонтанными. На самом деле каждая фотосессия долго и тщательно планировалась, а для того, чтобы получить один удачный кадр, делались сотни фотографий. Забота о количестве подписчиков, по словам Эссены, «душила меня... Я была несчастна».

Как и в обычной жизни, в Интернете действуют двойные сексуальные стандарты, которые ставят девушек в безвыходное положение — выложив сексуальную фотографию, они получают не только лайки, но и оскорбления. Самые обычные сплетни девушек на темы вроде «кто кому что сказал» или «кто в кого по уши влюбился» и последующие ссоры раздуваются в социальных сетях до вселенских

масштабов из-за полного отсутствия невербального контекста. Найти правильный ответ на извечный вопрос «Она/он на меня злится?» гораздо проще при личном общении, а не в смартфоне.

Эпидемия страданий: большое депрессивное расстройство, самоповреждение и самоубийство

Мэдисон Холлеран была во всех отношениях идеальной девушкой: красавица, отличница и спортсменка. Она выросла в Нью-Джерси в образцовой семье, в которой было пятеро детей. Поступив в Пенсильванский университет, она увлеклась бегом. Как и многие студенты, она завела страничку в Instagram, на которой выкладывала фотографии с тренировок и вечеринок. Однажды с мамой у нее состоялся такой разговор:

- Мэдисон, ты выглядишь такой счастливой на этой вечеринке.
- Мам, это просто фотография.

Instagram не показывал ее реальную жизнь и не рассказывал о том, что она страдала глубокой депрессией. Однажды она призналась своей ближайшей подруге Эмме, что боится взрослеть, потому что ее пугает непредсказуемость будущего. Кроме того, ей предстояло получать водительские права. По окончании крайне напряженного первого семестра она приехала на каникулы домой и начала посещать психотерапевта. Однажды в январе, когда Мэдисон вернулась к учебе, ей позвонил отец и спросил, нашла ли она психотерапевта в Пенсильвании, чтобы продолжить лечение. «Нет, но не переживай, папочка, скоро обязательно найду», — ответила она. Через несколько часов она спрыгнула с крыши девятиэтажного паркинга. Ей было 19 лет.

Вплоть до настоящего момента мы говорили о временных отклонениях от нормы и симптомах, которые вполне могут встречаться у здоровых людей: да, это тревожные знаки, но никак не признаки клинической депрессии. Эти чувства, ощущения и переживания нельзя игнорировать, коль скоро они затрагивают миллионы людей и являются фактором риска других, более серьезных проблем со здоровьем, однако в большинстве случаев они не приводят к тяжелым психическим расстройствам. Возникает справедливый вопрос:

меняется ли распространенность клинической депрессии и статистика по самоубийствам на фоне растущего среди подростков чувства одиночества, тревожности и подавленности?

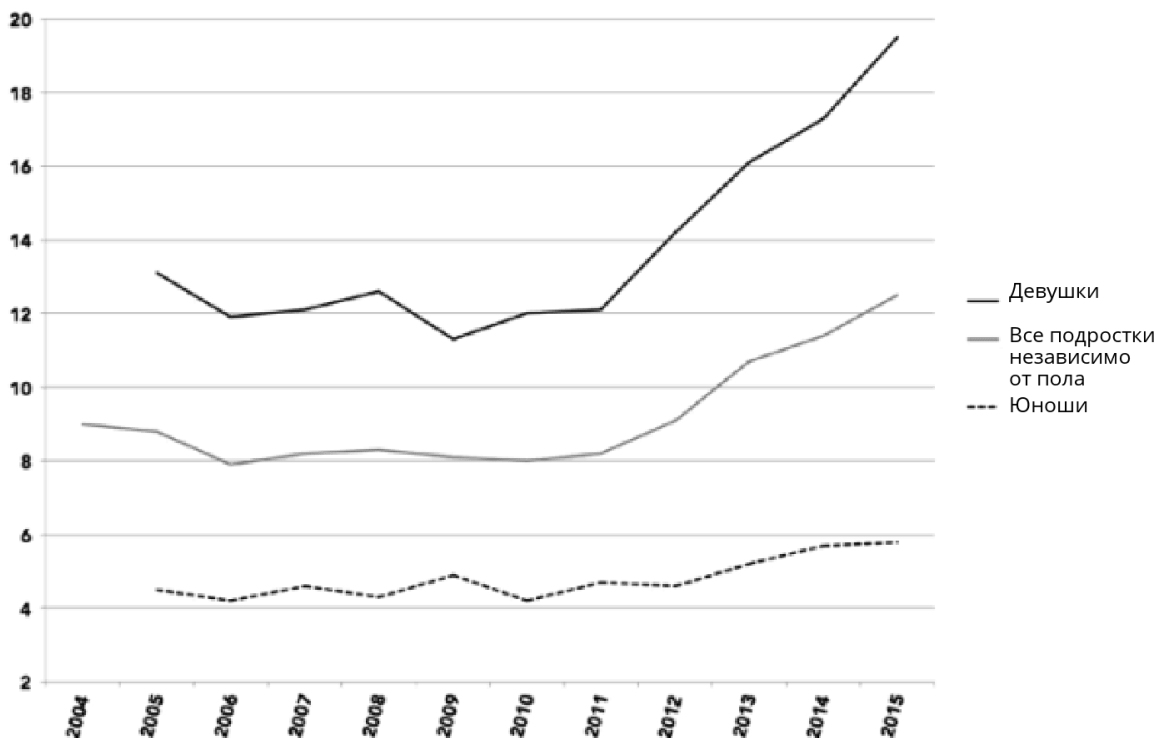

Рис. 4.10. Процент подростков в возрасте от 12 до 17 лет, которые за прошедшие 12 месяцев пережили большой депрессивный эпизод или большой депрессивный эпизод с тяжелыми нарушениями. National Survey on Drug Use and Health, US Department of Health and Human Services, 2004–2015

Начиная с 2004 года в рамках общенационального опроса The National Survey on Drug Use and Health (NSDUH), проводимого Министерством здравоохранения и социальных служб США, более 17 000 подростков в возрасте от 12 до 17 лет ежегодно проходят тест на клиническую депрессию. Респонденты выслушивают вопросы в наушниках, а отвечают с помощью ноутбука, благодаря чему обеспечиваются конфиденциальность и анонимность. Все вопросы были сформулированы на основе критериев большого депрессивного расстройства, описанных в «Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам», разработанном Американской психиатрической ассоциацией. К указанным критериям

относятся депрессивное настроение, бессонница, усталость и явное ежедневное снижение чувства интереса к жизни на протяжении как минимум двух недель. Скрининг-тест был специально разработан в качестве основного инструмента по сбору данных о психических заболеваниях среди американцев, независимо от того, обращались они когда-либо за квалифицированной помощью или нет. Настоящий скрининг-тест является настолько точным и надежным, насколько это возможно на настоящий момент.

Результаты тестирования шокируют: за период с 2010 по 2015 год количество подростков, переживших большой депрессивный эпизод, возросло на 56 % (см. рис. 4.10), а столкнувшихся с серьезным ухудшением психического здоровья — на 60 %.

Все больше молодых людей не просто испытывают отдельные симптомы депрессии или жалуются на повышенную тревожность, а страдают большим депрессивным расстройством. Очень высокий рост, если учитывать, что каждый девятый тинейджер и каждый одиннадцатый молодой человек старше 20 лет страдает клинической депрессией. Эти данные еще более наглядно, чем рост одиночества и симптомов депрессии, говорят о том, что в жизни американских подростков существуют очень серьезные проблемы.

Как и в случае с симптомами депрессии и ощущением одиночества, количество больших депрессивных эпизодов особенно сильно выросло среди девушек, которые, как мы помним, проводят в социальных сетях больше времени, чем юноши. В 2015 году каждая пятая девушка пережила один большой депрессивный эпизод (см. рис. 4.10).

Страдающие депрессией подростки склонны к нанесению себе травм, в частности многочисленных мелких порезов.

В среднем раз в неделю в приемное отделение нашей больницы поступает одна девушка с самоповреждениями, нанесенными после конфликта в социальных сетях.

Фади Хаддад, психиатр нью-йоркской больницы Bellevue Hospital в журнале Time

В большинстве случаев речь идет о самопорезах. С 2011 по 2016 год количество студенток, преднамеренно наносивших себе порезы, выросло на 6 %. Некоторые подростки активно обсуждают в социальных сетях тему самопорезов; в 2014 году хэштег #selfharmmm

в Instagram использовался 1,7 млн раз, а 2015 году уже 2,4 млн раз. Дополнительные буквы «m», видимо, иронично намекают на удовольствие, которое многие подростки испытывают при нанесении травм. Многие родители не имеют никакого представления о том, чем занимаются их дети в социальных сетях, а кто знает, часто опускает руки, говорит Хаддад. Одна мама, узнав, что у ее дочери, склонной к само-травмированию, 17 аккаунтов на Facebook, немедленно их удалила. «А смысл? — задает риторический вопрос Хаддад. — Она откроет восемнадцатый».

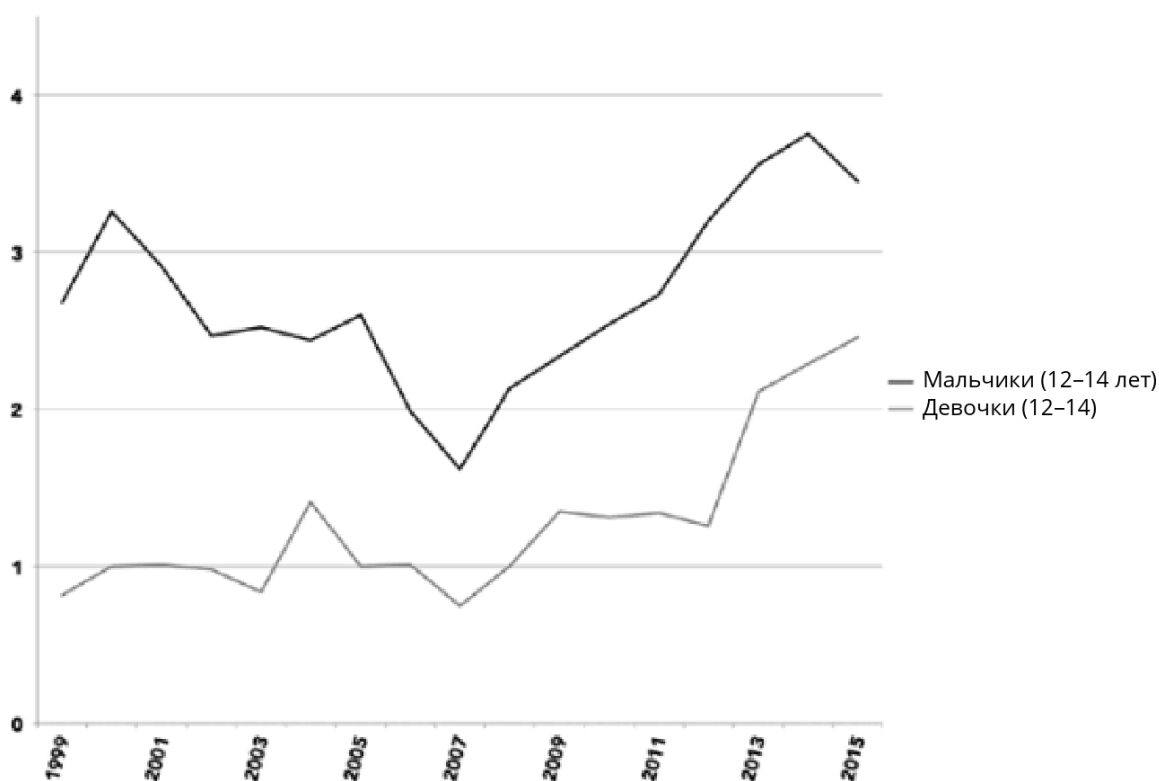

Рис. 4.11. Уровень самоубийств (на 100 000 человек) среди мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 14 лет. Fatal Injury Reports, Centers for Disease Control and Prevention, 1999–2015

Большое депрессивное расстройство, особенно тяжелое, является основным фактором риска суицида. Бывшая одноклассница студентки Университета Юты Уитни Говард как-то призналась ей, что никогда не понимала самоубийц и не верит, что все может быть настолько плохо, чтобы человек решил покончить с собой.

Она не знала, что однажды я сама пыталась покончить с собой... Я наглotalась таблеток. Депрессия — это пустота и отсутствие чувств. Она парализует тебя, а затем лишает счастья, надежды и радости. Представьте себе Дементоров из Гарри Поттера и сразу все поймете.

Уитни Говард

С 2009 по 2015 год количество старшеклассниц, всерьез задумывавшихся о самоубийстве, выросло на 34 %, а количество тех, кто пытался совершить самоубийство, на 43 %. Количество студентов, всерьез задумывавшихся о самоубийстве, выросло с 2011 по 2016 год на 60 %.

Суицид как досконально изученный и не зависящий от субъективных оценок его исполнителей феномен — это самый экстремальный и страшный результат депрессии. Если число самоубийств растет, значит, ситуация с депрессией в целом по стране ухудшается. К сожалению, она ухудшается. После падения в 1990-е и стабилизации в 2000-е, уровень самоубийств среди подростков снова начал расти. Число подростков в возрасте от 15 до 19 лет, совершивших самоубийство в 2015 году, выросло на 46 % по сравнению с 2007 годом, а количество самоубийств, совершенных подростками в возрасте от 12 до 14 лет, выросло за то же время в 2,5 раза. Жуткие цифры.

Особенно быстро растет число суицидов среди девушек. В 2015 году девочки в возрасте от 12 до 14 лет совершили в три раза больше самоубийств, чем в 2007 году, а мальчики — в два раза (см. рис. 4.11). Хотя юноши лидируют по числу завершенных самоубийств (вероятно потому, что они выбирают более летальные способы), девушки стремительно их догоняют.

Для такого страшного явления как самоубийство рост просто катастрофический, тем более что происходит он на фоне постоянно растущего потребления антидепрессантов (в прошлом году их принимал каждый десятый американец; это в два раза больше, чем в 1990-х). Антидепрессанты особенно эффективны против тяжелых депрессий, которые являются одной из основных причин самоубийств. Однако лекарства не смогли остановить рост самоубийств среди подростков, который примерно совпал по времени с появлением

общедоступных смартфонов. Мы не можем во всем обвинять смартфоны, но тайминг выглядит очень подозрительно. В любом случае, двукратный рост самоубийств говорит о существовании серьезных проблем, которые необходимо решать.

С чем связан рост психических расстройств?

Несмотря на то что уровень тревожности, распространенность депрессии и число самоубийств начали расти почти одновременно с появлением смартфонов, имеет смысл рассмотреть и другие причины. Так, автор одной из опубликованных в журнале The Atlantic статей едва ли не во всех грехах обвинил высокую академическую нагрузку — школьники вынуждены выбирать очень сложные предметы, чтобы набрать высокую GPA (средняя оценка за школьные предметы)... Школьная программа заметно усложнилась, сказал один школьный консультант.

Полагаю, что о тяжести академической нагрузки лучше судить по тому, сколько времени школьники тратят на выполнение домашних заданий. Как нам уже известно из первой главы, до недавних пор подростки тратили на уроки столько же или даже меньше времени, чем их сверстники в прошлом. Ситуация немного изменилась в период с 2012 по 2016 год, когда заболеваемость депрессией взлетела до небес. Кроме того, в третьей главе мы выяснили, что школьники, которые тратят много времени на уроки, на самом деле реже страдают депрессией. Таким образом, с высокой вероятностью мы можем утверждать, что академическая нагрузка никак не связана с повышенной тревожностью и депрессией. Другие причины также представляются маловероятными с учетом всех доступных нам сведений. В любом случае, для их проверки можно использовать простой тест: (1) причина должна коррелировать с психическими расстройствами или уровнем несчастья (см. третью главу) и (2) причина должна по времени совпадать со следствием и при этом пропорционально с ним меняться. Домашние задания полностью проваливают тест; они никак не связаны с депрессивными состояниями, а время, затрачиваемое на их выполнение, почти не изменилось. Просмотр телевизора проваливает тест частично, поскольку он связан с депрессией, однако современные подростки

редко смотрят телевизор. Физкультура и спорт снижают риск депрессии, но после 2012 года подростки не стали больше заниматься ни тем, ни другим, поэтому они также не проходят тест.

Только три фактора полностью проходят проверку тестом. Во-первых, это новые медиа (такие как электронные устройства и социальные сети), которые не только набирали популярность одновременно с ростом психических расстройств, но и прямо с ними связаны. Во-вторых и в-третьих, это личное общение и печатные СМИ, которые снижают уровень несчастья и вероятность возникновения депрессии, при этом интерес к ним начал падать одновременно с ухудшением психического здоровья молодежи. Соответственно, научно обоснованными можно признать только следующие три закономерности: (1) увеличение экранного времени прямо привело к росту уровня несчастья и депрессии (2) увеличение экранного времени снизило интерес к личному общению, что, в свою очередь, повысило уровень несчастья и усилило депрессию. (3) Увеличение экранного времени снизило интерес к печатным СМИ, что, в свою очередь, повысило уровень несчастья и усилило депрессию. В любом случае, как мы видим, все так или иначе сводится к новым медиа. Именно они являются пресловутым червем в сердцевине яблока.

Конечно, сами по себе даже эти доводы не доказывают, что увеличение экранного времени спровоцировало рост психических расстройств, однако они полностью подтверждаются рядом исследований: в ходе одних экспериментов разделенные на группы участники должны были проводить разное время перед экранами, а в ходе других отслеживались долговременные изменения в поведении. Во всех случаях было установлено, что увеличение экранного времени нарушает эмоциональные связи и усиливает тревогу, депрессию и одиночество. Не вызывает никаких сомнений, что, по крайней мере частично, внезапный и стремительный рост показателей заболеваемости депрессией обусловлен увеличением экранного времени.

Другая причина — недостаточная самостоятельность и, как следствие, неприспособленность айдженов к взрослой жизни. Они все реже хотят работать, распоряжаться собственными деньгами и ездить в школу на машине и поэтому не приобретают необходимые для взрослой жизни навыки. В ходе одного исследования студентам

колледжей было предложено оценить следующие суждения: «родители контролируют каждый мой шаг», «родители стараются решать все мои проблемы» и «родители не дают мне во всем разбираться самостоятельно». Студенты, чьи родители подошли под соответствующие описания (т. н. «вертолетные родители»), реже достигали психологического благополучия (душевного комфорта) и чаще принимали антидепрессанты. Таким образом, недостаточная самостоятельность полностью проходит тест: она коррелирует с психическими расстройствами и совпадает с ними во времени.

В песне Stressed Out группы Twenty One Pilots очень точно подмечена возможная связь между медленным взрослением и психическими расстройствами. В видеоклипе участники группы катаются в пригороде Коламбуса, штат Огайо, на трехколесных велосипедах и пьют из трубочки напиток Capri Sun. (Популярный среди детей и подростков сокосодержащий напиток. — Авт.) Солист Тайлер Джозеф поет о том, как они с братом хотели бы «вернуть старые добрые времена, когда мама пела нам колыбельные перед сном». Взрослая жизнь наступает внезапно: родители, смеясь над ним в лицо, говорят: «Просыпайтесь, пора зарабатывать деньги». Он думал, что стоит ему повзрослеть, как страхи улетучатся, однако этого не происходит, и сейчас он страдает от неуверенности в себе и переживает о том, что думают о нем люди. В 2015 году песня заняла второе место в хит-параде Billboard top 100 и к настоящему времени собрала почти 1,5 млрд просмотров на YouTube. Алисса Дрисколл, студентка Университета Асбери написала: «Она абсолютно точно передает наши мысли и чувства... Эта песня о нас».

В видеоклипе шея и руки Тайлера покрыты черной краской, что, по его словам, является метафорой стресса. В одном интервью он сказал, что черный мейкап символизирует «что-то вроде удушья». Очень сложно найти себя во взрослой жизни, если твое детство прошло в коконе и тебе постоянно говорили, что не надо переживать из-за чужого мнения. Внезапно выясняется, что ты должен повзрослеть, а чужое мнение очень даже важно. Безусловно, это вызывает стресс.

Между кредитом на оплату обучения в колледже и домиком на дереве мы всегда выбираем домик.

Тайлер Джозеф в песне Stressed Out

Ускользающий сон

Перед сном вы заглядываете в спальню к своему ребенку и думаете, что он заснул, однако, приглядевшись, вы видите тусклый голубой свет и понимаете, что он тыкается в телефон.

Многие айдженеры настолько зависимы от социальных сетей, что не могут отложить телефон в сторону и вовремя лечь спать. Тринадцатилетняя девочка из Нью-Джерси признается автору книги *American Girls*, что по ночам она сидит в телефоне. Она залезает под одеяло и пишет сообщения, а ее мама об этом не догадывается. Она редко высыпается и, чтобы взбодриться, «просто выпивает банку Red Bull». То же самое говорит и тринадцатилетняя Афина:

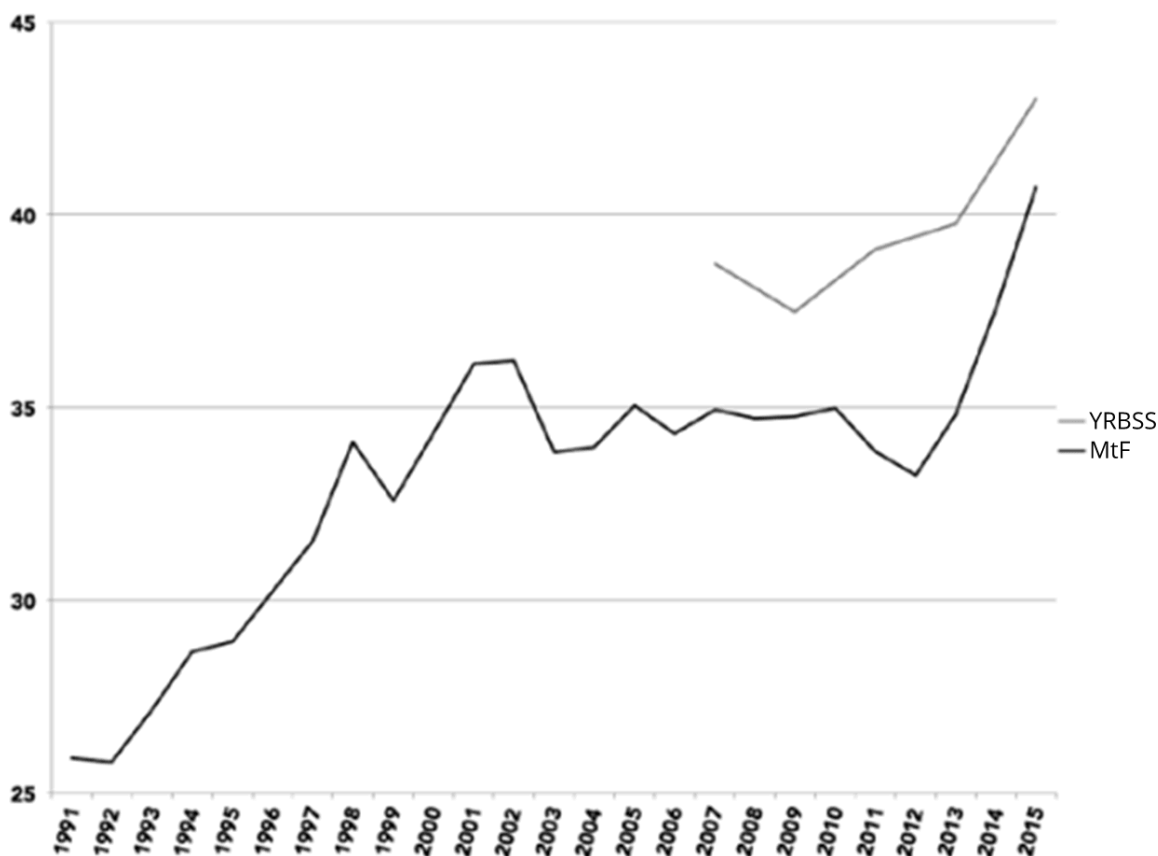

Рис. 4.12. Процент школьников, которые, как правило, спят менее семи часов в сутки. Ученики 8, 10 и 12-х классов (Monitoring the Future) и ученики 9–12-х классов (Youth Risk Behavior Surveillance System), 1991–2015 годы

— Некоторые мои друзья не спят часов до двух.

— Надо полагать во время летних каникул? — спрашиваю я.
 — Нет, во время учебы тоже. И при этом мы должны вставать в 6:45.

Пользование смартфонами может значительно сокращать продолжительность сна: многие подростки сейчас спят менее семи часов в сутки (см. рис. 4.12). Эксперты по сну утверждают, что для полноценного отдыха и восстановления сил подросткам необходим девятичасовой сон. В 2015 году количество страдающих от постоянного недосыпания подростков выросло на 57 % в сравнении с 1991 годом. Всего за три года, с 2012 по 2015 год, количество подростков, которые спят менее семи часов, выросло на 22 %.

Как обычно, причину тренда установить не так просто, как кажется. Тем не менее тайминг выглядит подозрительно: проблема депривации сна начала усугубляться примерно в 2011–2012 годах, т. е. одновременно с ростом популярности смартфонов. Девочки страдают от недостатка сна чаще, чем мальчики, и при этом они более активно пользуются соцсетями.

Рис. 4.13. Вероятность снижения продолжительности сна до семи и менее часов в зависимости от видов экранной (черные полоски) и внеэкранный (серые полоски) активности. Monitoring the Future and Youth Risk Behavior Surveillance System, 2009–2015

Если депривация сна чаще встречается у подростков, которые проводят много времени онлайн, значит, новые медиа и смартфоны могут являться причиной хронического недосыпания. Подростки, которые пользуются электронными устройствами более трех часов в день, на 28 % чаще спят менее семи часов, а подростки, которые

ежедневно заходят в социальные сети, не высыпаются на 19 % чаще (см. рис. 4.13). Количество страдающих от недосыпа подростков начинает стремительно расти, если экранное время превышает два часа. Расширенный метаанализ исследований, посвященных изучению влияния электронных устройств на детей, дал схожие результаты: дети, которые пользуются смартфоном перед сном, спят меньше, чем им положено, хуже высыпаются и в два раза чаще испытывают сонливость в течение дня.

Социальные сети и гаджеты влияют на сон совсем не так, как традиционные медиа. Подростки, которые читают книги и журналы, реже испытывают проблемы со сном — во-первых, потому что во время чтения человека часто клонит ко сну, а во-вторых, книжку проще отложить в сторону, чем телефон. Просмотр телевизора почти никак не влияет на продолжительность и качество сна. Во всяком случае, любители посмотреть телевизор способны его выключить и вовремя лечь спать, а любители тыкаться в телефон — нет, потому что очень часто они оказываются беспомощными перед очарованием смартфонов.

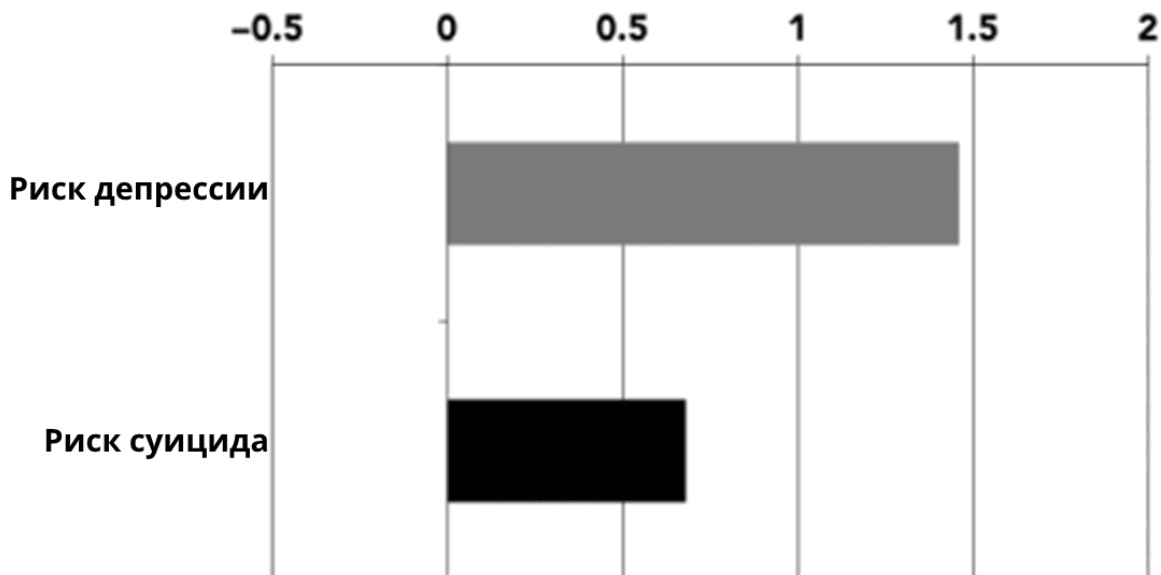

Рис. 4.14. Вероятность появления симптомов депрессии или как минимум одного фактора суицидального риска среди учеников 8-х и 10-х классов (Monitoring the Future) и учеников 9–12-х классов (Youth Risk Surveillance System), в результате снижения обычной продолжительности сна до семи и менее часов. 2009–2015 годы

Такие виды офлайн-деятельности, как выполнение домашних заданий и работа по найму, могут стать причиной недосыпания, но только если на них тратится много времени. Однако, как нам известно, в 2015 году подростки тратили на домашние задания и работу почти столько же времени, сколько и в 2012 году, следовательно, проблема кроется не в них. В свою очередь, занятия спортом и встречи с друзьями коррелируют с полноценным сном, однако ни о каком росте интереса к ним говорить не приходится. В период с 2012 по 2015 год айдженеры стали чаще делать только одно дело — пользоваться новыми медиа, которые, в свою очередь, теснейшим образом связаны с проблемой недосыпания. Таким образом, именно смартфоны являются основной причиной бессонницы и недосыпания, из чего следует, что технологии одинаково негативно повлияли как на психическое, так и на физическое здоровье айдженеров.

Деприvação сна влечет множество серьезных проблем. Она нарушает мыслительные способности, снижает устойчивость к заболеваниям, повышает кровяное давление и способствует ожирению. Недостаток сна также сильно влияет на настроение: постоянно не высыпавшиеся люди чаще испытывают повышенную тревожность и страдают депрессией.

Ничего не напоминает? Похоже, недостаток сна является еще одной причиной роста депрессивных расстройств среди подростков. У тинейджеров, которые постоянно не высыпаются, признаки депрессии наблюдается почти в три раза чаще, чем у тех, кто не испытывает проблем со сном (31 % против 12 %). Подростки, которые спят менее семи часов, также на 68 % чаще имеют как минимум один фактор суицидального риска (см. рис. 4.14). Деприvação сна крайне негативно влияет на настроение и со временем может стать причиной серьезных психических расстройств.

Указанные риски практически не зависят от пола, расы и социоэкономического статуса, соответственно, эти факторы нельзя отнести к числу причин роста психических расстройств. В ходе последних научных исследований было доказано, что синий спектр излучения экранов электронных устройств нарушает выработку «гормона сна» — мелатонина. Конечно, синий свет отвлекает ото сна не так сильно, как ссоры в социальных сетях, однако игнорировать его опасность тоже не следует. Таким образом, можно утверждать, что

либо смартфоны являются причиной бессонницы, которая приводит к депрессии, либо они являются причиной депрессии, которая приводит к бессоннице. В любом случае, все сводится к смартфонам, которые, подобно сладкоголосым мифическим сиренам, заманивают подростков на верную гибель.

Что делать?

По словам родителей студента Калифорнийского технологического института Брайана Гоу, однажды он отправил в консультационный центр университета электронное письмо с просьбой о помощи, в котором написал, что после расставания с девушкой у него нет больше «сил жить дальше». Консультант ответила, что у нее все расписано и она не может назначить ему встречу на ближайшие дни. Вскоре после этого Брайан покончил с собой.

Администрация университета категорически отрицала свою причастность к самоубийству и утверждала, что Брайан неоднократно заявлял, что самостоятельно избавился от суицидальных намерений. Тем не менее это происшествие обнажило серьезную общенациональную проблему: очень часто университеты не способны предложить адекватную психологическую помощь своим студентам. Финансирование сокращается, а очереди к психотерапевту постоянно растут. Во многих университетских консультационных центрах действуют ограничения на количество посещений штатного психотерапевта. Так, после двенадцатого приема студентка Тулейнского университета Шефали Аврора вместо помощи получила список работающих в ближайшем городе платных специалистов. «Но у меня тогда не было машины», — сказала Шефали. Не сумев завершить курс лечения, она взяла академический отпуск, во время которого предприняла попытку суицида, к счастью, неудачную.

Количество обращений старшеклассников и их родителей за помощью к психотерапевтам растет невиданными доселе темпами. В 1983 году только 4 % двенадцатиклассников (согласно опросам Monitoring the Future) обращались к специалисту с жалобами на психологические и эмоциональные проблемы. В 2000 году это число удвоилось до 8 %, а в 2015 году выросло до 11 %. Психотерапевты перегружены, как никогда, и маловероятно, что в ближайшем будущем

этот тренд изменится. Практикующим врачам следует хорошенько подготовиться к тому, что чем дальше, тем больше айдженеров будет становиться их постоянными клиентами.

Еще больше проблем возникает, если молодые люди не обращаются за помощью. Со страниц студенческих газет постоянно раздаются призывы уделять больше внимания проблеме психических расстройств.

Меня тревожат недомолвки и смешки, которыми сопровождаются любые разговоры на тему психологического благополучия. Поход к психотерапевту — это табу. Никто не хочет, чтобы к нему приклеился ярлык закомплексованного и неуверенного в себе неудачника. Никому не нужен такой диагноз.

Логан Джонс в студенческой газете Utah State

По этой причине депрессия очень часто остается нераспознанной. Купер Лунд написал в студенческой газете Daily Oklahoman, что даже в наши продвинутые дни с депрессией до сих пор связано множество мифов и предрассудков.

Если бы я заподозрил у себя рак, то сразу бы побежал на прием к онкологу, но когда я заподозрил у себя депрессию, мне потребовалось четыре года на то, чтобы показаться психотерапевту.

Купер Лунд в студенческой газете Daily Oklahoman

Лечить психические расстройства необходимо, но еще важнее их предотвращать. Для этого надо знать, что в первую очередь вызывает депрессию. Хотя некоторые люди имеют генетическую предрасположенность к депрессии, стремительный рост заболеваемости явно говорит, что дело отнюдь не только в генах. Согласно последним исследованиям, генетические и психосоциальные (внешние) факторы тесно связаны между собой. Даже предрасположенные к депрессии люди заболеют только в определенных неблагоприятных условиях. Например, недостаток сна связан с депрессией; как нам известно, подростки редко высыпаются, и это может быть одной из причин роста заболеваемости депрессией. К другим причинам относятся недостаток личного общения и популярность смартфонов. Проще говоря, есть один простой и всем

доступный способ улучшить психическое здоровье: отложите телефон в сторону и займитесь чем-то действительно важным.

Глава 5. Нерелигиозность: Утрата религиозности (и спиритуальности)

Мальчишки решительно забираются на фанерную рампу и стремительно скатываются вниз, а их скейтборды со скрипом подсакивают во время прыжков. На улице уже холодно, и они рады, что могут кататься в закрытом помещении. Но это не обычный скейт-парк — ребята катаются под величественными сводчатыми потолками, а со стороны за ними молча наблюдает каменная скульптура святого Иоанна. Их любимый скейт-парк находится в бывшей церкви Святого Иосифа в Арнеме (Голландия).

Как и многие другие церкви Европы, церковь Святого Иоанна закрылась из-за отсутствия прихожан. Еще одна голландская церковь используется в качестве школы акробатов, а в третьей недавно открылся дорогой модный бутик. Многие церкви просто стоят заброшенными.

Их настолько много, что не заметить их невозможно.

Люди каждый день видят заброшенные здания в своем районе.

Религиозная активистка Лилиан Гроотсвагерг газете Wall Street Journal

Многие десятилетия США были намного более религиозной страной, чем большинство европейских государств. Даже когда церкви Европы опустели, американцы оставались верующей нацией. Долгое время американские богословы поддерживали религиозность населения на стабильно высоком уровне. Первые изменения, даже среди молодежи, признавались «несущественными и малозначительными». Никому и в голову не приходило, что в церкви можно кататься на скейтборде.

Потом пришло время миллениалов. Как показали опросы, проводившиеся исследовательским центром Пью (Pew Research Center) в середине 2010-х годов, каждый третий миллениал (в возрасте от 20 до 34 лет) не принадлежит ни к одной конфессии, тогда как среди американцев старше 70 лет таких оказалось всего 10 % (каждый десятый). Однако молодежь всегда была менее религиозной, чем пожилые люди, и вполне возможно, что миллениалы менее религиозны

только потому, что они слишком молоды. К сожалению, Pew Research Center начал проводить опросы только в 2007 году, поэтому мы не можем сказать, идет ли речь о серьезном поколенческом и культурном изменении или о простом влиянии возраста на религиозность.

Чтобы узнать, насколько сильно меняется американский религиозный ландшафт, необходимо сравнить современных подростков с их сверстниками из предшествующих поколений, а для этого нужны данные многолетних исследований. Айдженеры вступают во взрослую жизнь, и только от их религиозных представлений зависит, что ждет нас в ближайшем обозримом будущем — разрушенные церкви или новое возрождение религии в Америке. Поскольку большинство американских тинейджеров считают себя христианами — 68 % десятиклассников (по данным на 2015 год), — то говорить мы будем о христианстве и причинах отказа от него. Подростки, исповедующие иудаизм, буддизм и ислам, остаются меньшинством (соответственно 1,6 %, 1 % и 1,5 % десятиклассников, по данным на 2015 год). Вполне возможно, скоро мы станем свидетелями большего числа дискуссий, посвященных этим религиям и их влиянии на поколение I.

Паства: участие в религиозных мероприятиях

Бен — очень рассудительный восемнадцатилетний молодой человек из Иллинойса. В отличие от большинства айдженеров, с которыми мне удалось побеседовать, он любит бумажные книги больше, чем смартфоны. Когда я спрашиваю, ходит ли он в церковь или принимает участие в христианских богослужениях, он отвечает:

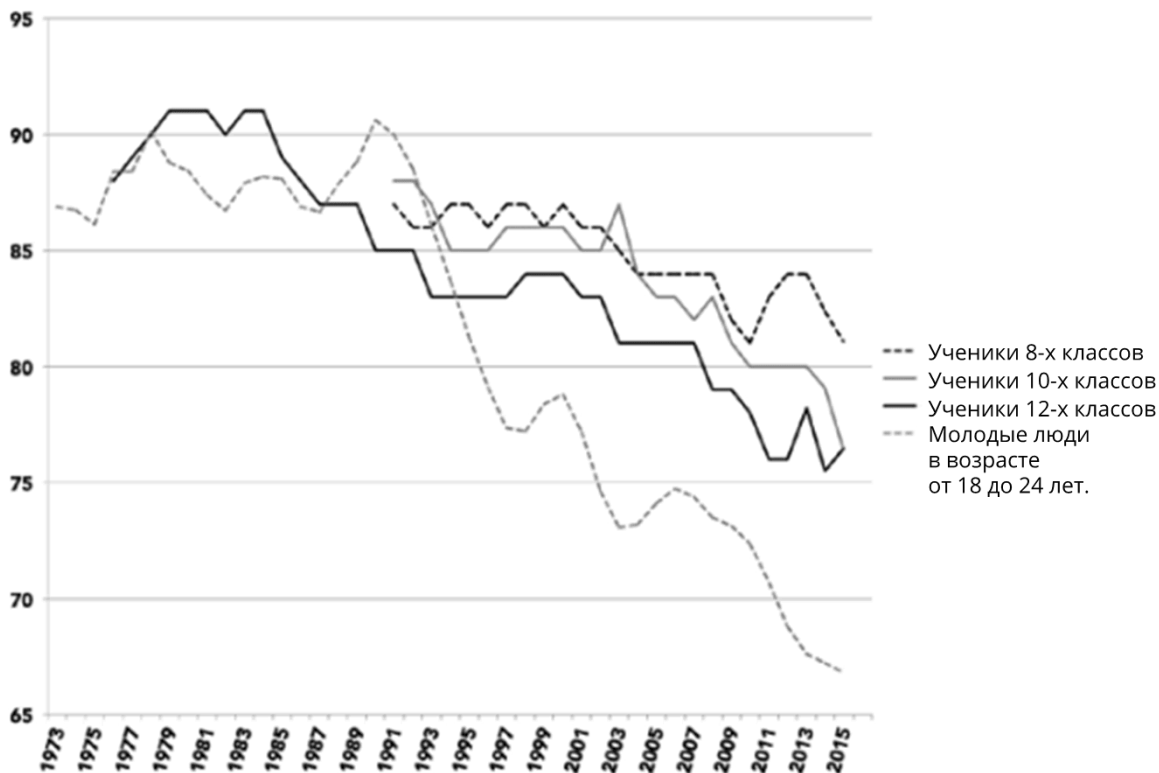

Рис. 5.1. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов (Monitoring the Future) и молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, заявивших о своей принадлежности к какой-либо религии (General Social Survey), 1972–2016

— Нет, как и большинство моих друзей.
 — Это связано с воспитанием или личными убеждениями?
 — Просто родители никогда не брали меня в церковь. Они всегда отличались квазирелигиозностью, но никогда и ни к чему меня не принуждали. Я знаю пару человек, чьи родители до сих пор ходят в церковь и хотят, чтобы их дети делали то же самое, но все бесполезно.

Еще совсем недавно религиозность была самым обычным делом: в начале 80-х более 90 % старшеклассников причисляли себя к той или иной религиозной группе; другими словами, только каждый десятый школьник отвечал «отсутствует» на вопрос о своей религиозной принадлежности. Вплоть до 2003 года 87 % десятиклассников уверенно определяли свою религиозную принадлежность.

Затем ситуация изменилась. Начиная с 90-х молодежь стала все реже и реже ассоциировать себя с каким-либо религиозным учением, и

уже в 2016 году только 66 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет заявили, что являются последователями какой-либо религии (см. рис. 5.1). Таким образом, в наши дни каждый третий молодой человек не относит себя ни к одной известной конфессии.

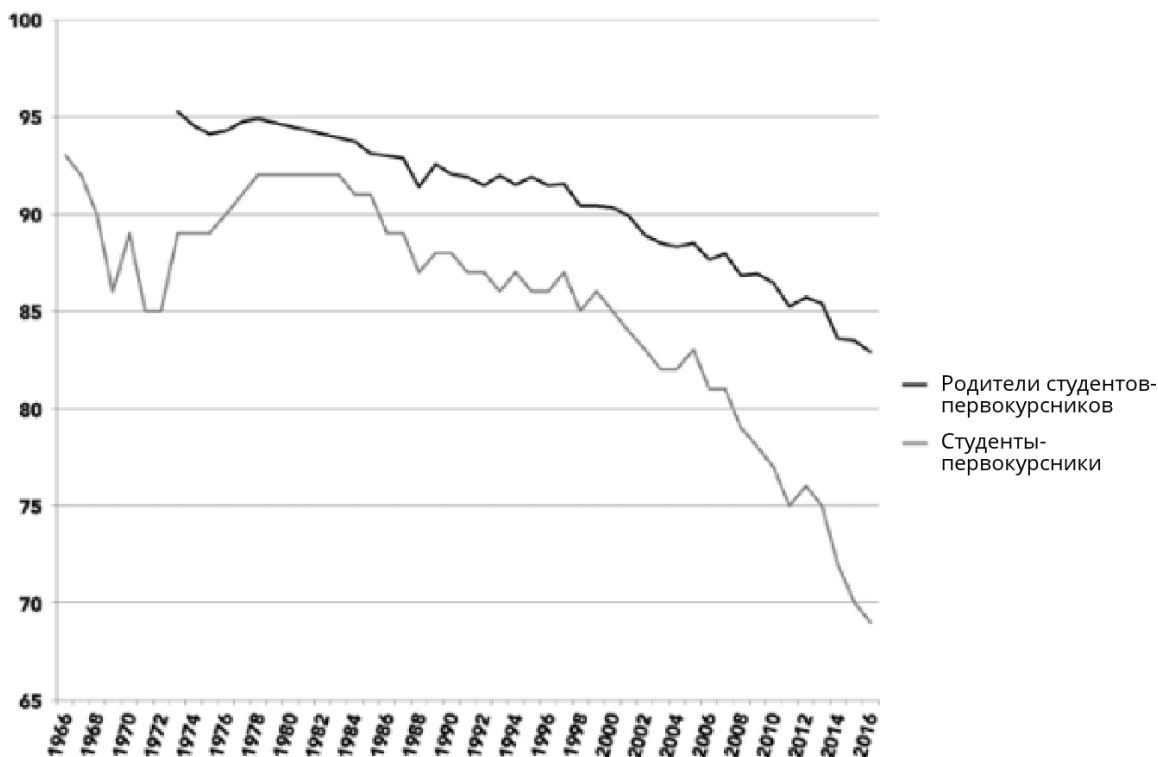

Рис. 5.2. Процент студентов и их родителей, которые заявили о своей принадлежности к той или иной религии. American Freshman Survey, 1966–2016

И дело не только в молодых людях: айдженеры воспитываются самыми нерелигиозными за всю историю Америки родителями. Согласно проведенному в 2016 году опросу, 17 % студентов имеют нерелигиозных родителей, тогда как в конце 70-х таких было всего 5 %. Снижение религиозности среди самих студентов было еще более значительным: в 2016 году 31 % студентов заявил о своей нерелигиозности. Как следует из рисунка 5.2., в последние годы разрыв между числом верующих студентов и их родителей постоянно увеличивался; хотя студенты всегда отличались меньшей религиозностью, чем их родители, сейчас их разделяет глубочайшая пропасть.

Из этого следует, что одновременно две силы отдаляют айдженеров от религии: все больше айдженеров воспитываются в нерелигиозных семьях, и все больше айдженеров осознанно отказываются от религии. Вероятно, происходит это примерно в восьмом классе или чуть позже, поскольку именно в подростковом возрасте они начинают задавать все больше вопросов и все чаще принимать самостоятельные решения.

Рис. 5.3. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов (Monitoring the Future) и студентов-первокурсников (American Freshman Survey), которые когда либо принимали участие в богослужениях, 1968–2016

Взросление айдженеров пришлось на тот период, когда отказ от религиозных убеждений и критика религии впервые стали социально приемлемыми нормами поведения. В 2009 году Барак Обама стал первым американским президентом, который, перечисляя в своей инаугурационной речи представителей основных конфессий, впервые упомянул «неверующих». Американцы все чаще начинают бросают вызов религии.

В XXI веке любому здравомыслящему человеку прекрасно известно, что все древние религиозные тексты были написаны

обычными людьми. Верить в обратное — значит обманывать себя.

Брайан Шеллер, Коламбус, штат Огайо, на сайте New York Times

Можно предположить, что, несмотря ни на что, айдженеры продолжают время от времени посещать богослужения. Во всяком случае, раньше многие богословы утверждали, что американцы ходят в церкви так же часто, как и раньше, а если посещаемость и снизилась, то весьма незначительно.

Это не так. Начиная с 1997 года посещаемость храмов стабильно снижается. В 2015 году 22 % двенадцатиклассников сказали, что они никогда не ходили в церковь на службу (см. рис. 5.3). Очень высокий показатель, если учесть, что даже однократное (в течение года) посещение церкви считается участием в богослужениях. Схожая картина наблюдается и среди постоянных прихожан: в 2015 году только 28 % двенадцатиклассников еженедельно участвовали в богослужениях, тогда как в 1976 году таких было 40 %.

Студенты очень редко приходят на мессу, но в церкви в Бедфорде всегда много молодых семейных пар с детьми.

Они возвращаются в лоно церкви, потому что хотят приобщить своих детей к вере.

Отец Джеймс Брекке из Бостонского колледжа в интервью National Public Radio

Из этого следует, что айдженеры и миллениалы не ходят в церковь только потому, что они слишком молоды — они не успели остепениться, завести детей и никогда не оказывались в таких по-настоящему сложных жизненных ситуациях, когда утешение можно найти только в религии. Вполне возможно, что, остепенившись, эти поколения вернуться к религии.

В то же время значимость возрастного фактора не стоит переоценивать: айдженеры и миллениалы менее религиозны, чем беби-бумеры и представители поколения X одного с ними возраста. Миллениалы уже вступили в идеальный возраст для создания семьи (от 25 до 34 лет), однако, согласно последним данным, они все равно ходят в церковь реже, чем беби-бумеры и представители поколения X одного с ними возраста. Фактически, молодые люди, достигшие

идеального для создания семьи возраста, и молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет теряют интерес к участию в церковных службах почти одинаковыми темпами (см. рис. 5.4). Миллениалы не стали верующими или более религиозными ни в 20, ни в 30 лет, поэтому маловероятно, что это случится с айдженерами.

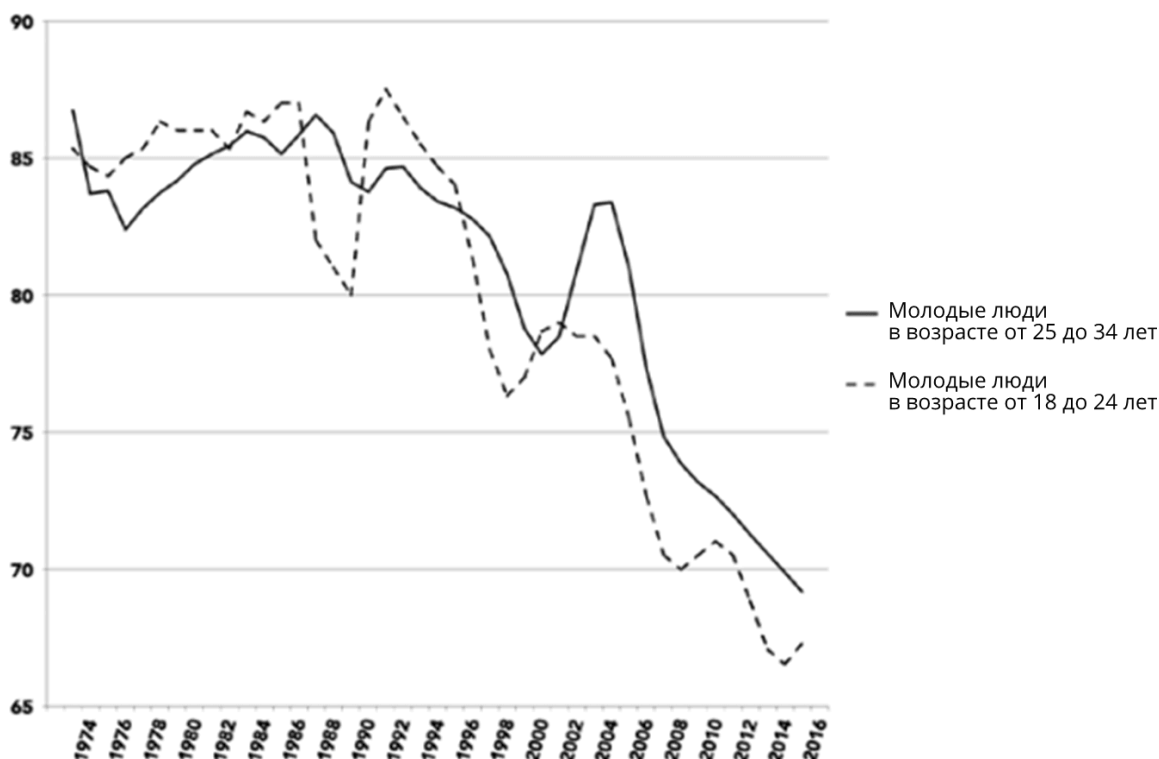

Рис. 5.4. Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет, которые когда-либо ходили в церковь на службу. General Social Survey, 1972–2016

Веруют и готовы ходить в церковь, но с оговорками

Несмотря на то что сейчас уже 10 часов вечера, двадцатилетний Джеймс бодр и готов к беседе. Он только что вернулся домой из университета, расположенного на окраине Атланты, но когда я звоню и спрашиваю: «Это Джеймс», он весело отвечает: «Он самый».

Мы болтаем несколько минут на самые общие темы, а затем я спрашиваю, ходил ли он в церковь, когда был подростком. Джеймс рассказывает, что одно время он ходил с родителями в преимущественно белую баптистскую церковь почти каждое воскресенье, но потом они стали делать это все реже и реже.

Наша церковь была очень консервативной. Очень старомодной. Это нормально. Моя семья тоже старомодная, и мы придерживаемся старомодных идеалов. Нам было непросто... мой папа черный, а мама белая, соответственно, мы с братом мулаты. Стоило нам зайти в церковь, как все сразу начинали оглядываться на нас. В 14 лет брат понял, что является трансгендером, и это стало камнем преткновения. Скажем так, наша церковь была крайне недружелюбна к представителям ЛГБТ-сообщества.

Однажды пастор с издевкой заметил, что в соседней церкви терпимо относятся не только к сексуальным меньшинствам, но и к мошенникам и убийцам. «Почему вы прославляете грех?» — спрашивал пастор.

Через несколько лет брат признался нам, что является гомосексуалом. Он знал, что его привлекают только мужчины, но еще он знал, что, по мнению церкви, это смертный грех. Обычный страх. Типа, ты даже подумать об этом не можешь, потому что сразу обрекаешь себя на ад. Церковь никогда не примет тебя, если ты сильно отличаешься от окружающих и при этом хочешь оставаться самим собой. Ты не можешь откровенно заявить о своих нетрадиционных взглядах, потому что тебя расстреляют за это на месте. Но тем не менее мы остаемся добрыми христианами и наша вера крепка, как никогда. У брата очень много близких, искренне верующих друзей. Мне кажется, своим духовным развитием он обязан отнюдь не только церкви. Для меня же очень важно поддерживать крепкую связь с Богом, и для этого совсем не обязательно ходить в церковь.

Джеймс

Неудивительно, что Джеймс и его семья перестали ходить в церковь. Если бы Джеймс и его брат родились лет 50 назад, то, возможно, они продолжали бы посещать церковь и до поры до времени скрывали бы свою сущность. Но они — айдженеры, и они не собираются ничего скрывать. Сейчас перед ними стоит непростая задача — найти церковь, которая примет их такими, какие они есть. Пока им это не удалось, но Джеймс верит, что рано или поздно такая церковь появится.

Учеба, работа... Брату восемнадцать. Мне двадцать.

Когда мы с братом встанем на ноги, поиск более терпимой церкви станет нашей основной целью.

Джеймс

Утрата терпения и веры: индивидуальные религиозные убеждения

Я спрашиваю четырнадцатилетнюю Прию, верит ли она в Бога, и она говорит:

На самом деле я не знаю, существует там кто-то или нет.

Я еще не определилась, но обязательно это выясню.

Иногда мама берет меня с собой в [индуистский] храм.

Она рассказывает без особого энтузиазма. Я спрашиваю, молится ли она.

Нет. Ну, иногда я говорю про себя что-то типа: «Пожалуйста, пусть мне поставят четверку, а лучше пятерку за сочинение». Думаю, я скорее молюсь учителю или загадочному Богу Сочинений, которого, разумеется, нет.

Более двадцати лет журналисты и ученые утверждали, что, дескать, да, американцы действительно все реже причисляют себя к определенной конфессии и ходят в церковь, но при этом они продолжают молиться и верить в Бога. Американцы не стали менее религиозными, говорили они, а просто стали реже исповедовать религию публично. Долгое время так оно и было: с 1989 до 2000 год число верующих среди молодых людей если и менялось, то незначительно.

Рис. 5.5. Религиозные представления молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. General Social Survey, 1974–2016

Все изменилось в мгновение ока. В 2016 году каждый третий молодой человек в возрасте от 18 до 24 лет заявил, что не верит в Бога. Ситуация с молитвами складывалась аналогичным образом. Если 2004 году 84 % молодых людей утверждали, что хотя бы изредка, но молятся, то в 2016 году каждый четвертый сказал, что не молился ни разу в жизни. Молодежь все реже верит, что Библия есть слово Божие: в 2016 году каждый четвертый считал, что это «древний сборник басен, легенд, историй и моральных норм, записанных обычным человеком» (см. рис. 5.5).

Таким образом, утверждение, что американцы в душе так же религиозны, как и прежде, несмотря на то что они все реже ходят в церковь, не соответствует действительности. Все больше американцев, в первую очередь миллениалов и айдженеров, не просто отходят от традиционных религиозных институтов, а все чаще полностью отказываются от религиозных убеждений. Эти тренды никак не связаны с изменением этнического или расового состава населения, хотя в отдельных случаях они в большей степени присущи белым американцам (по данным на 2016 год, каждый третий белый молодой

человек никогда не молился и только 60 % верят в Бога). Ослабление и исчезновение религиозных убеждений означает, что уход из религии обусловлен отнюдь не только снижением доверия к религиозным институтам; люди все чаще целиком и полностью отказываются от религии.

В школе вот-вот начнется обед, поэтому шестнадцатилетний Макс уже ждет меня в коридоре рядом со своим учебным классом. Коротко стриженные темно-русые волосы и бело-серая рубашка делают его похожим на типичного подростка из далеких 1950-х. Впрочем, увлечения у него вполне современные: все свое свободное время он тратит на видеоигры. Когда я спрашиваю, ходит ли он в церковь, Макс отвечает коротко: «Нет». На мои вопросы о вере в Бога и молитвах он дает такие же короткие отрицательные ответы. Когда я спрашиваю, знает ли он, для чего нужна религия, он говорит:

Ну, она помогает, когда люди оказываются в сложных ситуациях. Типа, как в поговорке: «в окопах атеистов нет», там все молятся. Некоторых моих друзей родители заставляют ходить в церковь, но мои родители не религиозны.

Макс, шестнадцать лет

Интересно, что даже те подростки, которые продолжают молиться, зачастую не умеют это делать или не понимают суть молитвы.

Я перестала молиться, чтобы просто поблагодарить Бога.

Я молюсь только если мне или кому-то еще что-то очень нужно. Честно говоря, я вспоминаю про молитву, только когда появляются проблемы, с которыми я не могу справиться.

Тиара, семнадцать лет

Некоторые придерживаются более традиционного подхода к молитве, но все равно молятся по своему.

Во время молитвы я просто разговариваю с Богом.

Я не встаю на колени и не веду себя «церковно».

Молитва — это сугубо личное дело.

Марли, двадцать один год

Многие годы вера в загробную жизнь была единственным заметным исключением из общего тренда на снижение религиозности.

В середине 2000-х подростки верили в существование жизни после смерти даже чаще, чем в 1970-е. Выходит, что молодежь хочет верить в загробную жизнь, но не хочет верить в Бога и ходить на церковные службы. Впрочем, начиная с 2006 года даже вера в жизнь после смерти пошла убыль. Получается, что последние миллениалы и все айдженеры значительно менее религиозны, чем первые миллениалы, причем в равной степени это касается всех религиозных верований (молитва; вера в Бога; вера в то, что Библия есть Слово Божие; вера в загробную жизнь).

Тинейджеры стали менее религиозными и по такому критерию, как признание важности религии. В 2015 году почти каждый четвертый десятиклассник и двенадцатиклассник заявил, что религия не играет никакой роли в их жизни и абсолютно не важна для них. Вплоть до 2000 года, когда начался спад, абсолютное большинство тинейджеров утверждали, что религия как минимум «немного важна» для них. В целом можно утверждать, что айдженеры являются самым нерелигиозным поколением за всю историю США.

Тем не менее религия до сих пор так или иначе присутствует в жизни большинства айдженеров. В то же время появилось много молодых людей, которые категорически не приемлют религию: они не посещают богослужения, не молятся и не верят в Бога. В этот сегмент молодежи входит каждый шестой восьмиклассник, каждый пятый десятиклассник, каждый четвертый двенадцатиклассник и каждый третий студент колледжа или молодой человек в возрасте от 18 до 24 лет. Появление настолько беспрецедентно большого числа молодых людей, полностью оторванных от религии, вполне возможно, означает, что в недалеком будущем в Америке станет еще меньше верующих и появятся заброшенные церкви. Конечно, нам пока далеко до Европы, но мы ее уверенно догоняем.

Религия против реалий XXI века

В понедельник около полудня я встречаюсь с двадцатилетним Марком в доме его родителей на окраине города Форт-Уэрт, Техас. «Тебе удобно сейчас разговаривать?» — спрашиваю я, имея в виду, что уже наступило время обеда. «Да, мэм», — отвечает он. Услышав такой неожиданный оборот, я сразу мысленно перенеслась в свое детство и

вспомнила о своем техасском воспитании. Марк вырос в благочестивой христианской семье.

Мои родители — добропорядочные христиане, которые всегда и во всем следуют Библии.

Марк

Каждое воскресенье Марк ходит в местную церковь с родителями, либо посещает мегацерковь в Далласе со своей девушкой. Когда я спрашиваю, молится ли он, Марк отвечает:

Да, я молюсь ежедневно. Я молюсь о благополучии родных и близких мне людей. Я молю Господа Бога нашего, чтобы Он придал мне мудрости и сделал меня тем, кем Он хочет, чтобы я был. У меня есть заветная мечта: хотя бы раз в жизни вовремя проснуться, сразу встать с кровати и услышать, как дьявол говорит: «О, черт, неужели он это сделал?»

Марк

Так может шутить только искренне верующий человек, подумала я, расхохотавшись.

В то же время не стоит забывать, что Марк не только ревностный евангельский христианин, но еще и айдженер. Наш разговор продолжался около часа, и все это время меня не покидало ощущение, что я являюсь невольным свидетелем непрекращающейся борьбы христианской веры с реалиями XXI века, с которыми он сталкивается ежедневно. Когда мы разговариваем о политике, Марк ни разу не поднимает тему однополых браков. Похоже, этот вопрос его вообще не интересует. Я не выдерживаю и прямо спрашиваю, как он к ним относится.

Да, я знаю, что однополые браки — это неправильно, потому что в таких семьях не может родиться общий ребенок. С другой стороны, надо понимать, что каждый вправе сам решать, с кем ему жить и кого любить.

С этим ничего нельзя поделать — невозможно заставить полюбить представителя противоположного пола.

Марк

Рассуждая о допустимости внебрачного секса, Марк неизбежно начинает противоречить самому себе. Со своей первой девушкой, которую он называет «правильным человеком», Марк познакомился только через два года после окончания школы, и после долгих сомнений и раздумий они все-таки решили заняться сексом. Марк говорит, что они планируют пожениться, когда закончат колледж. «Звучит очень расплывчато. Никто же не знает, когда вы его закончите, согласен?» — спрашиваю я. «Абсолютно. Может быть, это произойдет через два года, а может, через десять. Я знаю людей, которые учились 12 лет», — отвечает он.

И, тем не менее, он продолжает настаивать, что внебрачный секс — это ошибка.

— Девяносто процентов людей совершают эту ошибку, и я один из них.

— Но ты ждал очень долго, значительно дольше, чем большинство людей, поэтому я бы не стала называть это ошибкой.

— Возможно, но и большим достижением я бы это тоже не назвал. Моя девушка говорит, что можно было бы и подождать, но мы все сделали правильно, и она этому очень рада. Если бы я хотел кому-то дать совет, типа как старший брат младшему, то я бы настойчиво порекомендовал подождать до брака.

Марк не является исключением из правил: недавнее исследование показало, что 80 % молодых людей и девушек из числа евангельских христиан занимаются сексом, не вступая в брак.

Марку удастся одновременно сохранять веру и адекватно оценивать объективную реальность. Возможно, за подобными взглядами — будущее христианства: верующие айдженеры вступают в эпоху нового, более толерантного христианства; эпоху, в которой церковь будет уделять больше внимания тому, что *следует* делать, а не тому, что *нельзя* делать.

Когда-то «верующие, но не религиозные» стали «неверующими и нерелигиозными»

Согласно общепринятому мнению, спиритуальность^[20] вытеснила религиозность. В 2001 году известный богослов Роберт Фуллер

написал книгу «Верующие, но не религиозные», в которой утверждал, что большинство американцев, отвернувшихся от организованной религии, продолжают жить полноценной спиритуальной жизнью. Эта теория часто упоминается в связи с молодым поколением; дескать, они не доверяют традиционным религиям и религиозным институтам, но по-прежнему охотно ищут ответы на извечные вопросы.

Возможно, когда-то так оно и было, но только не сейчас. Айдженеры стали одновременно более материалистичными и менее религиозными. Айдженеры и последние миллениалы (в возрасте от 18 до 24 лет), как никогда, редко, считают себя верующими, что сильно отличает их даже от первых миллениалов, многие из которых успели достичь тридцатилетнего возраста (см. рис. 5.6). Сходным образом обстоит дело и с идентификацией себя в качестве «религиозного человека» — представители старших поколений с очень высокой вероятностью признают себя одновременно верующими и религиозными, а молодежь — с низкой.

Можно предположить, что указанные отличия обусловлены в первую очередь возрастным фактором; как известно, молодые люди никогда не отличались особой спиритуальностью или религиозностью. Однако в реальности все выглядит еще интереснее: если в 2006–2008 годах умеренно или очень «духовными» себя назвали 56 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, то в 2014–2016 годах таких насчитывалось уже 48 %.

Данные из других источников полностью подтверждают эти тренды: согласно опросам American Freshman Survey (в участии принимают только первокурсники), количество студентов, оценивших свой уровень спиритуальности как «выше среднего», снизилось с 45 % в 2000 году до 36 % в 2016 году. Когда социолог Кристиан Смит в конце 2000-х годов изучал отношение молодых людей к религии, он столкнулся с неожиданной проблемой: во время интервью большинство респондентов не понимали смысл словосочетания «духовный поиск». «Что такое духовный поиск?» — спрашивали многие студенты.

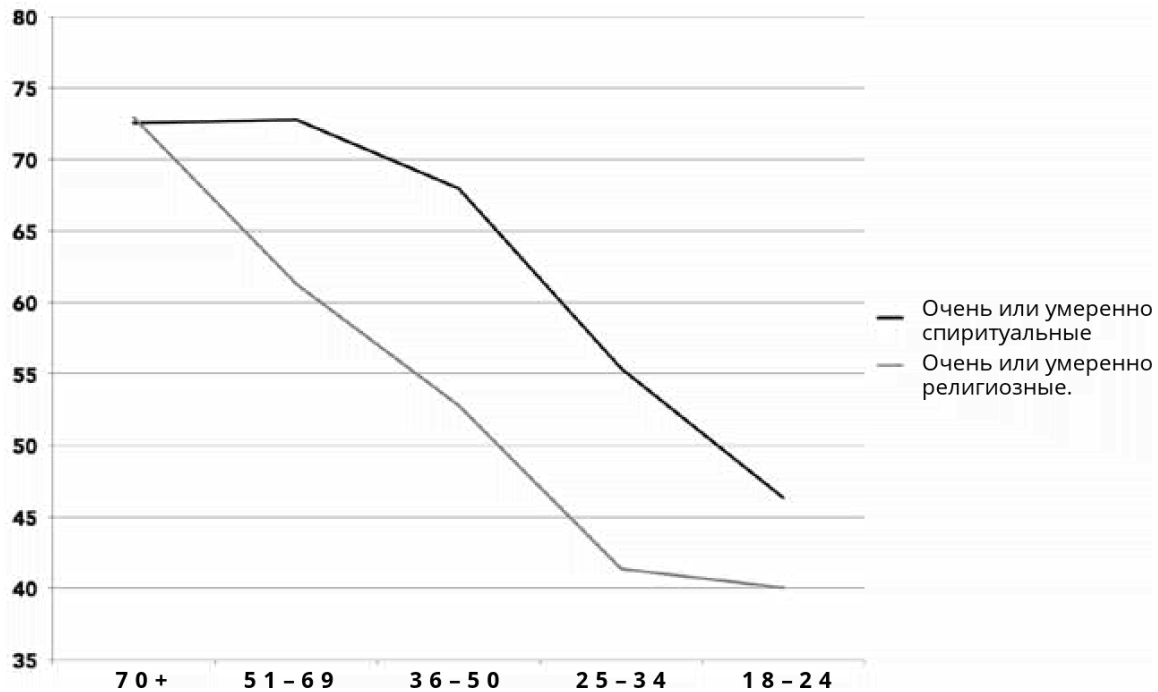

Рис. 5.6. Процент людей, считающих себя или «очень» или «умеренно» религиозными или верующими людьми (с учетом возраста и поколения). General Social Survey, 2014–2016.

70+ (молчаливое поколение), 51–69 (бэби-бумеры), 36–50 (поколение X), 25–34 (миллениалы), 18–24 (айдженеры и миллениалы)

Таким образом, утверждение, что молодые американцы стали менее религиозными, но более верующими, не выдерживает никакой критики: они верят в Бога реже, чем представители старших поколений. Спиритуальность не вытеснила религию.

Много лет богословы и эксперты призывали не преувеличивать масштабы кризиса религиозности и объясняли его возникновение второстепенными факторами: это поколение еще слишком молодо; это поколение с недоверием относится к религиозным организациям и объединениям; американцы, как и раньше, верят в Бога и молятся; молодые американцы становятся менее религиозными, но более верующими; изменения слишком незначительны, чтобы обращать на них внимание. Данные последних социологических исследований, как вы уже сами убедились, полностью опровергают все вышеуказанные объяснения: дело не в возрасте, поскольку он ни коим образом не мешал беби-бумерам и представителям поколения X отличаться высокой религиозностью даже в молодости; поколение I не имеет даже

тех базовых религиозных убеждений, которых можно придерживаться, не посещая церковь; айдженеры все реже верят в Бога или молятся; все меньше, а не больше, молодых людей считают себя верующими; изменения нельзя считать незначительными, поскольку число неверующих удвоилось.

Айдженеры менее религиозны и более материалистичны, причем как внешне, так и внутренне, и этим они разительно отличаются от всех предыдущих поколений. Отход от религии является не частичным, незначительным или временным, а явным и массовым. В результате стремительно набирающей обороты секуляризации молодые американцы все больше отдаляются от религии, утрачивают спиритуальность и все реже интересуются основными проблемами мироздания. Они по-прежнему являются меньшинством, но их число заметно выросло за очень короткий период времени. Айдженеры чаще, чем представители любого другого поколения, отвергают религию. Осталось ответить на один вопрос: кто из них более склонен к этому?

Пропась: религиозная поляризация по расовому, социоэкономическому и региональному признаку

Еще совсем недавно религия была неотъемлемой частью жизни практически любого американца. Белые и черные, богатые и бедные, жители Бостона и Атланты регулярно посещали церковные службы и тщательно соблюдали религиозные традиции. В то же время, каждая конкретная религия или деноминация имела свои особенности: на юге традиционно много баптистов; на Северо-востоке больше католиков и иудеев; на Среднем Западе — лютеран; епископалы известны своей зажиточностью; в христианских церквях расовая сегрегация является обычным делом. Однако, несмотря на многочисленные различия, представители всех демографических групп всегда ходили в церковь примерно с одинаковой периодичностью.

Все изменилось с появлением айдженеров, которые продолжили развивать тренды, изначально заданные миллениалами. В наши дни географический фактор, расовая принадлежность и социоэкономический статус влияют на посещаемость церкви значительно сильнее, чем это было всего несколько десятилетий тому назад. Таким образом, дальнейшая поляризация религиозного

ландшафта все в большей степени обуславливается самоидентификацией.

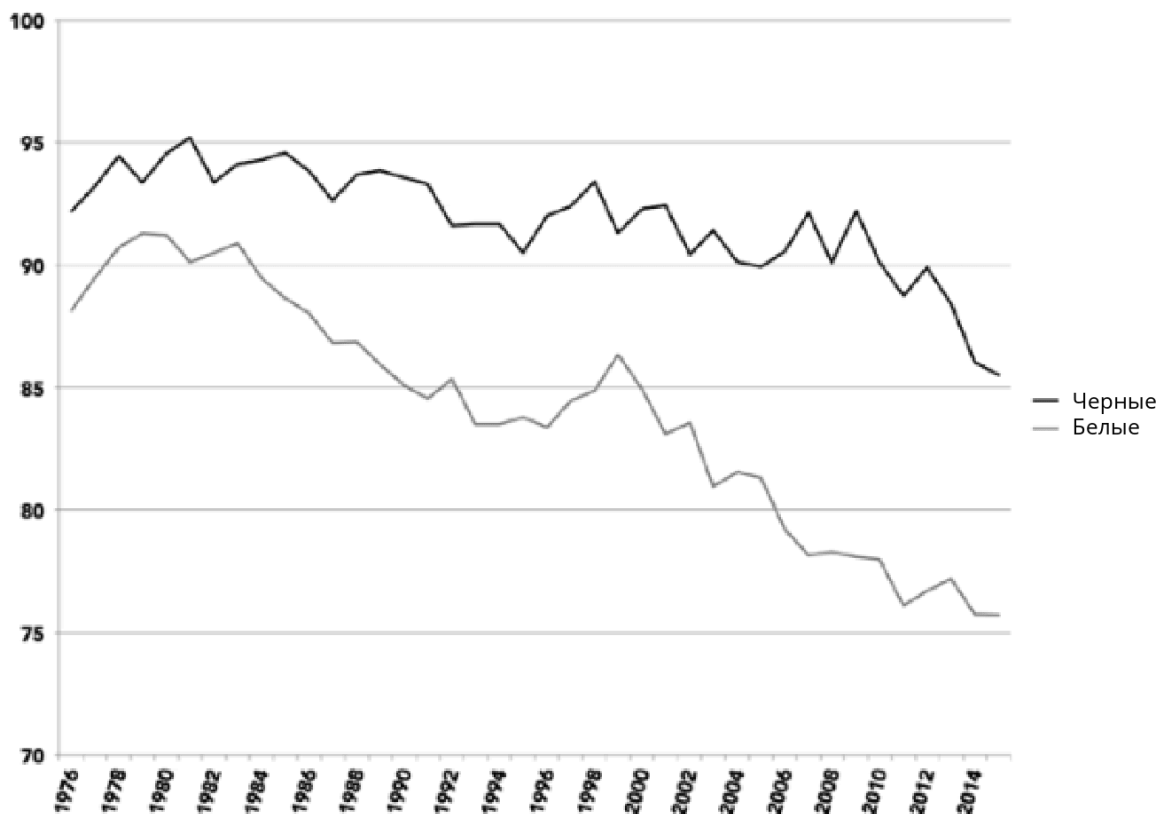

Рис. 5.7. Процент черных и белых среди учеников 12-х классов, которые когда-либо участвовали в религиозных мероприятиях. Monitoring the Future, 1976–2015

Большинство поколенческих трендов присущи всем демографическим группам. Самым заметным исключением из правил является корреляция между расовой принадлежностью и степенью вовлеченности в религию. Если в начале 1980-х старшеклассники-афроамериканцы посещали религиозные службы лишь немногим чаще, чем белые старшеклассники, то в 2015 году разрыв существенно увеличился (рис. 5.7), поскольку до недавнего времени посещаемость богослужений чернокожими подростками, в отличие от белых, снижалась очень медленно.

Возможно, черные айдженеры следуют примеру белых подростков — начиная с 2009 года посещаемость богослужений черными тинейджерами впервые за несколько десятилетий начала падать быстро и стабильно. Вероятно, именно с чернокожих тинейджеров в

ближайшее время начнется массовый отход афроамериканцев от религии.

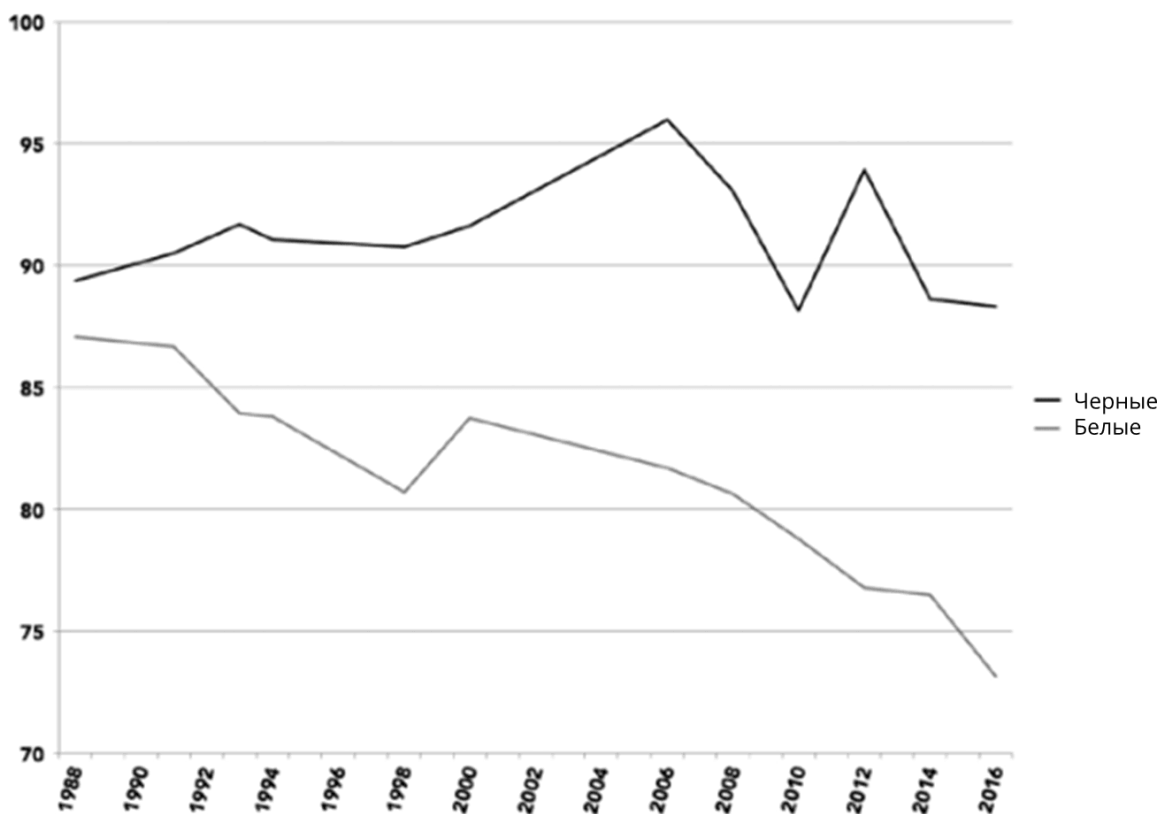
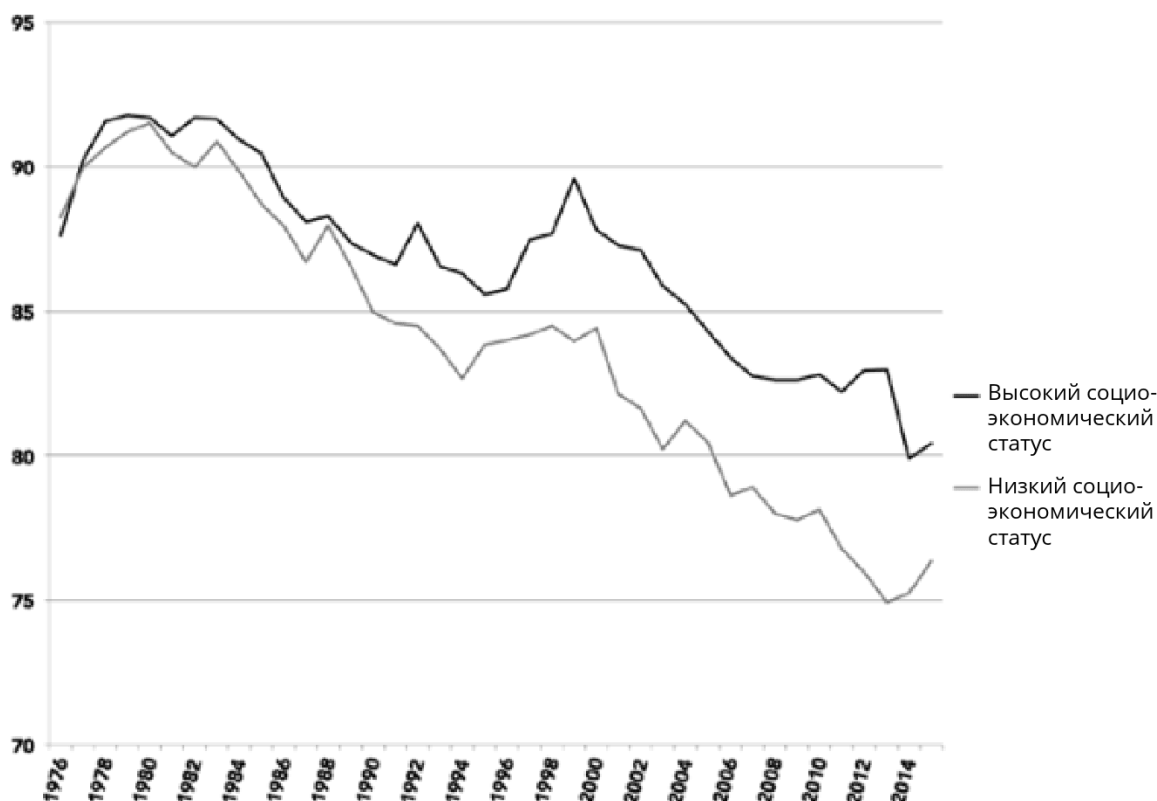

Рис. 5.8. Процент верующих в Бога среди белых и черных взрослых американцев. General Society Survey, 1988–2016

Религиозные убеждения также все больше зависят от расы. Если в конце 1980-х взрослые афроамериканцы и белые в процентном соотношении верили в Бога примерно одинаково, то в 2016 году верующих среди афроамериканцев стало намного больше, чем среди белых (см. рис. 5.8). Таким образом, если раньше белые и черные американцы не сомневались, что все они независимо от расы верят в одного Бога, то сейчас ситуация изменилась и в вопросе веры их пути расходятся все сильнее.

Выборы 2016 года выявили серьезные противоречия между рабочим классом и американцами с высшим образованием. Но есть еще одно классовое различие, которое очень редко обсуждается, возможно, потому, что его неправильно понимают или недооценивают: вопреки общепринятому мнению подростки, чьи родители имеют

высшее образование, посещают церковные службы чаще, чем подростки, чьи родители не заканчивали колледж. Так было не всегда: в 1970-х — 1980-х все подростки одинаково часто ходили в церковь независимо от уровня образования своих родителей.

5.9. Процент учеников 12-х классов из семей с высоким и низким социо-экономическим статусом, которые когда-либо посещали церковные службы. Monitoring the Future, 1976–2015

Ситуация постепенно начала меняться в 1990-х, и уже в наши дни тинейджеры, выросшие в семьях с высоким социоэкономическим статусом, ходят в церковь чаще своих сверстников из рабочих семей (см. рис. 5.9). Разрыв еще не так велик, как в случае с расами, однако он полностью вписывается в паттерн поляризации, в рамках которого подростки с разным бэкграундом имеют разный опыт участия в религиозных службах, тогда как в прошлом они одинаково часто посещали богослужения независимо от своего происхождения. С верой в Бога ситуация выглядит иначе: снижение количества верующих среди взрослых никак не связано с уровнем их образования.

Поляризация также затронула и регионы. С Югом США, который часто называют Библейским поясом, я знакома не понаслышке, поскольку сама выросла в городе Ирвинг (Техас), который одно время лидировал по количеству церквей на душу населения. В 1970-х — начале 1980-х регионы практически не отличались друг от друга по такому показателю, как посещаемость богослужений (см. рис. 5.10).

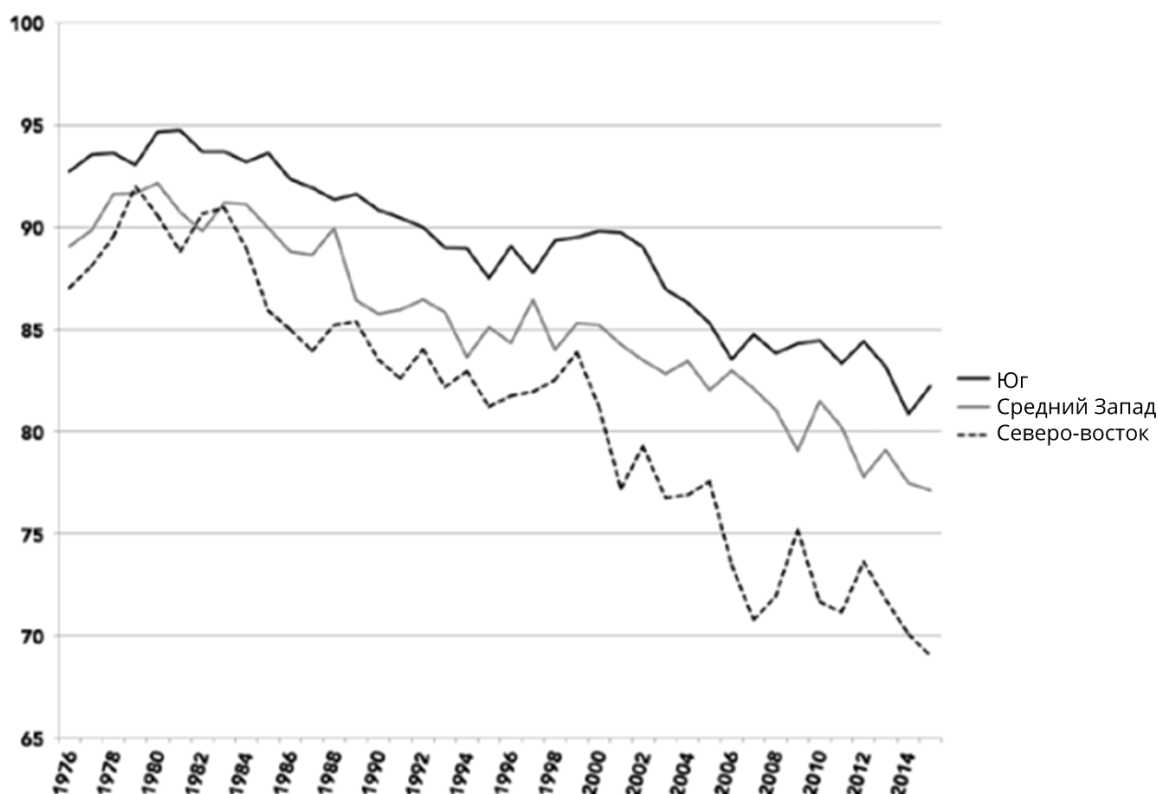

Рис. 5.10. Процент двенадцатиклассников (по регионам), которые когда-либо посещали религиозные службы. Monitoring the Future, 1976–2015

В 2015 году разрыв увеличился, и сейчас количество подростков, хотя бы изредка посещающих богослужения, в южных штатах выше, чем в других регионах (в рамках социологического исследования Monitoring the Future соответствующий вопрос не задается подросткам из Калифорнии с 1997 года, поэтому статистика по Западу США нам неизвестна).

Регионы удаляются друг от друга в том числе и по количеству верующих в Бога людей. В 1990-х количество верующих в процентном отношении было почти одинаковым во всех регионах, хотя на Юге их было несколько больше. С тех пор ситуация сильно изменилась,

поскольку на Юге количество верующих снижалось плавно, а на Северо-востоке, Среднем Западе и Западе стремительно падало вниз: если на Юге количество верующих снижалось плавно, то на Северо-Востоке, Среднем Западе и Западе стремительно падало вниз (см. рис. 5.11). В 2016 году каждый пятый белый южанин не верил в Бога, а в остальных регионах — каждый третий. Устойчивый миф о безбожном Севере в XXI веке стал реальностью (частично).

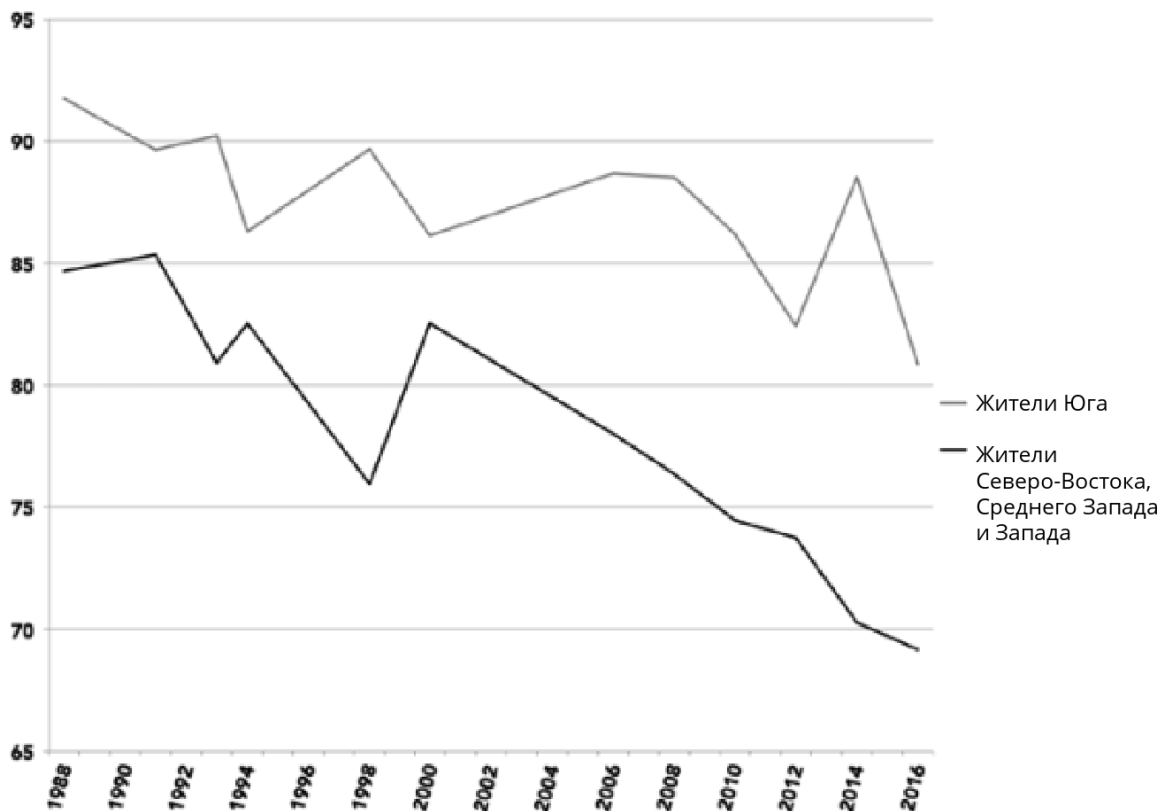

Рис. 5.11. Процент белых американцев, верующих в Бога (Юг и остальные регионы). General Society Survey, 1988–2016

Вероятно, эти региональные особенности можно объяснить новыми возможностями быстро и легко менять место жительства, которые появились у американцев несколько десятилетий тому назад. Переселяясь в районы, где живут только люди с близким им мировоззрением, они все больше и больше огораживаются от тех, кто имеет иные взгляды на жизнь.

Вплоть до 1990-х Америка была невероятно религиозной страной — любому школьнику, независимо от цвета его кожи, происхождения и

места жительства, казалось само собой очевидным, что его окружают такие же религиозные, как и он сам, одноклассники. По статистике, неверующим сейчас является каждый четвертый, однако их намного больше среди белых учеников школ Северо-Востока США и намного меньше среди школьников-афроамериканцев, которые живут в южных штатах. Со временем поляризация может снизиться, если жители Юга и черные американцы станут менее религиозными. На данный момент верующих и неверующих разделяет, как никогда, глубокая пропасть.

Слишком много правил: причины кризиса религии

Я не молюсь и не верю в существование вездесущего, всевидящего и всезнающего Бога. Мне вообще не нравится мысль, что моя судьба заранее кем-то предрешена. Я предпочитаю думать, что только от моих решений зависит мое будущее.

Бриттани, девятнадцать лет

Почему подобные взгляды получают все большее распространение? Почему молодые американцы стали менее религиозными? Как и в случае с другими трендами, мы должны выяснить, какие события или изменения в жизни общества сопутствовали снижению религиозности и одновременно могли стать его причиной. Рассуждения Бриттани намекают на одну из возможных причин: в американской культуре все больше внимания уделяется индивидуализму.

Чтобы более тщательно проанализировать взаимосвязь религии и индивидуализма, я сопоставила характерные индикаторы индивидуализма со статистикой посещения подростками церковных служб по годам (так, чтобы сгруппировать по годам, скажем, средний уровень посещаемости богослужений и частоту упоминания в книгах слов вроде «индивидуализм» и т. п.). Рост индивидуализма удивительно точно совпадал по времени со снижением религиозности: периоды расцвета индивидуализма всегда начинались не до и не после, а одновременно с усугублением кризиса религии. Это логично, учитывая, что в любой религии человек по определению верит в существование чего-то более важного и значительного, чем он сам. Кроме того, верующий обязан соблюдать определенные правила и входить в состав некой группы, а это прямо противоречит менталитету индивидуалиста. В обществе, в котором молодой человек постоянно слышит советы вроде «Ты должен верить в себя» или «Если считаешь, что это правильно, то делай это», религия по своей сути контркультурна. Как мы убедились на примере Джеймса и Марка, верующие айдженеры умеют находить баланс между религиозными догмами и объективной реальностью — в первую очередь речь идет об отношении к сексу, гендерной идентичности и сексуальной ориентации.

Даже религиозные подростки часто выбирают весьма индивидуалистическую концепцию веры. Так, работая над своей книгой «Поиск души», Кристиан Смит провел множество интервью с молодыми людьми и обнаружил, что многие из них придерживаются оригинального религиозного мировоззрения, которое он назвал «моралистическим терапевтическим деизмом». Помимо собственно веры в Бога, это мировоззрение включает в себя вполне современные представления о важности счастья, благополучия и довольства собой, а также идею, что «Бога не должно быть слишком много в повседневной жизни, поскольку он нужен только для решения проблем». Смит также обнаружил, что большинство подростков являются сторонниками «морального индивидуализма». Этим термином он назвал весьма распространенную среди тинейджеров идею: все мы разные, и это хорошо.

Церковь нужна, чтобы люди могли выражать свои убеждения. Для разных людей существуют разные церкви, потому что все верят по-разному. Это место, в котором вы можете встречаться с людьми, которые верят в то же, что и вы.

Харпер, двенадцать лет

Харпер демонстрирует индивидуалистический подход к церкви.

В своей книге «Вы потеряли меня: почему молодые христиане покидают церковь... и переосмысливают веру», посвященной молодым людям, отказавшимся от христианства, Дэвид Киннаман пишет, что многие молодые люди хорошо чувствуют оторванность церкви от реальной жизни, в частности от науки, поп-культуры и секса. Например, половина подростков в возрасте от 13 до 17 лет мечтает сделать карьеру в области науки, однако только 1 % пасторов признались, что за последний год поднимали тему науки во время проповедей. Киннаман рассказал историю о двадцатилетнем Майке, которого пригласили выступить перед группой пасторов с речью о причинах его ухода из христианства.

Я нервничаю, как атеист на конференции пасторов...

Это случилось в десятом классе. Тогда я начал изучать теорию эволюции... В церкви я однажды услышал, что нельзя одновременно верить в науку и Бога. Я выбрал науку и перестал верить в Бога.

Майк

Если бы церковь не была настолько категоричной в своих оценках, то, скорее всего, он остался бы христианином. Схожие мысли высказывают и другие айдженеры.

Мой отец — атеист, мама — агностик. Мы — люди науки и верим только в нее. Мне кажется, что религия давным-давно устарела, во всяком случае для моих сверстников.

Мэтью

Существует еще одна важная проблема, о которой не принято говорить вслух: многие миллениалы и айдженеры уверены, что церковь активно настраивает людей против геев. Ригидная и нетерпимая религия, а именно так ее все чаще оценивает молодежь — по определению не может снискать популярность у невероятно индивидуалистичного и толерантного поколения.

Мне кажется, не существует более зашоренных, нетерпимых и неприятных людей, чем верующие. Моя сводная сестра постоянно пишет на Facebook о том, какая у нее хорошая религия и какая она сама вся такая правильная и благочестивая, но при этом она одновременно постит гадости про геев, про людей, которые едят свинину и вообще про всех, кто не разделяет ее взгляды.

Сара, двадцать два года

Подобное поведение задевает многих айдженеров лично.

Нет, я не молюсь. Я сильно сомневаюсь в существовании Бога. Я перестал ходить в церковь, потому что я гей и не хочу иметь ничего общего с гомофобной религией.

Эрнест, двадцать один год

Проведенный в 2012 году опрос молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет показал, что большинство из них считают христианство антигейской (64 %), слишком категоричной (62 %) и лицемерной (58 %) религией. 79 % нерелигиозных молодых людей убеждены, что христианство является антигейской религией.

Я религиозная и люблю Бога. Но правила слишком строгие, а некоторые из них формируют предвзятое отношение к другим

людям, например к гомосексуалам. Получается, я должна любить ближнего своего, но только при условии, что он не является геем, трансгендером или неверующим.

Странно, да? Думаю, сейчас мало кто готов принять подобный образ мыслей. Так нельзя относиться к людям.

Мишель, двадцать два года

Чем больше я общалась с айдженерами на тему религии, тем чаще слышала подобные мнения.

Моего друга-гея выгнали из библейской школы в середине учебного года только потому, что он был геем.

После этого он несколько лет скрывал свою ориентацию и очень страдал из-за этого... Поэтому никто не хочет иметь ничего общего с религией, которая говорит людям, что их сексуальные предпочтения являются грехом. Бог любит всех. Бог хочет только одного — чтобы все мы были просто милыми и хорошими.

Келси, двадцать три года

В своей книге «Не-христианин» (unChristian) Дэвид Киннаман пишет, что христианство производит «плохое впечатление» на четверых из десяти молодых людей, не являющихся христианами. Но почему? Как сказал сам Киннаман: «Известность нам принесло то, с чем мы боремся, а не то, за что мы боремся».

Восемнадцатилетняя студентка Хейли сама по себе не религиозна, но по работе часто общается с религиозными коллегами. Мы встречаемся с ней в Сан-Диего, и во время ланча она рассказывает, что многие ее коллеги не толерантны к гомосексуалам и трансгендерам. Она спокойно относится к их религиозным убеждениям, но не может смириться с нетолерантностью.

Если ты религиозен, если это делает тебя лучше, то нет проблем — религия для того и существует. Но если ты используешь религию во зло, для достижения своих корыстных целей или разжигания ненависти, то ты безнравственный запутавшийся человек.

Хейли, восемнадцать лет

Чего же айдженеры хотят от религии? По мнению Киннамана, они хотят, чтобы религия была более позитивной, больше внимания уделяла

не запретами, а советами и принимала людей такими, какие они есть. Двадцатиднолетняя Тесс выросла в добропорядочной католической семье.

Когда моя кузина в 21 год случайно забеременела, она решила исповедоваться и спросить у священника, что ей делать дальше. Однако, вместо того, чтобы утешить сестру и снять с нее грехи, он довел ее своими упреками до слез. Неужели они рассчитывают таким образом привлечь людей в церковь? Пусть ее порицал не сам Господь Бог, а священник, но ведь он является представителем Бога на Земле и доносит волю его до людей. Слово Божье должно укреплять веру и приносить радость, а не доводить до отчаяния.

Тесс

Айдженеры не считают нужным соблюдать религиозные правила сексуального поведения, поскольку считают их безнадежно устаревшими.

Религиозные идеалы прямо противоречат тому, что в современном обществе считается нормой. Например, Библия запрещает заниматься сексом вне брака, однако сейчас никто не видит в этом ничего странного или предосудительного; более того, человек, который ни разу не занимался сексом до брака, выглядит очень подозрительно.

Замужество [для нас] — это не обязанность и не самоцель, а скорее один из возможных вариантов.

Милли, девятнадцать лет

Айдженеры хотят иметь обратную связь с церковью, а не просто слушать, что им делать.

Нам всем интересно знать, в чем смысл жизни, кто мы такие, зачем вообще был создан этот мир. Вместо этого нам советуют больше молиться и учить наизусть псалмы.

Тревор, двадцать лет

Церковь должна стать более интерактивной, если хочет, чтобы люди активнее интересовались религией, а не просто слушали проповеди.

Ванесса, двадцать один год

Из этого следует, что религиозные организации должны активнее вовлекать айдженеров в дискуссии о жизни, вере, любви и Боге. По данным Киннамана, 36 % молодых людей заявили, что им никогда даже в голову не приходило, что они могут задавать в церкви «насуточные жизненные вопросы». Если колледжи постепенно отходят от чисто лекционного формата к более интерактивным групповым дискуссиям, то почему бы и религиозным организациям не попробовать изменить формат общения со своими прихожанами? Марк, про которого я рассказывала чуть выше, сказал, что ему нравится ходить в мегацерковь.

В церкви ты познаешь Бога и одновременно понимаешь, что ты не одинок в своих устремлениях и помыслах.

В церкви люди постоянно рассказывают о себе, о своих чувствах и переживаниях, и мне приятно осознавать, что если они справились со своими проблемами, то и у меня все будет хорошо.

Марк

Тем не менее определенный прогресс уже наметился: в Орегоне одна церковь предлагает своим прихожанам задавать любые вопросы о вере, причем задавать вопросы можно даже с помощью текстовых сообщений или в Twitter. Айдженеры не хотят, чтобы их учили, как жить и во что верить, но уж если они самостоятельно придут к вере, то подобный формат общения, вероятно, поможет им ее сохранить.

Европейский рывок: будущее религиозного ландшафта

Лоррен Кастанольи — бывшая прихожанка одной из восьми церквей, прекративших действовать в округах Уэстчестер и Рокланд (штат Нью-Йорк) в 2015 году.

Многие американцы негативно оценивают тренд на отход от организованной религии. Церковь — это семья.

Вместе с закрытием этой церкви умерла часть моей души. Мы всегда были вместе, но теперь это в прошлом.

Мое сердце разрывается от этой мысли.

Лоррен Кастанольи

Религиозные деятели оплакивают потерю паствы и обращают внимание на то, что верующие люди более счастливы и здоровы физически.

В конце концов, большинство из нас поймет, что существует иное, недоступное разуму, но возвышающее нас измерение. Существует трансцендентальная высшая сила, а... [религия предлагает] глубокие объяснения [и] дает глубокие ответы на вопросы о ее сути.

Отец Джеймс Брекке из Бостонского колледжа

Согласно опросу, проведенному в 2015 году центром Pew Research Center, большинство американцев (56 %) считают, что упадок религии — это плохо, и только 12 % считают, что это позитивное явление.

К числу тех, кто позитивно относится к упадку религии, относится Рональд Линдси из Центра исследований (Center for Inquiry), созданного с целью снизить влияние религии на публичную политику.

Американцы больше не обращаются к авторитету церкви для решения проблем... Людям удобнее решать свои проблемы без ее помощи... Люди по-прежнему вступают в различные комьюнити и участвуют в их деятельности...

Но происходит это вне контекста организованной религии.

Рональд Линдси

Когда тема кризиса религии обсуждается в Интернете, то многие напоминают, особенно если речь заходит о проблеме ЛГБТ, что истории известно немало случаев, когда религия использовалась для преследования людей и разжигания ненависти.

Половина жителей Европы уже отрицают религию, и многие церкви стоят пустыми, и коль скоро в США закрывается все больше и больше церквей, то благотворительная деятельность, осуществляемая религиозными организациями, неизбежно пойдет на убыль. К тому времени как у айдженеров появятся дети, отношение общества к религии изменится до неузнаваемости.

Выживет религия или нет? За последние несколько десятков лет евангелические церкви потеряли не так много прихожан, как другие христианские деноминации. Произошло это, вероятно, потому, что они первыми смогли понять, что миллениалы и айдженеры хотят от

религии помощи в становлении их как личности. В свою очередь, церковь стремится всячески дополнять их — учит укреплять отношения и делает их более целеустремленными. Некоторые из этих церквей начнут пересматривать свое отношение к внебрачному сексу, однополым бракам и трансгендерам, поскольку терпимость к чужому мнению становится мейнстримом даже среди религиозных людей.

Религия выживет, но это будет гибкая и открытая религия, которая даст верующим ощущение нужности и сопричастности, но и в таком виде она будет интересна менее чем половине американцев. Пока не вполне ясно, найдут ли айдженеры такие формы взаимодействия внутри различных комьюнити, которые заменят им религию. Вполне возможно, что это вообще никогда не случится и они будут довольствоваться социальными сетями, со всем сопутствующим им разрушительным воздействием на психическое здоровье. Также нельзя исключить, что айдженеры будут объединяться в группы по интересам вместо того, чтобы создавать комьюнити с помощью религии. В любом случае, структура американского общества изменится коренным образом.

Глава 6. Изолированность и приземленность: больше безопасности, меньше общества

Когда около полудня я подхожу к дверям своего любимого японского ресторана в Сан-Диего, июньское солнце впервые появляется из-за хмурых утренних облаков. Восемнадцатилетняя Хэйли уже успела занять столик, и, когда я оказываюсь внутри, она приподнимается, чтобы поприветствовать меня. Хэйли наполовину азиатка. Она носит очки и мило улыбается.

Поедая креветки-темпура и роллы Дракон, мы болтаем на самые разные темы: о работе, психологии, взаимоотношениях. Хэйли только что окончила первый курс в колледже и сейчас живет дома вместе с родителями. Она немного подрабатывает, но не посещает на первых каникулах никакие дополнительные занятия.

Это мое лето. Я сойду с ума, если не отдохну.

Хэйли

Как и многие ее сверстники, Хэйли не курит, не употребляет алкоголь и имеет небольшой опыт романтических отношений.

Что меня особенно заинтриговало, так это ее пояснения. Если вкратце, то она сказала, что все это небезопасно.

Тусуясь в пьяном виде на вечеринке, в состоянии измененного сознания, вы можете натворить такое, что никогда не сделаете на трезвую голову. Рискованное занятие, ведь кто-то может воспользоваться твоей беспомощностью. Это небезопасно. Ты можешь причинить вред самой себе или кто-нибудь причинит вред тебе. Нет, это не мое.

Хэйли

Представления Хэйли о безопасности не ограничиваются исключительно понятием «физическая безопасность». Буквально недавно я впервые услышала от одного из подростков словосочетание «эмоциональная безопасность». Например, Хэйли уверена, что в старшей школе слишком рано заводить романтические отношения и тем более заниматься сексом. В подтверждение своих слов она ссылается на научные данные.

В результате выработки гормона окситоцина [во время секса] у вас формируется эмоциональная привязанность к партнеру, независимо от того, любите вы его или нет.

Я считаю, что эмоциональная зависимость опасна, особенно в том возрасте, когда ваш мозг не полностью сформирован.

Хэйли

Будь осторожен

Как и большинство других трендов, повышенная потребность в безопасности возникла у поколения I не на пустом месте. Айдженеры с самого рождения были окружены повышенной заботой. Они с детства привыкли ездить в детском кресле на заднем сиденье автомобиля, добираться домой из школы на родительской машине, а не пешком, и играть на стерильных пластиковых детских площадках. Айдженеры, привыкшие, что родители контролируют каждый их шаг, пришли на смену беби-бумерам и подросткам поколения X, которые свободно могли болтаться на улице, когда им заблагорассудится. Постоянно растущая забота о безопасности повлияла даже на наш язык: фразы вроде «будь осторожен» и «береги себя» стали встречаться намного чаще в американских книгах именно в середине 1990-х, т. е. в те годы, когда на свет начали появляться первые айдженеры.

Высокая потребность в безопасности отчасти обусловлена растянутой траекторией взросления (developmental trajectory) поколения I: совсем маленькие дети защищены лучше, чем более взрослые дети, которые, в свою очередь, находятся в большей безопасности, нежели тинейджеры. Обратите внимание, насколько быстро и точно Хэйли сопоставила опасности подросткового секса с исследованиями о медленном развитии мозга — на них ссылаются все родители, которые не хотят давать своим детям ключи от машины. Теперь их цитируют и сами подростки.

Во многих смыслах повышенный интерес к безопасности принес свои плоды. Во-первых, айдженеры — очень аккуратные водители: старшеклассники реже становятся виновниками ДТП и получают штрафы. В случае со штрафами тренд зародился в начале 2000-х, а с ДТП — в середине 2000-х (см. рис. 6.1). В 2002 году штраф за

нарушение ПДД имел более чем каждый третий двенадцатиклассник, а в 2015-м только каждый пятый.

Кроме того, айдженеры считают само собой разумеющимся, что они всегда должны пристегиваться в машине, при этом они делают это чаще, чем их сверстники в прошлом: в 2015 году количество старшеклассников, заявивших, что они всегда пристегиваются, выросло вдвое по сравнению 1989 годом. Подобный рост отчасти можно объяснить принятием в 1990-х годах законов, ужесточающих ответственность за непристегнутый ремень, но надо понимать, что сам по себе суровый закон не способен заставить тинейджеров заботиться о собственной безопасности. Кроме того, рост был постепенным, а не стремительным, как мы могли бы ожидать, если бы все объяснялось одной лишь строгостью закона. В 2016 году был проведен опрос, в ходе которого исследователи сначала спросили айдженеров, какие свойства автомобиля являются для них самыми важными, а затем попросили взрослых миллениалов вспомнить свою молодость и ответить на те же вопросы. Какое свойство оказалось для айдженеров намного более важным, чем для миллениалов? Безопасность. Не забывайте, что на вопросы отвечали подростки, которые редко входят в число ярых поклонников «вольво». Но это не просто подростки, это айдженеры.

Также тинейджеры поколения I стали реже садиться в машину, управляемую пьяным водителем; число тинейджеров, готовых это сделать, снизилось с 40 % в 1991 году до 20 % в 2015. Тем менее каждый пятый подросток до сих пор может сесть в машину с потенциально пьяным водителем, а это очень много. Вполне вероятно, в этой статистике кроется доля иронии: учитывая, что айдженеры все реже имеют водительские права и употребляют алкоголь, можно предположить, что некоторые из этих 20 % под пьяным водителем имели в виду собственную мать, которая, выпив пару бокалов вина, может получить от своего ребенка сообщение: «Мам, я у Тайлера. Можешь за мной заехать?»

Рис. 6.1. Процент учеников 12-х классов, которые за прошедший год получали штраф за нарушении ПДД или становились виновниками ДТП. Monitoring the Future, 1976–2015

Опасность алкоголя и безопасность курения (травки)

Как мы выяснили в первой главе, очень многие айдженеры вообще никогда не пробовали алкоголь. В отличие от неумеренного потребления алкоголя, под которым обычно понимается принятие пяти и более стандартных единиц алкоголя подряд, простое знакомство с алкоголем или эпизодическое употребление алкоголя в незначительных количествах не представляет никакой опасности. Именно о вреде пьянства взрослые обычно предупреждают подростков.

Поколение I не склонно к пьянству — число неумеренно потребляющих алкоголь двенадцатиклассников снизилось более чем в два раза. Интересно, думают ли они, что это безопасно, или нет? Тут начинается самое интересное. Вплоть до недавнего времени число подростков, неумеренно потреблявших алкоголь, превышало число

подростков, которые считали, что это безопасно (см. рис. 6.2). Подростки любят рисковать, и поэтому им интересно напиться в стельку и посмотреть, чем все это закончится. Точнее, когда-то любили и когда-то было интересно. После того как на сцену вышло поколение I, кривые на графике впервые пересеклись: сейчас злоупотребляющих алкоголем подростков стало *меньше*, чем подростков, считающих, что это безопасно. Вместо того, чтобы оказаться на грани и рискнуть, тинейджеры поколения I предпочитают держаться от этой грани подальше. Такой подход во все времена был характерен для пожилых людей, а не для подростков. Отношение к алкоголю — это частный, но очень яркий пример того, насколько изменилось у нового поколения отношения к собственной безопасности.

Тот факт, что подростки стали реже злоупотреблять алкоголем, некоторые исследователи объясняют присущим айдженерам страхом однажды напиться и на следующее утро стать «звездой» Instagram или YouTube. Это первая подсказка к пониманию того, что для поколения I понятие «безопасность» означает не только физическую, но и эмоциональную безопасность, в том числе боязнь потерять репутацию.

Я не пью, потому что не уверена в своей безопасности.

Выпивка может создать проблемы с законом и опозорить меня в социальных сетях. Работодатели могут не взять меня на работу из-за моей ненадежности и плохой репутации.

Тиган, двадцать лет

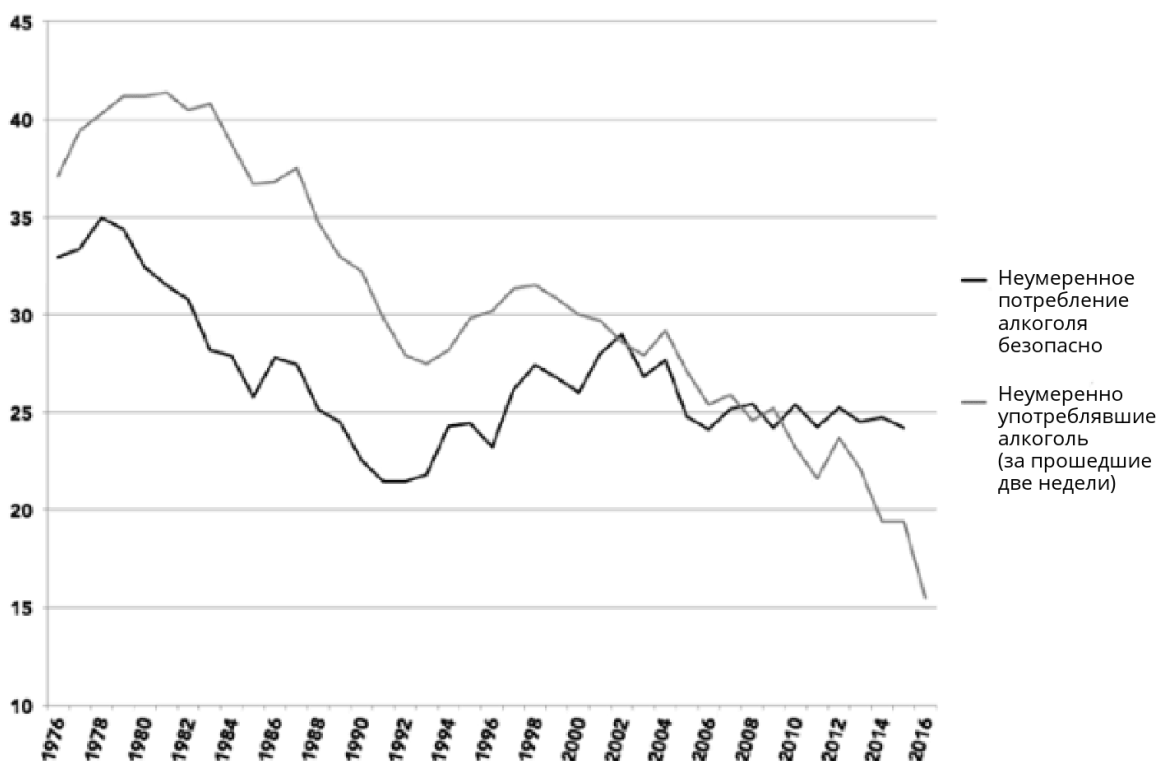

Рис. 6.2. Процент учеников 12-х классов, которые за прошедшие две недели выпили 5 и более стандартных единиц алкоголя подряд (неумеренное потребление алкоголя), и процент тех, кто уверен, что это безопасно или несет «незначительные» риски. Monitoring the Future, 1976–2016

Обратите внимание на то, что Тиган ни разу не упомянула физический вред здоровью среди причин отказа от алкоголя; вместо этого она сфокусировалась на эмоциях и экономике.

Как мы выяснили в первой главе, айдженеры курят марихуану так же часто, как и миллениалы в прошлом. Если айдженеры так пекутся о своей безопасности, то почему они вообще ее употребляют, тем более так часто и таком количестве? Все очень просто: они уверены в ее безвредности. На самом деле айдженеры — это первое поколение, которое действительно считает, что пьянство более опасно, чем регулярное курение марихуаны (см. рис. 6.3). Видимо, поэтому противников алкоголя стало больше, а число любителей марихуаны среди тинейджеров осталось практически неизменным.

Некоторые айдженеры с радостью подхватили идею о том, что марихуана не просто безвредна, а даже полезна.

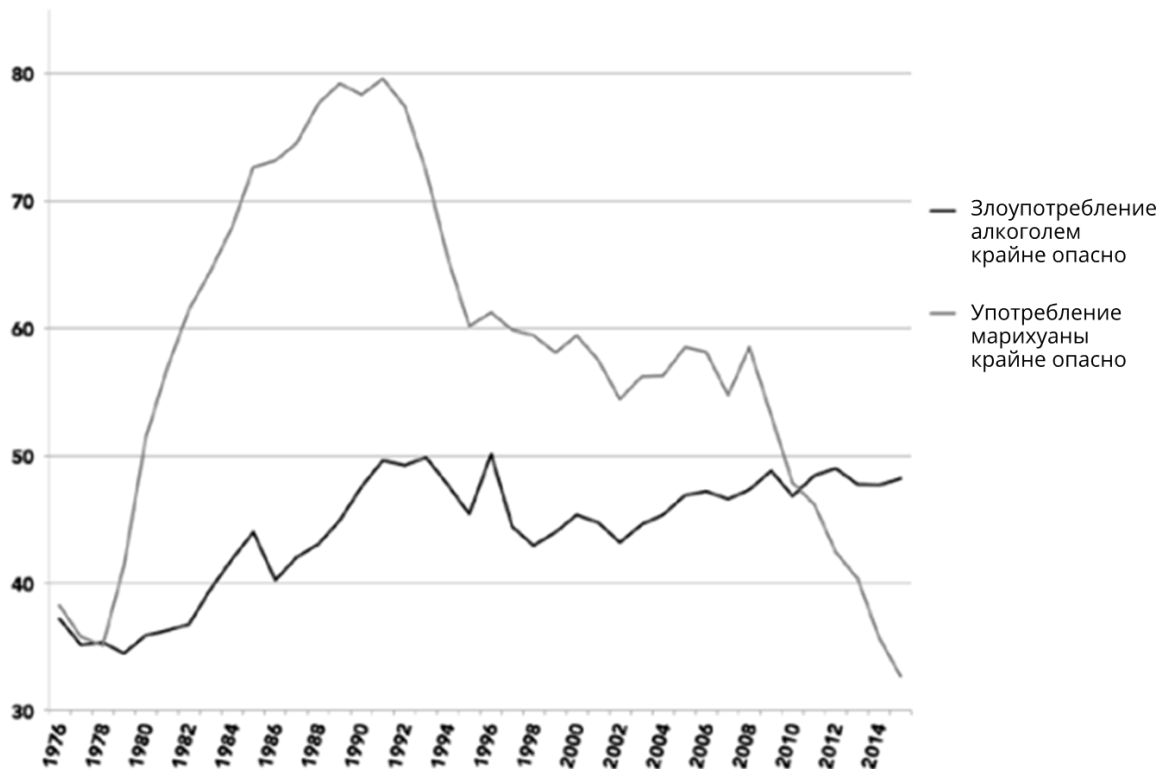

Рис. 6.3. Процент учеников 12-х классов, которые согласны, что злоупотребление алкоголем и употребление марихуаны очень опасны. Monitoring the Future, 1976–2015

Я уверена, что марихуана совершенно безопасна, если, конечно, вы не садитесь обкурившимся за руль или не курите ее как паровоз в промышленных масштабах. Она значительно менее вредна, чем алкоголь, который полностью легален, но при этом вызывает намного больше проблем со здоровьем.

Брианна, двадцать лет

Уже доказано, что в некоторых случаях трава полезна для здоровья. Она является болеутоляющим, помогает лечить рак и многие другие болезни. Еще она отвлекает людей от употребления тяжелых наркотиков.

Итан, девятнадцать лет

Некоторые айдженеры используют марихуану в медицинских целях.

Я рассматриваю марихуану в качестве очень безопасной субстанции. Я лично использовала ее в течение трех лет для лечения

хронической боли в спине, депрессии, тревоги и псориатического артрита.

Когда я слезла с обычных обезболивающих, у меня началась настоящая ломка. Это был кошмар. Марихуана избавила меня от синдрома отмены и купировала усилившуюся боль. За несколько лет интенсивного применения марихуана не вызвала у меня ни одного побочного эффекта.

Нелли, двадцать один год

К сожалению, мало кто из айдженеров осведомлен о таких отдаленных последствиях потребления марихуаны, как снижение интеллекта и повышенный риск шизофрении, особенно в тех случаях, когда курение начинается в подростковом возрасте. Кроме того, современная марихуана обладает гораздо более выраженным эффектом, чем «травка», которую курили беби-бумеры в 1970-х.

Однако айдженеры не были бы айдженерами, если бы не проявляли осторожность. Хотя они и склонны считать марихуану безопасной, о росте потребления пока говорить не приходится. Исторически популярность курения марихуаны зависела от представлений о ее безопасности. Но айдженеры сломали даже этот шаблон: они относятся к ней максимально осторожно. Как и в случае с алкоголем, айдженеры — это первое поколение, в котором любителей марихуаны меньше, чем тех, кто считает ее безвредной для здоровья. Линии на графике снова пересекаются (см. рис. 6.4).

Не важно, о чем идет речь — об алкоголе или марихуане, — айдженеры всегда задают один вопрос: это безопасно? Но даже получив утвердительный ответ, многие из них воздерживаются от употребления — очень странное решение для тех, чей возраст по умолчанию ассоциируется с повышенной склонностью к риску. Современные подростки категорически не желают сталкиваться с опасностями, и поэтому они безвылазно сидят дома, аккуратно ездят на машинах, а различные вещества употребляют только в безопасных, по их мнению, количествах или не употребляют... потому что так будет безопаснее.

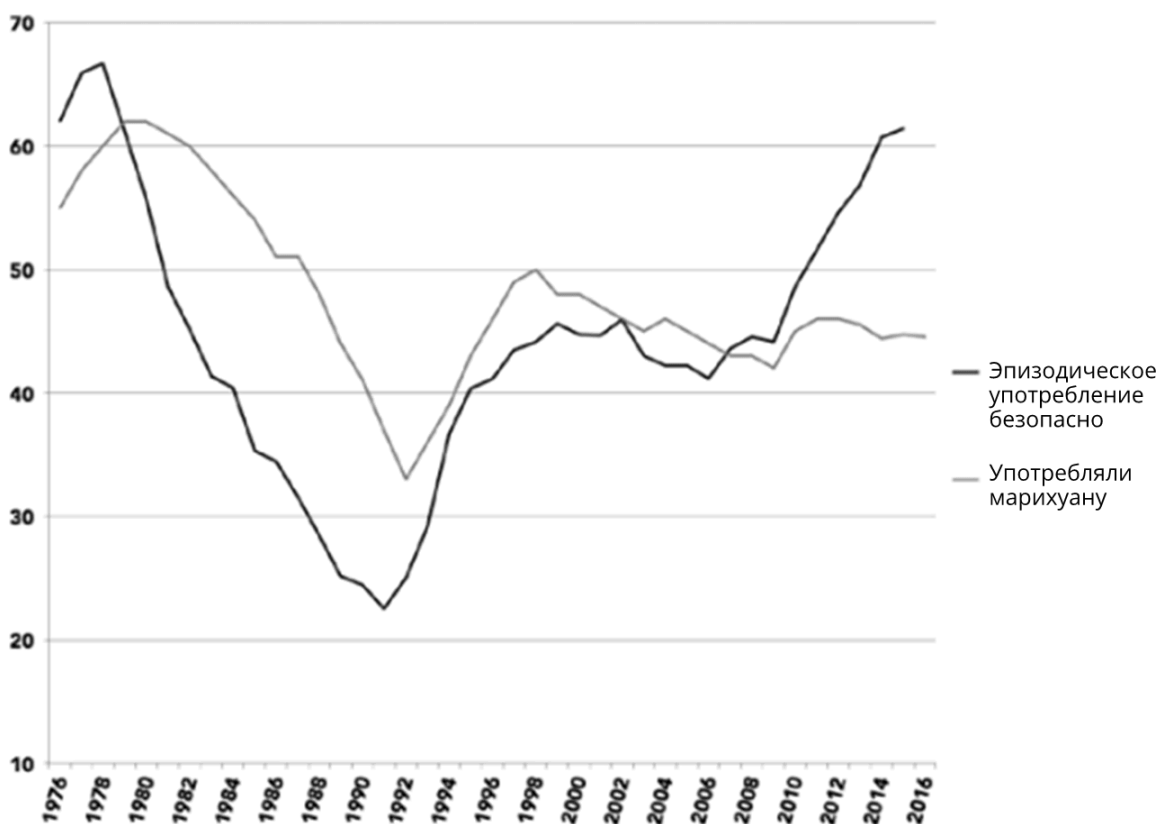

Рис. 6.4. Процент учеников 12-х классов, которые когда-либо употребляли марихуану, и тех, кто уверен, что эпизодическое употребление безопасно либо незначительно опасно. Monitoring the Future, 1976–2015

Снижение физического насилия и ослабление сексуального

Большинство беби-бумеров и представителей поколения X хорошо помнят драки в средней или старшей школе — внезапные стычки в коридорах, жестокие разборки после уроков и размахивание кулаками как последний аргумент в каждом втором споре. Когда я училась в средней школе в начале 1980-х, ссоры в классе частенько заканчивались словами вроде: «Встретимся за KFC после школы».

В наши дни жизнь на парковках за KFC стала более спокойной: айдженеры дерутся все реже. Если в 1991 году 50 % девятиклассников принимали участие в драках в течение года, то в 2015 году — 25 % (см. Рис. 6.5).

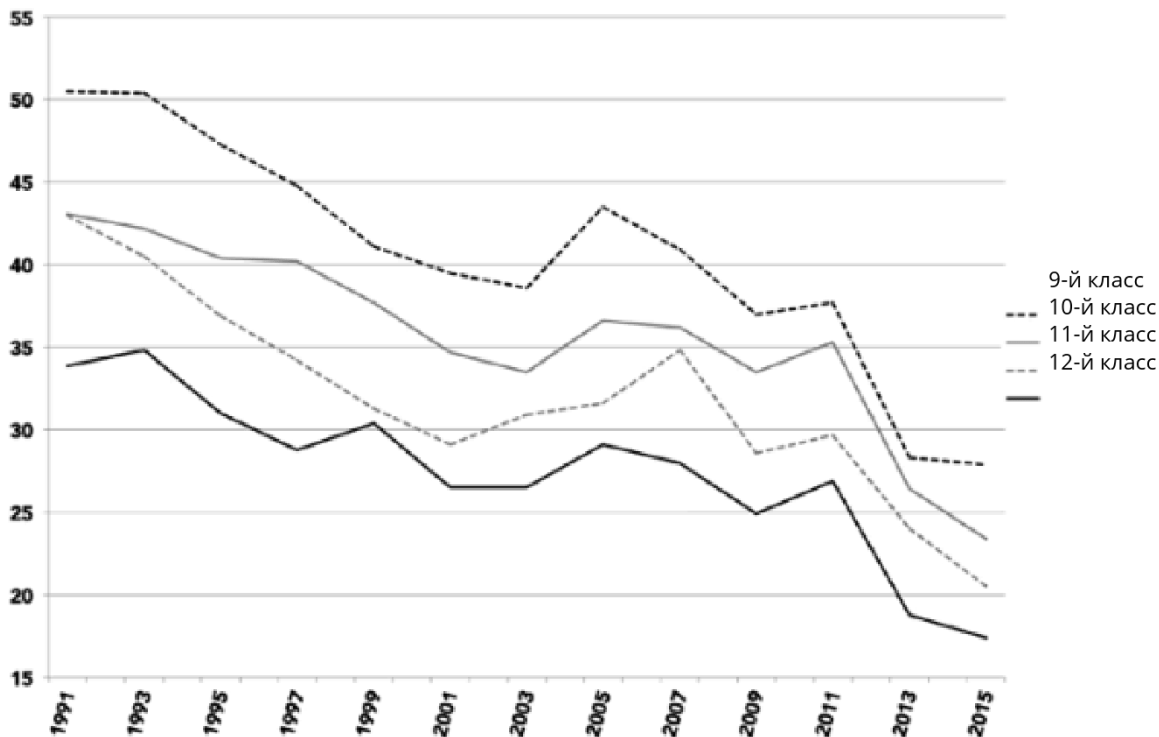

Рис. 6.5. Процент старшеклассников, которые за прошедшие 12 месяцев принимали участие в драках. Youth Risk Behavior Surveillance System, 1991–2015

Многие айдженеры воспринимают драки как рискованное и бессмысленное занятие, связанное с получением травм различной степени тяжести.

В драке нет никакого смысла. Мне отвратительна сама мысль, что меня кто-то бьет, и я совершенно не желаю видеть, как кого-то бьют.

Айден, двадцать лет

Тяжелые травмы и увечья, полученные в результате драк, тоже становятся редкостью: как мы выяснили в третьей главе, число убийств, совершаемых тинейджерами и более взрослой молодежью, достигло в 2014 году минимума за последние 40 лет. По данным опросов The Youth Risk Behavior Surveillance System, число подростков, приходящих в школу с оружием, упало втрое по сравнению с началом 1990-х.

Учитывая повышенное в последние годы внимание к случаям сексуального насилия, особенно в кампусах колледжей, можно предположить, что сексуальное насилие является исключением из

общего тренда на снижение уровня насилия. Это не так: сексуальное насилие встречается в наши дни *реже*, чем в прошлом. Согласно ежегодным докладам ФБР Uniform Crime Reports, в которых собраны все сообщения и заявления в полицию, количество изнасилований снизилось вдвое за период с 1992 по 2015 год.

Изнасилования относятся к числу высоколатентных преступлений — согласно почти всем известным исследованиям, большинство жертв никогда не обращаются в полицию. Таким образом, чтобы составить более точное представление о количестве изнасилований, следует воспользоваться данными репрезентативных опросов. Одним из таких опросов является Национальный виктимологический опрос (National Crime Victimization Survey), который проводится Министерством юстиции США. В представленном в 2014-м докладе данные были структурированы по возрасту и факту учебы в колледже. На Рис. 6.6. приведены данные об изнасилованиях, совершенных в университетах и колледжах (возраст жертв — от 18 до 24 лет). Здесь мы снова видим, что в последние годы изнасилования совершаются все *реже*, а с 1997 по 2013 год количество изнасилований снизилось более чем в два раза (с 9,2 до 4,4 на 1000 человек). В докладе Министерства юстиции количество изнасилований указано из расчета на 1000 человек, а базе ФБР — на 100 000 человек; таким образом, согласно данным опроса National Crime Victimization Survey, уровень изнасилований на самом деле значительно выше, чем согласно данным ФБР. Однако, согласно данным опроса National Intimate Partner and Sexual Violence Survey, который проводится Центром по контролю и профилактике заболеваний США, уровень сексуального насилия еще выше (примерно на половину процентного пункта). Так, в ходе опроса, в рамках которого понятие «сексуальное насилие» понималось максимально широко, выяснилось, что в 2011 году сексуальному насилию подверглись 1,6 % женщин. В настоящий момент доступны только данные опросов за 2010 и 2011 год, поэтому мы не можем сказать, насколько вырос или снизился уровень сексуального насилия за более длительный период. В ходе опроса также выяснилось, что 19,3 % женщин (примерно каждая пятая) подвергались сексуальному насилию в течение жизни (данные не за конкретный год, а в целом). Согласно другим исследованиям, например проводимым Центром исследования преступлений против детей при Университете Нью-

Хэмпшира, также снизился уровень сексуального насилия в отношении детей и подростков.

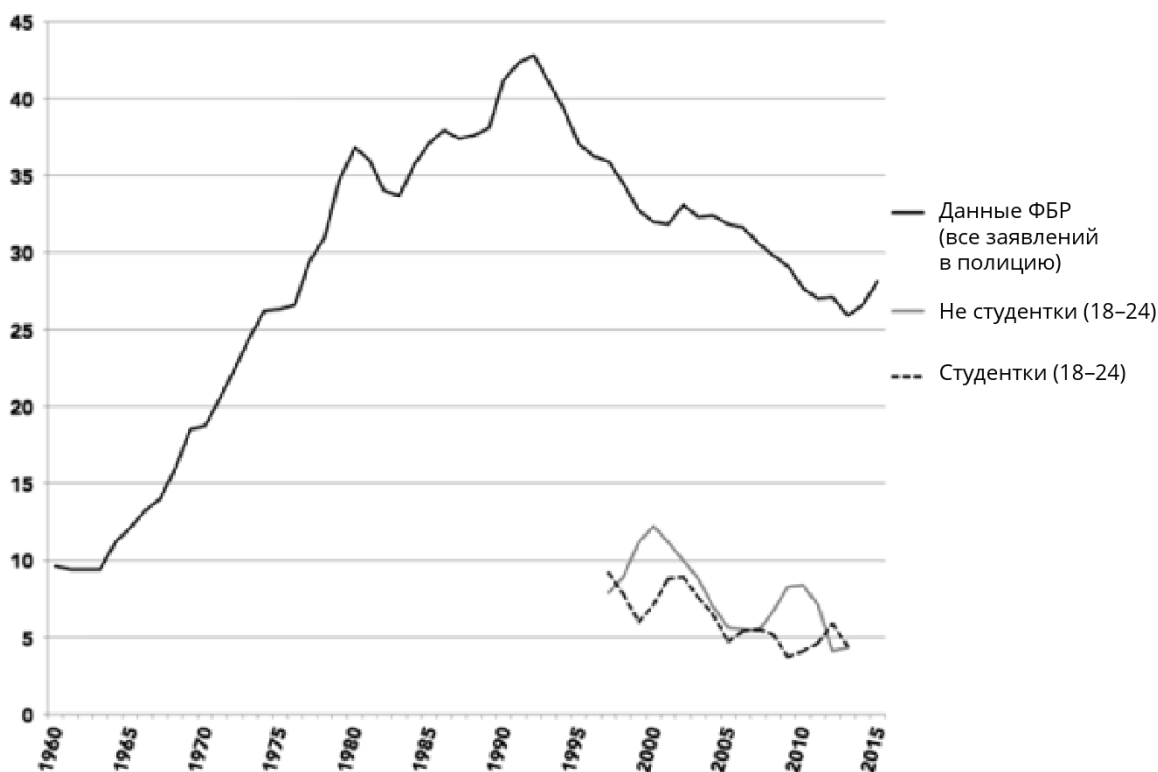

Рис. 6.6. Количество изнасилований (сексуальных нападений) (на 100 000 человек), исходя из общего числа всех заявлений в полицию (Uniform Crime Reports, 1960–2015), и количество изнасилований (на 1000 человек) девушек в возрасте от 18 до 24 лет (National Crime Victimization Survey, 1997–2013)

Необходимо отметить, что вокруг точного определения понятий «сексуальное насилие» и «сексуальное нападение» постоянно ведутся споры, поэтому результаты упомянутых выше исследований с необходимостью зависят от выбранного определения. В любом случае, уровень сексуального насилия до сих пор остается недопустимо высоким, но есть все основания полагать, что благодаря стремлению айдженеров к максимальной безопасности он вскоре начнет снижаться.

Только без риска, пожалуйста

Стремление айдженеров избегать любого риска или опасности выходит далеко за пределы разумной осмотрительности и

осторожности. Современные восьми- и десятиклассники все реже соглашаются с суждением «иногда мне нравится немного рисковать, чтобы проверить себя» (см. рис. 6.7). Если в начале 1990-х почти половина подростков находили эту мысль привлекательной, то в 2015 году — менее 40 %.

Все реже они соглашаются и суждением «Я получаю удовольствие, когда немного рискую». Если в 2011 году большинство тинейджеров соглашались, что небольшая опасность им в кайф, то всего через несколько лет таких оказалось меньшинство.

По большому счету стремление к безопасности — это позитивный тренд: все будут только «за», если подростки станут реже гонять на машинах, играть с огнем и крушить бейсбольными битами почтовые ящики. Сложности возникают, когда мы начинаем говорить не о боязни рисковать жизнью и здоровьем, а об интеллектуальных, социальных и эмоциональных рисках — их можно сравнить с прыжком в омут с головой, но именно с них начинаются величайшие приключения и благодаря им совершаются открытия. Многие задаются справедливым вопросом: не подавляет ли озабоченность айдженеров собственной безопасностью их креативность и жажду познания? Бывший музыкальный критик нью-йоркского еженедельника *The Village Voice* Ричард Гольдштейн, который сейчас преподает в Хантер-колледже, пишет, что его студенты невероятно осторожны по сравнению с поколением беби-бумеров. Он хвалит их за амбициозность, но при этом пишет:

Я понимаю, насколько важна безопасность, но меня беспокоят последствия, к которым может привести постанова безопасности во главу угла. Боюсь даже представить, к чему может привести такой подход. Если вы не готовы идти на риск, то как вы собираетесь раскрывать свою индивидуальность? Если вас пугает неопределенность, то каким образом вы собираетесь развиваться и что-то менять в своей жизни?

Ричард Гольдштейн

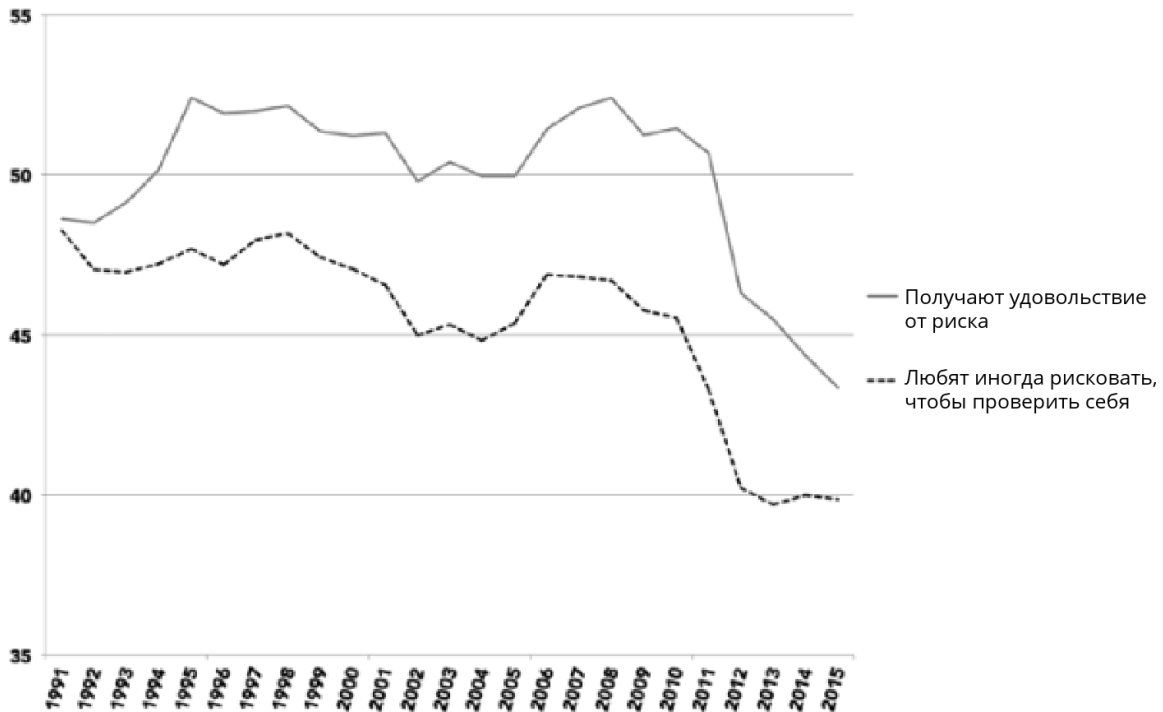

Рис. 6.7. Процент учеников 8-х и 10-х классов, которым нравится совершать опасные поступки либо рисковать, Monitoring the Future, 1991–2015

Постоянно думая о своей безопасности, человек рано или поздно задумается о том, как оградить себя и от эмоциональных потрясений. Забота об «эмоциональной безопасности» — уникальное изобретение поколения I. Она включает в себя уклонение от любого потенциально негативного опыта. Все это создает сложности как для самих айдженов, так и для представителей старших поколений, которые хотят их понять.

Безопасное пространство для всех студентов

Когда писательница Клэр Фокс приехала в одну из британских школ для девочек, чтобы принять участие в дебатах, она ожидала, что школьницы будут активно с ней спорить и возражать. Чего она точно не ожидала, так это увидеть слезы. Когда школьницы не согласились с мнением Фокс, то, к ее огромному изумлению, они расплакались и сказали, что «вы не можете такое говорить» вместо того чтобы аргументированно отстаивать свое мнение. Она называет айдженеров «поколением снежинок», потому что они настолько уязвимы, что малейший прессинг заставляет их таять.

Это обратная сторона повышенного интереса айдженеров к собственной безопасности как идее, что человек должен быть не только защищен, скажем, от попадания в ДТП или сексуального насилия, но и полностью избавлен от общения со всеми, кто не согласен с его мнением. Возьмите, к примеру, термин «безопасное пространство» (safe space), которым сейчас принято называть место, в котором любой может укрыться и отгородиться от оскорбительных, обидных или неприятных для него идей. Растущая в последние годы популярность безопасных пространств в студенческих кампусах стала реакцией на выступления спикеров, поднимающих спорные темы: расстроенные студенты могут собраться в специально отведенных местах, чтобы успокоиться и прийти в себя. Безопасные пространства не просто отражают потребность айдженеров в безопасности, а ассоциируются у них с чувством безопасности, которое они испытывали в детстве. Так, широко обсуждавшаяся статья Грега Лукьянова и Джонатана Хайдта «Пестование американского сознания» (The Coddling of the American Mind), опубликованная в журнале The Atlantic, была проиллюстрирована изображением младенца в рубашке с надписью «Колледж». Как отметил Джош Зейц в журнале Politico Magazine: «Вчера студенты-активисты хотели, чтобы с ними обращались как со взрослыми. Сегодня они хотят, чтобы к ним относились как к детям».

Безопасные пространства изначально были местами, в которых собирались, например, студенты с нетрадиционной сексуальной ориентацией или же представители иных меньшинств. Там они могли

общаться друг с другом или с теми, кто разделял их взгляды и не осуждал их. Однако в последнее время термин «безопасное пространство» трактуется значительно шире: он означает место, в котором любой студент может укрыться от любых точек зрения, которые могут задеть его чувства. Это породило множество насмешек, в том числе со стороны создателей мультсериала «Южный Парк», в котором появилась песенка «В моем безопасном пространстве» (Все любят меня и считают меня великим в моем безопасном пространстве. Мы можем столкнуться [там] почти с чем угодно, кроме реальности, без которой мы можем обойтись).

Безопасные пространства необходимы представителям ЛГБТ-сообщества, поскольку там они могут не бояться негативных оценок, но безопасные пространства не нужно создавать для защиты студентов от спорных или просто чуждых им мнений.

Просто потому, что это совершенно нормально, когда кто-то думает иначе, чем вы, или говорит то, что может обидеть или напрячь вас. Это часть жизни. Ваши чувства перестанут кого-либо интересовать на следующий день после того, как вы закончите колледж. Безопасные пространства предназначены для людей, которым необходимо место, где они могут быть самими собой и не бояться физической и вербальной агрессии.

Безопасные пространства не предназначены для тех, кто просто боится быть оскорбленным или обиженным.

[Подобного рода чувствительность] может сильно навредить в реальной жизни.

Джеймс, студент Колледжа Джорджии

Любопытный разворот: в основе первых безопасных пространств была заложена идея толерантности к чужому мнению; новая версия безопасных пространств подразумевает полное отсутствие толерантности.

Смысл их [безопасных пространств] заключается в том, что если у вас началась типа паническая атака, нереальная депрессия или вы испытываете сильный стресс, то всегда можете прийти туда и немного расслабиться. Я исхожу из того, что люди лучше знают, что им нужно, поэтому если они говорят, что хотят куда-то пойти, потому что у них есть психологические проблемы, то кто мы такие,

чтобы убеждать их в обратном? Безопасные пространства необходимы, а их создание или посещение является сугубо личным делом каждого.

Бен, восемнадцать лет

Мне и моей студентке Ханне ван Ландингхам стало интересно, насколько это новое представление о безопасных пространствах является общепринятым. Может быть, лишь незначительная часть студентов считает, что безопасное пространство — это место, где человек может укрыться от чуждых ему взглядов? Мы опросили более 200 студентов-айдженеров в возрасте до 21 года включительно, которые слушали начальный курс лекций по психологии в Государственном университете Сан-Диего. Как выяснилось, безопасные пространства пользуются большой популярностью: трое из четырех студентов согласились с мнением, что «если многие студенты не согласны со взглядами приглашенного в кампус спикера, то студенты должны создать „безопасное пространство“, в котором любой студент может укрыться на время выступления». Совершенно невероятные 86 % согласились с тем, что «ответственность за создание безопасных пространств для студентов лежит на администрации университета». Таким образом, подавляющее большинство студентов считают, что безопасные пространства должны, во-первых, быть доступны во время дискуссий на спорные темы или полемических выступлений, а во-вторых, их создание является одной из основных задач, стоящих перед кампусами. Этих идей придерживаются не маргиналы, а большинство айдженеров.

Еще одной типичной реакцией на спикеров, поднимающих острые темы, стал полный отказ от приглашения их в кампусы. Что интересно, многие приглашения отменяются с формулировкой вроде «в целях сохранения здоровья или в интересах безопасности студентов». Когда администрация Вильямс Колледжа отменила выступление очередного спикера, в студенческой газете появилась тенденциозная статья, в которой безо всяких обиняков было сказано, что «само присутствие спикера в кампусе способно причинить (далее следует чисто айдженерское словосочетание) эмоциональную травму». Защита студентов от излишних огорчений и расстройств отныне считается более важной задачей, чем организация острых, а потому способных

вызвать дискомфорт дискуссий. Раз кто-то может расстроиться, значит, надо взять и запретить выступление. Но почему бы несогласным с чужим мнением студентам просто не отказаться от участия в полемике? Этот вопрос я неоднократно задавала студентам поколения I, но ни разу не получила вразумительного ответа.

Борьба за безопасность повлияла и на лекционные материалы, из которых должно быть изъято все, что способно кого бы то ни было задеть. В своей статье «Я либеральный профессор, но мои либеральные студенты пугают меня» Эдвард Шлоссер отмечает, что многие его коллеги по факультету изменили содержание своих лекций, боясь увольнения из-за жалоб на их оскорбительный характер.

Один адъюнкт-профессор потерял работу, после того как студенты пожаловались, что на лекциях он цитировал «оскорбительные» тексты Эдварда Седа и Марка Твена. Его возражение, что он делал это намеренно в учебных целях, только подлило масла в огонь и поставило крест на его карьере.

Эдвард Шлоссер

Сейчас основное внимание уделяется скорее эмоциональному состоянию студентов, чем их интеллектуальному развитию, а дискуссии на острые темы приносятся в жертву душевному спокойствию студентов.

Убеждения студентов-айдженеров и недавние происшествия в кампусах имеют между собой много общего. В первую очередь это касается уравнивания слова и физического насилия. Слово может сильно ранить, если представления о личной безопасности охватывают эмоциональную безопасность.

Эмоциональный дискомфорт рассматривается [сейчас] в качестве эквивалента физического ущерба, а любой ущерб должен быть возмещен.

Профессор Северо-Западного университета Лаура Кипнис

Физически айдженеры защищены, как ни одно другое поколение, и, видимо, по этой причине они начали искать угрозу собственной безопасности в словах. Их жизнь проходит онлайн, а значит, слово может настигнуть и ранить, даже когда они в полном одиночестве сидят дома. В 2016 году песней года по версии журнала Billboard стала

Stitches, которую исполнил восемнадцатилетний айдженер Шон Мендес. «Твои слова режут глубже, чем нож, — поет он. — Мне придется накладывать швы». В видеоклипе Шона атакует некая невидимая сила, которая то сбивает его с ног на землю, то швыряет с такой силой, что он сначала разбивает головой стекло, а затем пробивает насквозь стену, в результате чего на его лице появляются синяки и порезы. После того как он встает перед зеркалом и умывается, все повреждения исчезают. На первый взгляд эта песня о расставании, однако ее можно рассматривать и как метафору опасности, которую таят в себе слова — да, они причиняют не физическую боль, а душевные страдания, но, с точки зрения айдженеров, разница не так уж велика. Айдженеры крайне уязвимы психологически из-за повышенной склонности к депрессии, и поэтому их так сильно могут ранить слова. В отличие от носивших розовые очки миллениалов айдженеры через свои линзы видят другой, гораздо более мрачный мир.

Чтобы лучше понять их склад ума, я задала десяти айдженерам вопрос, считают ли они, что полная безопасность невозможна без эмоциональной безопасности. Все из них не только дали утвердительный ответ, но и смогли аргументированно обосновать его.

Безопасность означает защищенность от самых разных угроз. Существуют физические и эмоциональные опасности. Любой отрицательный опыт может повлиять на ваш разум и стать причиной эмоциональных страданий и переживаний, которые порой так же невыносимы, как и физическая боль.

Оуэн, двадцать лет

Эмоциональная безопасность более важна, чем безопасность физическая. Безопасность подразумевает заботу о физическом и эмоциональном здоровье.

Последствия психологической травмы могут быть гораздо более разрушительными, чем последствия травмы физической.

Айви, двадцать лет

По мнению айдженеров, основная сложность заключается в том, что тело защитить проще, чем разум.

Я понимаю, что никто не может гарантировать эмоциональную безопасность. Всегда можно принять меры предосторожности, чтобы избежать физического насилия, но если вам говорят нелицеприятные вещи, то вам остается только слушать.

Айден, девятнадцать лет

Похоже, до этой невероятной мысли первым додумалось именно поколение I: окружающий мир опасен по определению, поскольку любой социальный контакт может причинить боль. Вы никогда не знаете, что вам собираются сказать в следующее мгновение, и никак не можете предотвратить это.

Некоторые студенты идут еще дальше — помимо оскорбительных и экстремистских высказываний опасным для себя они считают вообще все, что доставляет им дискомфорт или заставляет усомниться в собственной правоте.

Эверетт Пайпер, президент Уэслианского университета в Оклахоме, рассказал, как один студент пожаловался ему на то, что почувствовал себя «виктимизированным», услышав пояснения к фрагменту одного из Посланий к Коринфянам о том, что такое «проявление любви». Почему? Он посчитал себя уязвленным и даже ущербным из-за того, что сам он не умеет «проявлять любовь»! По его мнению, лектор допустил грубую ошибку, заставив его вместе со всеми однокурсниками испытывать дискомфорт. Следуя такой логике, необходимо категорически запретить рассказывать студентам обо всем, что может их расстроить или потревожить, даже если потенциально это может сделать их лучше. Пайпер написал, что его университет — «не безопасное пространство, а все таки храм науки», где учат заботиться о ближнем и решать проблемы. «Это то самое место, где вы быстро поймете, что вам пора уже повзрослеть, — заключает он. — У нас не служба опеки, а университет!».

Идею о том, что вечно недовольные студенты подобны беспомощным младенцам, не стоит понимать слишком буквально; как во время массовых протестов, так и в частных жалобах студенты зачастую выдвигают совершенно законные требования, а сами массовые протесты являются традиционной для университетов формой выражения несогласия с администрацией по самым разным вопросам. Но когда студенты требуют запретить абсолютно все, что их

не устраивает, они ставят под сомнение саму идею высшего образования и одновременно заявляют о своем желании жить в придуманном ими мире. Университет должен заниматься образованием, а не обеспечением эмоциональной безопасности своих студентов. Приведенный Пайпе-ром пример наглядно демонстрирует, насколько далеко зашло движение в поддержку безопасных пространств, в основе которых заложен один-единственный принцип — избегай любых неприятных эмоций и дискомфортных ситуаций, даже если они возникли по твоей вине. Категорически неверный посыл: в университете учат преодолевать сложности, а не избегать их.

Безопасно как дома. Всегда и везде

В октябре 2015 года администрация Йельского университета обратилась к своим студентам с просьбой не надевать на Хеллоуин костюмы, которые могут показаться оскорбительными для окружающих. В свою очередь, преподавательница Эрика Кристакис написала всем студентам своего общежития письмо, в котором попросила их самих решить, какие костюмы надевать без оглядки на мнение администрации.

Американские университеты когда-то были тем самым безопасным пространством, где люди не только выросли, но и получали определенный регрессивный и даже трансгрессивный опыт; сейчас они, похоже, стали территорией, где царствуют запреты и цензура. Запреты и цензура появились не по нашей воле — они были навязаны сверху. Неужели мы согласны с таким положением вещей? Неужели мы утратили веру в способность молодежи — вашу способность — осуществлять самоцензуру, руководствуясь здравым смыслом и социальными нормами и способность игнорировать или отвергать неприемлемые вещи?

Эрика Кристакис

Студенты потребовали ее отставки, мотивируя это тем, что она не создает безопасную среду для студентов из числа меньшинств. Затем группа протестующих подловила в кампусе мужа Кристакис, Николаса, и, окружив его, вступила с ним в перепалку. Одна студентка заявила:

— Кристакис должна создать здесь безопасное пространство для всех студентов!

Николас попытался что-то возразить.

— Замолкни! Ваша работа — создавать комфортные условия для студентов колледжа Силлимана... Разослав это письмо, вы нарушили свои должностные обязанности.

— Нет, я не согласен с этим утверждением.

— Какого черта она согласилась на эту работу? Кто вообще дал ей эту должность?! Речь идет не о создании интеллектуального пространства! Вообще нет! Речь о создании здесь второго дома!

Восприятие колледжа в качестве «дома», как отметили некоторые исследователи, вероятно, обусловлено медленным взрослением поколения I.

Вместо того, чтобы позиционировать учебу в колледже как переходный период между беззаботным детством и взрослой жизнью, университеты вроде Йельского согласились с тем, что они должны воссоздавать домашнюю атмосферу и комфорт.

Преподаватели Йельского университета Дуглас Стоун и Мэй Шваб-Стоун в газете New York Times

Другими словами, заикленность на безопасности и комфорте является следствием медленного взросления современных тинейджеров: они не готовы к самостоятельности и поэтому хотят, чтобы в колледже все было так же, как дома. Им нравится получаемая в колледже свобода (никто не говорит, во сколько надо быть дома!), но при этом они хотят всегда и везде чувствовать себя в безопасности.

Ваша работа — обеспечивать нашу безопасность

В ходе обсуждения многих инцидентов в кампусах неоднократно всплывала тема о необходимости обращения за помощью в вышестоящие инстанции, а не самостоятельном исправлении ситуации. Так было в Йельском университете, студентов которого возмутила сама мысль, что они должны самостоятельно решать свои проблемы. Внимание, вопрос: почему студенты перекладывают решение всех проблем на плечи администрации? Дело, очевидно, в затянувшемся детстве айдженеров: они хотят, чтобы администрация заменила им родителей, которых все дети считают всемогущими. Не исключено, что причиной также являются и другие культурные изменения. В своей статье «Микроагрессия и изменение моральной культуры» социологи Брэдли Кэмпбелл и Джейсон Мэннинг утверждают, что США отошли от культуры чести, для которой характерно самостоятельное разрешение малейших конфликтов, к культуре виктимизации, для которой характерен отказ от прямой конфронтации и обращение за помощью к третьим лицам и/или публичное осуждение своих обидчиков для привлечения внимания к конфликту.

Например, когда двух студентов Дартмутского колледжа оскорбил другой студент, сказавший, что они «несут чушь», студенты не стали вступать с ним в прямой конфликт, а сообщили об инциденте в Дартмутский офис по плюрализму и лидерству, после чего расследованием занялись Департамент по вопросам охраны и безопасности и Группа по реагированию на инциденты, связанные с предвзятым отношением.

В любых других социальных условиях подобное оскорбление незамедлительно вызвало бы агрессивную реакцию — прямую претензию, встречное оскорбление или физическое насилие. Но в условиях, когда восстановлением справедливости может заняться могущественная организация, потерпевшие скорее напишут жалобу, чем дадут отпор обидчику. В целом сам факт существования лиц, обладающих властно-распорядительными полномочиями, неважно, чиновники это или частные управленцы, подталкивает на обращение к ним за помощью... Но даже если со стороны властных

органов не следует никакая реакция, слухи и публичное осуждение сами по себе являются серьезными санкциями для обидчиков.

Кэмпбелл и Мэннинг

Этот тип культуры возникает обычно там, где люди, обладающие достаточно высоким статусом, считают друг друга равными себе, но при этом не имеют тесных связей. Фактически это определение современных кампусов.

Забота айдженеров о собственной безопасности также играет свою роль. Я спросила Дарнелла, студента Колледжа Джорджии, что он сделает, если подвергнется расистским оскорблениям со стороны другого студента: ответит или пойдет жаловаться руководству колледжа? Он сказал, что пойдет жаловаться.

Конфронтация — не самая лучшая идея, потому что ты никогда не знаешь, как далеко она может зайти.

Я думаю, что в большинстве случаев это небезопасно.

В любой момент может начаться драка, ведь некоторые любят докапываться от нечего делать, кроме того, у них может оказаться нож, да все что угодно может произойти, а я не люблю оказываться в ситуациях, в которых от меня ничего не зависит. Поэтому я лучше отступлю и привлеку третью силу для разрешения конфликта. Я был бы не прочь подискутировать с обидчиком в присутствии представителя администрации колледжа. Я хотел бы ему объяснить, что мне не понравилось то, что он сделал, что его поступок был оскорбительным и я не хочу, чтобы в будущем он повторился, но поскольку я не могу никому ничего запретить, то пускай этот человек делают все что ему заблагорассудится, но только не в моем присутствии.

И не в присутствии людей, похожих на меня. Если это расистское высказывание оскорбляет меня, то оно может задеть и других.

Дарнелл

Рассуждения Дарнелла о недопустимости расистских высказываний совершенно справедливы, а с его мнением относительно драк согласятся очень многие айдженеры. Вместе с тем надо понимать, что жалобы имеют очевидные недостатки. Во-первых, обращение в

администрацию, как правило, усугубляет, а не устраняет конфликт, потому что обидчик часто занимает активную оборонительную позицию. Во-вторых, люди начинают бояться сболтнуть что-то лишнее, в результате чего замалчиваются многие важные темы. Конор Фридерсдорф написал в журнале The Atlantic, что заявления о фактах микроагрессии (неумышленное оскорбление женщин и представителей различных меньшинств) в свой адрес способствуют инфантилизации студентов, поскольку они не учатся самостоятельно решать проблемы даже «в самых повседневных ситуациях, когда ставки не так высоки, как в случае с поиском первой работы, жизнью в общежитии или браком».

В марте 2016 года студенты Университета Эмори однажды утром обнаружили, что в кампусе на тротуарах появились сделанные мелом надписи «Трамп-2016». Некоторые студенты заявили, что это послание напугало их, и в знак протеста они начали скандировать в адрес администрации колледжа: «Вы не слушаете нас! Выходите и поговорите с нами! Нам больно». Инцидент вызвал множество насмешек, в частности в Шоу Ларри Уилмора появилась пародия на одного из протестующих студентов, который говорит: «Я понятия не имел, что пойду в школу с людьми, которые не согласны с моим мнением. Ужас».

Стремление айдженеров жаловаться руководству на любые проблемы порождало конфликты с администрациями университетов даже в тех случаях, когда обидчики вообще не имели никакого отношения к кампусу. Так, осенью 2015 года президент Университета Миссури был вынужден уйти в отставку, несмотря на то что сам он не имел никакого отношения к инциденту (во время которого водитель и пассажир грузовика допустили расистские высказывания в адрес проходивших мимо студентов), вызвавшему волну протестов. Студенты заявили, что президент не обеспечил им должный уровень безопасности.

Другой инцидент произошел в моем собственном кампусе Государственного университета Сан-Диего. В 2016 году представители израильской организации, не имевшей отношения к кампусу, раздавали на его территории флаеры, в которых поименно были названы студенты и сотрудники университета, «присоединившиеся к палестинским террористам с целью... разжигания в этом кампусе

ненависти к евреям». Президент университета незамедлительно написал электронное письмо, в котором выступил в защиту свободы слова, но в то же время отметил, что в листовках не должны содержаться личные данные учащихся.

Протестующие студенты посчитали, что письмо недостаточно жестко осуждало распространителей флаеров, и поэтому вывесили большой баннер с надписью: «Университет Сан-Диего считает нас террористами». Затем студенты окружили полицейскую машину, на которой передвигался президент, и не выпускали его в течение двух часов, требуя извинений.

Я хотел, чтобы вы меня защищали. Они называли нас террористами, а вы не защитили нас.

Один из недовольных

Для многих так и осталось загадкой, почему протестующие обрушили свой гнев не на распространителей флаеров, а на администрацию.

За две недели до указанных событий мы провели среди студентов Государственного университета Сан-Диего опрос, результаты которого предсказали поведение протестующих. Двое из трех респондентов согласились, что «если в кампусе происходит конфликт на почве расовой ненависти, то президент должен принести извинения, даже если он/она не принимал в нем участие». Таким образом, большинство студентов согласны с протестующими в том, что извинения должны приноситься администрацией, а не виновными лицами. Также студенты нисколько не сомневались, что администрация отвечает за создание «здоровой расовой атмосферы». Четверо из пяти опрошенных согласились, что «если представители меньшинств чувствуют недоброжелательное отношение к себе на территории кампуса, то администрация университета должна что-то предпринять».

В упоминавшейся выше статье, опубликованной в журнале The Atlantic, Лукьянов и Хайдт утверждали, что повышенное внимание к безопасным пространствам, предупреждениям о триггерах (предупреждения о потенциально неприемлемом контенте) и микроагрессии дает обратный эффект: акцент на защите эмоционального здоровья может на самом деле причинить вред здоровью психическому. Когнитивно-бихевиоральная терапия, один из

самых распространенных и проверенных временем способов лечения депрессии с помощью беседы, учит людей реально смотреть на вещи. Язык безопасных пространств, предупреждений о триггерах и микроагрессии навязывает иную модель поведения: всегда и во всем руководствоваться чувствами.

Другие исследователи полагают, что царящая в кампусах атмосфера не готовит студентов к будущей жизни, особенно к работе, на которой им придется столкнуться с людьми, имеющими самые разные убеждения и которые вряд ли встретят их с распростертыми объятиями, если они начнут жаловаться своему боссу на то, что кто-то ранил их чувства.

Поддержание «безопасного» уровня дискуссии в колледжах может казаться благом для легкоранимых людей, но на самом деле это причиняет вред как самим студентам, так и всем окружающим... Оградите их от всего чуждого и неприятного... и они окажутся беспомощными перед новыми веяниями, с которыми они неизбежно столкнутся, как только покинут свои уютные кампусы.

Джудит Шулевиц в New York Times

Некоторые айдженеры соглашаются с Шулевицем. Студент колледжа Джеймс уверен, что студенты, которые слишком болезненно реагируют на некоторые проблемы, должны более осознанно подходить к выбору будущей профессии.

Если тебя постоянно отпугивают предметы, необходимые для получения выбранной специальности, то, вероятно, ты выбрал не ту специальность. Мой брат специализируется на криминальной юстиции, и, как вы понимаете, выбранные им курсы лекций содержат триггерные предупреждения, потому что на них студентам рассказывают о настоящих убийствах.

Но извините, в реальном мире полиция не может увилить от расследования подобных дел. Можете представить себе офицера полиции, который не знает, что делать на месте преступления только потому, что некоторые предметы ему было неприятно изучать в колледже? Я не могу. Ситуация зашла слишком далеко.

Джеймс

Первокурсник Бен, о котором я уже рассказывала выше, объясняет появление безопасных пространств и триггерных предупреждений заботой о психическом здоровье.

Принято считать, что мое поколение слишком изнеженно и избалованно, что, дескать, мы вообще ни разу не толстокожие. Это представление не соответствует действительности. Тренд направлен на более глубокое понимание человеческих чувств и заботу о здоровье. Да, со стороны это выглядит как изнеженность, но только потому, что в те времена, когда мои родители сами были детьми, многие люди подвергались невероятному давлению. По-настоящему опасно было быть геем. Никто не считал посттравматическое стрессовое расстройство заболеванием. Люди не понимали опасность тревоги.

Не вижу ничего плохого в том, что сейчас мы пытаемся во всем этом лучше разобраться. Мы уверены, что посттравматическое стрессовое расстройство — это тяжелое психическое состояние, требующее медицинского вмешательства. Мы уверены, что люди, страдающие от тревожного расстройства, нуждаются в понимании, а не в упреках в тонкокожести.

Бен, восемнадцать лет

Бен и, насколько правильно я понимаю, многие другие айдженеры считают, что, одобряя создание безопасных пространств и использование триггерных предупреждений, они должным образом проявляют уважение к чужим нуждам. Другое отношение представляется им необоснованно жестоким.

Как мы пришли к этому?

Повышенное внимание айдженеров к собственной безопасности отчасти обусловлено их затянувшимся детством. Чем менее взрослыми считают родители своих детей, тем больше они пекутся об их безопасности; как правило, чем младше ребенок, тем реже мы выпускаем его из виду, тем тщательнее пристегиваем его в детском автокресле и тем большую ответственность испытываем за его безопасность. Дети и тинейджеры дольше живут с ощущением полной безопасности, если в десятилетнем возрасте к ним относятся как к

шестилетним, в четырнадцатилетнем — как к десятилетним, а в восемнадцатилетнем — как к четырнадцатилетним. Поступив в колледж, они внезапно начинают чувствовать себя беззащитными и поэтому стремятся воссоздать вокруг себя домашнюю атмосферу и утраченное всего несколько месяцев назад ощущение безопасности. Беби-бумеры и представители поколения X, обычно имевшие до поступления в колледж несравнимо больше свободы, легче адаптировались к новым условиям. Теперь же, став преподавателями или администраторами в колледжах, они каждый раз с недоумением чешут затылки, когда очередной айдженер просит относиться к нему как к ребенку или вздрагивает от мысли, что кто-то или что-то может его сильно расстроить.

В целом, сейчас дети защищены, как никогда ранее.

То, что в 1970-х казалось совершенной паранойей — сопровождение третьеклассника в школу, катание на горках с ребенком на руках или запрет играть с мячом на улице — в наши дни стало обычным делом. На самом деле это маркеры добросовестного, ответственного исполнения родительских обязанностей.

Ханна Розин в журнале The Atlantic

Это не домыслы и не субъективное мнение. Если в 1969 году 48 % учеников младшей и средней школы самостоятельно ходили или приезжали в школу на велосипеде, то в 2009 году таких насчитывалось лишь 13 %. Среди учеников, живущих ближе, чем в одной миле от школы, в 2009 году только 35 % ходили или ездили в школу на велосипеде, а в 1969 году таких было 89 %. Соответствующая практика часто закрепляется в правилах школы. В школе, в которой учатся мои дети, только ученики четвертых-пятых классов имеют право приезжать на учебу на велосипеде, причем родители обязаны предварительно подписать специальное разрешение и принять ответственность за их безопасность на время поездки. Подобные правила и сложности были совершенно немыслимы в школьные годы беби-бумеров или представителей поколения X.

В одной из начальных школ штата Мичиган по соображениям безопасности была запрещена игра в салочки. В другой — запретили кувыряться без присмотра учителя физкультуры. Во многих городах

был запрещен уличный хоккей (игра в хоккей с резиновым мячом прямо на проезжей части; в фильме «Мир Уэйна» есть сцена, в которой главные герои по команде «Машина!» на время останавливают игру и перетаскивают ворота на тротуар, чтобы пропустить автомобиль). Один из немногих чиновников города Торонто, мечтающий возродить уличный хоккей, возвел площадку и собственноручно разработал длинный свод правил поведения на ней. Однако эта игра совсем не похожа на тот уличный хоккей, в который играли в 1980-х: в те времена подростки пользовались самодельными клюшками и мячами, не носили защиту и сами придумывали правила.

В ходе недавно проведенного опроса 70 % взрослых сказали, что, по их мнению, современный мир стал более опасным для подростков с тех пор, когда они сами были детьми, и это несмотря на то, что все факты упрямо говорят об обратном. Сначала мы сами защищаем своих детей от реальных и вымышленных угроз, а потом удивляемся, когда они, едва поступив в колледж, создают безопасные пространства, предназначенные для спасения от суровой реальности.

Положительные и отрицательные стороны безопасности

Итак, хорошо или плохо уделять слишком пристальное внимание безопасности? Как в случае с большинством поколенческих и культурных трендов — и то, и другое одновременно. Отношение к безопасности стало меняться одновременно с началом борьбы за снижение детского травматизма и смертности. Наиболее заметной стала кампания за безопасность на дорогах: были приняты законы об обязательном использовании ремней безопасности и детских автокресел, введены многоступенчатые ограничения для начинающих водителей и поднят до 21 года возраст, с которого разрешается употреблять спиртные напитки. Сами машины также стали более безопасными благодаря установке большего числа подушек безопасности, массовому внедрению систем АБС и использованию мягкого пластика в салоне. Предпринятые меры оказались невероятно эффективными: смертность на дорогах, особенно среди несовершеннолетних, резко снизилась. В 2014 году

количество подростков, погибших в результате ДТП, снизилось более, чем на 2/3 по сравнению с 1980 годом.

Это, безусловно, положительный аспект; дети и подростки все реже погибают в автокатастрофах. Детские автокресла, несмотря на все хлопоты, которые они приносят родителям, спасают жизни. Таким образом, ремни безопасности и кресла идут тинейджерам в зачет, поскольку они приносят одну только пользу и не оказывают негативного влияния на их развитие. Кстати, меня всегда удивляло пренебрежительное отношение беби-бумеров и поколения X к автокреслам и ремням безопасности: «В наше время их не было, и мы как-то выжили», — говорят они. Да, *вы* выжили, но те, кому повезло меньше, не ностальгируют сейчас о старых добрых временах, когда они беззаботно крутились и вертелись на заднем сиденье родительского фургона.

Другие предпринятые меры оцениваются уже не так однозначно. Например, современные, сделанные из мягкого пластика детские игровые площадки, по мнению некоторых, скучны и малопривлекательны. Ханна Розин написала в журнале *The Atlantic*, что заикленность родителей на безопасности подавляет свойственное всем детям желание самостоятельно исследовать окружающий мир и учиться всему на своих ошибках. Взяв за основу некогда популярные среди подростков заброшенные участки и свалки, она построила в Великобритании альтернативную детскую площадку, на которой можно прыгнуть с тарзанки в речку, спустить с горки автомобильную покрывку или разжечь костер. «Если в Америке десятилетний ребенок разожжет на детской площадке огонь, то его сначала заберут в полицию, а затем непременно отправят к психологу», — рассуждает она. В документальном фильме, посвященном этой площадке, есть кадры с мальчиком, который самостоятельно распиливает доску. Полагаю, что не только я, но и многие другие современные родители в этот момент подумали: «Он же сейчас отрежет себе пальцы». Ничего подобного не произошло: пальцы остались на месте.

Розин не первой обращает внимание на то, что чрезмерная забота превращает детей в нытиков. В своей книге «*A Nation of Wimps, Psychology Today*» («Нация хлюпиков, психология сегодня») Хара Эстрофф Марана утверждает, что родительская гиперопека и

назойливость делают детей уязвимыми и ранимыми, потому что не дают им учиться самостоятельно решать свои проблемы.

Посмотрите на их абсолютно стерильное детство, в котором нет места разбитым коленкам и даже случайным плохим оценкам. Дети должны знать, что всем иногда бывает трудно и что все люди иногда сталкиваются с трудностями. Мы учимся только на своем опыте, и в первую очередь на горьком опыте.

Хара Эстрофф Марана

Ленор Сценази выступает за альтернативный подход к воспитанию детей, который она назвала «Free-Range Kids» по названию одноименной книги.

Я борюсь с мнением, будто наших детей со всех сторон окружают опасности: психи, похитители, болезнетворные бактерии, плохие оценки, эксгибиционисты, разочарования, ошибки, пауки, школьные хулиганы, незнакомцы, пижамные вечеринки и/или неорганический виноград. Одержимость безопасностью подавляет в детях креативность и независимость. Общество приучило нас рассматривать наихудший из возможных вариантов и только его считать наиболее вероятным.

Ленор Сценази в интервью The Guardian в 2016 году

Подобный подход доводит родителей до отчаяния. Один мой друг сказал, что, учитывая трусливость, осторожность и любовь айдженов к безопасным пространствам, мне следовало бы назвать их поколение «Поколением Т», где «Т» означает *тряпка* (я возразила, сказав, что это название вряд ли приживется).

Так почему же возросший уровень безопасности не привел к появлению поколения любителей риска — подростков, уверенных в собственной неуязвимости и потому склонных к риску? Если вкратце, то это связано с особенностями человеческой психики. Обычно люди избавляются от своих страхов, только когда начинают бороться с ними, а не когда избегают опасных или стрессовых ситуаций. Например, лучший способ избавиться от фобии — перебороть себя и раз за разом делать то, что вызывает страх. Если ничего ужасного не происходит, то страх ослабевает, а затем бесследно исчезает. Не имея опыта преодоления страха, избавиться от него невозможно.

Как и многие другие поколенческие тренды, стремление максимально обеспечить свою безопасность имеет свои плюсы и минусы. Айдженеры, бесспорно, являются самым защищенным поколением за всю историю Америки, отчасти благодаря тому, что они по собственной воле все чаще отказываются от спиртного, реже дерутся, пользуются ремнями безопасности и аккуратно водят машины. Айдженеры отличаются завидной осторожностью и, как следствие, реже гибнут в результате ДТП или становятся жертвами насильственных преступлений. В то же время они чаще совершают самоубийства, что говорит об их психологической уязвимости; как мы уже знаем из четвертой главы, распространенность тревоги и депрессии среди молодежи последние годы росла невиданными темпами. Айдженеры озабочены не только физической, но и эмоциональной безопасностью, которой могут угрожать даже рядовые для взрослой жизни межличностные коммуникации. Осторожность не только повышает безопасность, но и делает тинейджеров более уязвимыми, потому что никто не застрахован от получения психологической травмы. Надо понимать, что невозможно исключить абсолютно все риски, особенно когда речь заходит о поколении, убежденном, что любой несогласный с их мнением заставляет их по-настоящему страдать.

Приземленность

Лекция по психологии личности приближается к концу, я смотрю на часы и понимаю, что у меня есть немного времени, чтобы обсудить еще одну важную тему. Я только что закончила рассказывать почти 200 студентам, большинству из которых чуть более двадцати лет, о двух типах жизненных целей, которые в психологии принято называть истинными (поиск смысла жизни, оказание помощи близким, познание мира) и второстепенными (деньги, слава, имидж). Я спрашиваю:

— Как вы думаете, какая из них является наиболее значимой для вашего поколения? И почему?

— Деньги. Из-за неравных доходов. Нам сложно позволить себе то, что было доступно нашим родителям. На нас висят студенческие кредиты, и при этом все очень дорого.

Другими словами, деньги их интересуют больше, чем смысл жизни.

Если вы судите об этом поколении по тому, что пишут в газетах и журналах, то вас ждет сюрприз; неужели молодые люди не стали чаще интересоваться поиском смысла жизни? Например, в редакционной статье газеты New York Times приводились результаты опроса, согласно которому молодые люди считают «смысл» самым важным из того, что они ищут в своей будущей карьере. Однако исследователи не только опросили слишком незначительное количество молодых людей, но и не удосужились сопоставить мнения представителей различных поколений, пусть даже не одного, а разного возраста. Между тем, сравнительный анализ дает совершенно иную картину.

Если быть краткой, то деньги — все, смысл жизни — ничто. Первокурсники с высокой вероятностью скажут, что для них важно материальное благополучие (второстепенная ценность), и с низкой — что для них важна жизненная философия (истинная ценность; См. Рис. 6.8; данные скорректированы с учетом присущей поколению I тенденцией оценивать все словами «более важно»), для чего в пояснении к графику сделана оговорка «с поправкой на относительную центральность». Но различия колоссальны даже без коррекции: в 2016 году 82 % студентов сказали, что для них важно «материальное благополучие», тогда как о важности «создания полноценной жизненной философии» заявили 47 %.

Наиболее заметные изменения произошли во времена беби-бумеров (были студентами в 1960–1970-х) и Поколения X (были студентами в 1980–1990-х). В 2000-х убеждения миллениалов стабилизировались, однако с появлением айдженеров разрыв начал увеличиваться. Айдженеры даже в большей степени, чем их предшественники миллениалы, уверены в том, что очень важно уметь зарабатывать по-настоящему большие деньги, то есть, другими словами, побеждать в экономической гонке. Таким образом, высказанное однажды мнение, что в результате рецессии произойдет перезагрузка, после которой молодежь станет более идеалистичной и менее материалистичной, оказалось ошибочным — все произошло с точностью до наоборот.

В период экономического бума 1960-х беби-бумеры могли рассчитывать на хорошую работу сразу после окончания колледжа, что

освобождало их от размышлений о высоких материях. Айдженеры не настолько уверены в своем будущем. Они знают, что скоро сами будут оплачивать все счета, в том числе ошеломительные образовательные кредиты, поэтому им некогда рассуждать о смысле жизни.

Надо полагать, что другим фактором, влияющим на стремление к богатству, является экранное время. Телевизор и Интернет показывают рекламу и роскошную жизнь знаменитостей, но редко дают пищу для ума.

В Интернете мы распыляемся по мелочам и думаем только о развлечениях. Мы перестали задумываться о подлинном смысле жизни, но зато целиком и полностью погрузились в мир, где куча народа озабочена только количеством лайков под своим постом в Isntagram.

Вивиан, двадцать два года

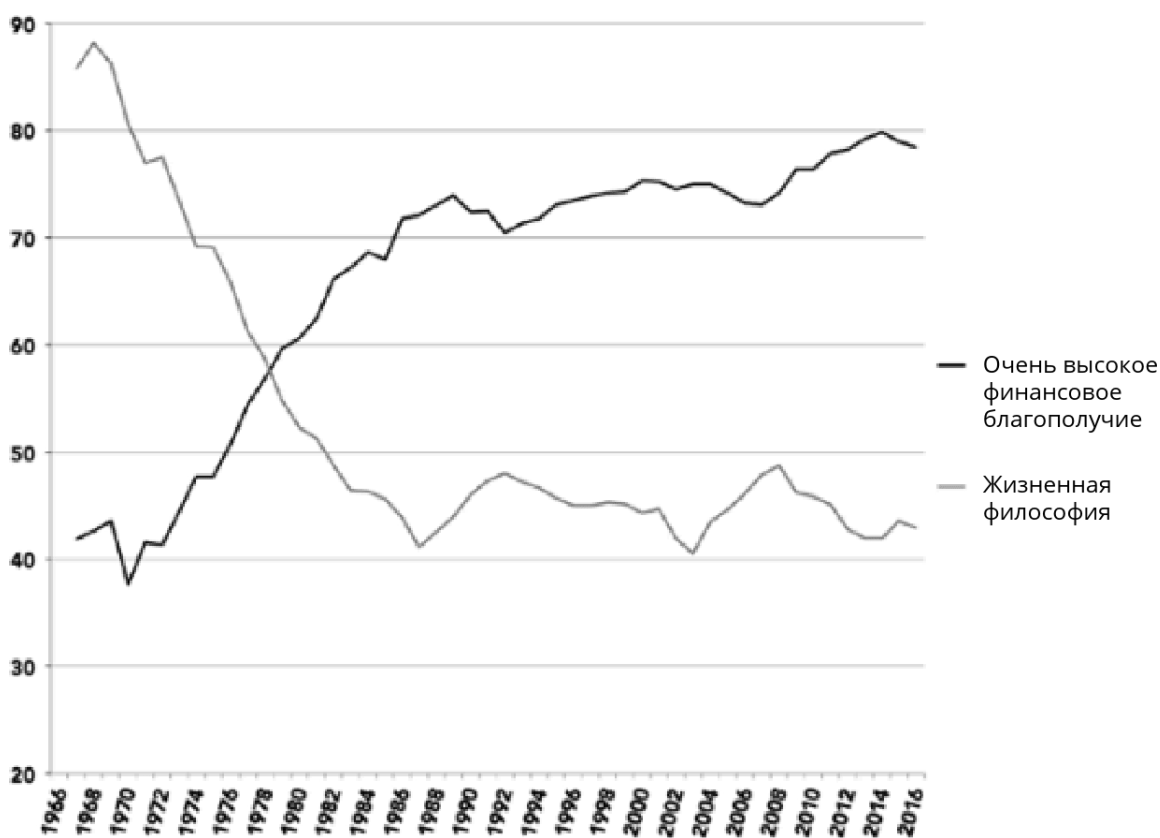

Рис. 6.8. Процент первокурсников, назвавших указанные цели в жизни основными или очень важными (с поправкой на относительную центральность). American Freshman Survey, 1967–2016

Зацикленность на деньгах, славе и имидже характерна для людей с высоким уровнем нарциссизма. Однако, в отличие от миллениалов, айдженеры не отличаются чрезмерной самовлюбленностью; уровень нарциссизма достиг своего пика в 2008 году и с тех пор стабильно снижается. Айдженеры не такие самоуверенные, заносчивые и амбициозные, какими в прошлом были миллениалы, что во многом является для них плюсом. С другой стороны, на смену нарциссизму пришли отстраненность и цинизм — особенно заметно эти черты молодежи проявляются в школе и колледже.

Я здесь только потому, что я должен быть здесь:

Отношение к учебе в школе и колледже

Один ученик дремлет, развалившись на стуле, — он всегда так делает, а не только сегодня. Другой сидит прямо и внимлет каждому слову. Любой учитель предпочтет видеть на уроках второго школьника, а не первого. Интересно, кто же из них типичный айдженер?

К сожалению, таких, как первый — равнодушных ко всему и не знающих кем они хотят стать, — становится все больше. Интерес тинейджеров к учебе начал резко снижаться примерно в 2012 году; соответственно, они все реже говорят, что находят учебу в школе интересным, увлекательным и важным занятием (см. рис. 6.9). Последовательное внедрение современных технологий в образовательный процесс, похоже, избавляло школьников от скуки в 2000-х годах, однако в 2010-х годах мало что может составить конкуренцию смартфонам во время уроков.

Айдженеры сомневаются даже в том, что образование поможет им найти высокооплачиваемую работу, а полученные знания хоть когда-нибудь пригодятся. Все меньше становится двенадцатиклассников, которые верят, что школа поможет им в будущей жизни, а прилежная учеба является залогом хорошей работы (см. рис. 6.10). Хуже того, старшеклассники вообще не видят смысла ходить в школу. Учителя старшей школы, чья работа сама по себе является очень сложной и весьма напряженной, все чаще сталкиваются с учениками, считающими, что школа дает им знания, которые не имеют никакого отношения ни к ним самим, ни к их будущей карьере. Всего за

несколько лет исчезла как внутренняя, так внешняя мотивация ходить в школу.

Школы стараются идти в ногу со временем, однако технологии развиваются настолько стремительно, что угнаться за ними не представляется возможным, и школьники прекрасно об этом знают. Тринадцатилетняя Афина говорит, что в ее средней школе в Хьюстоне, штат Техас, «учителя хотят, чтобы мы, как и 50 лет назад, всему учились по книгам, но времена изменились, и мы учимся иначе. Книги больше не могут дать все необходимые знания, потому что их авторы сами могут ошибаться».

Она описывает несколько случаев, когда в учебнике по истории за седьмой класс и в Интернете по-разному оценивались некоторые события из истории Техаса.

Я спрашиваю:

— Как ты думаешь, чему можно больше доверять — книгам или Интернету?

Рис. 6.9. Внутренние мотивы учебной деятельности учеников 12-х классов. Monitoring the Future, 1976–2015

— Интернету, — без колебаний отвечает она.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что учебникам уже 50 лет, а за это время взгляды сильно изменились. В нашем научном классе все онлайн.

Нам выдают планшеты и говорят, на какие сайты мы можем заходить, после чего мы выходим в Интернет и изучаем все, что есть на разрешенных к просмотру сайтах. Уроки проходят как-то так.

Учебники по математике обновляются ежегодно, но, как говорит Афина: «Мы ими не пользуемся — только планшетами. Учебник нужен на случай, если планшет умрет».

Похоже, не только Афина, но и многие другие айдженеры относятся к школам как к пережитку прошлого, которому нет места в мире стремительно меняющихся технологий.

Подобное отношение к учебе встречается даже в колледжах, студенты которых, казалось бы, должны быть более мотивированными: по сравнению с предыдущими поколениями, айдженеры больше думают о высокооплачиваемой работе, чем о получении фундаментального образования (см. рис. 6.11). Они свято убеждены, что за пределами аудитории их ждет отличная работа только потому, что они ходят на лекции, соответственно, учеба как таковая отходит на второй план.

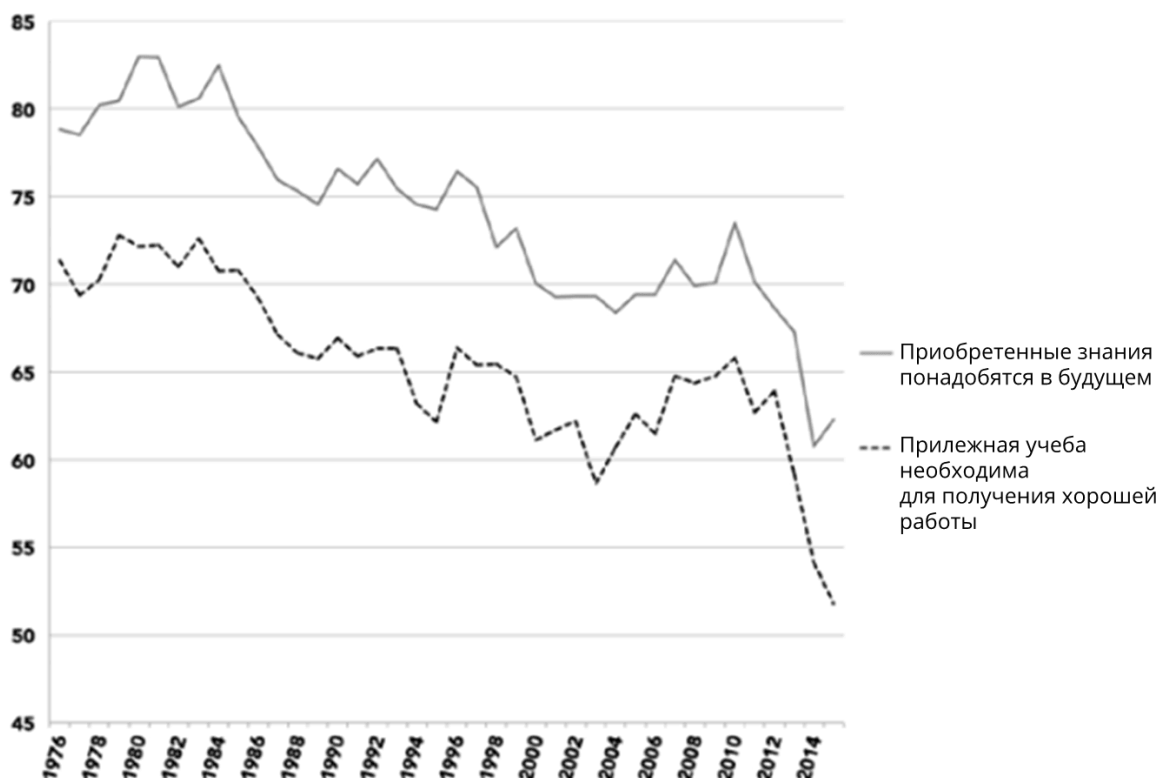

Рис. 6.10. Внешние мотивы учебной деятельности учеников 12-х классов. Monitoring the Future, 1976–2015

В целом айдженеры более практичны, чем их предшественники. Перспектива сделать хорошую карьеру всегда была одной из важнейших причин поступления в колледж, а за последние годы значимость карьеры резко возросла. Все больше появляется айдженеров, которые не получают удовольствия от учебы в школе и относятся к ней пренебрежительно. Учеба в школе и колледже стала средством, а не целью, причем старшеклассники зачастую не уверены, что это средства являются необходимыми.

Подобное отношение породило многие проблемы, которые мы наблюдаем сейчас в студенческих кампусах. Для беби-бумеров, поколения X и даже многих миллениалов из числа преподавателей колледж — это храм науки, в котором студенты по определению знакомятся с новыми, порой чуждыми им идеями. Именно за этим, уверены они, молодые люди в первую очередь идут в колледж. Айдженеры придерживаются иного мнения: они полагают, что колледж — это место, где их научат делать карьеру, которая, само собой, будет развиваться в самых благоприятных условиях. Но дело

даже не в том, что чуждые идеи могут нарушить душевный покой, а, следовательно, лишить безопасности. Они вообще не интересны, поскольку на первом месте стоит задача найти хорошую работу. «Потребительский менталитет» появился у студентов сравнительно недавно — в 1990-х во времена Поколения X, но стоило айдженерам присовокупить к нему свое стремление к безопасности, как он вышел на новый уровень. Поколение X и миллениалы не имели ничего против того, что профессор из поколения беби-бумеров предлагает им обсудить проблему или знакомит с некими новыми идеями. Для айдженов исследование всего нового и чуждого представляет проблему: что если подобные идеи нарушат их «эмоциональную безопасность»?

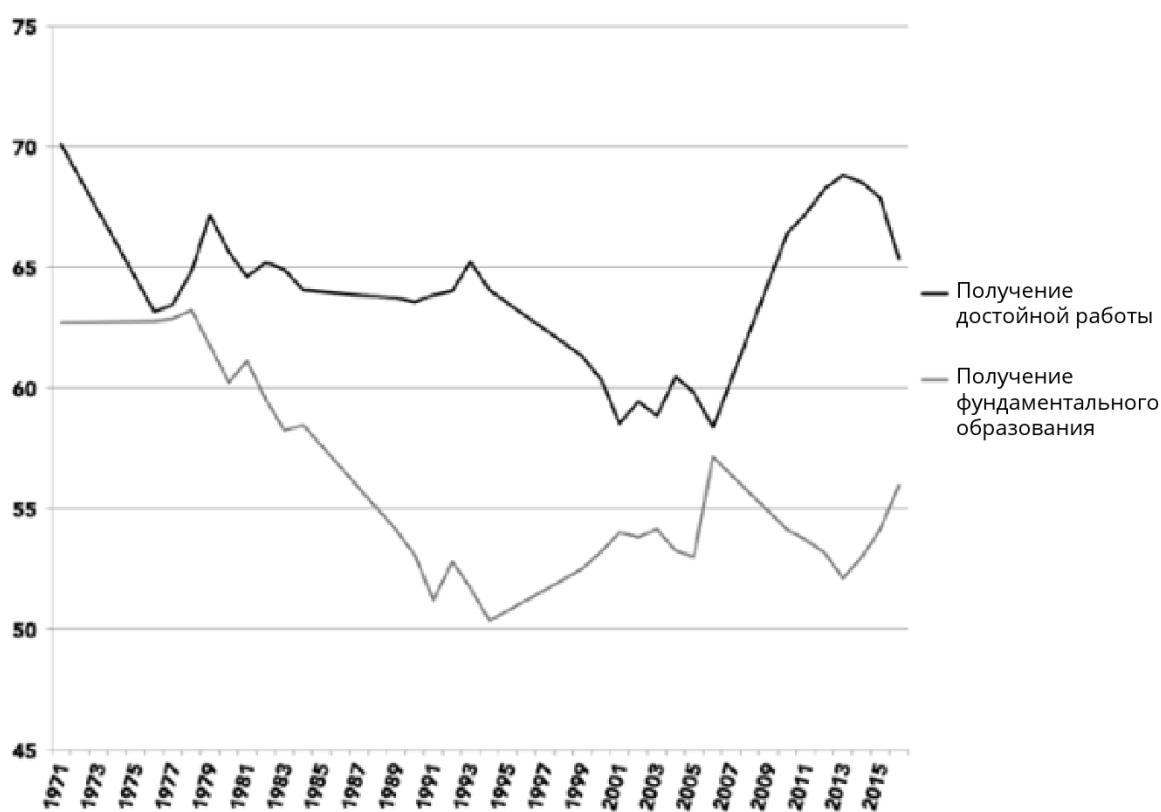

Рис. 6.11. Причины поступления в колледж (с поправкой на относительную центральность). American Freshman Survey, 1971–2016

И какое они имеют отношение к получению хорошей работы? Пропась, разделяющая практичных и стремящихся к максимальной безопасности айдженов и открытых новым идеям беби-бумеров,

объясняет, почему два поколения не могут понять друг друга при возникновении конфликтов в кампусах.

Забота о ближнем и комьюнити

В разгар Великой рецессии в 2009 году журнал Time предположил, что экономический коллапс означает «конец избыточности» и начало «культурной перезагрузки», в результате которой исчезнет обычное для 2000-х годов стремление к излишества, а затем наступит эпоха коммунизма и всеобщей заботы друг о друге.

В то время айдженеры были детьми и подростками, поэтому многие обозреватели связывали с ними надежды на выход из рецессии, полагая, что они вырастут более заботливыми и станут активнее участвовать в жизни комьюнити. Айдженеры — первое полностью «пост-интернетное» поколение, и многие люди надеются, что сила онлайн-сообществ сплотит нас и ускорит прогресс. В конце концов, благодаря им стало значительно проще продвигать социально значимые проекты, а пожертвование можно сделать с помощью СМС. На основании этого некоторые аналитики предположили, что айдженеры будут отличаться повышенной отзывчивостью и желанием помогать нуждающимся в их помощи.

Так оно и есть — по сравнению со своими предшественниками миллениалами, айдженеры чаще говорят, что очень важно «помогать людям, попавшим в трудную ситуацию», а старшеклассники чаще говорят, очень важно «вносить свой вклад в жизнь общества». Все больше старшеклассников-айдженеров говорят, что хотят иметь работу, которая принесет пользу как отдельно взятым людям, так и всему обществу в целом, из чего следует, что указанные ценности они поднимают на уровень 1970-х. Исходя из приведенных данных, мы можем сделать вывод, что айдженеры хотят изменить мир. Они мыслят масштабно и при этом склонны к альтруизму.

В то же время они далеко не всегда спешат воплощать свои мечты в реальности. Поколение I все реже выражает эмпатию к посторонним. Например, все больше айдженеров соглашались или относились нейтрально к таким жестким суждениям, как «Это не мое дело, что у кого-то проблемы или им нужна помощь» или «Возможно, некоторые меньшинства действительно подвергаются дискриминации, но это не

мое дело». Они говорят, что людям надо помогать, но, по крайней мере, в некоторых случаях думают, что это должен сделать кто-то другой (см. рис. 6.12).

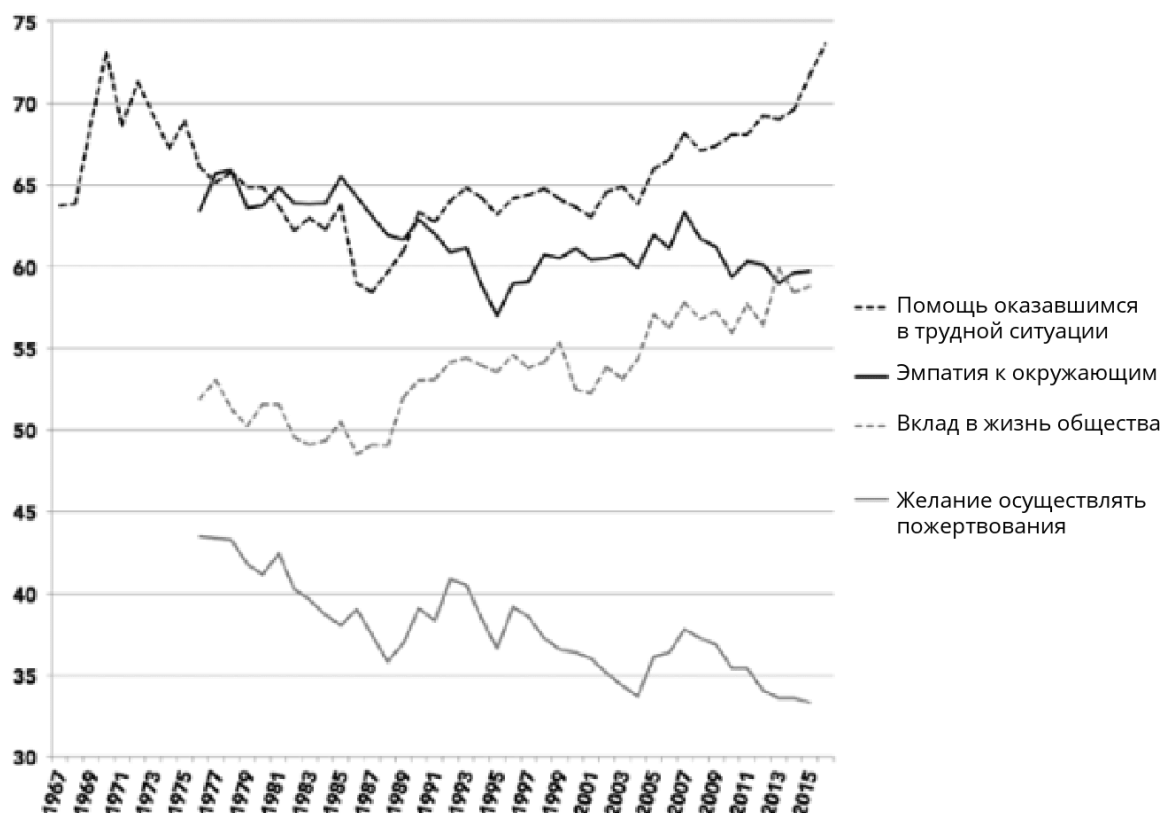

Рис. 6.12. Процент двенадцатиклассников и первокурсников согласных, что важно «помогать людям, оказавшимся в сложной ситуации» и «вносить свой вклад в жизнь общества», а также способных сопереживать и разделять чувства другого человека (оценка эмпатии проводится по 8 критериям) и «готовых вносить пожертвования в различные благотворительные организации» (на выбор предлагается список из 9 организаций). Monitoring the Future (двенадцатиклассники) и American Freshman Survey (первокурсники), 1968–2016

Разрыв между словом и делом еще более заметен в случае с пожертвованиями (см. рис. 6.12). Поддержка благотворительной деятельности немного выросла в период рецессии, однако затем начала снижаться и в 2015 году достигла исторического минимума. (В ходе опроса участникам задавались вопросы о реально сделанных пожертвованиях и готовности жертвовать в пользу девяти видов

благотворительных организаций, включая международные организации, организации, оказывающие помощь пострадавшим от стихийных бедствий, экологические и правозащитные организации, а также медицинские благотворительные фонды).

В целом айдженеры хотят быть полезными и вносить посильный вклад в жизнь общества, но не спешат предпринимать активные действия. Безусловно, они признают важность альтруизма, но больше на словах. Возможно, это связано с тем, что значительную часть своей жизни они проводят онлайн, где много говорят и мало делают.

Люди распространяют в социальных сетях посты с призывами о помощи, но ведь сам пост, по сути, ничем помочь не может.

Крис, двадцать один год

Это явление иногда называют слактивизмом (диванный активизм). С другой стороны, айдженеры достигли совершенства в вирусном распространении информации через социальные сети, что позволяет быстро привлекать внимание к насущным проблемам. Айдженеры достаточно взрослые, чтобы быстро переслать ссылку с важной новостью, но пока они недостаточно зрелы для личного участия в активных действиях. Рано или поздно это, вероятно, произойдет, хотя мы можем предположить, что ситуация уже меняется, поскольку айдженеры сумели объединиться в борьбе за равноправие. Если «марш женщин» 2017 года и антитрамповские выступления являются началом нового движения, значит, айдженеры делают первые шаги от слов к делам.

Чему они учатся в Интернете?

Интернет обладает огромным потенциалом для сбора информации и ведения политической борьбы. Так, в 2011 году на Ближнем Востоке молодежь использовала социальные сети для организации волны массовых протестов и восстаний, названных впоследствии Арабской весной. Многие надеялись, что Интернет повысит гражданскую активность среди американских подростков благодаря легкому доступу к новостям и информации, а также росту эмпатии, обусловленной неограниченной возможностью общаться с людьми по всему миру.

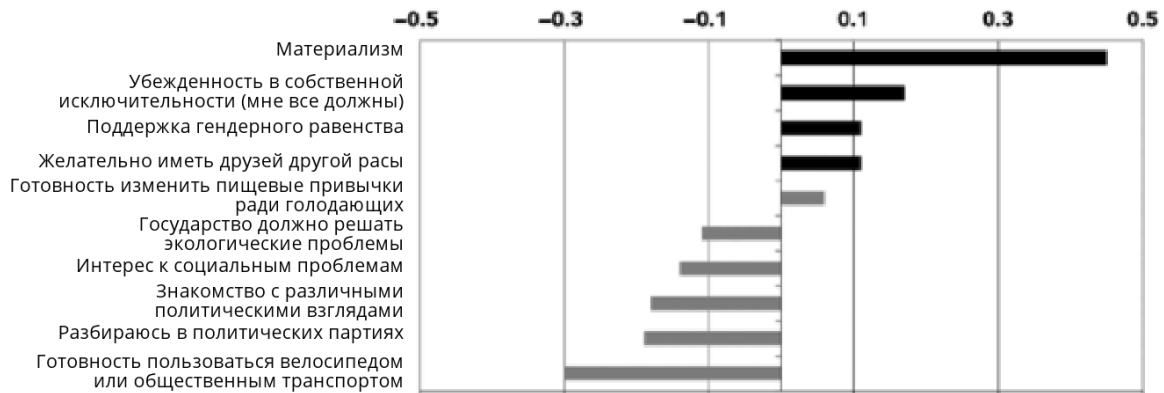

Рис. 6.13 Вероятность формирования индивидуалистических (черные полосы) и коллективистских (серые полосы) взглядов и представлений у двенадцатиклассников, проводящих в социальных сетях более 10 часов в неделю. Monitoring the Future, 2013–2015

Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует выявить и изучить связи между временем, проводимым онлайн, фундаментальными ценностями и поведением. Например, общественную деятельность, нацеленную на оказание помощи окружающим (интерес к социальным проблемам, желание решать экологические проблемы, реальная помощь другим людям), можно сопоставить с индивидуалистическим мировоззрением, сфокусированном на личных правах и наслаждениях (поддержка гендерного равенства; рассуждения о необходимости иметь друзей другой расы; желание разбогатеть, не прилагая никаких к тому усилий; безоговорочный материализм. Нравится кому это или нет, но эти взгляды характерны для индивидуалистического общества).

Результат предсказуем: подростки, проводящие много времени в социальных сетях, чаще придерживаются индивидуалистических взглядов и реже признают важность общественно полезной деятельности. Самые активные пользователи соцсетей на 45 % чаще считают важным иметь дорогие машины, дома и предметы роскоши, и на 14 % реже задумываются о социальных проблемах, влияющих как на весь мир, так и на американское общество (см. рис. 6.13). В целом, чем больше тинейджеры проводят времени в социальных сетях, тем реже они интересуются серьезными социальными проблемами. Хорошая новость заключается в том, что они выступают в защиту расового и гендерного равенства — это одно из основных следствий индивидуализма. В то же время они плохо вовлечены в общественную

жизнь и чаще претендуют на материальные блага, не желая прилагать к тому никаких усилий.

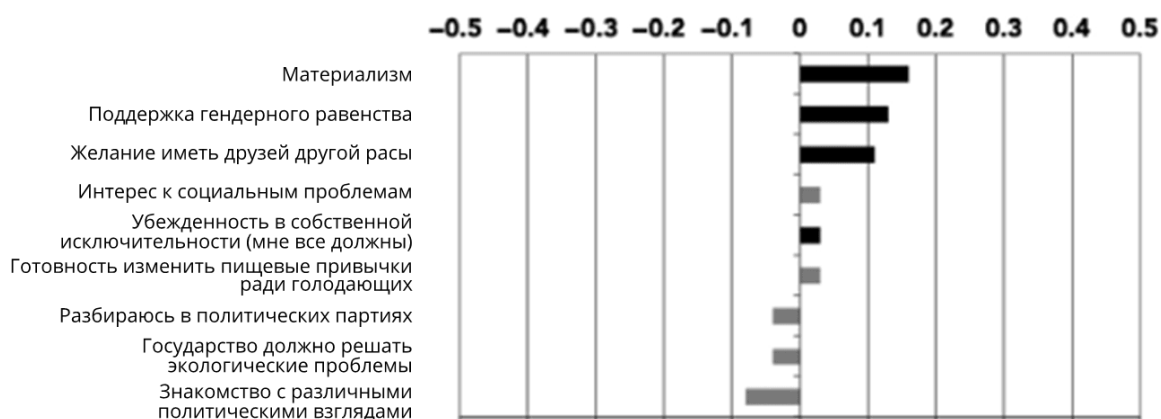

Рис. 6.14. Вероятность формирования индивидуалистических (черные полосы) и коллективистских (серые полосы) взглядов и представлений у двенадцатиклассников, проводящих в свободное от учебы время в Интернете более 20 часов в неделю. Monitoring the Future, 2013–2015

Связь между ценностями и общим временем, проводимым в Интернете, уже не так сильна. Участие в жизни комьюнити, среди тех, кто проводит много времени онлайн, находится на среднем уровне. Они немного больше, чем неактивные пользователи Интернета интересуются социальными проблемами и немного меньше хотят заботиться об окружающей среде и помогать голодающим, кроме того, они реже принадлежат к какой-либо политической партии. Активное пользование Интернетом не так тесно связано с гражданской активностью, как активное пользование социальными сетями, однако интерес к жизни комьюнити Интернет тоже не повышает. Пользование Интернетом, как и пользование социальными сетями, влияет на формирование индивидуалистических взглядов (см. рис. 6.14).

В целом пользование Интернетом не означает активного участия в общественной жизни. Более того, как мы узнаем из десятой главы, имея постоянный доступ к Интернету айдженеры интересуются новостями и текущими событиями *меньше*, чем представители любого другого поколения в прошлом. Разумеется, айдженеры могут посредством Интернета участвовать в общественной жизни или использовать его во благо общества, причем многие из них это делают,

однако самым активным пользователям это не интересно: они предпочитают играть с друзьями в видеоигры, обмениваться «прикольными фотками» в Snapchat или смотреть на YouTube видео с котиками. Ситуация с соцсетями выглядит еще более плачевно: так и не став площадкой для обсуждения вопросов местного самоуправления, они в основном притягивают подростков, совершенно равнодушных к политике, социальным и экологическим проблемам.

Важнейшим следствием погружения в виртуальный мир следует признать возросшую физическую безопасность айдженеров. Они все больше времени тратят на смартфоны и компьютеры и все реже водят машины или встречаются с друзьями лично, в результате чего их физическая безопасность достигла беспрецедентно высокого уровня. Они не склонны к риску, а эмоциональная безопасность для них так же важна, как и физическая. Чем больше айдженеры общаются в Интернете, тем меньшему риску они подвергают свое физическое здоровье и тем большему — здоровью психологическое. Надо полагать, именно этим объясняется огромная популярность безопасных пространств. Находясь в пределах этих пространств, они с высокой вероятностью согласятся, что очень важно помогать другим людям, но предпочтут оказывать помощь другим людям на словах, а не на деле.

Глава 7. Нестабильные доходы: работа ради выживания, а не шопинга

Двадцатилетний Дарнелл усмехается, когда я спрашиваю, придется ли ему искать работу, чтобы погасить образовательные кредиты. «Безусловно», — отвечает он с улыбкой Эдди Мерфи, доброжелательной и одновременно ироничной. Дарнелл получает бизнес-образование в государственном университете, расположенном неподалеку от Атланты. Он вырос в ничем не примечательном городке на границе Джорджии и Флориды, где учился в хорошей частной школе, давшей ему возможность пройти стажировку в банке. Когда я спрашиваю, почему он решил получить именно бизнес-образование и всегда ли он мечтал заниматься бизнесом, Дарнелл отвечает:

Думал, что смогу потом найти работу. Меньше всего я хотел получить какое-то непонятное образование, а потом остаться без работы по специальности. Одно время я хотел стать актером, но там очень высокая конкуренция и нет никаких гарантий, что когда-нибудь получишь хорошую роль, поэтому я отказался от этой идеи.

Дарнелл, двадцать лет

Когда я встречаюсь в ресторане с восемнадцатилетней Хэйли, первым делом она сообщает, что является художницей и актрисой, а затем перечисляет спектакли и мюзиклы, в которых играла в местном театре, когда была школьницей. Кроме того, последние два года она с подругой пишет сценарий видеоигры. Похоже, творческие поиски — ее подлинная страсть. «Ты хочешь сделать карьеру в искусстве или в кино?» — спрашиваю ее я.

Нет, я хотела поступить в школу искусств, чтобы изучать анимацию, но родители сказали типа «Ну-ну. Может выберешь более практичную профессию?» Я согласна с ними. Там очень высокая конкуренция, и если ты не супер-пупер гениальный и у тебя нет какого-то фантастического таланта и связей, то ты ничего не добьешься на этом поприще. Так что я решила стать судебным психологом.

Хэйли, восемнадцать лет

Она до сих пор работает над видеоигрой и рисует, но для нее это хобби, а не будущая профессия.

Девятнадцатилетний второкурсник Ахмед из Цинциннати, штат Огайо, решил стать бухгалтером и может четко обосновать свой выбор.

Это очень стабильная работа. Бухгалтеры почти никогда не попадают под сокращение, потому что они выполняют одну из ключевых функций в компании.

Ахмед, девятнадцать лет

Айдженеры весьма прагматичны, предусмотрительны и осторожны, чем сильно отличаются от миллениалов, исповедующих принципы «ты можешь стать кем захочешь» и «следуй за своей мечтой». HR-менеджеры многие годы ориентировались на миллениалов и не успели составить ясное представление о карьерной мотивации айдженеров. Но время не стоит на месте: айдженеры уже составляют большинство выпускников колледжей, и они очень скоро составят основу кадрового резерва предприятий. Учитывая огромную разницу между миллениалами и айдженерами, можно предположить, что привычные стратегии найма и удержания специалистов скоро перестанут работать. Грядут перемены и в области маркетинга — психологические профили миллениалов и айдженеров заметно отличаются, а, значит, отличаться должны и технологии продаж. Бизнес должен понять — новое поколение уже стоит на пороге и громко стучит в дверь, а его представители могут оказаться совсем не теми, кого вы ожидаете увидеть за дверью.

Лучшее, что есть в работе

В первый день Нового года я приехала в гости к своей подруге, живущей в окрестностях Лос-Анджелеса. Пока ее родители, приехавшие на каникулы проводить внуков, громыхают на кухне кастрюлями и сковородками, мы с подругой и ее детьми — четырнадцатилетним Лео и шестнадцатилетней Джулией — располагаемся в гостиной. Они учатся в частной школе, которая находится достаточно далеко от дома, однако Джулия недавно получила водительские права и теперь самостоятельно ездит с братом на учебу. Лео и Джулия очень спокойные и вдумчивые дети, но в итоге мне удастся их разговорить вопросом о том, что они хотят получить от работы, когда вырастут.

Хочу зарабатывать много денег. Необязательно очень много, но достаточно много. Я бы хотела ее (работу) просто не ненавидеть. Я хочу иметь работу, которая не будет забирать все мое время и будет приносить достаточно денег. Мне не нужна работа с ненормированным рабочим днем как у юристов.

Джулия, шестнадцать лет

Я хотел бы получать удовольствие от работы.

Лео, четырнадцать лет

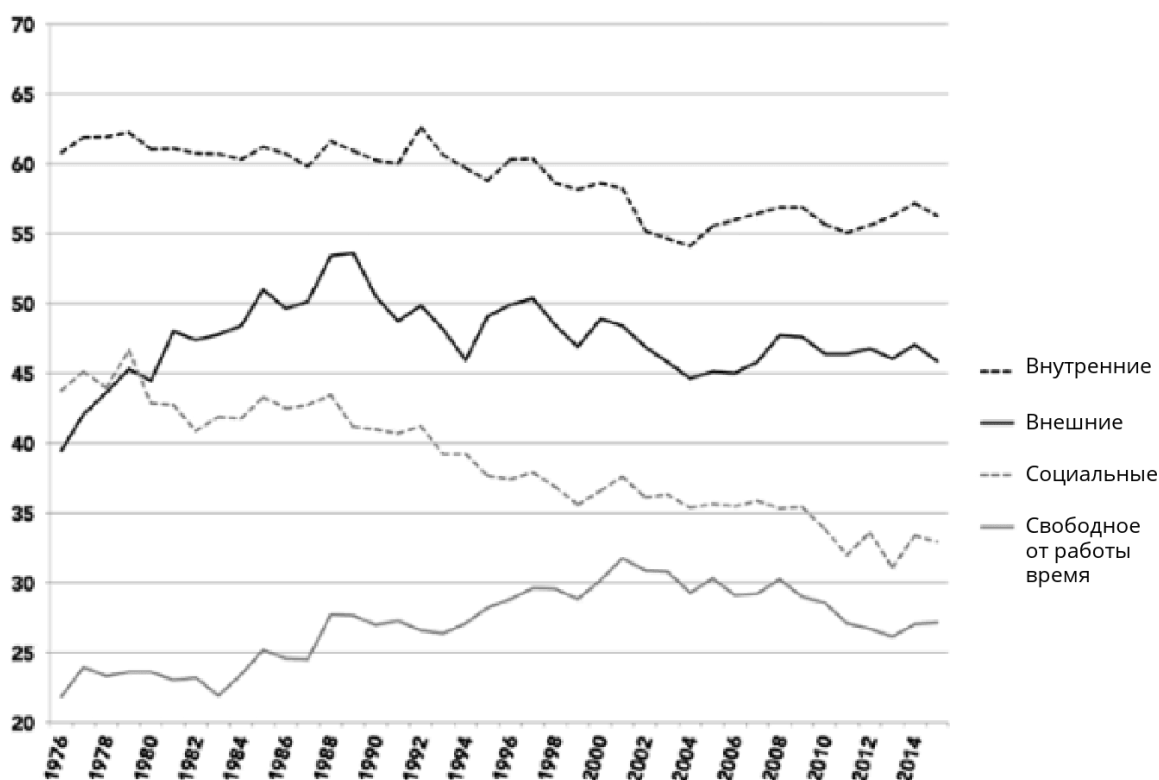

Рис. 7.1. Самые важные, по мнению двенадцатиклассников, атрибуты хорошей работы.

Monitoring the Future, 1976–2015

В итоге на первое место они оба поставили деньги.

Это мнение расходится с общепринятыми представлениями о современных молодых работниках. Считается, что они по определению в первую очередь ищут интересную работу и быстро увольняются, если не получают от нее удовольствие.

Однако данные многолетних исследований рисуют иную, более реалистичную картину. Выбирая работу, айдженеры и даже поздние миллениалы *реже*, чем их сверстники в прошлом, руководствуются при выборе работы такими внутренними мотивами, как возможность узнать что-то новое или увидеть результаты своей работы (см. рис. 7.1). Многие айдженеры, как и Джулия, хотят просто не ненавидеть свою работу.

Еще одной сенсацией стало снижение значимости таких социальных атрибутов труда, как возможность найти новых друзей или общаться по работе с большим количеством интересных людей. Айдженерам это не очень интересно; если они все менее охотно общаются с друзьями лично в свободное от работы время, то с какой

стать сюрпризом для специалистов, которые, пользуясь данными случайных социологических исследований, полагают, что социальные аспекты трудовой деятельности крайне важны для айдженеров и миллениалов. Надо понимать, что социальная активность молодых работников скорее обусловлена их возрастом, нежели особенностями их поколения: они не женаты, не имеют детей, а значит, имеют достаточно много свободного времени на досуг и активную светскую жизнь. Однако, по сравнению с представителями других поколений одного с ними возраста, айдженеры *менее* склонны заводить дружбу с коллегами.

В целом все то, что было важным для беби-бумеров и миллениалов — интересная работа и друзья, — для айдженеров не представляет особого интереса. Они хотят просто работать.

Нам всем следует поменьше мечтать об интересной и креативной работе, потому что она вообще никогда не приносит деньги. Из-за этих фантазий многие мои сверстники имеют долги по кредитам под 100 тысяч долларов и работают в Старбаксе.

Джордан, двадцать три года

Прагматичность айдженеров также проявляется в их приверженности к концепции «work-life balance» (соблюдение баланса между работой и личной жизнью), согласно которой работа не должна лишать человека свободного времени и, соответственно, личной жизни. Изучая с коллегами в 2006 году этот вопрос, мы пришли к выводу, что отношение к свободному времени следует признать едва ли не важнейшим отличием одного поколения от другого: продолжительный отпуск, спокойная рабочая атмосфера, минимальный контроль со стороны руководства и достаточное количество свободного от работы времени для миллениалов значили гораздо больше, чем для беби-бумеров. Айдженеры отодвинули подобные требования к работе на второй план, тем самым вернув представления о надлежащем балансе между работой и личной жизнью на уровень начала 1990-х. Они выросли во времена Великой рецессии и, вероятно, поэтому более реалистично относятся к работе и своим должностным обязанностям.

Айдженеры, судя по всему, разворачивают вспять один из самых невероятных трендов последнего времени — нежелание ставить работу на первое место. Миллениалы, в отличие от беби-бумеров, не искали смысл жизни в работе, предпочитая фокусироваться на личной жизни. Айдженеры изменили ситуацию — они относятся к работе так же серьезно, как представители поколения X в 1990-х, но не настолько трепетно, как беби-бумеры в 1970-х (см. рис. 7.2). Несогласие с суждением «работа — это всего лишь способ заработать на жизнь» демонстрирует схожий тренд, хотя в данном случае уместнее говорить о том, что айдженеры остановили ниспадающий тренд, но не изменили ситуацию в целом.

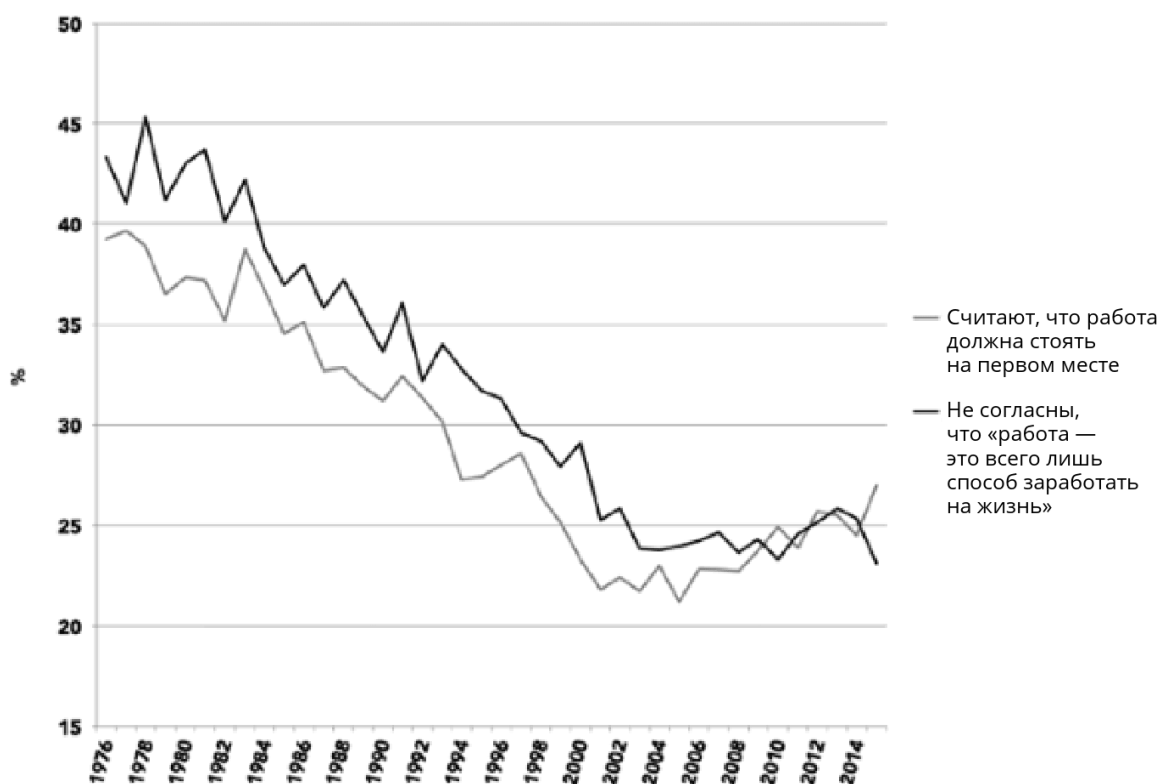

Рис. 7.2. Значимость работы по мнению двенадцатиклассников. Monitoring the Future, 1976–2015

Как обстоят дела с трудовой этикой? Менеджеры из поколения беби-бумеров часто жалуются на миллениалов, которые, по их мнению, недостаточно сфокусированы на работе. Надо полагать, руководители во все времена были недовольны молодыми работниками. В конце концов, едва ли не каждый руководитель хочет,

чтобы его подчиненные были более сфокусированы на работе, и практически каждый взрослый преувеличивает достоинства своего поколения. В 2016 году в журнале *Forbes* появилась статья, в которой была высказана очень смелая мысль о том, что смена поколений никак не сказалась на трудовой этике. В подтверждение своих слов автор сослался на несколько малозначительных исследований, в одном из которых не учитывался возраст представителей разных поколений, в другом поколения не сравнивались вовсе, а в третьем студентам задавался вопрос о том, сколько часов в неделю, по их мнению, они будут работать, а не о том, сколько часов они хотят работать. На основании этих исследований невозможно всерьез рассуждать о поколенческих изменениях в трудовой этике.

На самом деле, существуют неопровержимые доказательства того, что трудовая этика претерпела значительные изменения в результате смены поколений, и это, в свою очередь, подтверждает обоснованность претензии руководителей к своим подчиненным. Айдженеры относятся к своей работе иначе, чем беби-бумеры и представители поколения X — они реже соглашаются работать сверхурочно, реже хотят работать, если имеют достаточно много денег, и чаще готовы отказаться от хорошей работы из-за «нежелания тяжело работать» (см. рис. 7.3). Учтите, все это слова самих айдженов, а не домыслы сторонних наблюдателей. В 2000-х годах примерно 40 % двенадцатиклассников-миллениалов говорили, что не хотят много и тяжело работать (среди двенадцатиклассников из поколения беби-бумеров таких было только 25 %) и менее 50 % сказали, что готовы работать сверхурочно.

Однако для руководителей есть и хорошие новости: айдженов только-только начинают приступать к трудовой деятельности, но уже трезво смотрят на жизнь и ответственно относятся к своим обязанностям. В 2015 году 55 % двенадцатиклассников сказали, что согласны работать сверхурочно, тогда как в 2004 году таких было 44 %. Все меньше становится и тех, кто прекратит работать, если будет иметь достаточно денег. В то же время айдженов заявляют о своем нежелании тяжело работать и тем самым продолжают развивать тренд, заданный миллениалами. Похоже айдженов уже поняли, что, скорее всего, им придется работать не только сверхурочно, но и с полной

самоотдачей. Они как бы говорят — в наши дни очень сложно преуспеть.

Подобные взгляды, по всей видимости, обусловлены непомерной нагрузкой в колледжах. Когда я спросила своих студентов из Государственного университета Сан-Диего, чем отличается их жизнь от жизни родителей, большинство упомянули необходимость получения высшего образования. Многие из их родителей были иммигрантами, которые, несмотря на тяжелую низкооплачиваемую работу, могли содержать семью и даже покупать дома. Сейчас, говорят мои студенты, они должны иметь высшее образование, чтобы обеспечить себе такой же уровень жизни, какой их родители имели с одним лишь средним образованием, а то и вовсе без него.

Рис. 7.3. Отношение двенадцатиклассников к труду, Monitoring the Future, 1976–2015

Мое поколение испытывает жесточайший стресс из-за необходимости поступать в колледж. Закончив школу, мы вынуждены сначала идти в колледж, затем заканчивать магистратуру и только потом искать работу своей мечты. Поколение моего отца было другим. Он родился в 1970-х, и, несмотря на отсутствие высшего образования, у него есть хорошо оплачиваемая работа.

Для моего поколения это нереально. Нет никаких гарантий, что ты вообще получишь работу после колледжа! Но зато мы точно знаем, что будем по уши в долгах, когда закончим учиться.

Жасмин, двадцать один год

Судя по словам Жасмин, она уверена, что ей все должны (Что значит, нет никаких гарантий? Кто их должен давать?), однако в уточнениях слышны нотки отчаяния; она понимает, что, даже приложив в два раза больше усилий, она в лучшем случае добьется в два раза меньшего результата. Вообще у меня сложилось стойкое впечатление, что мои студенты искренне завидуют своим родителям, которым не пришлось влезать в долги и четыре года (а то и больше) корпеть над учебниками, чтобы получить хорошую работу.

Надо признать, что для зависти у них есть основание: за период с 1990 по 2013 год заработная плата обычного американца со средним образованием снизилась на 13 %, из чего следует, что отныне причислять себя к среднему классу может только человек с высшим образованием. В то же время учеба в колледже сильно подорожала; из-за сокращения государственных расходов на образование и многих других факторов стоимость обучения взлетела до небес, что вынуждает многих студентов брать непосильные кредиты. В 2016 году среднестатистический выпускник колледжа имел долг 37 173 долларов, в 2005 году — 22 575 долларов, а в 1993 году всего 9727 долларов. Айдженеры попали в замкнутый круг: чтобы двигаться вперед и зарабатывать в будущем хорошие деньги, они должны закончить колледж, но для этого им сначала надо взять неподъемный кредит. Не удивительно, что они впадают в отчаяние и просто ищут работу — любую работу, которая поможет погасить долги по кредитам.

Место работы

Некоторые эксперты высказывали мнение, что у работодателей могут возникнуть сложности с наймом айдженеров и молодых миллениалов на работу, поскольку они все якобы хотят работать только на себя. Авторы доклада рекламного агентства Sparks&Honey пришли к выводу, что «предпринимательство заложено в ДНК [айдженеров]», поскольку в ходе исследования они выяснили, что многие старшеклассники (в отличие от студентов) мечтают когда-нибудь

открыть свое дело. Но подобные устремления можно объяснить возрастом; старшеклассники, в отличие от студентов (надо ли напоминать, что некоторые известные предприниматели бросали учебу в колледже, не видя в ней никакого толка), всегда переоценивали свои предпринимательские таланты и имели слишком радужные представления о бизнесе. Тем не менее многие эксперты считают, что среди миллениалов возрождается дух предпринимательства.

Рис 7.4. Процент двенадцатиклассников, считающих указанные виды трудовой деятельности наиболее предпочтительными для себя, Monitoring the Future, 1976–2015

Миллениалы осознают, что, открыв свое дело и даже полностью прогорев, они за два года научатся большему, чем за двадцать лет протирания штанов в офисе. Понимая, что шансы создать новый Facebook невысоки, они абсолютно уверены, что запустить с нуля крутой стартап им вполне по силам.

Профессор менеджмента Фред Таффил журналу Forbes

Мнение профессора основано на исследовании Университета Бентли, согласно которому 67 % молодых людей хотят открыть собственный бизнес. Но обратите внимание на следующий момент — в этом опросе приняли участие представители только одного поколения, а, значит, социологи не проводили сравнительный анализ. Вполне вероятно, что беби-бумеры и представители поколения X в молодости так же сильно, а может еще сильнее хотели стать предпринимателями.

На самом деле, айдженеры продолжают следовать тренду, заданному миллениалами, и мечтают о собственном деле реже, чем беби-бумеры и представители поколения X во времена своей юности (см. рис. 7.4). Фактически айдженеры относятся к бизнесу с такой же опаской, как к вождению автомобилей, алкоголю и свиданиям.

Первокурсники также следуют этому тренду: в 2016 году только 37 % сказали, что очень важно «добиться успеха в собственном бизнесе», тогда как в 1984 году этого мнения придерживались 50 % первокурсников (с поправкой на относительную центральность). Таким образом, по сравнению со студентами из поколения X айдженеры с меньшей вероятностью рискнуть заняться предпринимательской деятельностью.

Эти убеждения прямо влияют на поведение людей. Аналитики газеты Wall Street Journal проанализировали данные Федеральной резервной системы и выяснили, что в 2013 году только 3,6 % домохозяйств, возглавляемых людьми в возрасте до 30 лет, владели долями в частных компаниях, а в 1989 году таких домохозяйств было 10,6 %. Все разговоры об интересе нового поколения к бизнесу оказались пустым звуком.

Чем вызван спад предпринимательской активности молодежи? Открытие бизнеса по определению связано с риском, а как нам известно из шестой главы, любой риск неприемлем для поколения I.

Стабильная работа означает безопасность, стабильный доход, возможность покупать все что пожелаешь. Мы все видели, сколько компаний разорилось за последние десять лет, я не хочу оказаться на улице. Никто не хочет.

Кейла, двадцать два года

Таким образом, Кейла, которая через неделю заканчивает курсы медсестер, считает, что бизнес не имеет ничего общего со стабильностью.

Работа в крупных корпорациях кажется айдженерам все менее привлекательной, но зато они чаще, чем миллениалы, интересуются более стабильными, как им кажется, видами деятельности, в частности службой в армии (возможно на это повлияло завершение войны в Ираке и Афганистане). Также они проявляют большой интерес к службе в полиции. Несмотря на высокий риск для жизни и здоровья, эта работа приносит стабильный доход и редко попадает под сокращение. В целом айдженеры более нейтрально, чем беби-бумеры, относятся к очень многим профессиям: традиционно популярные специальности они ценят меньше, а менее престижные — больше. Более того, похоже, им вообще все равно, где работать; они хотят просто... работать.

Работа — дело (не) молодых

«Каждый раз, когда я вижу эти цифры, они сводят меня с ума», — сказал в 2016 году экономист Чикагского университета Эрик Херст. Говоря про цифры, он имел в виду процент безработных двадцатилетних мужчин без высшего образования, не имевших работы в течение всего прошедшего года: примерно каждый четвертый, по данным Бюро трудовой статистики. В прошлом столетии двадцатилетние мужчины были самой трудоустроенной демографической группой и составляли около 85 % от всей рабочей силы страны. Все это в прошлом.

Мне стало интересно, затронул ли это тренд вообще всех мужчин независимо от их образования или нет. Да, затронул: в 2010-х годах уровень занятости среди мужчин в возрасте 20–24 лет достиг исторического минимума; в 2016 году каждый четвертый из них был безработным. Этот спад нельзя объяснить увеличением числа абитуриентов, поскольку оно остается сравнительно стабильным, а вот безработных молодых мужчин становится все больше. (Херст также пришел к выводу, что изменение контингента учащихся в школе никак не влияет на снижение занятости.) Нельзя объяснить спад и одной только Великой рецессией; безработица среди молодых мужчин начала

расти до рецессии (примерно в 2000 году), причем уровень занятости в 2007 году (79 %) был на несколько процентных пунктов выше, чем в 2016 году (73 %). В эти годы уровень безработицы был одинаково низким, однако не стоит забывать, что к числу безработных не относят тех, кто даже не пытается искать работу.

Сложнее анализировать изменение общего (независимо от пола) уровня занятости по годам, потому что в прошлом многие молодые женщины сидели дома с детьми, что в наши дни происходит значительно реже. Вероятно поэтому уровень занятости среди мужчин и женщин (объединенный) стабильно рос в период с 1960-х до 2000 года. Примерно в 2000 году тренд изменился (см. рис. 7.5). В течение 15 лет — вплоть до 2016 года — число работающих молодых людей и девушек неуклонно снижалось. Невероятно, но кривые на графике располагаются в строгой последовательности: хуже всего дела обстоят у самых юных тинейджеров, за ними идут более взрослые подростки и молодежь в возрасте от 20 до 24 лет включительно. С другой стороны, в 2016 году уровень занятости среди американцев в возрасте старше 25 лет был почти таким же, как и до кризиса: разница составила всего несколько процентных пунктов. Указанный график удивительным образом напоминает приведенный в первой главе график потребления алкоголя: безработица стабильно снижается по мере взросления молодежи. Отныне работа, как и выпивка, удел тех, кому больше 20 или даже 25 лет.

Рис. 7.5. Процент трудоустроенных американцев (по возрастным группам). Current Population Survey, Bureau of Labor Statistics, 1948–2016

Это, как и большинство других сугубо мужских трендов, вряд ли можно объяснить заметно увеличившимся в 1980–1990-х, а затем стабилизировавшимся в середине 2000-х числом студентов. Большое число студентов также не может объяснить рекордное снижение занятости среди подростков 16–17 лет.

Что же делают тинейджеры, вместо того чтобы работать или учиться в школе? Херст дает простой ответ, который справедлив как минимум для юношей: они играют в видеоигры. Сейчас подростки имеют на четыре часа больше свободного времени в неделю, чем в начале 2000-х, и три из этих четырех часов они тратят на видеоигры. 25 % подростков играют в видеоигры более трех часов в день, а 10 % — не менее шести часов в день.

Эти безработные низкоквалифицированные молодые люди ведут праздный образ жизни, который моему сыну сейчас кажется идеальным: никакой работы, никакой учебы и много видеоигр.

Эрик Херст, экономист Чикагского университета

Как нам известно из второй главы, молодые люди тратят на видеоигры все больше и больше времени — в среднем около 11 часов в неделю, по данным за 2015 год.

Интересно, молодые люди много играют потому, что у них нет работы, или у них нет работы потому, что они много играют? Херст считает наиболее вероятным последний вариант — действительно, зачем работать, если у тебя есть дом и куча видеоигр?

Благодаря технологическим инновациям досуг стал более увлекательным... Низковалифицированные работники с низкими зарплатами все чаще предпочитают в наши дни бездельничать.

Эрик Херст, экономист Чикагского университета

Двадцатилетний студент Дарнелл говорит, что во время прошлогодних летних каникул он много времени потратил на видеоигры.

— Это очень не нравилось отцу. Но у меня ведь нет других каникул, поэтому я собирался оттянуться по полной программе.

— Однако твой отец хотел, чтобы ты устроился на работу? — спрашиваю я.

— О, да! Возвращаясь домой с работы, он каждый вечер задавал мне один и тот же вопрос: «Нашел работу?», а я обычно отвечал: «Можешь выйти и не мешать, пожалуйста?»

В итоге отец Дарнелла потребовал, чтобы он ежедневно отправлял как минимум одно резюме. К тому моменту, когда он наконец нашел свободную вакансию в одной из торговых сетей, лето уже подошло к концу, и поэтому Дарнелл не проработал ни одного дня до возвращения в колледж. Там, по его словам, он будет воздерживаться от видеоигр, потому что если начнет играть, то забросит учебу.

Я справлюсь?

Некоторые айдженеры уверены, что в рамках существующей несправедливой системы их труд никто и никогда не оценит, и поэтому они не торопятся искать работу. Эмбер пишет о проблемах своего поколения, едва не задыхаясь от возмущения.

Чтобы добиться успеха в жизни, мы должны поступить в колледж, но учеба в колледже стоит нереальных денег, поэтому мы вынуждены либо брать кредит, либо работать полный рабочий день, чтобы оплатить колледж; если мы возьмем кредит, то гарантированно получим нервный стресс и усложним свою жизнь в будущем, поэтому мы пытаемся искать работу, но на высокооплачиваемую работу практически невозможно устроиться, если у тебя нет опыта или образования, поэтому мы застреваем на самых низкооплачиваемых должностях и работаем неполный рабочий день, потому что работодатели не хотят выплачивать все положенные бонусы, и в результате мы вынуждены брать кредиты.

Эмбер, двадцать лет

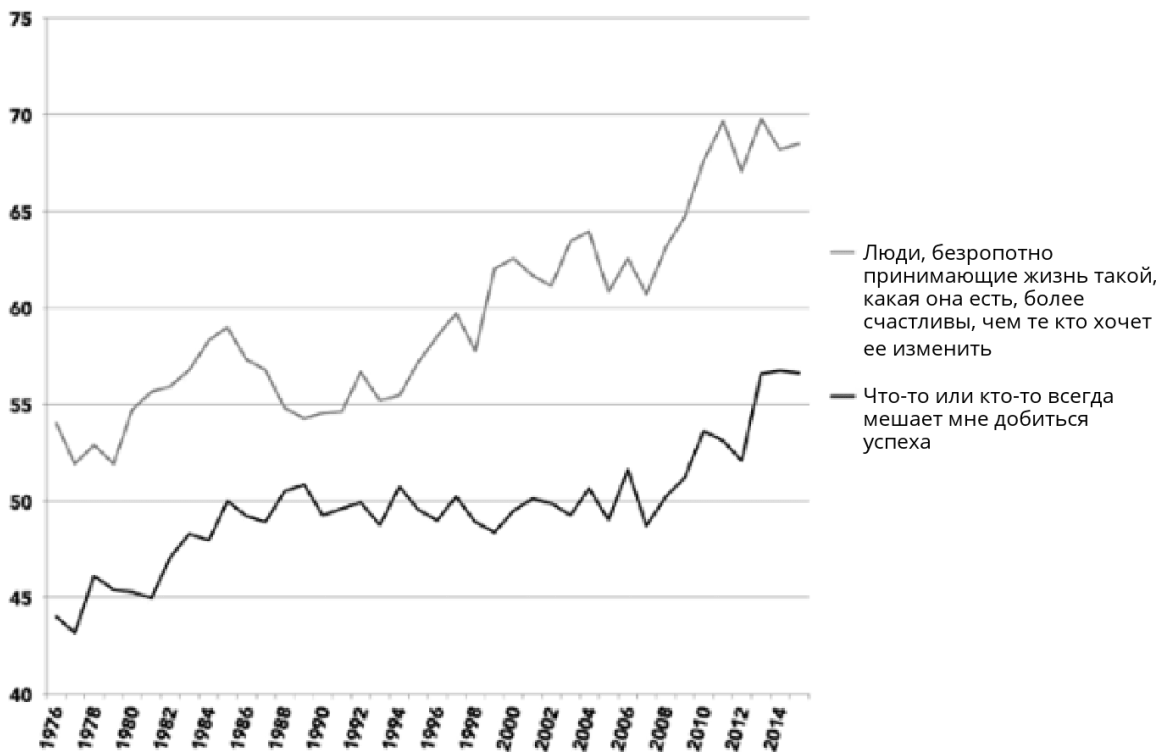

Рис. 7.6. Убеждения двенадцатиклассников, характерные для людей с внешним локусом контроля

Мысль о том, что, несмотря на все усилия, они никогда не добьются успеха, деморализует не только Эмбер, но и многих других айдженеров. Для описания подобных взглядов психологи используют понятие *внешний локус контроля*. Человек с внутренним локусом контроля убежден, что он полностью контролирует собственную

жизнь, а человек с внешним локусом контроля полагает, его жизнь зависит от внешних факторов. Экстернальность — доминирование внешнего локуса над внутренним, является отличительной чертой поколения I (см. рис. 7.6). Люди все чаще говорят, что жизнь надо принимать такой, какая она есть, и все чаще винят в своих неудачах кого угодно, но только не себя.

Таким образом, число тинейджеров, убежденных в том, что добиться успеха в жизни невозможно в принципе, постоянно растет. Вероятно, это объясняется неравенством доходов или является отголоском Великой рецессии: айдженеры видели, как отчаянно их родители и старшие братья или сестры искали хорошую работу в самый разгар экономического кризиса, и поэтому не горят желанием повторить их опыт. Также этот тренд может быть связан с негативным психическим состоянием молодежи: как нам известно из четвертой главы, тинейджеры все чаще жалуются на повышенную тревожность и подавленное настроение, которые тесно связаны с пораженческими настроениями, характерными для людей с внешним локусом контроля.

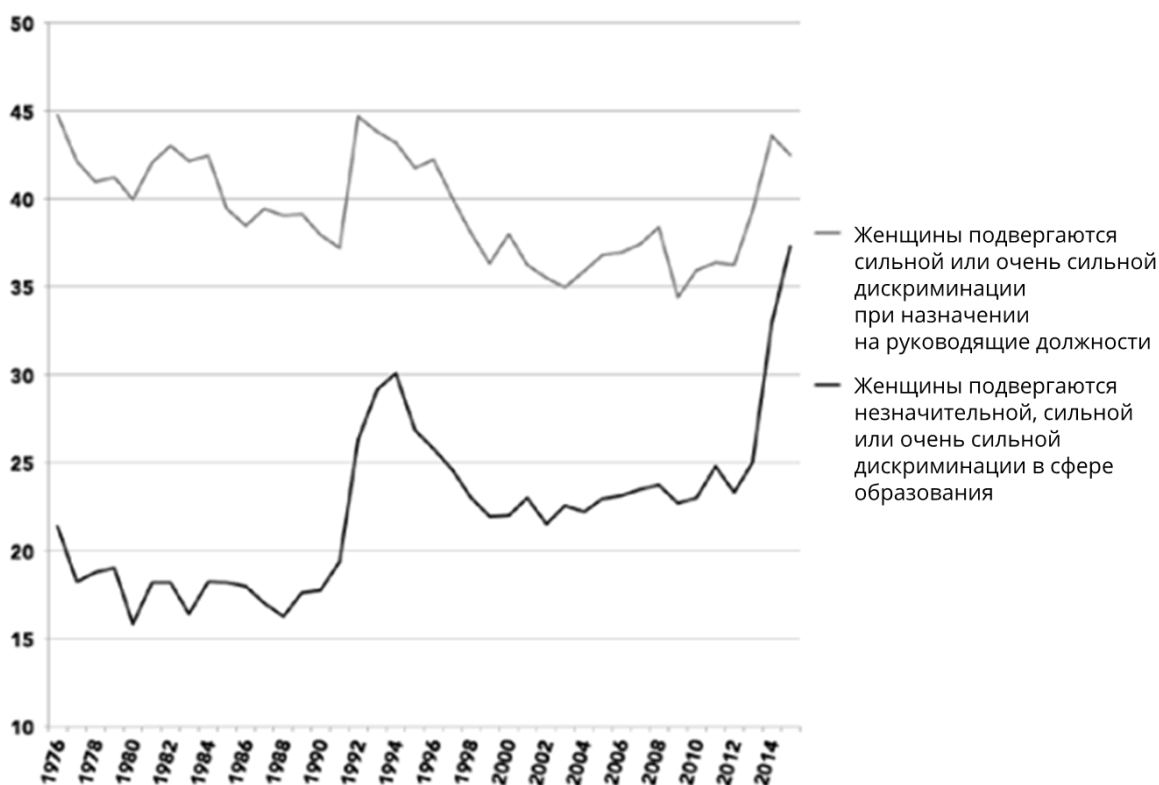

Рис. 7.7. Представления двенадцатиклассников о гендерной дискриминации. Женщины подвергаются сильной или очень сильной дискриминации при назначении на руководящие

должности. Женщины подвергаются незначительной, сильной или очень сильной дискриминации в сфере образования. Monitoring the Future, 1976–2015

По сравнению с другими поколениями, айдженеры видят намного больше препятствий на пути к успеху. Очень многие уверены, что отсутствие способностей и связей с нужными людьми мешает им найти хорошую работу. Кроме того, как мы уже говорили выше, многие опасаются, что, получив работу своей мечты, они будут вынуждены очень много работать.

Айдженеры видят еще одну серьезную помеху на пути к успеху: сексизм. Они значительно чаще, чем миллениалы, считают, что женщины подвергаются дискриминации на работе. Но даже этот тренд не может сравниться с растущим убеждением, что женщины подвергаются дискриминации при поступлении в колледж и дальнейшей учебе: айдженеры придерживаются этого мнения в два раза чаще, чем представители поколения X в 1980-х (см. рис. 7.7).

Предыдущий пик антисексистских настроений пришелся на середину 1990-х, когда тема гендерного неравенства вышла на передний план благодаря сразу нескольким громким судебным процессам, в частности тогда широко обсуждались язвительные сексистские нападки на Марсию Кларк, которая выступала обвинителем в деле О. Джей Симпсона. Растущая обеспокоенность гендерным неравенством означает, что сексизм никуда не делся, и подростки прекрасно это знают, во многом благодаря СМИ, внимательно следившим за расследованием случаев сексуального насилия в кампусах, а также вышедшей в 2013 году книге Шерил Сандберг «Lean In»^[21]. В тоже время представления айдженеров о дискриминации женщин в сфере образования вызывают недоумение, поскольку 57 % выпускников колледжей — это девушки. Что касается «назначения на руководящие должности», то здесь пока рано говорить о существенном прогрессе, причем хуже всего дела обстоят в медицине, бизнесе и политике. Например, согласно недавнему исследованию, женщины-врачи получают в среднем на 20 000 долларов в год меньше, чем их коллеги мужчины (иногда это в шутку называют эффектом «Dr. Paid Less» — эффект «Доктор Низкая Зарплата»). Айдженеры подобные перекосы прекрасно видят и считают их проявлением гендерной дискриминации.

Ожидания: пузырь все-таки лопнул?

Миллениалы — поколение завышенных ожиданий, с детства привыкшее слышать мантру «ты можешь стать кем захочешь». Приходя на собеседование, они никогда не сомневались в своих способностях и были уверены, что давно все знают и умеют; когда их спрашивали, кем они себя видят через пять лет, миллениалы, не задумываясь, отвечали: «Директором этой компании» (по крайней мере, так отвечали многие — анекдоты не появляются на пустом месте). Объективные данные говорят, что их ожидания не оправдались. Миллениалы не сомневались, что однажды они получат четырехлетнее высшее образование, а затем станут магистрами и кандидатами наук, однако на деле число выпускников и обладателей ученых степеней росло очень медленно. Айдженеры умилили свои аппетиты и стали более реалистичными: они мечтают стать бакалаврами и магистрами или получить профессиональную степень (professional degree)^[22] не меньше, чем миллениалы, однако добиваются поставленной цели несравненно чаще. Ожидания айдженеров по-прежнему высоки, но более адекватны.

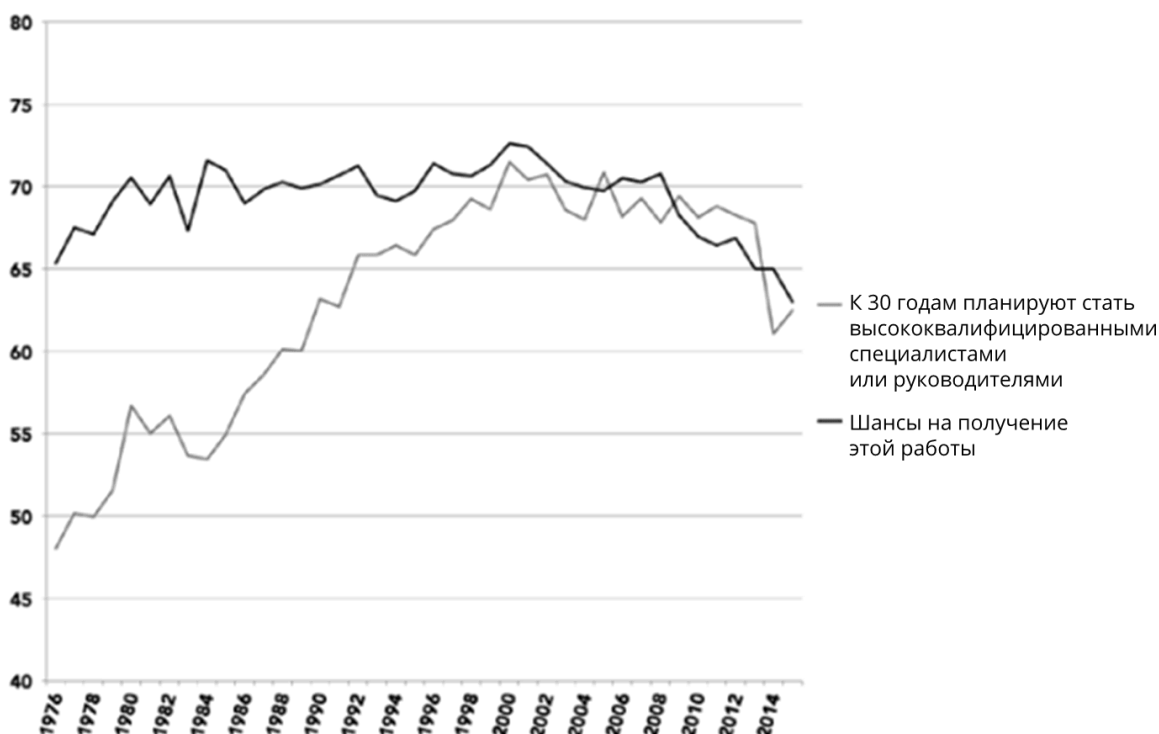

Рис. 7.8. Ожидания школьников относительно будущей работы. Monitoring the Future, 1976–2015

Картина становится еще более ясной, когда речь заходит о том, кем хотят работать айдженеры. Но сперва стоит поговорить о трендах и представлениях миллениалов: число двенадцатиклассников, мечтающих стать к 30 годам высококвалифицированными специалистами или руководителями, стремительно росло, начиная с 1970-х (эпоха беби-бумеров) и вплоть до 2000-х (эпоха миллениалов), несмотря на то, что в процентном отношении число людей, получивших соответствующую работу, оставалось практически неизменным. Также школьникам задавался вопрос, как высоко они оценивают свои шансы на получение этой работы. Очевидно, что получить руководящую должность или найти престижную квалифицированную работу намного сложнее, чем неквалифицированную, следовательно, миллениалы-двенадцатиклассники не должны были бы переоценивать свои шансы на получение хорошей работы. Тем не менее они демонстрировали еще большую самоуверенность, чем беби-бумеры. Ну что ж, самоуверенность всегда была коньком миллениалов.

Затем пришло время поколения I. С того момента как двенадцатиклассники-айдженеры впервые приняли участие в опросах в 2011 году, число желающих стать высококвалифицированными специалистами сразу стало плавно снижаться, а затем в 2014 году и вовсе пошло резко вниз (см. рис. 7.8). Поколение I не стало подхватывать многолетний тренд, а развернуло его в обратную сторону — в сторону реальности.

Кроме того, школьники все больше сомневаются, что когда-нибудь получат работу, о которой мечтают сейчас, причем в 2014 году уверенность в получении желаемой работы достигла уровня 1970-х, а в 2015 году снизилась еще ниже. В целом ожидания айдженеров относительно будущей работы стали более скромными, чем у миллениалов одного с ними возраста, а уверенность в ее получении заметно снизилась.

Подобная смена настроений может пойти на руку бизнесу, заинтересованному в найме молодых перспективных работников. Айдженеры отличаются большей целеустремленностью, чем их непосредственные предшественники-миллениалы: несмотря на

постоянно растущую конкуренцию, они очень хотят преуспеть, однако для этого им не хватает непоколебимой самоуверенности миллениалов. Айдженеры не уверены в своей успешности и поэтому охотнее, чем миллениалы, будут соглашаться на работу со средним уровнем дохода. Также следует отметить, что к работе они относятся более ответственно. Большинство айдженеров в ближайшие несколько лет выйдут на рынок труда и первое время будут нуждаться в моральной поддержке и поощрении больше, чем миллениалы, поскольку им недостает уверенности в своих силах и в своем будущем. Работодатели, которые позаботятся об айдженерах и смогут обеспечить им стабильность и безопасность, получат самых преданных и трудолюбивых сотрудников за последние несколько десятков лет. Айдженеры всего боятся и хотят найти стабильность, обеспечив себе безопасность в мире, полном опасностей.

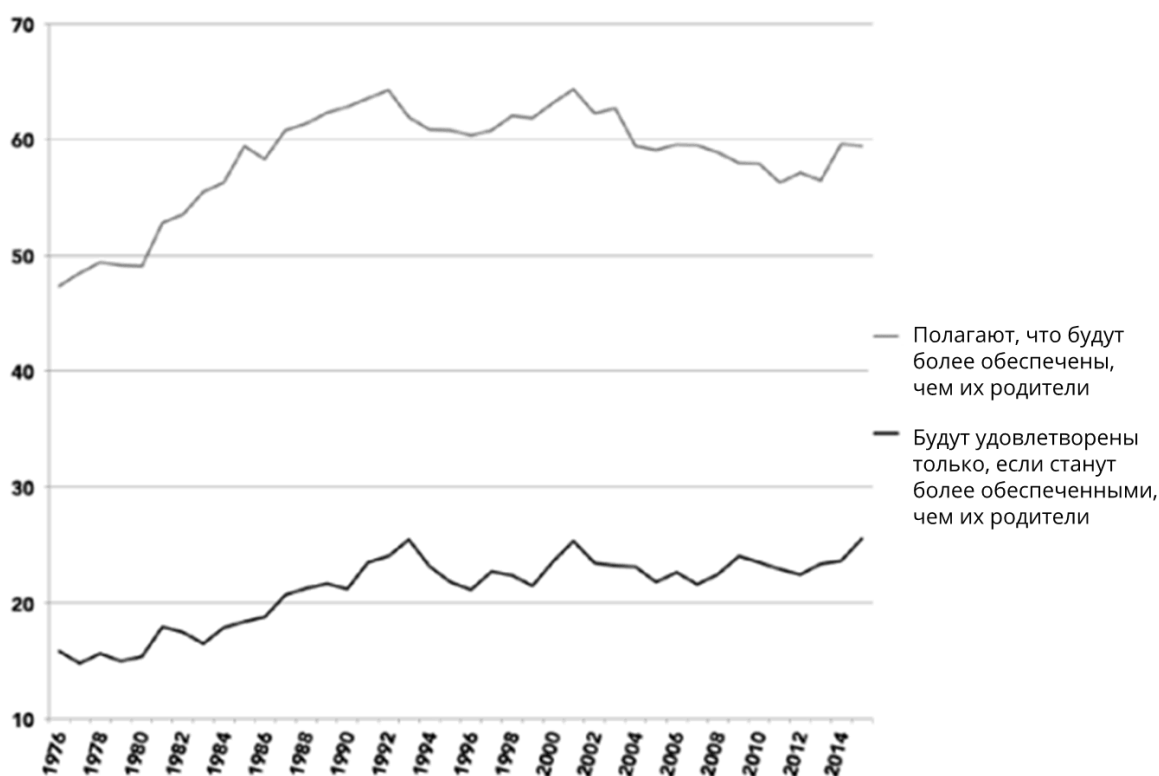

Рис. 7.9. Материальные ожидания двенадцатиклассников. Monitoring the Future, 1976–

Чего хотят айдженеры: поколение I глазами маркетологов

В конце 2010-х айдженеры стали теми, кем были миллениалы в 2000-х годах: целевой аудиторией, которую все мечтают охватить, но никто не может толком понять. Учитывая, что молодежь составляет 25 % населения, покупательская способность поколения I достигнет к 2020 году 3,2 трлн долларов. Время айдженеров стремительно приближается, и они с нетерпением ждут уникальных предложений от производителей.

Несмотря на всю неуверенность в себе и своем будущем, айдженеры по-прежнему уверены, что обязательно достигнут высокого уровня жизни (см. рис. 7.9).

В 2015 году 60 % двенадцатиклассников выразили надежду на то, что будут зарабатывать больше своих родителей. По этому показателю айдженеры незначительно отстают от миллениалов (64 %), но зато на 28 % опережают более пессимистично настроенных беби-бумеров. Так или иначе, но айдженеры думают, что у них все получится. Должно получиться: финансовый успех крайне важен для айдженеров, хотя они прекрасно понимают, что работать им придется в условиях экономики, основанной на неравном распределении доходов (напомню, что в 2016 году 82 % первокурсников сказали, что «очень высокое финансовое благополучие» крайне важно для них — рекордный показатель за все время проведения опросов с 1967 года). Каждый четвертый заявляет, что будет удовлетворен только в том случае, если будет зарабатывать больше своих родителей — в этом они похожи на миллениалов и представителей поколения X, а вот беби-бумеров, опрошенных в 1976 году, опережают по этому показателю на 50 %.

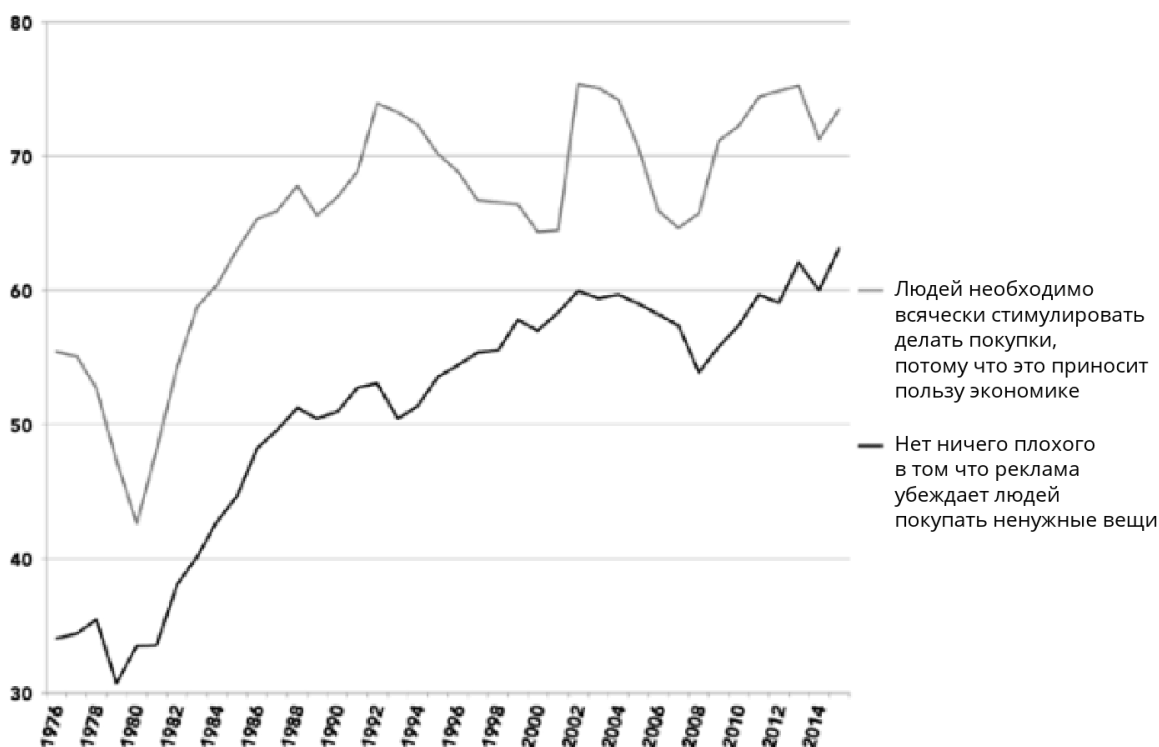

Рис. 7.10. Материалистические взгляды двенадцатиклассников. Monitoring the Future, 1976–2015

Это хорошая новость для рекламодателей и маркетологов: вопреки расхожему мнению, поколение I любит владеть вещами. Другой вопрос — как их продать им? Принято считать, что миллениалы и айдженеры невосприимчивы к рекламе и что современные молодые люди являются носителями постматериалистических ценностей. Как мы уже знаем, это совсем не так — айдженеры очень сильно хотят разбогатеть и меньше, чем представители любого другого поколения, озабочены поиском смысла жизни. Кроме того, они вполне восприимчивы к рекламе и воспринимают ее как должное. Во всяком случае все больше айдженеров соглашались с суждением «Нет ничего плохого в том, что реклама убеждает людей покупать ненужные вещи». Айдженеры позитивно относятся к капитализму; во всяком случае, они гораздо чаще, чем беби-бумеры, соглашались с суждением «Людей необходимо всячески стимулировать делать покупки, потому что это приносит пользу экономике» (см. рис. 7.10).

Так что же хотят покупать айдженеры? Последние несколько лет маркетологи ломают голову, пытаясь понять, почему миллениалы так

неохотно покупают дорогостоящие товары, в частности автомобили. Также миллениалы не спешат покидать родительский дом, что негативно влияет на рынок жилья.

Судя по всему, это не сознательный выбор, а временное явление: будучи двенадцатиклассниками, миллениалы мечтали о собственном доме. Айдженеры продолжили этот тренд: на самом деле они хотят жить в собственном доме как ни одно другое поколение (см. рис. 7.11). Надо полагать, что инвестиции в недвижимость снова станут привлекательными, как только айдженеры повзрослеют и начнут покупать дома. Если это произойдет, то следом вырастут продажи бытовой техники, мебели и товаров для дома. Таким образом, если молодые американцы найдут себя и крепко встанут на ноги, то они более чем охотно начнут скупать жилую недвижимость и сопутствующие товары.

Также принято считать, что миллениалы и айдженеры не хотят покупать автомобили. В ходе исследования (см. рис. 7.11) респондентам задавался вопрос, считают ли они нужным покупать новый автомобиль каждые два-три года — не самая удачная формулировка, поскольку автомобили становятся все более надежными. И тем не менее, айдженеры хотят иметь новый автомобиль даже чаще, чем беби-бумеры в конце 1970-х. Проведенный в 2016 году опрос полностью опроверг мнение, что айдженеры отказываются от автомобилей: 92 % подростков в возрасте от 12 до 17 лет заявили, что планируют приобрести машину. Даже этот однократный опрос, в котором приняли участие представители только одного поколения, ясно показал, что отказ от автомобилей не входит в планы среднестатистического айдженера. Причины, по которым айдженеры предпочитают иметь свой автомобиль, а не пользоваться такси или каршерингом, в полной мере отражают особенности их психологического портрета: управлять своим автомобилем «более безопасно» и «удобно», сказали бы они. Автопроизводители могут вздохнуть с облегчением: несмотря на все слухи, айдженеры не планируют полагаться исключительно на Uber. Они слишком индивидуалистичны и слишком и озабочены собственной безопасностью, чтобы навсегда отказаться от владения собственным автомобилем.

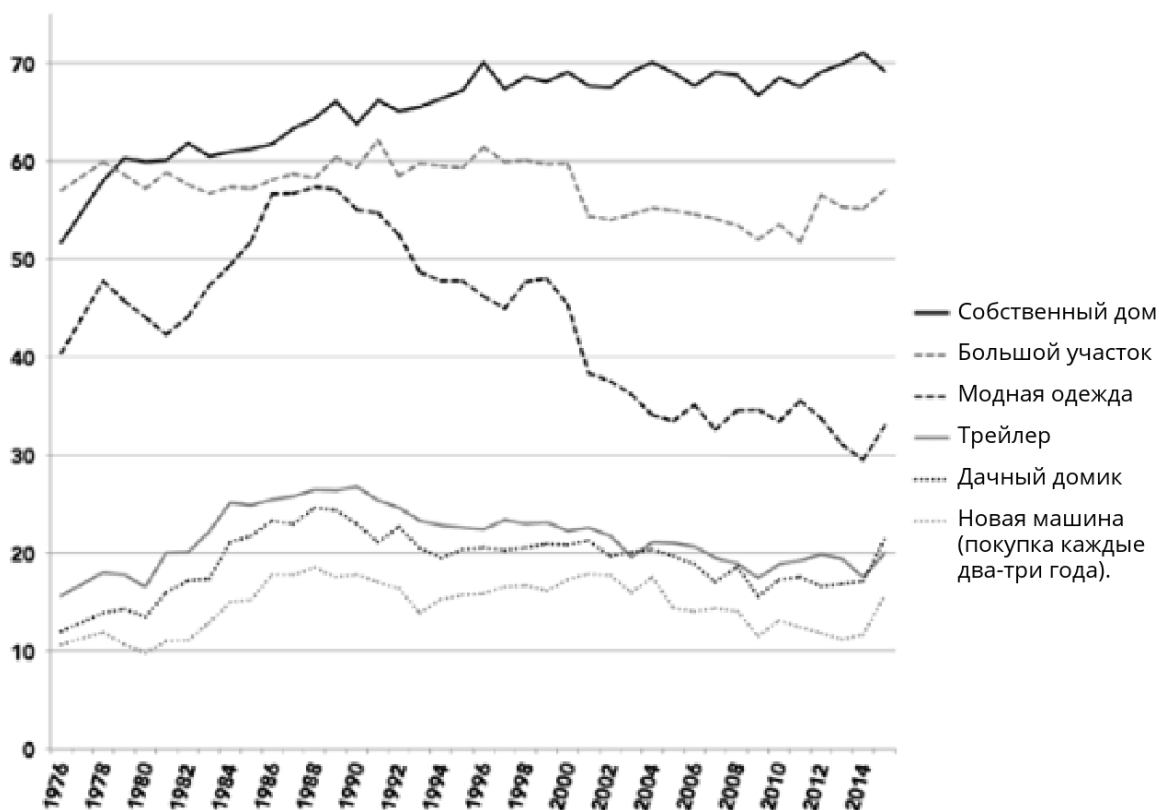

Рис. 7.11. Шесть видов материальных ценностей, которые, по мнению двенадцатиклассников, являются важными или очень важными. Monitoring the Future, 1976–2015

Больше всего изменилось отношение к одежде: айдженеры стали намного меньше интересоваться «модной одеждой» и «последними веяниями моды». Все это прямое следствие индивидуализма: мода становится все более индивидуальной и уже не так настойчиво и бескомпромиссно диктует свои правила, как прежде. В 1980-е, когда я сама была подростком, новые модели джинсов появлялись каждый сезон — они были высокими и низкими, темными и светлыми (вареными, рваными, выцветшими, любыми...). Надев в те времена «неправильные» джинсы, вы рисковали заслужить репутацию не оригинала, а придурка. Сейчас все изменилось: некоторые модели джинсов до сих не сочетаются с определенными стилями одежды, но правила становятся все более гибкими. В 2016 году в журнале Harper's Bazaar вышла статья под названием «12 самых крутых джинсовых трендов». В 1980-х мог быть только один тренд, но никак не двенадцать. Айдженеры не хотят слепо следовать моде.

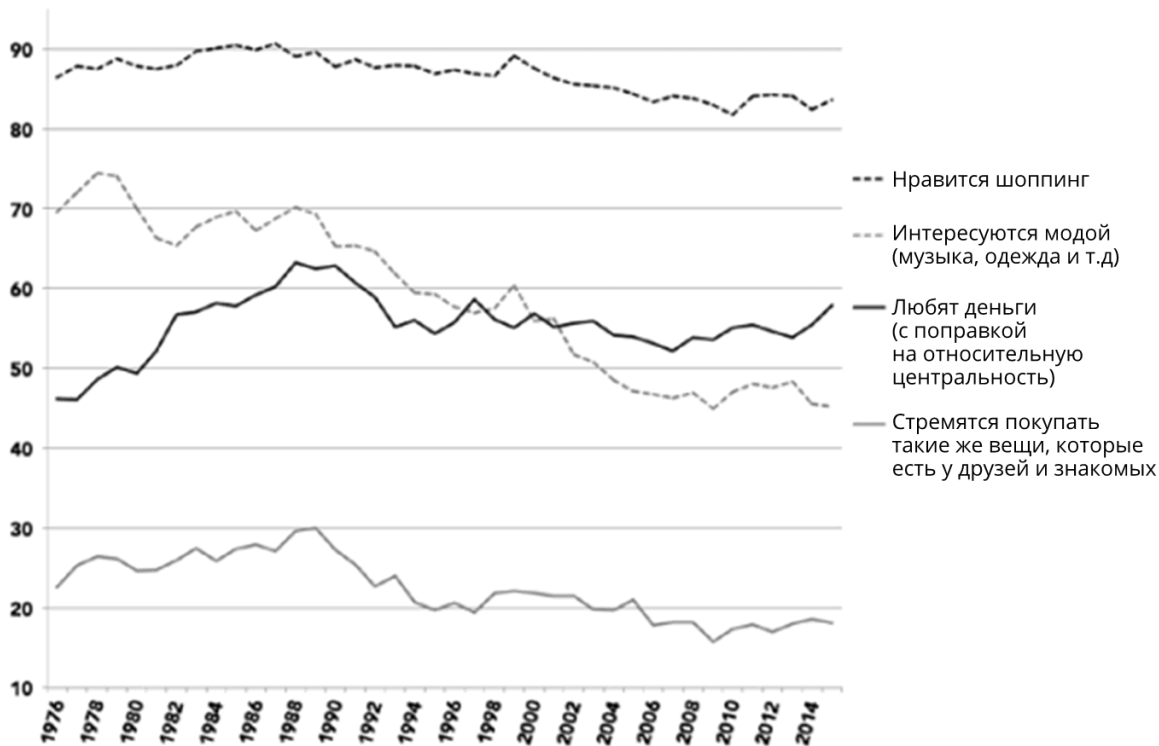

Рис. 7.12. Отношение двенадцатиклассников к шоппингу, моде, деньгам и феномену «угнаться за Джонсонами»

Двадцатичетырехлетняя британская писательница Рейчел Доув называет поколение I «Зевающим поколением». Она отметила, что айдженеры соблюдают осторожность даже при выборе одежды.

Молодые хипстеры предпочитают «нормкор» (англ. normcore) — унисексовый модный тренд, для которого характерен выбор неброской функциональной одежды...

На подиумах в сезоне осень — зима доминируют теннисные туфли от Chanel, невзрачная, но комфортная вязанная одежда от Stella McCartney и водолазки а-ля Стив Джобс от Lanvin.

Рейчел Доув

Слишком броская или экстравагантная одежда неприемлема в эпоху айдженеров.

Несмотря на всю любовь к материальным ценностям, айдженерам никогда не придет в голову самоутверждаться или пускать с помощью одежды пыль в глаза. Айдженеры все реже считают нужным покупать вещи только потому, что они есть у друзей или соседей (феномен под

названием «угнаться за Джонсонами» им непонятен). Также айдженеры все реже интересуются модными новинками или трендами (см. рис. 7.12). Несмотря на то что деньги для них по-прежнему важны, в целом айдженеры не желают во всем следовать за толпой.

Эту особенность современной молодежи подтверждает и опрос 2016 года. Айдженеры чаще, чем миллениалы (в ходе опроса последние поделились своими юношескими воспоминаниями), говорят, что такие понятия, как стиль, бренд или популярность, для них пустой звук. Они слишком практичны и не желают поддаваться стадному чувству. Айдженеры просто хотят иметь машину точно так же, как просто хотят иметь работу.

Айдженеры — материалисты и нон-конформисты, которым деньги нужны для того, чтобы сохранять свою индивидуальность, а не подстраиваться под чужое мнение.

Мы ценим свою индивидуальность и поэтому предпочитаем покупать вещи, которых ни у кого еще нет.

Ребекка, двадцать три года

Я люблю шоппинг, но никогда не куплю вещь только потому, что она уже у всех есть.

Эшли, шестнадцать лет

У маркетологов не будет проблем с продажами, если они просто перестанут говорить, что их модный и незаменимый товар подходит абсолютно всем. Айдженеры хотят покупать практичные, удобные и предназначенные только для них вещи.

Думаю, мы ищем то, без чего невозможно обойтись в повседневной жизни. Мы не хотим за кем-то угнаться или быть как все. Нам нужны вещи, которые просто работают.

София, двадцать один год

Впрочем, у бизнеса есть еще одна проблема: айдженеры не любят ходить по магазинам так же сильно, как их сверстники в прошлом. Большинство тинейджеров по-прежнему с удовольствием занимаются шопингом, однако они слишком нетерпеливы, чтобы тратить много времени на него. Айдженеры не представляют себе жизнь без Amazon и давно привыкли, что в Интернете любой результат достигается почти

мгновенно. Поэтому, совершая покупки в онлайн-магазинах, они стремятся поскорее покончить с формальностями и побыстрее получить оплаченный товар. Некоторые айдженеры говорят, что их больше интересуют развлечения и путешествия, а не повседневные вещи.

Деньги [нам] нужны, чтобы оплачивать что-то действительно важное, например жилье, еду, образование и медицинские услуги. Еще их можно тратить на путешествия, тусовки с друзьями и интересные рестораны. Заначку лучше потратить на повышение качества жизни, чем на покупку бессмысленных вещей, захламляющих дом.

Дэниэл, двадцать три года

Опрос, проведенный в 2016 году компанией «Waggle Dance Marketing Research», выявил еще несколько любопытных особенностей между миллениалами и айдженерами. Так, миллениалы (от 25 до 34 лет) чаще, чем представители любого другого поколения, включая айдженеров (от 18 до 24 лет), соглашались с суждением «Иногда я занимаюсь шопингом просто для удовольствия». Как правило, результаты подобных однократных опросов говорят об особенностях возрастных групп, а не поколений, однако в данном случае мы можем обоснованно предположить, что подростки любят заниматься шопингом больше, чем взрослые, а значит, опрос выявил именно поколенческую, а не возрастную особенность. Также миллениалы чаще, чем айдженеры, соглашались с суждением «Я больше доверяю сердцу, а не разуму» — подобные взгляды также скорее присущи подросткам и молодежи до 24 лет, нежели взрослым людям. И наконец, миллениалы чаще соглашались с суждениями «Если я думаю, что обладание какой-либо вещью произведет впечатление на окружающих, то я с высокой вероятностью ее куплю» и «Я без ума от некоторых современных звезд». Желание произвести впечатление и помешательство на знаменитостях тоже характерны для подростков, однако айдженерам все это не так интересно, как повзрослевшим миллениалам. В целом айдженеры больше внимания уделяют практичным вещам, меньше интересуются знаменитостями и чаще прислушиваются к голосу разума, нежели их непосредственные

предшественники — миллениалы. Таким образом, привычные маркетинговые приемы и месседжи совсем скоро перестанут работать.

Когда рекламодатели доберутся до поколения I, мы, вероятно, станем свидетелями возвращения старой доброй рекламы, в которой большое внимание уделялось фактам. Но даже если рекламодатели основной упор будут делать на эмоции и визуальный ряд, реклама неизбежно будет апеллировать к такой важной для айдженеров теме, как безопасность. Кроме того, рекламодателям следует избегать любого намека на конформизм и подробно рассказывать потребителю о том, что предлагаемый товар практичен, удобен, безопасен и нужен именно ему, а не вообще всем покупателям. Следует также учесть, что айдженеры и впредь будут более равнодушны к знаменитостям и славе, нежели миллениалы.

Практичность айдженеров поможет им комфортно чувствовать себя как на рынке труда, так и на порой непредсказуемом потребительском рынке, а реалистичный взгляд на карьеру и ответственное отношение к работе поможет легко найти общий язык с руководством, привыкшем общаться с более требовательными и капризными миллениалами. В то же время материальные ожидания айдженеров от работы находятся на довольно высоком уровне, причем интересуют их не та мелочовка, с которой обычно ассоциируется шопинг, а дорогостоящие вещи — дома, высокотехнологичные товары и путешествия. Айдженеры лучше миллениалов знают, что для достижения успеха в условиях современной экономики им придется много работать и держать свои желания в узде. Как никто другой, они понимают, что от этого зависит их будущее.

Глава 8. Неопределенность: секс, брак и дети

Двадцать-двадцать пять лет — лучшие годы нашей жизни. В этом возрасте мы можем отрываться по полной, делать все, что захотим, не задумываясь о последствиях и быть абсолютными эгоистами... Честно говоря, длительные отношения иногда мешают получать удовольствие от жизни

Ли Тавероф в Today`s Lifestyle

Эта статья называлась «8 причин, по которым отношения не работают, когда тебе 20 лет».

Совсем недавно сама идея, что романтических отношений следует избегать до 30 лет, показалась бы очень многим людям безумной и даже абсурдной. Еще в 1990-х большинство молодых женщин выходили замуж в 20 с небольшим лет, причем многие из них начинали встречаться с будущими мужьями еще в подростковом возрасте. С появлением айдженеров представления о взрослых отношениях и семье могут измениться раз и навсегда.

Восемнадцатилетняя Хэйли, с которой мы познакомились в пятой главе, уже полгода встречается с молодым человеком, хотя прежде избегала романтических отношений.

Я очень рада, что у меня никогда [прежде] не было отношений. Думаю, благодаря этому я сформировалась как личность и стала независимой. Я старалась избегать эмоциональной зависимости от других людей. Я знаю много людей, которые начали рано, очень рано ходить на свидания и в итоге сильно привязывались к своему парню или девушке; теперь они настолько привыкли к этому, что не могут подолгу оставаться одинокими.

Они никак не могут научиться жить в гармонии с собой, потому что постоянно заняты поиском отношений.

Думаю, в этом есть что-то нездоровое. В общем, я считаю, что отношения в слишком юном возрасте небезопасны и вредны для здоровья.

Хэйли, восемнадцать лет

Медленное взросление, чрезмерная забота о собственной безопасности и индивидуализм айдженеров подразумевают

осторожность и в интимной сфере жизни. Как нам известно из первой главы, старшеклассники-айдженеры реже, чем их предшественники, ходят на свидания и занимаются сексом. Некоторые идут еще дальше и считают, что этим рановато заниматься даже в колледже.

Думаю, очень неразумно заводить отношения во время учебы в колледже, потому что сейчас мы должны развиваться, зарабатывать деньги, учиться [и] проводить время с друзьями. Мне кажется, отношения в этом возрасте доставляют много ненужных переживаний, которые буквально душат вас и мешают полностью реализовать свой потенциал. Я знаю кучу талантливых людей одного со мной возраста, которые отказались от достижения поставленных целей только из-за отношений. Вы можете достигнуть гораздо большего, просто отказавшись от серьезных отношений. Нет отношений — нет проблем.

Харрисон, двадцать один год

Учитывая быстрое развитие «хукап-культуры» — в XXI веке слово хукап стало синонимом случайной связи без обязательств, — надо сказать, что «отсутствие отношений» вовсе не означает «отсутствие секса». Насколько глубоко проникла хукап-культура в нашу жизнь и что на самом деле из себя представляет сексуальная жизнь поколения I?

Секс в жизни поколения Tinder

В 2015 году журнал Vanity Fair в одной из своих статей объявил, что Tinder и другие приложения для знакомств устроили «свиданиям настоящий апокалипсис». Быстрый поиск случайных сексуальных партнеров и нежелание вступать в серьезные отношения стали нормой для современных молодых людей, утверждается в статье.

Невозможно всю дорогу двигаться по одной полосе... Всегда можно найти более интересный вариант.

Неизвестный молодой человек

Ты можешь познакомиться с девчонкой и трахнуть ее всего через 20 минут. Зачем себя сдерживать?

Брайан, двадцать пять лет

Как и многие другие репортажи, посвященные хук-культуре, статья в Vanity Fair представляет собой сборник коротких историй из жизни молодых людей, большинство из которых любят тусоваться в барах. Таким образом, из статьи можно узнать, чем занимается сравнительно узкий, причем далеко не самый целомудренный, сегмент молодежи. Очевидно, что по этим историям совершенно невозможно составить представление о среднестатистическом молодом человеке или девушке, которые, надо полагать, отличаются большей целомудренностью и потому в указанной статье о них не сказано ни слова. Кроме того, журналисту не пришло в голову сравнить современных завсегдатаев баров и постоянных посетителей ночных клубов 1970–1980-х годов, в которых беспорядочный секс был обычным делом. Чтобы понять, какое поведение можно считать типичным и насколько сильно за последнее время изменились представления о норме, лучше, конечно, воспользоваться результатами многолетнего общенационального социологического исследования, которое позволит сравнить представителей разных поколений. К счастью для нас, такое исследование проводится, и называется оно General Social Survey.

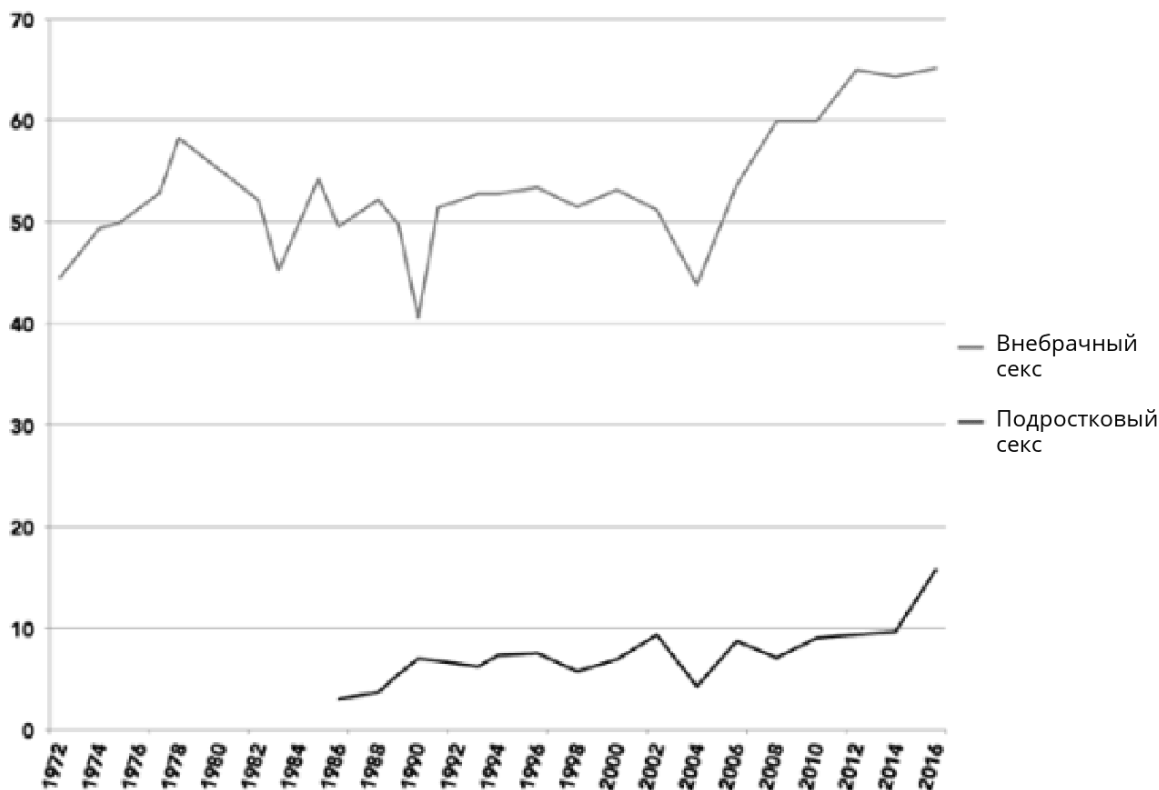

Рис. 8.1. Процент молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, которые считают, что в сексе между двумя взрослыми, не состоящими в браке людьми, и между подростками младше 16 лет «нет ничего плохого». General Social Survey, 1976–2016

Действительно, айдженеры и миллениалы относятся к сексу иначе, чем их сверстники десять лет назад. В 2006 году примерно 50 % молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет заявили, что в сексе между двумя взрослыми, не состоящими в браке людьми «нет ничего плохого» — это соответствует показателям 1970-х. В 2016 году число молодых людей, считающих приемлемым внебрачный секс, возросло до 65 % (см. рис. 8.1).

Более приемлемым стал даже секс между самыми младшими тинейджерами (до 16 лет), причем число тех, кто не видит в нем «ничего плохого», выросло с 1986 по 2006 год в пять раз. Айдженеры вообще неохотно наклеивают ярлыки: по их мнению, каждый сам вправе решать, что для него хорошо, а что плохо. Учитывая, что средний возраст вступления в брак приблизился к 30 годам, большинство айдженеров, вероятно, считают, что воздерживаться от секса до вступления в брак как минимум странно.

Но если айдженеры имеют такие широкие взгляды и не видят ничего предосудительного во внебрачном и подростковом сексе, то они, очевидно, должны вести активную половую жизнь и иметь множество партнеров. Эта мысль вызывает беспокойство у родителей и не вызывает никаких сомнений у массмедиа — все убеждены, что в результате сексуализации культуры и засилья порнографии в Интернете тинейджеры все раньше приобретают первый сексуальный опыт, а более взрослая молодежь имеет больше сексуальных партнеров, чем их сверстники в прошлом, — спасибо Tinder и сайтам знакомств.

Ничего подобного. Айдженеры занимаются сексом в подростковом и более взрослом возрасте (от 20 до 24 лет) не чаще, а реже. Давайте начнем разбор с тинейджеров. Как нам известно из первой главы, современные старшеклассники на самом деле занимаются сексом реже, чем это делали миллениалы и представители поколения X одного с ними возраста. Тренд никак не связан с изменением этнического состава страны — черные, белые, испаноязычные все реже занимаются сексом, причем в наибольшей степени снижение затронуло чернокожих подростков. Если в 2007 году среднестатистический юноша к окончанию школы уже не был девственником, то в 2009 году сексуальный опыт имели только 43 % старшеклассников и 39 % старшеклассниц. Таким образом, мы можем уверенно сказать, что средний возраст начала половой жизни перестал снижаться и начал расти: рожденные в 1940-х девушки из поколения беби-бумеров в среднем лишались девственности примерно в 19 лет, а рожденные в 1970-х представительницы поколения X начинали заниматься сексом примерно в 17 лет. Затем средний возраст начала половой жизни слегка подрос, и для девушек, рожденных в 1990-х, составил уже 18 лет.

Существует гипотеза, что тинейджеры реже занимаются традиционным сексом, потому что предпочитают секс оральный. Когда писательница Пегги Оренштейн работала над своей книгой «Girls&Sex», она провела множество интервью с девушками-подростками, некоторые из которых заявляли, что оральный секс «ничего не значит... это вообще ни разу не секс» или что «это всего лишь следующий этап отношений после поцелуев». Неоднократно поднималась и тема безопасности.

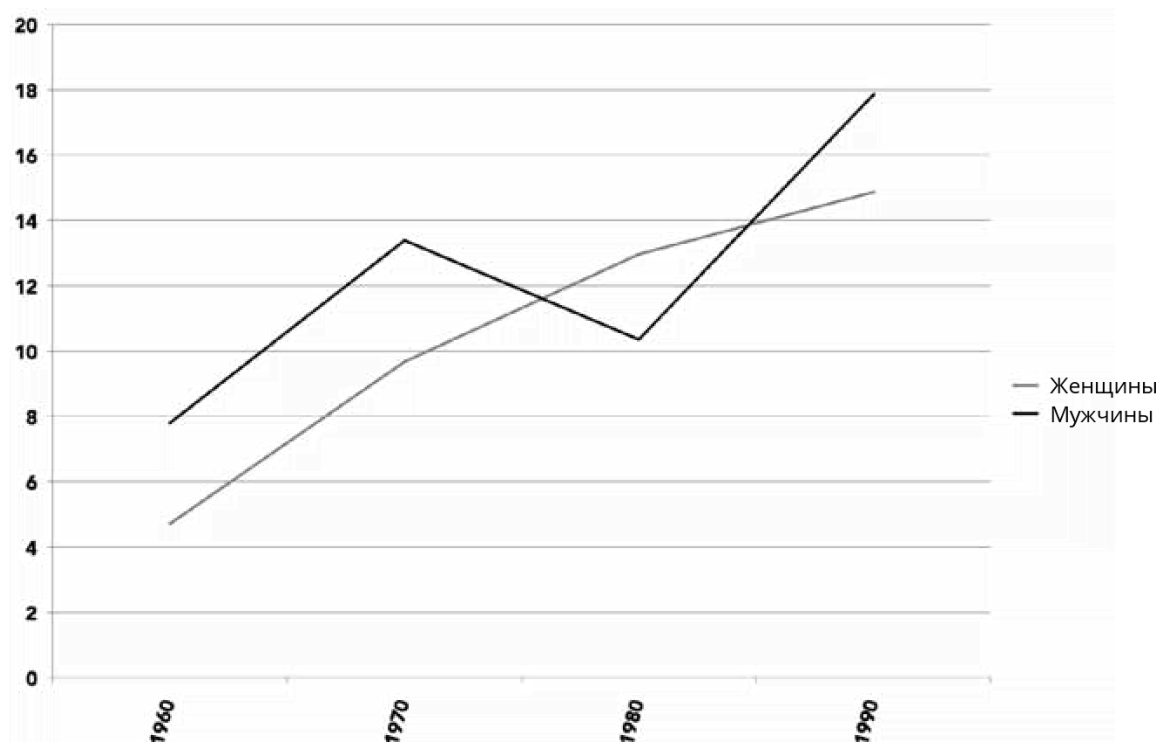

Рис. 8.2. Процент молодежи в возрасте от 20 до 24 лет, которые с 18 лет ни разу не занимались сексом. General Social Survey, 1989–2016

В отличие от вагинального секса, оральный секс не влечет никаких последствий. Ты не потеряешь девственность, не забеременеешь и не подхватишь ЗППП. Короче, он более безопасен.

Девушка из Чикаго, восемнадцать лет

Разумеется, это не совсем так; заболевания, передающиеся половым путем (ЗППП), передаются и при оральном контакте, хотя риск не столь высок, как во время традиционного полового акта. Как бы то ни было, начиная с 2012 года распространенность ЗППП снижается, но только среди тинейджеров. Чем реже подростки занимаются сексом, тем реже они страдают венерическими заболеваниями.

Если паттерны сексуального поведения и потребления алкоголя совпадают, то, повзрослев, молодые люди должны быстро наверстывать упущенные за годы воздержания возможности, а помогать им в этом должны многочисленные приложения для знакомств, которые, как известно, делают секс доступным как никогда.

Несмотря на всю популярность, этот нарратив не имеет с реальностью ничего общего. На самом деле все больше молодых людей вообще не занимаются сексом. Среди айдженеров и поздних миллениалов (рожденных в 1990-е) в возрасте от 20 до 24 лет почти в три раза (16 %) больше тех, кто ни разу не занимался сексом с 18 лет, чем среди представителей поколения X одного с ними возраста (6 %. См. Рис. 8.2). Более сложный, контролируемый по возрасту и периоду времени статистический анализ всех возрастных групп подтвердил, что «взрослых девственников» среди рожденных в 1990-е почти в три раза больше, чем среди рожденных в 1960-е.

Я не сексуально активна, и меня это устраивает.

Слишком высокий уровень интимности в отношениях отвлекает от более важных дел.

Девушка, девятнадцать лет, комментарий под статьей Los Angeles Times

Другой, очевидно, более взрослый читатель ответил ей: «Отвлекают от чего? Отношения — это часть жизни». Айдженеры слишком сфокусированы на себе и экономическом успехе, поэтому секс и отношения их не привлекают.

Некоторые айдженеры упоминают безопасность в качестве причины, по которой они никогда не занимались сексом.

Секс... [это] совсем не то, что я когда-либо искал в своей жизни. Думаю, он доставлял бы мне одни неудобства, если бы, конечно, благодаря своей партнерше, которая во всем меня поддерживает, я не чувствовал себя в большей безопасности.

Сэм, двадцать лет, для газеты Huffington Post

Чем более одинокими, неуверенными и подавленными чувствуют себя айдженеры, тем больше их пугает связанная с сексом эмоциональная и физическая уязвимость.

Конечно, если у 16 % молодежи никогда не было секса, то оставшиеся 84 % девственниками точно не являются. Может быть, нам стоит вынести за скобки этот пусть и растущий, но все еще небольшой сегмент молодежи и исходить из того, что средний миллениал и айдженер имеет много партнеров, возможно, даже больше, чем это было в прошлом, с учетом их легкомысленной репутации. Если это

правда, то в ходе опросов они должны сообщать о том, что имеют больше сексуальных партнеров, чем представители других поколений.

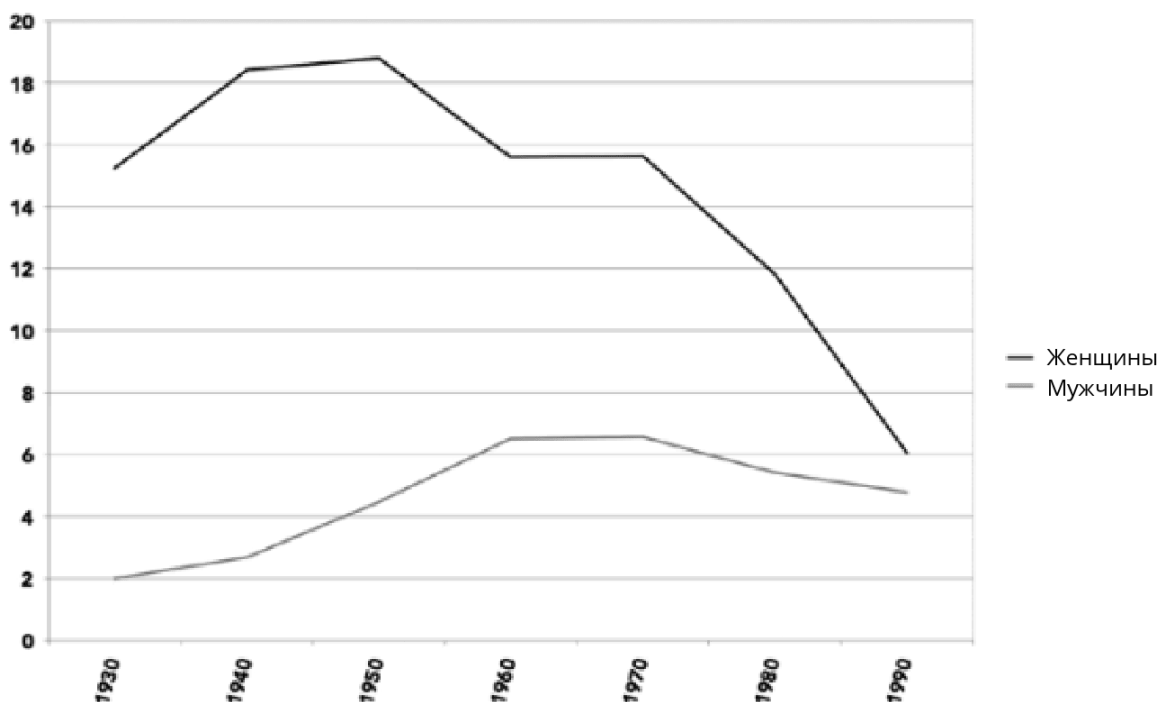

Рис. 8.3. Количество сексуальных партнеров у лиц старше 18 лет (с учетом контроля возраста). General Society Survey, 1989–2016

Но ничего подобного не происходит. Даже согласно результатам контролируемых по возрасту социологических исследований, родившиеся в 1970-е представители поколения X в течение жизни имели в среднем 10,05 партнера, а миллениалы и айдженеры — 5,29 партнера. Таким образом, вопреки сложившейся репутации, айдженеры и миллениалы меняют партнеров примерно в два раза реже. Согласно графику, приведенному на рис. 8.3, мужчины, рожденные в 1990-е годы, имели на девять, а женщины на двух партнеров меньше, чем, соответственно, мужчины и женщины, рожденные в 1970-е годы.

Может быть, дело в том, что все больше становится тех, кто вообще не занимается сексом? Нет, среди тех, кто после 18 лет имел как минимум одного сексуального партнера, представители поколения X, рожденные в 1970-е, имели в среднем 10,67 партнера, а рожденные в 1990-е миллениалы и айдженеры — 6,48. Таким образом, даже

сексуально активные миллениалы и айдженеры имеют в среднем на четырех партнеров меньше, чем представители поколения X.

Когда я рассказала группе айдженеров о том, что их поколение менее сексуально активно, чем предыдущие поколения, большинство из них не поверили мне. В этом нет ничего удивительного, поскольку многие молодые люди ошибочно считают, что все их сверстники занимаются сексом или имеют больше партнеров, чем это есть на самом деле. Что интересно, в свое оправдание они приводят веские аргументы, отражающие ключевые особенности поколения I: заботу о собственной безопасности и прагматизм.

Тинейджеров запугивают, чтобы отбить у них всякое желание заниматься сексом. Когда я училась в старшей школе, у нас велась мощная пропаганда против секса.

Мы смотрели фильмы, в которых показывались больные гениталии, и еще мы слушали все эти истории о несовершеннолетних мамах. После выхода реалити-шоу «Мама-подросток» никто уже точно не хотел стать одной из тех девчонок. Их жизнь была слишком грустной и патетичной.

Кристен, двадцать два года

Кристен права — участники различных ТВ-шоу действительно могут оказывать влияние на зрителей: так одно исследование установило, что за 18 месяцев, прошедших с момента премьеры на MTV шоу «Беременна в 16», в США заметно снизилось число подростковых беременностей.

Некоторые айдженеры рассказывают о своих страхах перед сексом, в частности о боязни заразиться венерическими заболеваниями.

Люди реже занимаются сексом, поскольку боятся забеременеть или подхватить инфекцию. Об этом говорят в рекламе, телешоу, да везде.

Тайрон, двадцать лет

К сексу нельзя относиться слишком легкомысленно. Мы все больше говорим о венерических заболеваниях и все лучше осознаем, к чему приводит беспорядочная половая жизнь.

Вероника, двадцать лет

Страх перед сексуальным насилием также может играть свою роль, особенно для женщин. Двдцатитрехлетняя Амелия никогда не занималась сексом.

Существует столько рисков... в частности, любая женщина очень хорошо знает, насколько опасно прийти домой к незнакомому человеку, и справедливо опасается, что не сможет выбраться оттуда живой.

Амелия, двадцать три года, для газеты Hufifngton Post

Судя по всему, эти страхи были знакомы и прошлым поколениям тинейджеров, однако пристальное внимание СМИ и стремление максимально обеспечить собственную безопасность многократно усиливают их.

Айдженеры имеют меньше возможностей заниматься сексом, поскольку все меньше проводят времени со своими сверстниками. Как нам известно из третьей главы, тинейджеры стали реже тусоваться, да и просто гулять с друзьями, вероятно, потому, что предпочитают общаться в Snapchat или писать смс. Они могут охотно заниматься секстингом (отправка интимных сообщений или фотографий) и при этом совершенно не стремиться к физической близости. От секстинга нельзя забеременеть, а значит, многим айдженерам он кажется безопасным.

В средней и старшей школе я реально отправляла свои откровенные фотографии или показывала стриптиз по Скайпу. Я не была готова потерять девственность, но мне нравилось быть плохой девочкой.

Студентка Ист-Коуст колледжа автору книги «Girls&Sex»
Пегги Оренштайн

Доступный Интернет, вероятно, является одной из важнейших причин снижения уровня подростковой беременности. Так в ходе социологического исследования выяснилось, что с появлением в одном из регионов широкополосного доступа в Интернет, рождаемость среди подростков там снизилась на 13 % в период с 1999 по 2007 год. Объяснить это можно как упростившимся поиском информации о методах контрацепции, так и переходом тинейджеров к виртуальному общению. Все данные говорят в пользу второго варианта:

старшеклассники если и стали чаще пользоваться контрацептивами, то ненамного, чем их предшественники (согласно YRBSS), следовательно, снижение рождаемости можно объяснить только нежеланием подростков заниматься сексом. Как было верно отмечено в статье Washington Post: «Видимо, они слишком увлечены своими айфонами».

Айдженеры и миллениалы также имеют меньше шансов найти подходящего сексуального партнера. Если вы не молодая сногшибательная красотка, то, скорее всего, в Tinder вас, не задумываясь, смахнут влево несмотря на то, что в реальной жизни вы легко бы очаровали соседа по барной стойке. С учетом того, что люди все реже приходят к той самой стойке, а добравшись до нее, предпочитают просматривать Tinder вместо того, чтобы знакомиться с другими посетителями, все больше становится тех, кто полностью выпадает из мира секса. В прошлом люди, не отличавшиеся особой привлекательностью или умением знакомиться, рано или поздно находили друг друга и женились. В наши дни поздние браки стали нормой, поэтому многие рискуют вообще никогда не познать радости секса.

Некоторые могут остаться за бортом только потому, что им чужда лишенная романтизма и не имеющая даже намека на эмоциональную близость хукап-культура.

Мне интересны «старомодные» отношения, однако большинство студентов Тулейна думают только о том, как сходить в бар и подцепить там кого-нибудь на одну ночь, что для меня совершенно неприемлемо.

Клаудиа, девятнадцатилетняя студентка Тулейнского университета для газеты Washington Post

Некоторые современные молодые люди привыкли говорить о своих желаниях совсем уж прямолинейно — как правило, речь идет о сексе без обязательств и даже прелюдии.

Мне легко могут прислать сообщение: «Трахнуться хочешь?»

Дженнифер, двадцать два года, студентка Юго-Восточного университета Индианы, для журнала Vanity Fair

Они так и говорят: «Зайди ко мне и сядь мне на лицо».

Эшли, девятнадцатилетняя подруга Дженнифер, для журнала Vanity Fair

Когда серьезные отношения становятся редкостью, а случайный связи — нормой, многие молодые женщины могут и вовсе отказываться от секса.

Может быть, Netflix заменил секс? Лично мне больше нравится ловить редкого Покемона, нежели чатиться с очередным занудой в приложении для знакомств.

Люси, двадцать шесть лет, для журнала Huffington Post

Некоторые мужчины испытывают те же самые чувства. Двадцатилетний Марк во время учебы в старшей школе в пригороде Форт-Уэрта, штат Техас, посмотрел на то, что вытворяли его знакомые на вечеринках, и решил, что это не для него.

Даже в старшей школе я был девственником. Я видел, как все курят траву и занимаются сексом, и понял, что точно не полезу ни к кому в трусы.

Марк, двадцать лет

Он решил, что обойдется без секса, пока не встретит девушку, с которой захочет построить серьезные отношения. Их первое свидание прошло успешно, поэтому Марк перешел на новый уровень и пригласил ее в модный ресторан «Оливковый сад», в котором можно было спокойно посидеть и получше узнать друг друга. Вскоре Марк познакомился с отцом девушки, а спустя неделю познакомились уже их родители («Они понравились друг другу — для меня это очень важно»). Марк и его подруга впервые занялись сексом через шесть месяцев после первого свидания и со временем планируют пожениться. Марк отнюдь не одинок: работая над своей книгой «American Hookup», социолог Лиза Уэйд взяла интервью более чем у сотни студентов и выяснила, что большинство из них мечтало о серьезных отношениях. Но, как оказалось, в кампусах они могли рассчитывать только на случайный секс, поэтому со временем многие из них пересмотрели свои взгляды.

Поколение порно

Другая возможная причина снижения сексуальной активности на первый взгляд кажется парадоксальной: доступная порнография в Интернете. Как было тонко замечено в мюзикле «Авеню Кью»: «Интернет — это для порно».

Все больше людей смотрят порнографию: в ходе одного исследования было установлено, что если в 1970-х порно регулярно смотрело меньшинство взрослых молодых мужчин, то в 2010-х они уже были в большинстве. Порнографию смотрят даже дети и тинейджеры, зачастую случайно наталкиваясь на нее в Сети. Не далее как в 2005 году 42 % детей в возрасте от 10 до 17 лет признались, что видели запрещенные материалы в Интернете, причем $\frac{2}{3}$ из них делали это непреднамеренно.

Учитывая широкую доступность порнографии, можно предположить, что тинейджеры все больше интересуются реальным сексом, однако многие молодые люди так не считают. Семнадцатилетний Хиро живет со своими родителями, братьями и сестрами в Техасе. Он говорит, что порнографию впервые увидел в 9 лет после того, как сумел отключить функцию родительского контроля на компьютере отца. Просмотр порно привел к тому, что он стал представлять, как выглядят знакомые девочки в голом виде.

У меня было два варианта. Тусоваться с девочками и постоянно фантазировать о них в сексуальном плане или полностью избегать их. Я выбрал второй вариант.

Мне 17 лет, и у меня никогда не было отношений, во-многом из-за моей зависимости от порно. Сейчас меня это очень напрягает. Порнография, особенно в Интернете, десенсибилизирует тинейджеров настолько, что они теряют всякое желание заниматься сексом или перестают получать от него удовольствие.

Хиро, семнадцать лет

Некоторые подростки считают, что порнография полностью удовлетворяет их сексуальные потребности.

Я скорее посмотрю YouTube, поиграю в видеоигры или поработаю, чем займусь сексом. Я девственник, хотя часто смотрю порно. Реальный секс меня, в общем-то, не интересует. Я видел очень много секса... Нет в нем ничего магического, согласны?

Ной Паттерсон, восемнадцать лет, для Washington Press

В 2016 году заглавная статья одного из номеров журнала Time рассказала о растущем числе молодых мужчин, которых не возбуждает обычный секс потому, что, по их словам, они смотрят слишком много порнографии.

Впервые я увидел обнаженку в Интернете, когда мне было 9 лет, а в 15 лет я просматривал потоковое видео и мастурбировал по несколько раз в день. Однажды в старшей школе я остался наедине с обнаженной подружкой у нее в спальне, но эрекция у меня так и не возникла. Возникло несоответствие между тем, как я все себе представлял, и тем, как отреагировало мое тело.

Ной Черч, двадцать шесть лет

В набравшем множество просмотров выступлении на TED сороколетняя Синди Гэллоп рассказала зрителям о своем сексуальном опыте с двадцатилетними мужчинами.

Занимаясь сексом с молодыми мужчинами, я лично физически ощущаю, как вездесущая, всепроникающая порнография влияет на нашу культуру. Дети получают доступ [к порнографии] все в более раннем возрасте.

Целое поколение выросло с убеждением, что секс — это то, что они видят в порнофильмах.

Синди Гэллоп

В ответ она создала сайт Make Love Not Porn, на котором дает мужчинам такие полезные советы как, например, «многие женщины вовсе не горят желанием заняться анальным сексом» или «некоторые женщины [там внизу] бреются, некоторые — нет».

Сложно прямо доказать, что просмотр порнографии влечет снижение сексуальной активности. По определению, люди, интересующиеся порно, должны интересоваться сексом, а значит, и чаще им заниматься. Таким образом, в большинстве случаев порно, скорее всего, не влияет на сексуальную активность. В то же время нельзя игнорировать появление значительного сегмента молодежи, для которого просмотр порно не только равнозначен сексу, но и вполне его заменяет. Зачем переживать из-за возможных отказов, бояться венерических заболеваний, ходить на свидания или выяснять

отношения, если вы всегда можете уютно расположиться перед монитором и предаться любым фантазиям?

Порно может влиять на сексуальную жизнь иным образом — не отбивая желание от секса, а изменяя отношение молодых людей к нему. Студенты рассказали Лизе Уэйд, что случайный секс был нормой и едва ли не единственным реальным способом вступить в отношения.

В идеале случайный секс лишен всякого смысла и эмоций.

Студент

Подобная идея, скорее всего, могла возникнуть в результате просмотра порнографии.

Порнография — это горячий секс и холодный рассудок.

То же самое скажет любой студент, если вы его спросите, что из себя представляет хукап-культура. Хукап — горячий секс и отсутствие эмоций. Я выяснила, что треть студентов не проявляла сексуальной активности на первом курсе. Почти все они оставались за бортом, потому что считали подобное отношение к сексу неприемлемым. Они не имели ничего против случайного секса, он не противоречил их представлениям. В то же время им не нравилась идея равнодушного, лишённого эмоций и порой жесткого секса. Им нужен был горячий секс и яркие эмоции. Они хотели если и не любить, то хотя бы нравиться друг другу. Подобные представления никак не вписываются в хукап-культуру.

Лиза Уэйд, для радиостанции Minnesota Public Radio

Эти взгляды знакомы и другим специалистам, изучающим сексуальную жизнь студентов колледжей.

У меня есть студенты, которые говорят, что люди должны уметь заниматься сексом, не испытывая никаких эмоций к партнеру, а если они на это не способны, то у них точно есть какие-то проблемы.

Дэбби Хербеник из Университета Индианы

Как не «заразиться» чувствами?

Объясняя причину, по которой «отношения в 20 лет не работают», Ли Тавероф пишет, что «Эти годы экстремально важны: ты должен найти себя и построить фундамент своего будущего. Ты не хочешь увязнуть в чужих проблемах, триумфах или провалах и лишиться возможности приобрести свой собственный опыт. В конце концов, ваши 20 лет — это время, когда вы создаете самих себя. Будьте эгоистами, развлекайтесь и познавайте мир».

Тавероф считает чем-то само собой разумеющимся, что самопознание является основной задачей, стоящей перед двадцатилетними. Подобное заявление, будь оно сделано в 1990-е, многим 25-летним показалось бы как минимум странным. К этому возрасту большинство беби-бумеров и представителей поколения X состояли в браке, а многие из них имели детей. Было бы неправильным говорить, что кто-то из них абсолютно прав, а кто-то категорически заблуждается, но очевидно, что их представления о том, как следует прожить лучшие, самые энергичные годы жизни, сильно расходятся.

Двадцать лет — это ну очень рано для серьезных отношений, совместной жизни и брака. Мы еще слишком молоды и познаем жизнь, развлекаемся и наслаждаемся свободой. Отношения лишают нас этого. Мы часто бросаем своих партнеров потому, что мы слишком молоды, чтобы брать на себя много обязательств и сохранять преданность.

Иван, двадцать лет

В общем, отношения вступают в конфликт с индивидуалистическим принципом «тебе никто не нужен, чтобы быть счастливым, ты сам творец своего счастья». Поколение I услышало этот месседж и приняло его к сведению. Фраза «никто не нужен» крайне редко встречалась в американской литературе вплоть до 1970-х годов, однако с 1970-х по 2008 год частота ее употребления выросла в четыре раза. Частота употребления фразы, способной испортить любые отношения, — «никаких компромиссов», выросла в два раза с

1990 по 2008 год. А какая другая фраза быстро набирает популярность? «Я люблю себя».

Мне представляется сомнительным утверждение, что любовь всегда достойна риска. Думаю, есть и другие принципы, которые приблизят нас к постижению смысла жизни и позволят жить в согласии с самим собой.

Романтические отношения, особенно в колледже, способны скорее отдалить, нежели приблизить нас к цели.

Студентка второго курса Колумбийского университета
Фланнери Джеймс в студенческой газете

По мнению айдженеров, они в первую очередь должны думать о себе, а отношения этому только мешают. Также многие айдженеры боятся лишиться своего «Я» или подпасть под чрезмерное постороннее влияние в трудную минуту.

Есть мнение, что идентичность строится вне отношений, а не внутри них. Только полностью сформировавшись как личность и став взрослым, вы готовы к отношениям.

Лесли Белл, психолог

Кто-то может очень сильно повлиять на меня, и я не думаю, что мне это нужно. Я считаю, что в 20–25 лет, пока ты учишься в колледже, самое время поднабраться опыта и разобраться в себе. Сложно познать себя, если ты состоишь кем-то в отношениях.

Джеймс, двадцать два года

Даже если все идет нормально, отношения сильно давят, считают айдженеры.

Когда у тебя есть отношения, проблемы твоей подружки становятся твоими. У меня и так куча проблем, а если у девушки не задался день, то она обязательно испортит его и мне.

Марк

Общение с людьми, кажется, хотят сказать айдженеры, изматывает.

Случайный секс в колледже — способ получить мгновенное удовлетворение, не получая в довесок багаж чужих проблем. В этом

случае нет необходимости общаться с человеком как таковым. Вы просто получаете удовольствие, и все.

Джеймс

Свою роль в популяризации случайного, лишённого эмоций секса могли сыграть и социальные сети. Подростки (особенно девушки) давно поняли, что сексуальные фотографии получают лайки. На вас обращают внимание потому, что ваша попа отлично выглядит на «селфи на раковине» (чтобы его сделать, девушка садится на раковину в ванной и фотографирует себя через плечо в стиле Ким Кардашьян), а вовсе не потому, что вы яркая личность или хороший человек. Благодаря социальным сетям и приложениям для знакомств изменять стало просто, как никогда.

Скажем твой бойфренд может месяцами общаться с кем-нибудь у тебя за спиной, а ты об этом никогда не узнаешь. Любовь — это просто слово, лишённое всякого смысла. Мало кому удастся найти того, кто полюбит его таким, какой он есть... Очень сложно, если вообще возможно, найти равнодушного человека.

Мэдлин, пятнадцать лет, из книги *American Girls*

Есть и другие причины, по которым айдженеры избегают серьёзных отношений: они могут ранить или сделать человека зависимым от его партнера. Эти причины хорошо коррелируют с индивидуализмом и сфокусированностью молодежи на собственной безопасности.

Еще я думаю, что всем людям нужно время от времени бывать наедине с самими собой. Люди, которые слишком сильно полагаются на отношения, находя в них основу собственной эмоциональной безопасности, не знают, что делать, когда лишаются их. Отношения не вечны, ничто не вечно. Что вы будете делать, если все разрушится и вы не сможете найти нового парня или девушку? Вы не умеете жить самостоятельно, не умеете радоваться жизни, поэтому вам не остается ничего иного, кроме как страдать и ждать, когда кто-нибудь придет и подберет вас.

Хэйли, восемнадцать лет

Расхожая фраза «Уж лучше полюбить и потерять, чем вовсе не любить», с точки зрения Хэйли, похоже, должна звучать примерно так: «Лучше никогда не любить, ведь любовь может пройти».

Боязнь полностью раскрыться перед другим человеком является одной из причин, по которой молодежь предпочитает заниматься случайным сексом, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Судя по двум последним книгам, посвященным студенческой хукапкультуре, алкоголь вообще является необходимым условием случайного секса. Так студентки, опрошенные автором книги «Girls&Sex» Пегги Оренштейн, прямо заявляли, что им «неловко» заниматься сексом с малознакомым человеком на трезвую голову.

Если ты трезвая, со стороны может показаться, что тебе типа нужны серьезные отношения. Реально не комфортно.

Первокурсница

Одно исследование установило, что перед тем, как заняться случайным сексом, мужчины в среднем выпивают шесть порций алкоголя, а женщины — четыре. В книге «American Hookup» одна студентка рассказывает Лизе Уэйд, что, «надираясь в хлам», ты делаешь первый шаг к «перепихону».

Когда ты пьяный, ты делаешь это вроде как по приколу, а когда все заканчивается, ты не чувствуешь себя неловко и понимаешь, что это ничего не значит.

Студентка

Уэйд пришла к выводу, что алкоголь позволяет студентам легкомысленно относиться к сексу — в конце концов, все были пьяными, чего стыдиться?

Боязнь отношений породила несколько любопытных сленговых выражений, которыми охотно пользуются айдженеры и молодые миллениалы, например, «catching feelings» (от англ. — to catch feelings — заразиться чувствами, словить чувства), что на языке современной молодежи означает постепенное развитие эмоциональной привязанности к партнеру. Весьма емкое и образное выражение, намекающее на сходство любви с опасным инфекционным заболеванием, которого следует всячески избегать.

Один сайт сформулировал «32 признака того, что вы „заражаетесь чувствами“ к своему сексуальному партнеру»: «Вы начали обниматься после секса», «Вы понимаете, что вам больше не плевать на него и хотите узнать его получше» и т. п. На другом сайте студентам дают советы на тему «Как не заразиться чувствами» и не испортить лучшие годы своей жизни, ведь «в колледже вы должны экспериментировать, наслаждаться молодостью, дикостью и свободой. Последнее, что вам нужно, — это оказаться связанными по рукам и ногам к концу первого семестра». Среди советов встречаются такие: «Относитесь к этому проще и сразу настройтесь на то, что чувства вам не нужны», «Не рассказывайте ему о своей жизни» и, наконец, «Не обнимайтесь. Ради всего святого, только не это. Не важно, смотрите вы телевизор или только закончили кувыраться в спальне, никаких объятий. Прижимаясь друг к другу, вы становитесь ближе не только физически, но и эмоционально — вам это совершенно не нужно. Не поддавайтесь искушению и не валяйтесь с партнером в постели, а если не можете с собой справиться, то отгородитесь от него подушками. Помните, отчаянные времена требуют отчаянных мер».

Я принадлежу к поколению X, и, на мой взгляд, это выглядит так, словно кто-то сначала довел идею «дикости и свободы» до абсурда, а затем объявил беспощадную войну привычным человеческим взаимоотношениям. Потребность в эмоциональных связях заложена на генетическом уровне, однако концепция «заражения чувствами» предполагает, что они являются чем-то постыдным и нездоровым. Из разговоров со студентками Лиза Уэйд узнала, что «худшая репутация, которую можно заработать в наши дни в кампусе, это отнюдь не „шалава“, как было раньше, и даже не „скромница“, что было бы логично в рамках хукап-культуры а „жалкая“». Держаться за кого-то — показывать, что тебе кто-то нужен, — значит, по мнению окружающих, быть слишком «патетичной».

Другое популярное словечко — «гоустинг» (от англ. ghost — привидение). Это когда человек, с которым вы общались, флиртовали или занимались сексом, внезапно перестает отвечать на сообщения. Это самый пассивный из всех известных способов разорвать отношения, он даже хуже прощальных записок, когда-то приводивших в ужас поколение X.

Гоустинг — это отказ от отношений, который приводит вас в замешательство и оставляет в полной растерянности. Я уверена, что гоустинг появился благодаря цифровым медиа, приучившим людей к бесконечному многообразию вариантов.

Мы запрограммированы на непрерывный поиск лучшего из возможных вариантов, даже за чужой счет. Это и стало причиной появления новой социальной нормы: внезапно притворяться, что кто-то перестал существовать.

Мэдисон Эйлтс, студентка первого курса Колумбийского университета

Другими словами, поколение, лишенное социальных навыков, изобрело новый способ разрывать отношения.

Многие миллениалы и айдженеры в конце концов выбрали промежуточный вариант — им недостаточно просто переспать с кем-то, но и к серьезным отношениям они тоже не готовы. Как написала Кейт Хакала на сайте mic.com, появился новый статус — «встречающийся партнер». Это что-то среднее между случайным половым партнером и бойфрендом. Встречающиеся партнеры могут вести душевные беседы, но при этом они не живут вместе и не знакомятся с родителями. Хакала говорит, что «это характерный для современной молодежи статус отношений».

Все можно свести, например, к супу. Если вы простудились, то случайный хахаль точно не принесет вам тарелку супа. Бойфренд сварит его лично. Что сделает встречающийся партнер? Он обязательно притащит банку консервированного супа, но при условии, что у него нет других планов на вечер.

Кейт Хакала

Звучит парадоксально, но большинство айдженеров мечтают о серьезных отношениях, а не случайном сексе. Сразу два недавних исследования показали, что трое из четырех студентов и студенток хотели бы иметь близкие, наполненные любовью отношения, и примерно столько же студентов уверены, что их однокурсникам это не интересно. Таким образом, среднестатистический студент-айдженер думает, что, кроме него, отношения никому больше не нужны, и даже не подозревает, что большинство однокурсников полностью разделяют

его мнение. Как говорит Лиза Уэйд, «существует разрыв между бравурным нарративом и реальными запросами молодежи».

Все хотят любви, но никто в этом не признается.

Девушка, девятнадцать лет, в книге American Girls

Женюсь... когда-нибудь

Созреет ли когда-нибудь поколение I для брака? Возможно. Как и беби-бумеры в 1976 году, ровно 77 % двенадцатиклассников заявили в 2015 году о своем намерении в будущем вступить в брак, а число тех, кто мечтает об одном партнере на всю жизнь или точно хочет иметь детей, изменилось совсем незначительно.

В отличие от предыдущих поколений, айдженеры относятся к браку не так позитивно, как их предшественники, но вы вряд ли с ходу догадаетесь по какой причине. Айдженеры сомневаются в необходимости брака чаще, чем миллениалы, поскольку видят, что успешный брак — редкость. Соответственно, тинейджеры справедливо полагают, что, женившись, не станут более счастливыми. Однако не стоит думать, что отношение к браку изменилось под влиянием идеи, что иметь одного партнера — значит ограничивать собственную свободу: айдженеры относятся к ней еще более скептически, чем беби-бумеры или даже миллениалы. Основная причина кроется в другом — многие айдженеры убеждены, что до свадьбы надо пожить вместе и получше узнать друг друга (см. рис. 8.4). Таким образом, они действительно не спешат регистрировать отношения и все чаще ставят под сомнение сам институт брака, но это никак нельзя объяснить распушенностью.

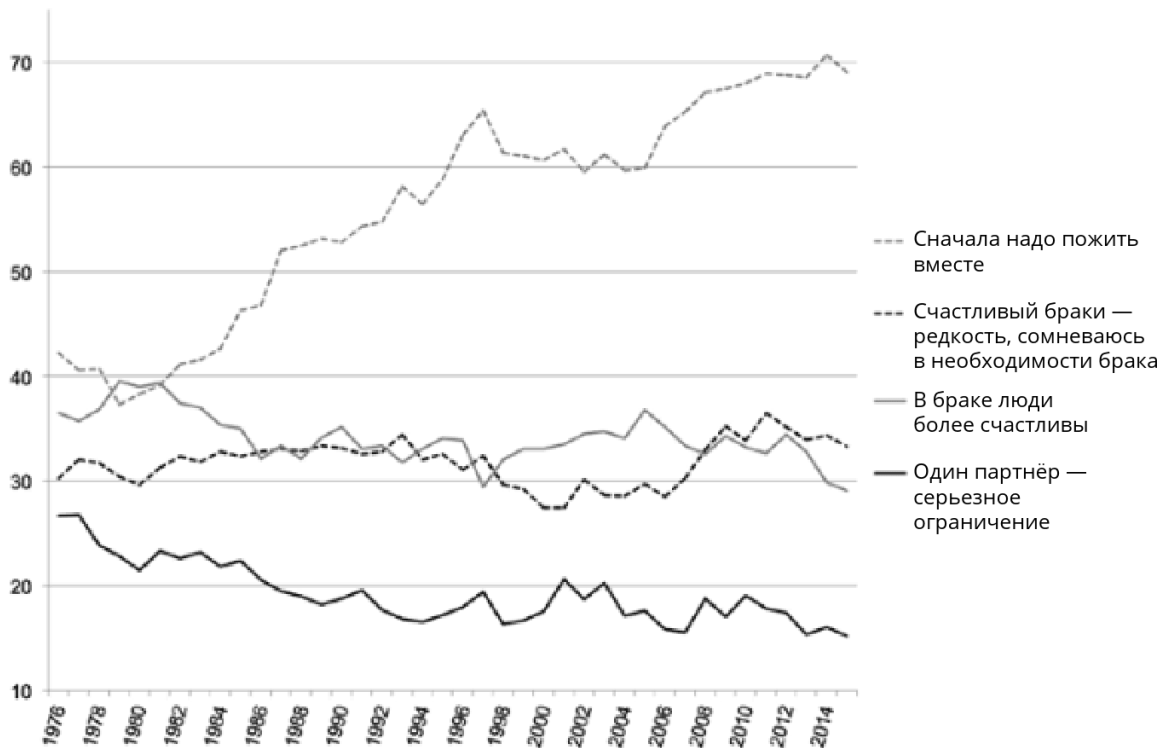

Рис. 8.4. Отношение двенадцатиклассников к браку. Monitoring the future, 1976–2015

Более важен другой вопрос: насколько важны для поколения I брак и семейная жизнь? Учитывая, что айдженеры всячески избегают личного общения в повседневной жизни, было бы неплохо узнать их представления о браке и семье как важнейшей для любого взрослого человека системе взаимоотношений. В 1976 году двенадцатиклассники из поколения беби-бумеров главной целью жизни называли «крепкий брак и счастливую семейную жизнь». Однако в 2011 году семья и брак опустились на четвертое место (респонденты посчитали, что важнее «найти стабильную работу», «быть успешным на работе» и «дать своим детям то, чего я был лишен сам» — последнюю цель, вероятно, можно объяснить проблемами в экономике). В 2015 году семья и брак сохранили четвертую строчку в рейтинге жизненных целей. В целом надо признать, что «брак и семейная жизнь» представляют ценность для все меньшего числа двенадцатиклассников-айдженеров. Также снижается и число студентов, для которых «создание семьи» является важной целью в жизни (см. рис. 8.5).

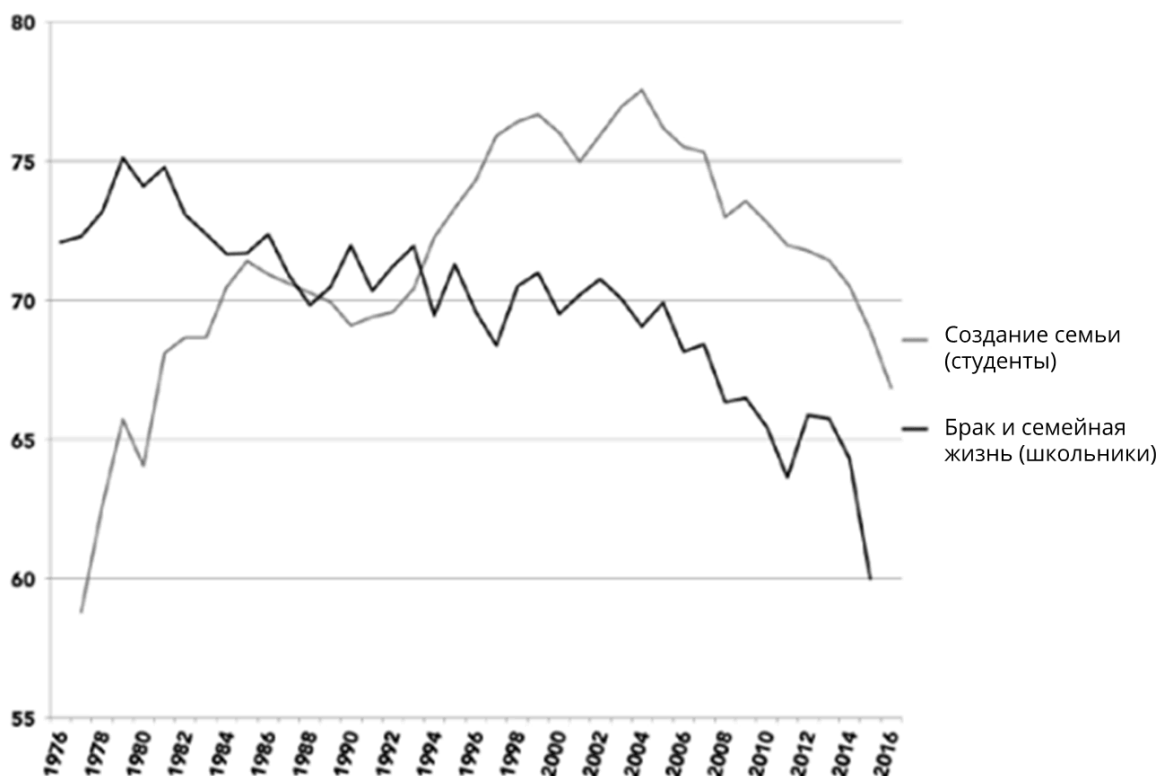

Рис. 8.5. Важность брака и семьи с точки зрения двенадцатиклассников и первокурсников (с поправкой на относительную центральность). Monitoring the Future and American Freshman Survey, 1976–2016

Когда беби-бумеры, поколение X и миллениалы были студентами, создание семьи было для них главной или второй по значимости целью в жизни; с 2002 по 2007 год создание семьи неизменно оказывалось на первом месте. Однако в 2008 году на вершину рейтинга пробилось «очень высокое материальное благополучие». В 2015 году «создание семьи» опустилось на третье место (впереди оказались «очень высокое материальное благополучие» и «помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию»). Это произошло впервые с тех пор, как «создание семьи» вошло в 1969 году в список основных целей в жизни. В 2016 году ситуация не изменилась. Брак и дети отныне не являются безусловным приоритетом для поколения I.

На переоценку ценностей могла повлиять неуверенность айдженов в своем будущем.

Я не уверен, что смог бы обеспечить безопасную и комфортную жизнь своим детям. Это главная проблема. Я не хочу иметь детей,

потому что не знаю, будет ли у меня завтра работа.

Майлз, двадцать два года

Возможно, причину скептического отношения к браку следует искать в детстве айдженов. 36 % современных тинейджеров родились вне брака, тогда как среди миллениалов таких было 25 %. Вероятно, по этой причине очень многие выросли без родного или хотя бы приемного отца. Статистика опровергает общепринятое мнение, что якобы айдженовы с детства были окружены отцовской любовью и заботой (иметь отца раньше было обычным делом, — утверждает GenZ@work). Все обстоит с точностью до наоборот: многие отцы ни дня не прожили под одной крышей со своими детьми.

Также не стоит упускать из виду тайминг: в каком возрасте двенадцатиклассники собираются вступить в брак? Если в 1970-х большинство старшеклассников планировали это сделать в ближайшие пять лет, то в 2015 году — только 39 %. Число желающих официально зарегистрировать отношения снизилось с 2007 года на целых 22 %, из чего следует, что айдженовы подхватили заданный поколением X и миллениалами тренд на поздний брак.

Многие откладывают [брак] на неопределенный срок, чтобы реализовать все свои мечты и ни перед кем за это не отчитываться.

Эндрю, двадцать два года

Средний возраст вступления в первый брак увеличился на семь лет всего за пять с половиной десятилетий. В 1960-х медианный возраст вступления в брак для женщин составлял 20 лет, другими словами, половина женщин выходила замуж, еще будучи тинейджерами. В 1970-х, когда первая волна беби-бумеров достигла совершеннолетия, этот возраст увеличился всего на один год. Затем рост ускорился и до сих пор не останавливается. В 2015 году медианный возраст вступления в брак для женщин составил уже 27,1 года. Средний возраст вступления в брак для мужчин подскочил с 23 лет в 1960-м году до 29 лет в 2015 году. Похоже, брак становится уделом совсем уж взрослых людей.

Брак — это скучно, потому что ты навсегда связываешь свою жизнь с одним человеком. Это как всю жизнь есть на ужин

исключительно курицу. Поэтому все тянут до последнего, пока у них не остается другого выбора, кроме как выйти замуж.

Кейтлин, двадцать два года

Вспомните, когда последний раз вас приглашали на свадьбу, скажем, 23-летней пары? Процент браков, заключаемых в возрасте от 18 до 29 лет, за восемь лет снизился в два раза: с 32 % в 2006 году до 16 % в 2014 году. Ранние браки стали такой редкостью, что, когда студентка Барнард-колледжа заключила помолвку со своим молодым человеком, в местной студенческой газете вышла статья под заголовком «Помолвлена в 20».

Если прошлые поколения рано вступали в брак, а затем вместе решали финансовые вопросы и добивались поставленных целей, то сейчас многие айдженеры должны сначала самостоятельно решить кучу проблем, а потом думать о свадьбе.

Ты должен иметь стабильную высокооплачиваемую работу или быть близким к созданию вокруг себя идеальной жизни.

Только после этого можно думать о свадьбе. Остепениться в таком возрасте, не имея образования и деловых навыков, это все равно что выстрелить себе в ногу или попасть в ДТП на середине пути. Вступать в серьезные отношения можно, только когда у тебя все ровно.

Харрисон, двадцать один год

Стабильная работа может оказаться камнем преткновения для поколения, каждый четвертый представитель которого к 20 годам не имеет никакого опыта работы.

Американцы не просто не спешат вступать в брак; многие вообще не собираются официально регистрировать отношения, причем исторический минимум по числу заключаемых браков был достигнут уже в 2010-х годах. Судя по всему, айдженеры продолжают эту традицию: они воспитывались неженатыми родителями или матерями-одиночками чаще, чем представители любого другого поколения, и поэтому относятся к браку как к пустой формальности.

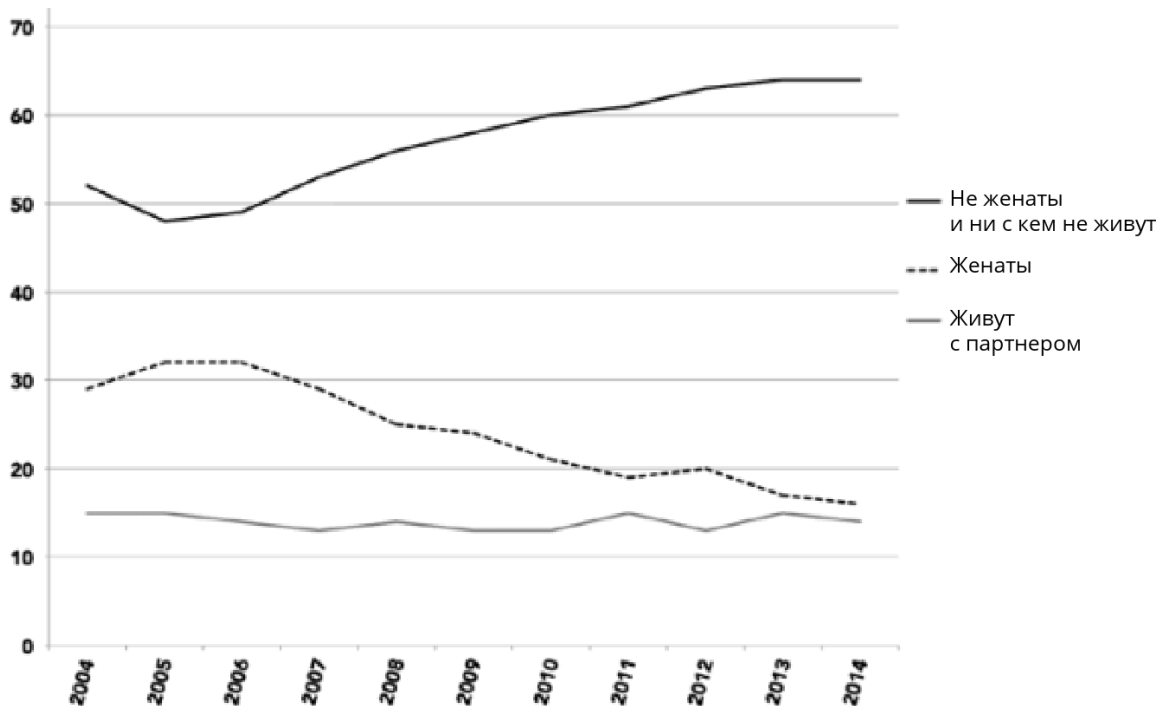

Рис. 8.6. Процент молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, живущих в официальном браке, гражданском браке или одиноких. Gallup, 2004–2014

Брак больше не является необходимостью. Мы живем в обществе, свободном от предрассудков, и люди могут делать то, что захотят.

Дэвид, двадцать два года

Хорошо, допустим, люди все чаще предпочитают просто жить вместе — в конце концов, многим старшеклассникам эта идея должна казаться привлекательной. Действительно, молодых пар, которые ведут совместное хозяйство, но не вступают при этом в официальный брак, стало больше, чем в прошлом, однако за последние десять лет произошли любопытные изменения: процент молодых неженатых людей, живущих со своим партнером, остался практически неизменным, а процент женатых резко снизился. Это означает, что по-настоящему одиноких людей, т. е. холостых и не имеющих постоянного партнера, стало больше (см. рис. 8.6).

Миллениалы и айдженеры отказываются не только от брака, но и от совместной жизни со своими партнерами, причем все больше становится тех, кто не имеет вообще никакого партнера. В 2014 году

молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет чаще жили с родителями, нежели с супругом или сожителем. Так что не только старшекласники реже ходят на свидания; более взрослые молодые люди реже занимаются сексом, реже имеют серьезные отношения и меньше ценят традиционные семейные ценности. Не надо также забывать, что айдженеры неохотно общаются с друзьями, во всяком случае вживую. Как следствие, тинейджеры все чаще выпадают из сложной системы межличностных отношений, поскольку поддерживают тесное общение, пожалуй, только с родителями.

Сомневаюсь, что хочу иметь детей

Финансовые проблемы, с которыми сталкиваются миллениалы и айдженеры, мало способствует желанию иметь детей. Долговая нагрузка на студентов достигла рекордного уровня, расходы на жилье постоянно растут, а расходы на ребенка запросто могут превышать стоимость аренды квартиры. Дети — дорогое удовольствие, поэтому далеко не все могут позволить себе больше одного ребенка.

Я, конечно, хочу в будущем завести детей, но пока меня останавливают финансовые трудности. Просто вырастить ребенка — слишком накладно для бюджета, и, чтобы решиться на этот шаг, недостаточно иметь один-единственный источник доходов.

Тайлер, двадцать три года

У меня уже есть ребенок, и самая большая проблема, с которой я постоянно сталкиваюсь, — это правильное распределение расходов. На ребенка уходит очень много денег.

Ава, двадцать два года

Учитывая, что айдженеры ставят финансовый успех выше семьи и при этом постоянно испытывают финансовые трудности, многие из них, очевидно, вообще никогда не будут иметь детей, в результате чего рождаемость снизится до исторического минимума.

Экономические неурядицы — одна из причин, по которой миллениалы затягивали с рождением детей чаще, чем представители любого другого поколения. В 1950-х годах женщины чаще всего рожали в возрасте от 20 до 24 лет. В 1990-х рождаемость в этой

возрастной группе упала на 36 %, а среди женщин в возрасте от 35 до 39 лет взлетела на 63 %.

Айдженеры безусловно продолжают тренд на позднее материнство, соответственно все больше женщин будут рожать после 30, скорее ближе к 40–45 годам (после этого возраста шансы на успешное зачатие, как естественное, так и искусственное, включая ЭКО, снижаются до нуля). Осталось понять, смогут ли технологии в будущем продлить фертильный возраст у женщин; если да, то многим миллениалам и айдженерам это будет интересно.

Изменившееся отношение к сексу, браку и детям безусловно повлияло на репродуктивное поведение. В среднем женщины из поколения беби-бумеров рожали первого ребенка через 2,5 года после начала половой жизни. Представительницы поколения X увеличили интервал до 7,5 года, поскольку сексом они начинали заниматься раньше, а рожать позже. Девушки из поколения миллениалов и поколения I затягивают как с началом половой жизни, так и с рождением первого ребенка, но при этом они увеличили интервал до 8,3 года. Таким образом, временной промежуток между первым сексом и родами впервые в истории не только расширился, но и заметно сдвинулся (см. рис. 8.7).

Подобные изменения не проходят для айдженеров бесследно. Дело в том, что способность к деторождению, а значит, и стремление к продлению рода появляются у людей в достаточно юном возрасте.

У меня семеро братьев и сестер, и с восьми лет я мечтаю создать свою собственную семью. В старшей школе мама реально приходила в ужас, когда я говорила ей, что очень хочу ребенка.

Джанель, восемнадцать лет

Однако типичные для всех айдженеров страхи и довольно небольшой опыт отношений мешают Джанель решиться на брак.

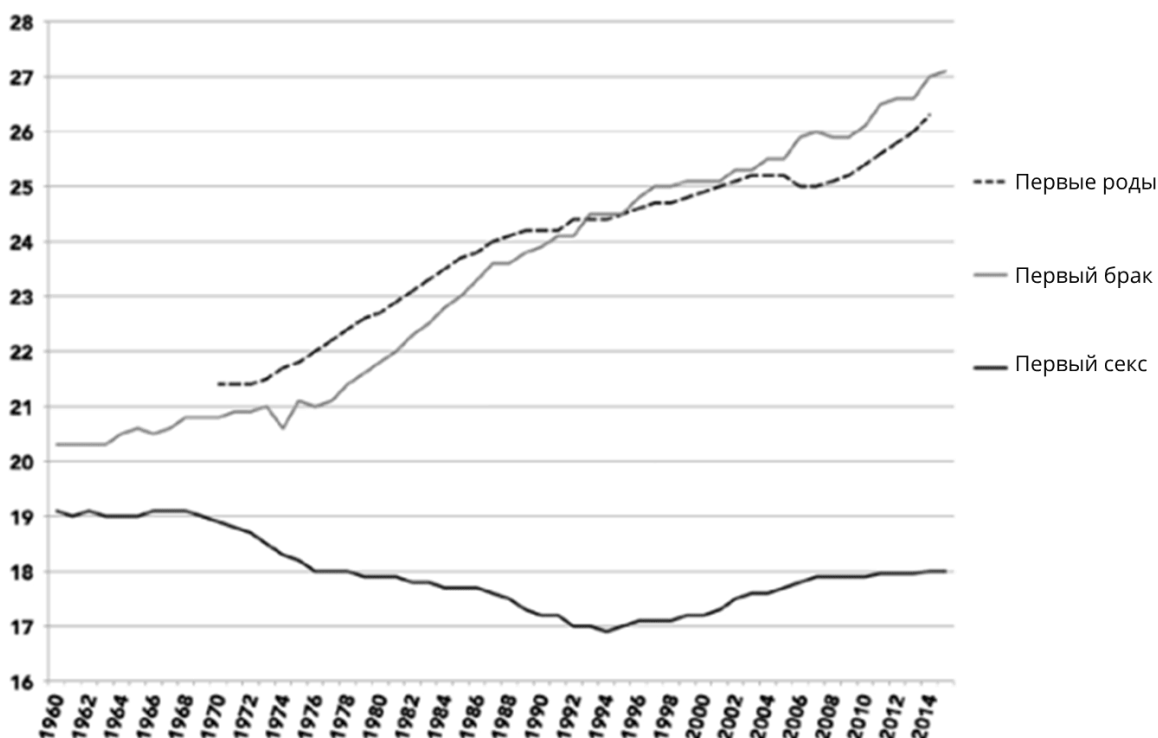

Рис. 8.7. Средний возраст начала половой жизни, вступления в брак и первых родов, 1960–2014. U. S. Current Population Survey, and Centers for Disease Control and Prevention

Брак пугает меня. У меня никогда не было долгих отношений, поэтому сама мысль, что всю жизнь мне придется прожить с одним человеком, приводит меня в ужас.

Джанель, восемнадцать лет

В целом айдженеры хотят иметь детей, но опасаются, что не смогут их обеспечить всем необходимым, а также боятся долгосрочных отношений, в которых, как правило, дети и появляются.

Что ждет нас в будущем? Существует несколько возможных сценариев. Первый — айдженеры будут иметь детей, но выглядеть все будет совсем не так, как мы привыкли. Учитывая их осторожность в отношениях, надо думать, что многие предпочтут растить детей в одиночку, а в случае незапланированной беременности не посчитают нужным жить под одной крышей с партнером. Возьмите, к примеру, участника бойз-бенда One Direction Луи Томлинсона, бывшая пассия которого Бриана Юнгвирт заявила в 2015 году, что ждет от него ребенка. На тот момент им было по 23 года. «Беременность стала для него сюрпризом, но они с Брианой очень, очень близкие друзья, а

беременность сблизил их еще больше, — рассказал общий друг пары журналу People. — Хотя они уже не в отношениях, их дружба крепка, как никогда, и они невероятно счастливы, что скоро станут родителями». Вполне возможно, что в скором будущем эта модель отцовства и материнства станет образцовой: мы никогда не поженимся, не будем жить вместе или иметь отношения, но мы останемся хорошими друзьями и будем вместе воспитывать нашего общего ребенка. (А может, и нет — в 2016 году между Томлинсоном и Юнгвирт возник спор об условиях опеки над ребенком, после того как у Томлинсона появилась новая девушка.)

В подобных ситуациях сложно иметь более одного ребенка, кроме того, многие хотят воспитывать детей вместе со своим партнером. Если серьезные отношения станут редкостью, то рождаемость неизбежно начнет снижаться. Некоторые признаки прямо говорят об этом. Внебрачных детей в Америке становится все меньше: после многолетнего роста процент детей, рожденных незамужними женщинами, снизился с 52 % в 2008 году до 40 % в 2015 году. Учитывая, что вступление в брак принято откладывать до последнего, а вне брака женщины рожают все реже, можно предположить, что решение о рождении первенца если и будет приниматься, то не раньше, чем в 30 лет.

Все тренды движутся в одном направлении: молодые люди реже занимаются сексом, реже имеют серьезные отношения и реже ставят брак и семью на первое место. Высокие расходы на жилье и воспитание ребенка, тем более двух или трех, могут стать непреодолимым препятствием. Указанные тренды подразумевают, что бездетных айдженеров будет больше, а один-единственный ребенок в семье перестанет быть редкостью. США повторяют опыт Европы, где рождаемость давно не обеспечивает простого воспроизводства населения, а брак является необязательной опцией. Нежелание вступать в серьезные отношения и иметь детей могут оказаться долгосрочными трендами, а не временными отклонениями. Если это действительно так, то айдженерам суждено стать самым одиноким и бездетным поколением за всю историю Америки.

Глава 9. Инклюзивность: ЛГБТ, гендер и расовые предрассудки в Новую Эпоху

Когда в июне 2015 года Верховный суд США легализовал однополые браки на всей территории страны, на официальной страничке Snickers в Twitter появилась картинка с изображением шоколадного батончика в радужной обертке и подписью «Оставайся тем, кто ты есть», телекоммуникационная компания AT&T раскрасила свой логотип в цвета радуги, а авиакомпания American Airlines написала в Twitter: «Мы на борту. Разнообразие делает всех нас сильнее, & сегодня мы празднуем #MarriageEquality».

Крупные компании боятся отпугнуть клиентов и поэтому крайне редко высказываются на социально значимые темы. Для такой компании, как American Airlines, штаб-квартира которой находится в Техасе, всего лишь один подобный твит мог обернуться потерей очень большого числа лояльных клиентов. Однако American Airlines и другие компании смотрят вперед и всеми способами добиваются расположения подрастающего поколения, от которого в ближайшие годы будет зависеть их будущее. Все компании хорошо понимают, что айдженеры не просто ждут, а требуют от них признания равенства всех людей независимо от их взглядов, сексуальной ориентации или происхождения.

Неважно, идет ли речь о правах ЛГБТ, гендерной идентификации или расовой дискриминации, айдженеры ожидают равного ко всем отношения и сильно удивляются, даже приходят в шок, когда сталкиваются с предрассудками. В то же время проблема неравенства далека от разрешения: хуже того, она до сих пор разделяет айдженеров и отдаляет различные поколения друг от друга. Так, несмотря на потрясающие результаты, достигнутые в борьбе за равенство, победа оказалась неполной. В 2017 году, когда первые айдженеры достигли совершеннолетия^[23], споры о правах ЛГБТ, гендерном и расовом равенстве неожиданно вспыхнули с новой силой.

ЛГБТ: Любовь побеждает

Кэмерон всегда знал о существовании геев и лесбиянок; его родной дядя был геем, а сам он не застал те времена, когда однополые отношения выглядели в лучшем случае странно. Вероятно, поэтому он полностью одобряет легализацию однополых браков.

Нет ни одной веской причины выступать против однополых браков. Утверждая, что человек не может вступить в брак с тем, с кем он хочет, ты не признаешь геев и лесбиянок равными себе.

Кэмерон

Когда в 1998 году первые айдженеры пошли в детский сад, на телеканале NBC дебютировал сериал «Уилл и Грейс» (первый ситком, главный герой которого был геем), а когда они перешли в начальную школу, такие реалити-шоу как «Натурал глазами гея» сделали гомосексуальность уже не просто мейнстримом, а модой. Поколение I выросло на сериале «Хор», героями которого были геи, лесбиянки, трансгендеры, кроме того, в сериале периодически принимали участие многие знаменитости. И сравните теперь современную молодежь с беби-бумерами, заставшими времена, когда гомосексуалы подвергались арестам в клубе Stonewall; с представителями поколения X, которые в разгар эпидемии СПИДа были тинейджерами и не понаслышке знают, что такое настоящая гомофобия; с миллениалами, которые были подростками, когда Билл Клинтон подписал закон против легализации однополых браков, а Эллен ДеДженерес с удивлением узнала о досрочном закрытии своего ситкома вскоре после его выхода. Напротив, айдженеры едва ли помнят времена, когда однополые браки были запрещены, зато хорошо знают ведущую популярного ток-шоу Эллен, состоящую в браке со знаменитой актрисой из ситкома «Замедленное развитие», который они смотрят на Netflix.

Как поет двадцативосьмилетняя кантри-певица Кейси Масгрейвс: «Шумите и целуйтесь с ребятами/или с девчонками, если так хочется». Согласитесь, что ваши родители выросли на других кантри-песнях. Однако для айдженеров в них нет ничего необычно. «Я верю, что люди могут делать со своими телами все, что захотят, — говорит

Масгрейвс. — Большинство молодых людей, слушающих мою музыку, полностью согласны с тем, о чем я пою».

В 2000-х и 2010-х отношение к лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгендерам (ЛГБТ) изменилось кардинальным образом. Это было одно из самых быстрых и масштабных поколенческих изменений, о которых нам известно (см. рис. 9.1). Однополые браки признаются в наши дни даже многими консервативными республиканцами и айдженерами.

Истинный консерватор должен выступать за расширение прав американцев жениться на том, кого они любят, а не ограничивать их.

Энтони Ливерис, вице-президент Республиканского колледжа Пенсильванского университета в 2013 году

Подавляющее большинство айдженеров не видят ни одной причины, по которой два лица одного пола не могут вступить в законный брак.

Судя графику 9.2, изменения никак не связаны с возрастом респондентов, поскольку всем участникам опроса было от 18 до 29 лет. Кроме того, он не дает представления о том, в какой мере сдвиг обусловлен поколенческим трендом (затрагивает только молодежь и не касается взрослых и пожилых людей), а также временным трендом (все люди со временем меняют свои взгляды). Однако в опросе General Social Survey (см. рис. 9.2) принимают участие представители всех возрастных групп, следовательно, сравнив текущие взгляды представителей всех поколений, мы сможем обнаружить все интересующие нас разрывы поколений.

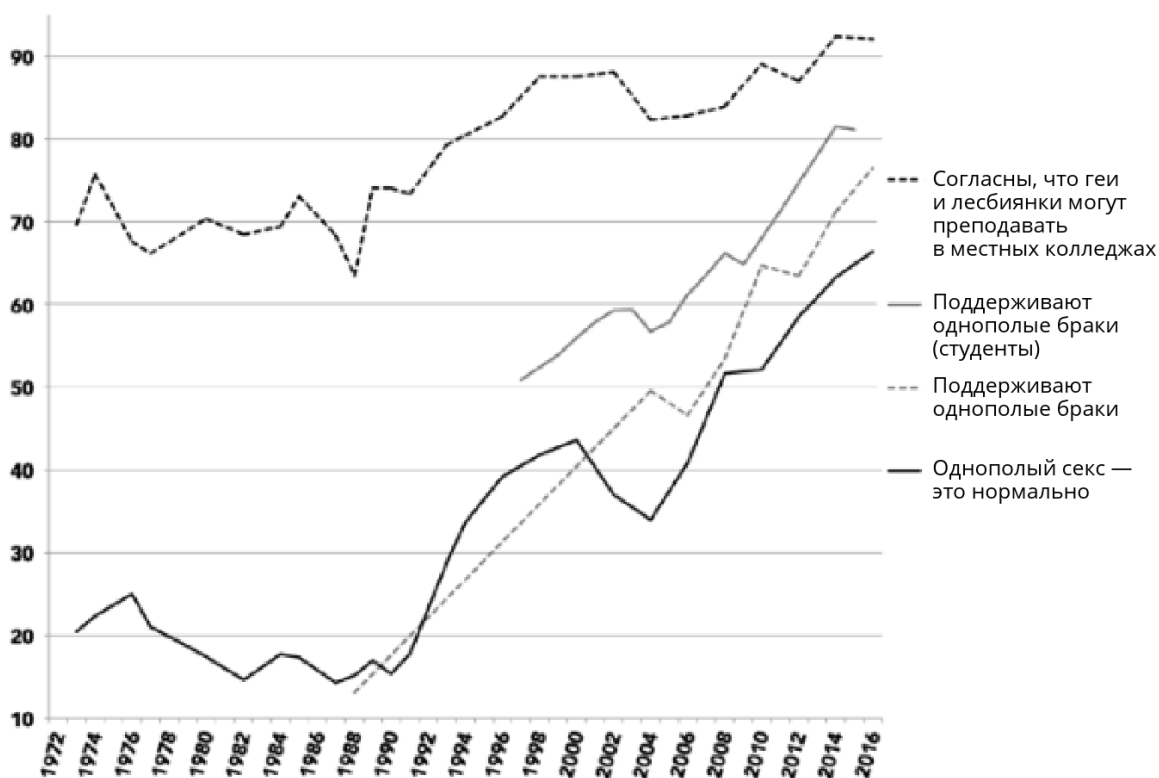

Рис. 9.1. Отношение молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет (General Social Survey) и студентов-первокурсников (American Freshman Survey) к геям и лесбиянкам, 1973–2016

В 2014–2016 году беби-бумеры, поколение X, миллениалы и айдженеры практически единогласно поддерживали геев, преподающих в местных колледжах, исключением стало лишь Молчаливое поколение (70 и более лет), представители которого оказались не настолько единодушны. Взгляды на личную жизнь геев и лесбиянок разнятся от поколения к поколению уже сильнее. В 2014–2016 незначительное большинство представителей поколения X все еще неоднозначно относились к однополому сексу. Айдженеры и самые молодые миллениалы, напротив, не видели в мужской и женской гомосексуальности, равно как и в однополых браках, ничего плохого. Однако, несмотря на все изменения в обществе, ЛГБТ-проблематика за последние несколько лет стала причиной появления серьезного разрыва поколений (рис. 9.2).

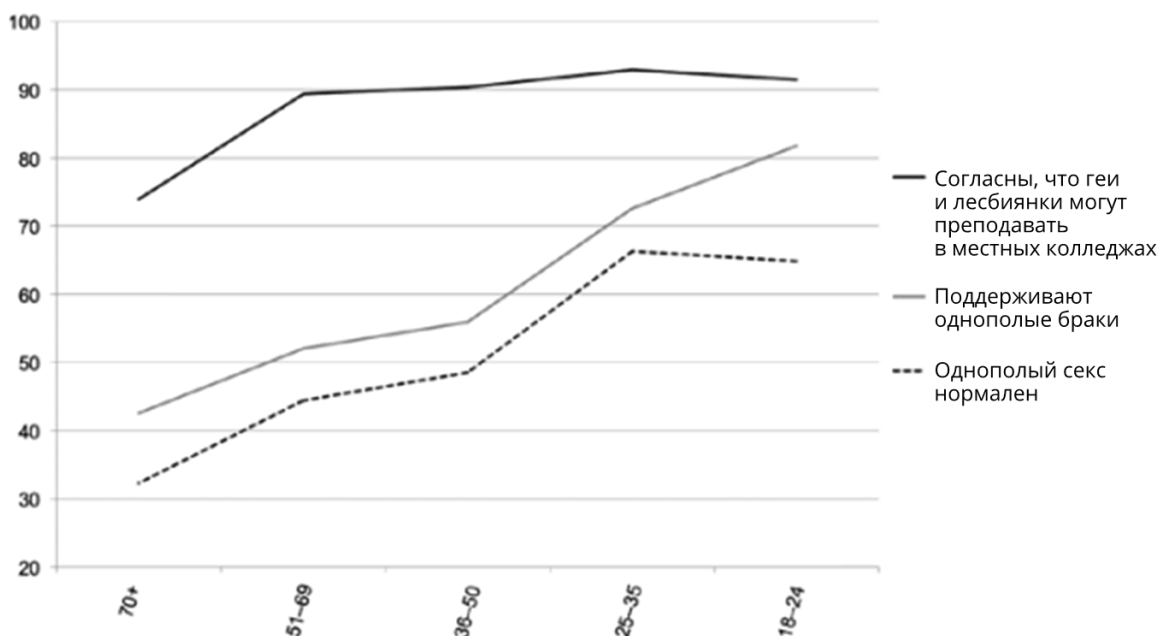

Рис. 9.2. Отношение взрослых людей всех возрастных групп к геям и лесбиянкам. Generational Social Survey, 2014–2016

Для многих айдженеров ЛГБТ-проблематика и присущий им индивидуализм тесно взаимосвязаны. Они настолько привыкли принимать других людей такими, какие они есть, что, кажется, любой вопрос на эту тему вызывает у них зевоту.

К ЛГБТ я отношусь так же, как к добрачному сексу: никак. Мне все равно. Я бы не стала этим заниматься, но если ко мне это никак не относится и никак на меня не влияет, то я не имею никакого права говорить людям, что им делать и во что верить... Я бы не пошла на митинг в их поддержку, но сами они могут делать что хотят.

Райли, семнадцать лет

В свою очередь, двенадцатилетняя Харпер выражает общее мнение поколения, которое не застало времена, когда однополые браки были запрещены во всем мире.

В ответ на мой вопрос о том, что она думает об однополых браках, Харпер отвечает:

Я вообще никогда об этом не думала. Когда ты видишь двух людей одного пола вместе, ты просто думаешь, что это нормально и

не считаешь их странными или отличными от других. Ты, типа, думаешь, что они такие же, как и ты, просто у них другой гендер.

Даже многие религиозные тинейджеры принимают однополые браки как должное. Четырнадцатилетняя Эмили, с которой мы познакомились во второй главе, регулярно ходит с родителями в одну из церквей в пригороде Миннеаполиса. Когда я беседую с ее старшим братом, он говорит, что, по мнению его церкви, брак — это союз мужчины и женщины. Но когда я задаю вопрос об однополых браках Эмили, она отвечает:

Я горжусь этими людьми — они стояли до конца и победили. Возможность заключить такой брак позволяет людям радоваться жизни и быть самими собой.

Эмили

Когда я спрашиваю, чем ее поколение отличается от предыдущих, она говорит: «Люди не боятся быть самими собой». Даже на Юге эта проблема уже отошла на второй план. Двадцатилетний Дарнелл говорит, что в его церкви в Джорджии, в которую ходят преимущественно чернокожие, пастор «никогда не поднимают эту тему. ЛГБТ-сообщество сейчас настолько велико, что, думаю, лучше эту тему не затрагивать».

Несмотря на огромные изменения, каждый третий айдженер по-прежнему как минимум неоднозначно относится к однополую сексу, а каждый четвертый не одобряет однополые браки. Эти молодые люди часто стремятся привести свое современное воспитание в соответствие с религиозными представлениями о греховности гомосексуализма. С восемнадцатилетней Софией мы встречаемся на фуд-корте одного из студенческих кампусов Сан-Диего. Она родилась в Южной Америке, еще совсем маленьким ребенком оказалась в США, а выросла в небольшом калифорнийском городке. Потрясающе красивая девушка с темно-кариыми глазами и доброй улыбкой, она каждое воскресенье ходит в церковь и верит, что секс возможен только в браке. Со своим бойфрендом — первым парнем, с которым она поцеловалась еще в восьмом классе, — они уже приняли решение пожениться в ближайшем будущем.

Когда я спрашиваю Софию, что она думает о решении Верховного суда по однополым бракам, она отвечает:

Для меня это очень сложный вопрос. Я не думаю, что одни люди заслуживают больше счастья, чем другие.

Бог создал всех нас такими, какими мы должны быть, не может быть никакой ошибки в ситуациях типа «Ого, ей нравятся девчонки». Меня вообще сильно огорчает, что христиане осуждают людей за то, кем они являются. Это противоречит сути христианства, которое учит принимать людей такими, какие они есть, и любить их, несмотря ни на что. Именно так всегда поступал Иисус, но многие совершенно забыли об этом. Все проблемы из-за того, что геи и лесбиянки идут на поводу своего полового влечения. Господь не говорил, что они грешны просто потому, что являются геями, всем дан выбор, и они сами делают его, если поддаются влечению.

Только в этом случае возникают все сложности, поскольку брак — это союз мужчины и женщины. Но я не верю, что они не заслуживают счастья: подавляя влечение, они теряют частичку счастья.

София

Убеждение Софии «люди должны быть теми, кем они являются» никак не противоречит христианству, но она до сих пор не может принять гомосексуальность и однополые браки как данность. Впрочем, София является редким исключением из правил, и по мере дальнейшей легализации однополых браков число их противников будет неуклонно снижаться.

Если современное поколение все чаще считает однополый секс абсолютно нормальным явлением, значит ли это, что молодежь одновременно стала им чаще заниматься? Значит: количество молодых женщин, занимавшихся сексом как минимум с одной женщиной, выросло практически втрое с начала 1990-х. Мужчины также все чаще рассказывают о своем гомосексуальном опыте (см. рис. 9.3). Вполне возможно это говорит не о росте числа гомосексуалов, а о том, что люди стали реже скрывать свой гомосексуальный опыт.

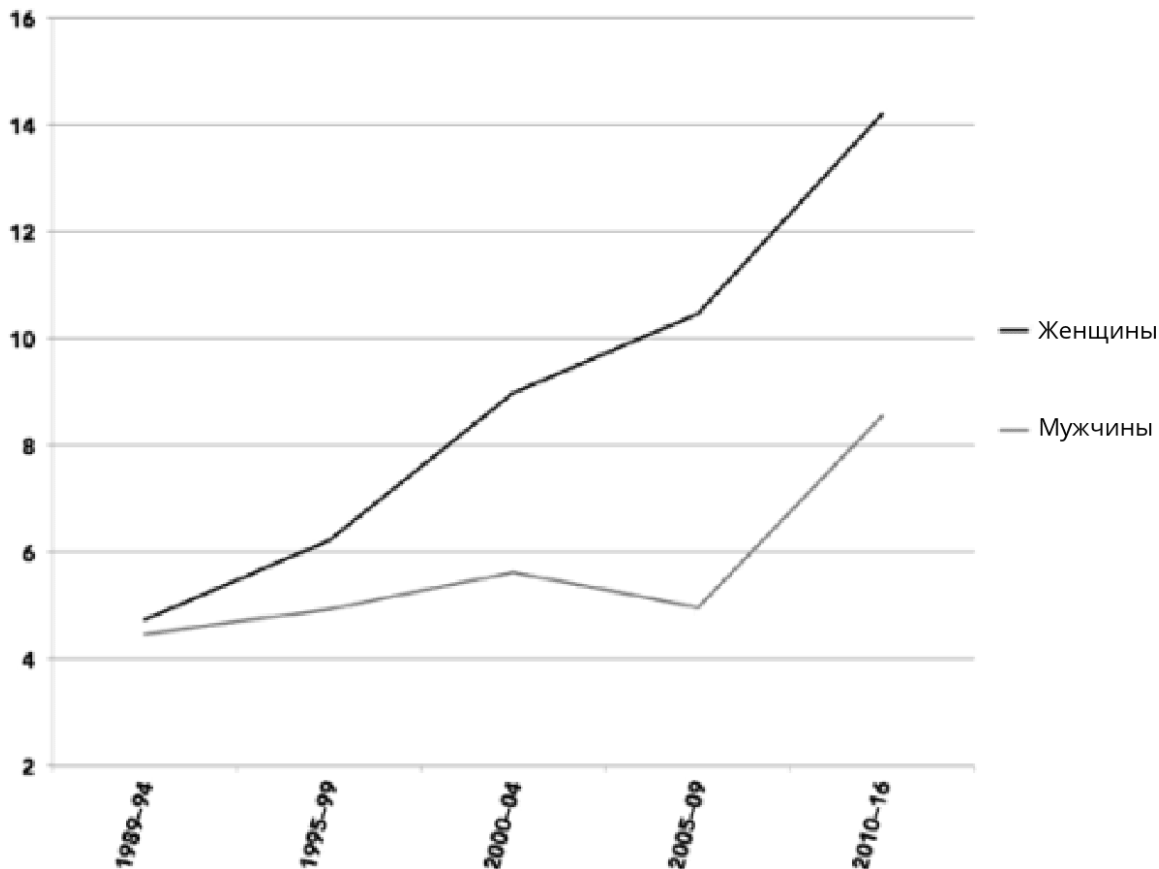

Рис. 9.3. Процент мужчин и женщин в возрасте от 18 до 29 лет, имевших как минимум одного сексуального партнера одного с ними пола после достижения 18-летнего возраста. General Social Survey, 1989–2016

Разрыв поколений особенно заметен, когда речь заходит о лесбийском сексуальном опыте. По данным за 2014–2016 год, только 6 из 100 американок, рожденных в 1940–1950-х годах, когда-либо в жизни занимались однополым сексом. В то же время, каждая седьмая женщина, рожденная в 1980–1990-х годах, уже имеет соответствующий опыт, несмотря на то что они прожили на несколько десятков лет меньше. Женщины-миллениалы и айдженеры с очень высокой вероятностью будут заниматься сексом с другими женщинами чаще, чем их предшественницы.

Бисексуальность — сексуальные контакты с партнерами как своего, так и противоположного пола — также находится на подъеме.

Процент взрослых американцев, имеющих бисексуальный опыт, вырос с 1990 по 2016 год почти в четыре раза (с 3 % до 11 %). Вероятно, это объясняется модным трендом, зародившимся в

студенческих кампусах и получившим название LUG^[24] и BUG^[25], что означает — женщины, которые в молодости предпочитают иметь однополые отношения, а закончив колледж, начинают встречаться с мужчинами и выходят замуж (еще их называют «hasbian», от англ. «has-been» — была в недалеком прошлом и «lesbian» — лесбиянка). В целом значительный рост бисексуальности, очевидно, говорит о том, что многие люди занимаются сексом как с мужчинами, так и с женщинами и при этом не идентифицируют себя в качестве геев, лесбиянок или бисексуалов. На самом деле, только 4 % населения однозначно причисляют себя к ЛГБТ, а остальные просто имеют некоторый опыт однополых отношений.

Подобная гибкость в выборе гендера своего сексуального партнера привела некоторых айдженеров к мысли, что на людей вообще не следует навешивать ярлыки, обозначающие их сексуальную ориентацию.

Я не из тех, кто навешивает ярлыки. Я буду встречаться с человеком, который сделает меня счастливым независимо от его гендера.

Джеймс, двадцатилетний студент Колледжа Джорджии

Джеймс сказал своим родителям что является геем, а не бисексуалом.

Им не понять привычную нашему поколению размытость границ.

Джеймс

Некоторые знаменитости-миллениалы также не желают или затрудняются определить свою сексуальную ориентацию.

Я не хочу, чтобы меня причисляли к лесбиянкам. Хочу, чтобы меня называли «человеком, который любит людей».

Рэйвен-Симоне

[У меня были] отношения, которые нельзя назвать традиционными. Я не скрываю свою ориентацию, но не хочу, чтобы на меня вешали ярлыки... Я готова полюбить любого, кто полюбит меня такой, какая я есть! Я всегда открыта.

Майли Сайрус

Молодость и трансгендерность

Поколение I — первое поколение, которому с детства понятен смысл слова *трансгендер*. Произошло это отчасти благодаря Кейтлин Дженнер, совершившей в 2015 году трансгендерный переход. Трансгендеры совершают каминг-аут во все более и более раннем возрасте. В январе 2017 года на обложке National Geographic появилась девятилетняя девочка-трансгендер Эйвери. Четырнадцатилетняя Джаз Дженнингс родилась мальчиком, но уже в два года она знала, что на самом деле является девочкой. Будущей звезде шоу «Я Джаз» было всего пять лет, когда ей поставили диагноз «гендерная дисфория». Сейчас она выражает недовольство, что ей вообще поставили в прошлом диагноз. Во время интервью журналу Cosmopolitan она находит в телефоне определение слова «диагноз» и зачитывает его вслух:

Диагноз — идентификация заболевания или других проблем со здоровьем по симптомам. Я выгляжу больной? Я похожа на человека, у которого есть проблемы? Быть трансгендером — не значит иметь проблемы. Это не болезнь, это наша сущность.

Трансгендерность — это не проблема и не болезнь. Это моя сущность.

Джаз Дженнингс в интервью Cosmopolitan

На полное принятие обществом трансгендеров может потребоваться некоторое время. У Джеймса есть брат-трансгендер, но поначалу их родители думали, что он лесбиянка.

Но когда выяснилось, что он транс, отец опешил и спросил меня: «А что это?» После этого отношения между братом и отцом испортились очень надолго. Отец просто не понимал, что значит быть трансгендером. Он говорил: «У меня есть дочь. Дочь не может быть сыном».

Он воспринимал это как дурость, говоря: «Он ведет себя как мальчик, хочет одеваться как мальчик, хочет быть мужчиной, а все друзья подыгрывают ему. Он может говорить что угодно, но если снять с него одежду, то любой все равно увидит перед собой биологическую девушку». Мой отец ничего не понимал. Для него это было непостижимо.

Джеймс

Тинейджеры, с которыми мне довелось побеседовать, в большинстве своем относились к трансгендерам неоднозначно, поскольку люди, считающие, что их гендер не совпадает с физическим телом, нарушают базовый принцип айдженеров — «будь тем, кто ты есть». Так, например, Эмили поддерживает однополые браки, но не понимает трансгендеров.

Думаю, каждый человек рождается тем, кем должен был родиться, и поэтому я не одобряю смену гендера.

Эмили

Трансгендеры? Как Брюс Дженнер? Немного странно это все, они ведь реально меняют свой пол, а не рождаются такими. Мне кажется, этим они перечеркивают свое прошлое. Они не хотят быть самими собой, и мне это не нравится.

Двенадцатиклассник Кевин

Я не согласна с трансгендерами, потому что надо оставаться тем, кем вас создал Бог. Бог создал всех людей на планете такими, какими Он хотел нас видеть.

Не понимаю, зачем менять то, что есть. Думаю, эти люди запутались.

Афина, тринадцать лет

Подростки, которые узнали о трансгендерах на уроках психологии или лично с ними знакомы, рассуждают более взвешенно. Восемнадцатилетний Бен из Иллинойса учился в одном классе с мальчиком-трансгендером. Несмотря на то что Бен и другие одноклассники полностью приняли мальчика таким, какой он есть, сложностей избежать не удалось: даже на изменение имени в школьной документации ушло неожиданно много времени.

Все хотели его поддержать, но совершенно не знали как.

Бен

Девятиклассник Лео из Лос-Анджелеса не согласен с теми, кто говорит, что «Бог никогда не ошибается».

Не их дело говорить людям, что им делать. Трансгендеры меняют не других людей, а себя и никому этим не причиняют вреда. Если они хотят быть трансгендерами, значит, они могут быть трансгендерами.

Лео

Точка зрения Лео становится все более популярной. Когда айдженеры лучше узнают, кто такие трансгендеры, и поймут, что изменение пола говорит о желании *стать* самим собой, они быстро перестанут предвзято относиться к трансгендерам. Так или иначе, но многие пока не готовы пересмотреть свои взгляды.

Гендерные роли: кто и что должен делать?

Представления о гендере сильно изменились за последнее время. Однажды профессор психологии Стэнфордского университета предложил своим студентам разделить на группы, причем их могло быть больше двух, в зависимости от выбранного гендера. Большинство студентов разделились на мужчин и женщин, однако немало нашлось и тех, кто выбрал группу «К черту гендер». Они не захотели ограничивать себя рамками одного гендера и вообще, по их словам, выступают против гендерных ярлыков.

С легкой руки самих трансгендеров многие заговорили о «текучести» или «флюидности» гендера, что означает не просто изменчивость, но так же и невозможность безусловного разделения гендера на две категории. Шестнадцатилетний сын Уилла Смита Джейден в 2015 году сенсационно появился на публике в юбке. В 2016 году старшекурсник Брауновского университета Джастис Гейнс в ходе интервью студенческой газете попросил, чтобы в статье его называли гендерно-нейтральными местоимениями «хе», «хем» и «хуг» (Местоимение хе используется вместо традиционных местоимений он и она. В зависимости от падежа хе изменяется на хем и хег.) Кто-то предпочитает использовать местоимение «они» вместо «он» или «она». Например, в 2015 году Майли Сайрус встречалась с Тайлером Фордом и однажды описала его в своем Instagram как «би-расовый квир, агендерная персона, про которую надо говорить они/им/их».

Всю жизнь меня пытались убедить, что существует только два гендера. Мне казалось, меня хотят уменьшить физически и затолкать в тесный ящик, в котором я никогда не смогу поместиться.

Тайлер Форд

Возможно, со временем движение в сторону гендерной флюидности начнет набирать обороты, и она станет мейнстримом, но пока об этом говорить не приходится. С точки зрения общества, вы можете быть только мужчиной или женщиной, соответственно, любые промежуточные статусы считаются неприемлемыми. Когда Кейтлин Дженнер во время знаменитого интервью Дайне Сойер совершила каминг-аут, она, несмотря на длинные волосы, все еще выглядела как мужчина и носила мужскую одежду, однако затем Кейтлин пропала на четыре месяца, чтобы изменить свой облик и стать женщиной. Судя по тому, что она сначала дала интервью в качестве мужчины, а потом появилась на обложке *Vanity Fair* сразу в образе сексуальной, едва одетой женщины, Кейтлин разделяет идею гендерной бинарности. Ей не дали (или она сама не захотела), во всяком случае публично, оказаться где-то посередине.

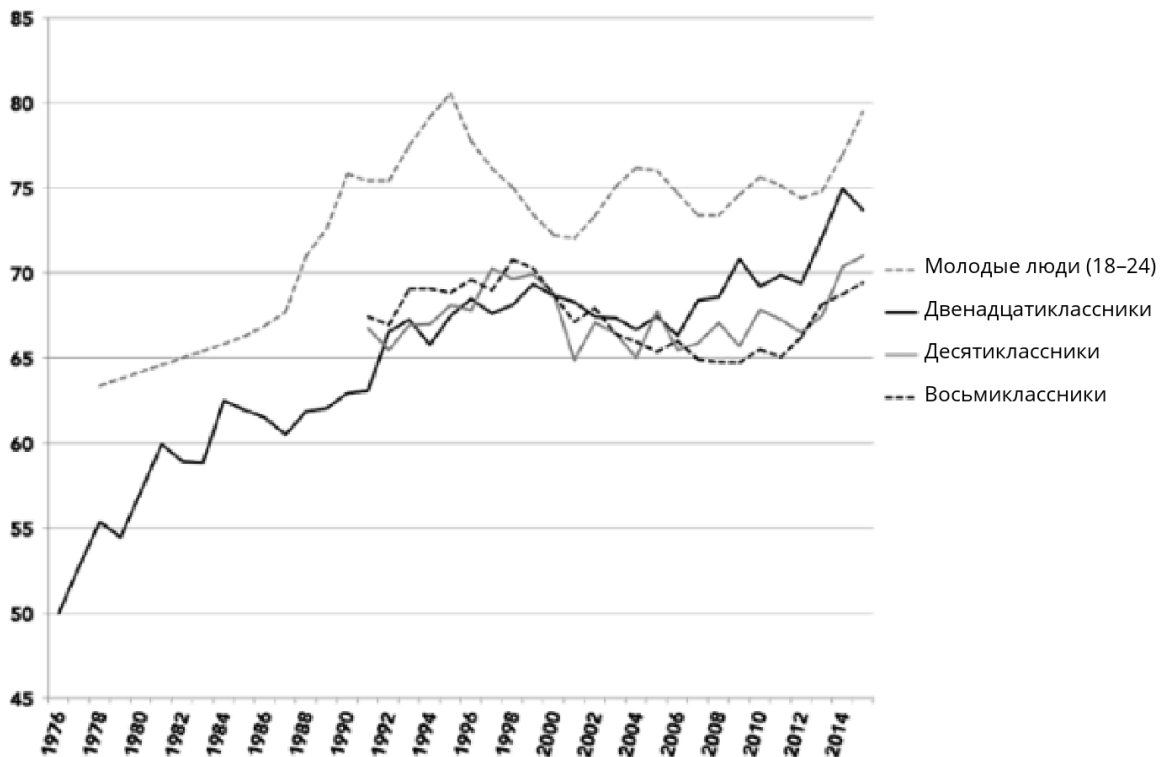

Рис. 9.4. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов (Monitoring the Future), а также молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет (General Social Survey), которые считают, что работающие матери могут сохранить близкие доверительные отношения со своими детьми

Но дело не только во флюидности гендера; американское общество настойчиво продолжает бороться с гендерным равенством. Дискуссии на тему семейных обязанностей не прекращаются до сих пор. Кто должен заниматься с ребенком? Кто должен убираться в доме? Кто должен зарабатывать деньги? Во время лекций по психологии я показываю своим студентам видео, на котором маленькие дети без колебаний отвечают на эти вопросы: когда их спрашивают, кто должен заниматься с маленьким ребенком и наводить порядок в доме, они указывают на куклу Барби, а отвечая на вопрос о том, кто ходит на работу, показывают пальцем на Кена.

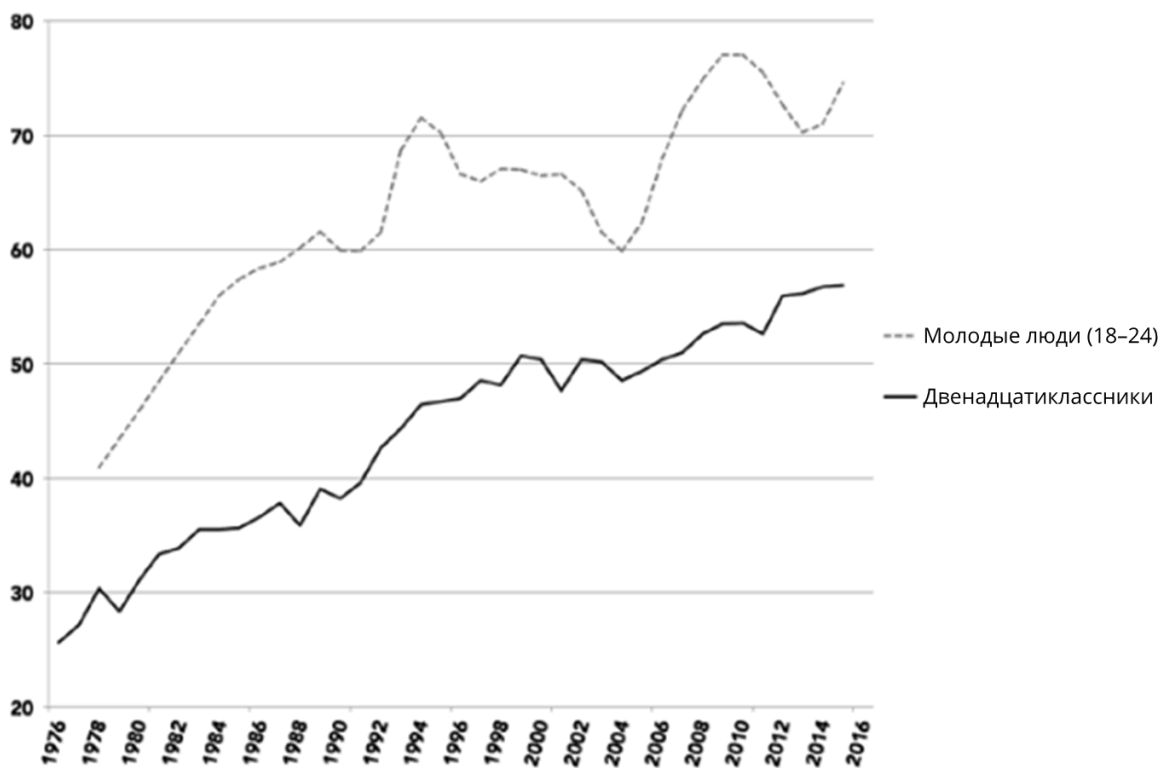

Рис. 9.5. Процент двенадцатиклассников (Monitoring the Future) и молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет (General Social Survey), не согласных с тем, что «дети дошкольного возраста могут страдать, если их мамы работают». 1976–2016 (Замечание: ученики 8-х и 10-х классов не отвечали на этот вопрос)

Движение в защиту работающих мам принесло свои плоды, но не достигло всех целей. Начиная с 1977 года и вплоть до середины 1990-х число американцев, согласных с тем, что работающие мамы имеют со своими детьми такие же близкие отношения, как и мамы-домохозяйки, постоянно росло (см. рис. 9.4). После 2010 года стабильный рост возобновился, и сейчас уже трое из четырех двенадцатиклассников уверены, что работающие и неработающие мамы могут иметь со своими детьми одинаково близкие и доверительные отношения.

Кроме того, большинство айдженеров не согласны с тем, что «дети дошкольного возраста могут страдать, если их мамы работают» (см. рис. 9.5).

Рис. 9.6. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов (Monitoring the Future), а также молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет (General Social Survey), не согласных с тем, что «будет лучше, если мужчина будет зарабатывать деньги и делать карьеру, а женщина заботиться о доме и семье». 1976–2016

В детском саду дети много общаются со своими сверстниками, и это, безусловно, идет им на пользу.

Как бы сильно я ни хотела иметь ребенка и посвящать ему все свое время, я точно знаю, что обязательно продолжу работать. Думаю, работающая мама подает хороший пример своим детям и воспитывает в них уважение к труду.

Присцилла, восемнадцать лет

Беспрецедентная вера айдженеров в гендерное равенство, вероятно, обусловлена их собственным жизненным опытом: в 2015 году две трети двенадцатиклассников — это в два раза больше, чем в 1976 году, — сказали, что их матери всегда или почти всегда работали.

Тем не менее сторонникам гендерного равенства не стоит радоваться раньше времени. Участникам опроса также задавался вопрос, считают ли они, что будет лучше, если мужчина будет зарабатывать деньги и делать карьеру, а женщина сидеть дома и заниматься детьми. Несогласие с таким жестким распределением семейных ролей достигло своего пика в начале 1990-х, а затем пошло на убыль. Число двенадцатиклассников, не согласных с тем, что «все важные решения в семье должен принимать мужчина», достигло рекордно высокого уровня (70 %) также в середине 1990-х, однако к 2015 году снизилось до 61 %. Невероятно, но всего за два десятилетия достижения в борьбе за права работающих мам обернулись возрождением более традиционных взглядов на семейные роли. В то же время в 2014 году появились первые признаки того, что айдженеры начинают разворачивать заданный миллениалами тренд, с тем, чтобы привести его в соответствие со своими представлениями о гендерном равенстве (см. рис. 9.6).

Вполне вероятно, что сдвиг в сторону традиционализма обусловлен трендами, которые мы исследовали в предыдущей главе: молодежь все реже вступает в серьезные отношения, поэтому союз между мужчиной и женщиной они могут описывать во все более традиционных терминах, поскольку считают его слишком старомодным. Если ты не хочешь примерять на себя устаревшие гендерные роли, возможно, думают они, то ни с кем не живи вместе и тем более не вступай в брак. Или же, зная, что, устроившись на работу, мама никоим образом не травмирует психику своих детей, айдженеры продолжают искренне считать, что будет «лучше» (они ведь отвечают на вопрос что будет «лучше», по их мнению), если мамы будут сидеть дома. Кроме того,

социологи Дэвид Коттер и Джоанна Пепин обращают внимание на то, что два вопроса из трех (кроме вопроса о работающих мамах), по сути, являются наводящими, поскольку в них прямо упоминаются только мужчины, а значит, сдвиг в сторону консерватизма может объясняться желанием вернуть мужчинам главенствующую роль в семье. Женщины, конечно, могут работать, как будто бы говорят они, но разве плохо, если мужчины снова станут мужчинами?

Некоторые айдженеры являются сторонниками традиционного распределения обязанностей, но в то же время они понимают, что экономически это не всегда возможно или целесообразно.

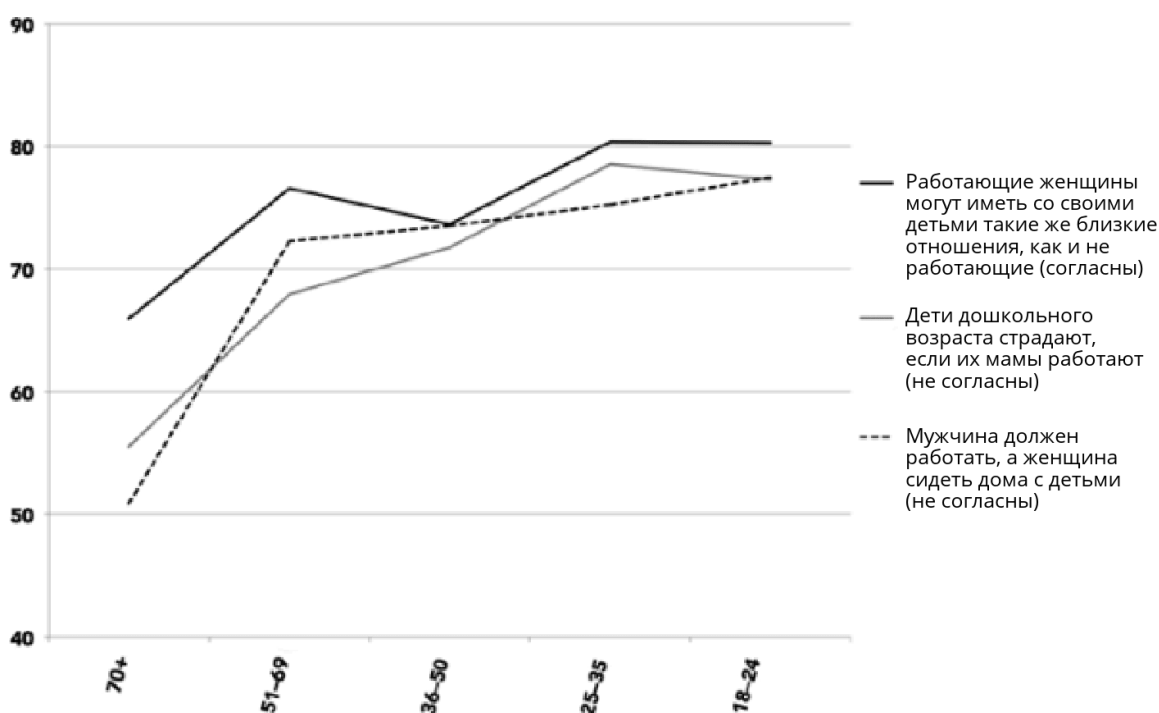

Рис. 9.7. Представления о гендерных ролях у взрослых людей всех возрастов и поколений, General Social Survey, 2014–2016

Если бы у меня был ребенок, то я бы с удовольствием сидела бы с ним дома как минимум до школы, но это мое личное мнение. Другие люди могут думать иначе.

Я уверена, что очень многие женщины намного чаще сидели бы дома и не работали, если бы могли себе это позволить, но они не могут, потому что сейчас оба родителя должны работать, чтобы свести концы с концами.

Карли, девятнадцать лет

Я сомневаюсь, что смогла бы одновременно иметь детей и работать. Даже если у тебя вечером после работы остается, скажем, часов шесть свободного времени, ты все равно будешь сильно вымотанной и не сможешь уделить своему ребенку достаточно внимания. Думаю, в идеале хотя бы один родитель должен не работать, но это нереально.

Ванесса, Девятнадцать лет

Думаю очень непросто одновременно работать и иметь детей, потому что у тебя как бы вообще нет времени на отдых: днем ты на работе, а вечером должна с ними заниматься. Я скорее уволюсь или возьму отпуск, чем буду пахать весь день на работе, а вечером заниматься, например, с тремя детьми.

Харпер, двенадцать лет

Многочисленные исследования доказали, что дети не отстают в учебе и не испытывают никаких страданий, если их родители много работают, однако этих айдженеров, похоже, беспокоят только сложности, с которыми когда-нибудь могут столкнуться они сами или их партнеры. Они еще не сделали ничего из того, о чем говорят, но уже кажутся смертельно уставшими.

Если мы хотим узнать, расходятся ли представления различных поколений о гендерных ролях настолько сильно, чтобы говорить о разрыве поколений, то, как и в случае с ЛГБТ, нам следует тщательно изучить результаты последних опросов представителей всех возрастных групп. Удивительно, но айдженеры, миллениалы и поколение X отвечают на все вопросы практически единодушно, и только представители молчаливого поколения (70 и более лет) имеют намного более традиционные взгляды. Айдженеры и самые молодые миллениалы лишь немногим более прогрессивны, чем представители поколения X, и почти неотличимы от миллениалов в возрасте от 25 до 35 лет (см. рис. 9.7).

Другими словами, в отличие от ситуации с ЛГБТ, в настоящее время удалось достичь практически полного единства мнений относительно гендерных ролей.

Расовый вопрос: мы все вместе, но как-то неохотно

Никого из моих сверстников не волнует вся эта чушь насчет расы, сексуальной ориентации и т. д.

Слова студента, сказанные им во время лекции (New York Times)

В свою очередь профессор, читавшая лекцию, говорит, что это очень распространенное мнение — она сама не перестает восхищаться тем, «насколько легко и непринужденно общаются между собой студенты всех рас и национальностей. За несколько лет я не стала свидетелем ни одного инцидента».

Тем не менее в том же учебном году мощная волна протестов против расизма накрыла студенческие кампусы по всей стране. Водитель грузовика обозвал президента университета Миссури нигером.

Я цветная и постоянно испытываю из-за этого дискомфорт в кампусе.

студентка Колледжа Клермонт Маккена

— Любой белый умник может сказать тебе, что ты слишком хорошенькая для черной.

— Когда тебе в аудитории прямо в глаза говорят «вали назад в свою Мексику».

— Я постоянно слышу расистские высказывания в адрес азиатов, но всем на это плевать. Меня никогда здесь не уважали по-настоящему.

Студенты Висконсинского университета запустили в Twitter хэштег #TheRealUW, чтобы рассказывать о проявлениях расизма, с которыми они сталкивались в кампусе

Одни говорят, что айдженеры являются самыми ревностными сторонниками расового равенства в истории, другие утверждают, что они стремительно скатываются к оголтелому расизму. Кто же прав?

Скорее первые, но все не так просто. В том что касается поддержки расового равенства, айдженеры, как и миллениалы, поддерживают движение «Черные жизни важны» (Black Lives Matter) значительно

чаще, чем представители любого другого поколения — согласно опросу, проведенному в 2016 году Исследовательским центром Пью (Pew Research Center), 60 % белых в возрасте от 18 до 30 лет поддерживали движение «Черные жизни важны», среди представителей поколения X и беби-бумеров (от 50 до 64 лет) таких оказалось 37 %, а среди представителей молчаливого поколения (70 лет и старше) — 26 %.

Я белый, и я поддерживаю движение «Черные жизни важны». Очень хорошо, что люди стали выражать недовольство тем, как полиция обращается с меньшинствами в этой стране. Я рад, что общество наконец обратило внимание на коррупцию и плохую работу полиции — лучше поздно, чем никогда.

Джейсон, двадцать лет

9 августа 2014 года в Фергюсоне, штат Миссури, сотрудник полиции застрелил восемнадцатилетнего Майкла Брауна. Это и еще несколько других громких убийств чернокожих полицейскими резко изменили как мнение подростков о расовом давлении, так и их отношение к полиции. Всего за один год — с весны 2014-го до весны 2015 года — число двенадцатиклассников, недовольных работой полиции, возросло на 29 %, а число тех, кто заявил об ухудшении межрасовых отношений, увеличилось в два с половиной раза. Так же резко взгляды последний раз менялись только на фоне расовых волнений в 1990-х (см. рис. 9.8). Рост расовой напряженности предопределил расовую поляризацию во время президентской кампании 2016 года и обеспечил популярность белым националистам, так называемым «альтернативным правым», или, сокращенно, «альтрайтам». К тому моменту казалось, что американцы раз и навсегда покончили с расизмом — мы выбрали чернокожего президента, признали Бейонсе королевой всех медиа и с удовольствием смотрели сериалы Шонды Раймс на канале ABC. Увы, все это оказалось хрупким перемирием, и, судя по всему, оно нарушено. Согласно опросу, проведенному в марте 2015 года Институтом Гэллапа, 54 % студентов колледжей становились в течение учебного года свидетелями протестов против расовой дискриминации на территории своих кампусов.

Айдженеры болезненно реагируют на любые проявления расизма, потому что всю свою жизнь тесно общаются с представителями других рас и привыкли к равноправному общению. В 2015 году большинство двенадзатикласников сказали, что в их старшей школе как минимум половина учеников принадлежали к другой расе — это в два раза больше, чем в 1980 году. В три раза стало больше тех, у кого есть близкие друзья другой расы.

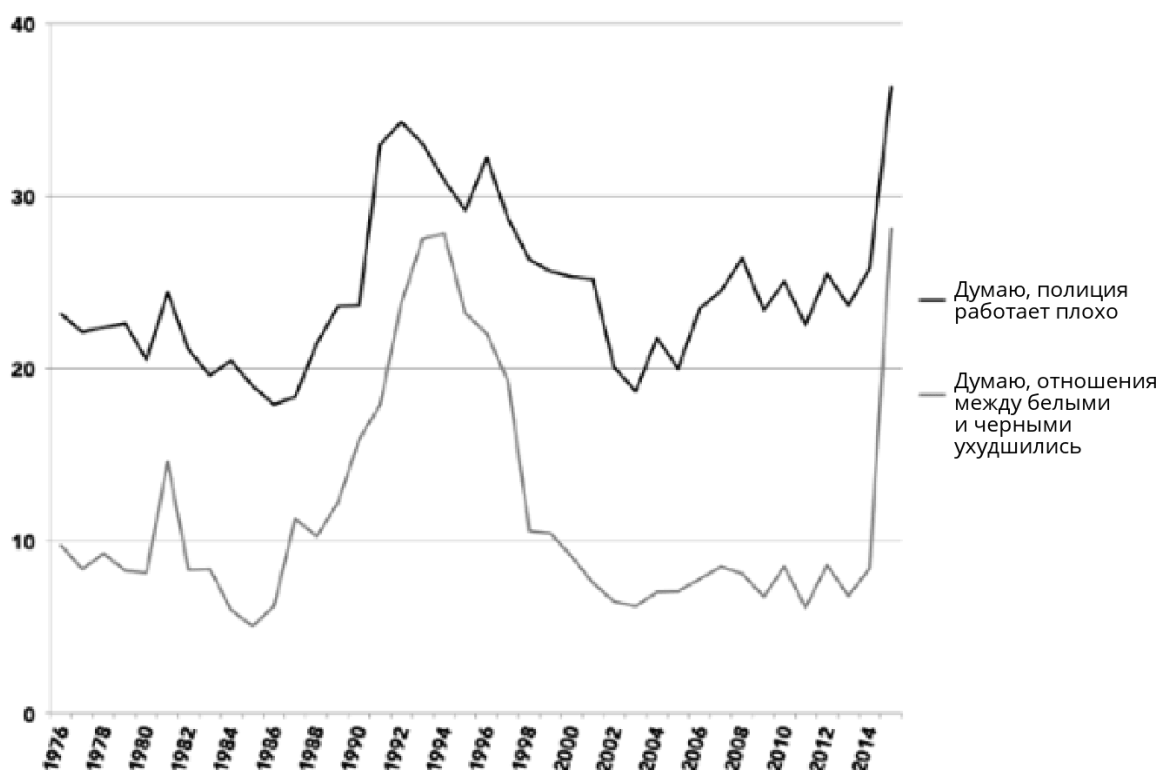

Рис. 9.8. Что думают двенадзатикласники о полиции и расовых отношениях, Monitoring the Future, 1976–2015

Айдженеры не просто учатся в расоводиверсифицированных школах; они постоянно сталкиваются с представителями других рас в самых разных ситуациях, и благодаря этому, по их же словам, намного лучше знают и понимают их (см. рис. 9.9).

Мне очень повезло, что меня окружают латиноамериканцы, белые, черные, азиаты и все остальные типы людей. Думаю, это сильно расширило мои горизонты.

Дарнелл, Чернокожий студент

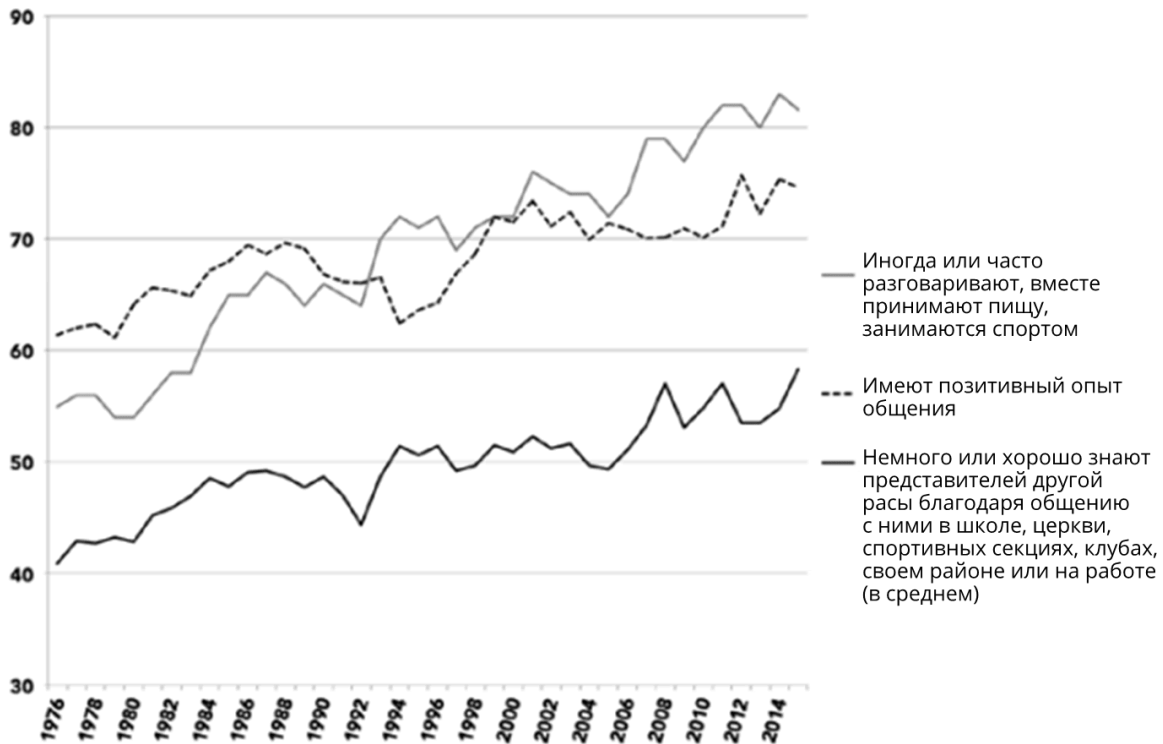

Рис. 9.9. Опыт общения двенадцатиклассников с представителями другой расы.
Monitoring the Future, 1976–2015

Я живу в Ипсиланти, штат Мичиган. Город процентов на 40 «черный», но среди моих соседей белых практически нет — в основном черные либо латиноамериканцы.

Я белая, и меня можно смело отнести к меньшинствам.

Я выросла в городе, который был «белым» на 99 %, поэтому, решив перебраться сюда, я первое время как идиотка сильно нервничала, но оказалось, что тут все то же самое, только черных больше.

Карли, девятнадцать лет

Где бы айдженеры ни жили, где бы ни учились и чем бы ни занимались, они постоянно испытывают на себе последствия рекордной расовой диверсификации общества. Как они сами к этому относятся, все ли их устраивает? Сложный вопрос. С одной стороны, борьба за расовое равенство принесла свои плоды, и прогресс в достижении расового равенства очевиден: число белых подростков, которые хотели бы жить исключительно среди белых, снизилось вдвое.

Кроме того, в два раза больше стало тех, кто хотел бы, чтобы в его окружении были преимущественно представители другой расы.

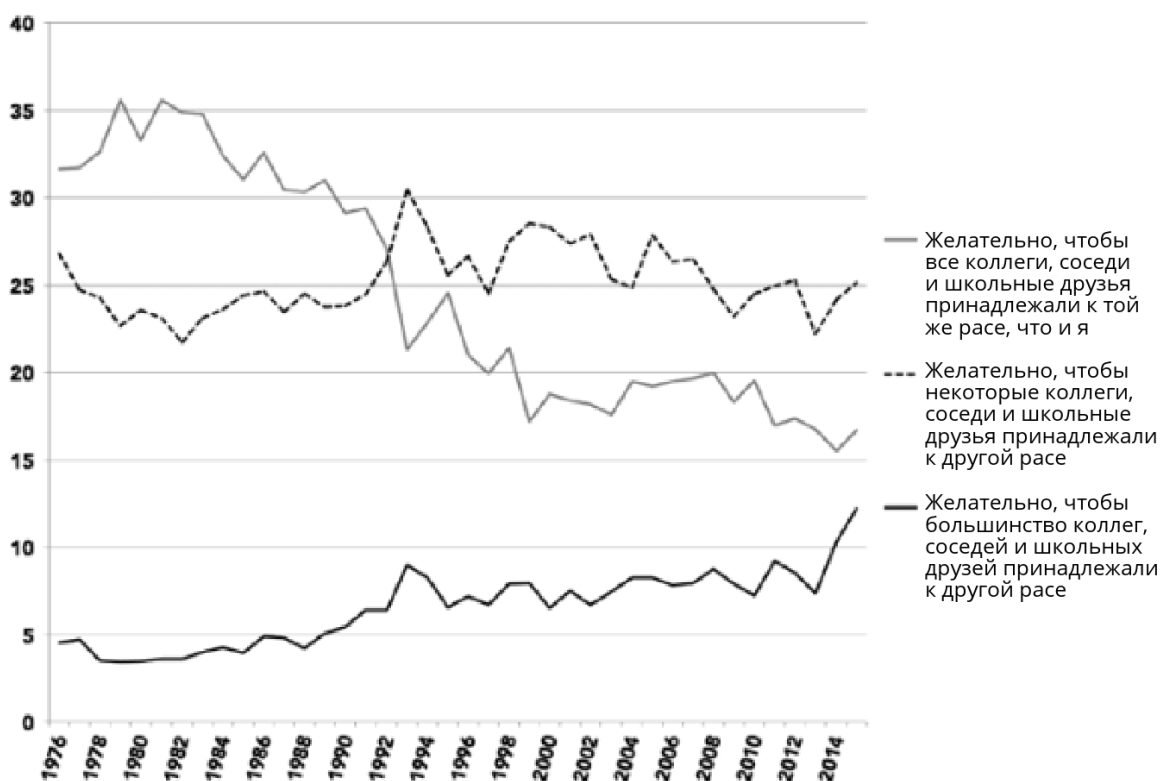

Рис. 9.10. Процент белых двенадцатиклассников, оценивших тот или иной расовый состав своего окружения как «желательный», Monitoring the Future, 1976–2015

Но есть и другая сторона медали. Удивительно, но только каждый четвертый белый тинейджер считает желательным такой расовый состав своего окружения, при котором только «некоторые» люди, с которыми он сталкивается в повседневной жизни, принадлежат к другой расе. Что еще более удивительно, ситуация не меняется с 1970-х (см. рис. 9.10). Испаноязычные и черные подростки придерживаются подобных взглядов несколько чаще: каждый третий. Несмотря на богатый и в большинстве случаев позитивный опыт общения с представителями других рас, большинство айдженеров в ходе интервью оценили расоводиверсифицированную среду всего лишь как «приемлемую», а не «желательную». Если расовое разнообразие считается всего лишь «приемлемым», то понятно, почему в кампусах не прекращаются конфликты на расовой почве, а белые националисты, еще вчера казавшиеся атавизмом, быстро набирают популярность.

Судя по всему, айдженеры толерантно относятся к расовой диверсификации, но, судя по всему, не уверены что эта система идеальна.

Этот же тренд характерен для личных отношений. Белые тинейджеры, которые считают, что всем «желательно» иметь близкого друга, начальника или соседа другой расы, по-прежнему остаются в меньшинстве. Их число почти не изменилось с начала 1990-х, однако в последние годы айдженерам, похоже, удалось переломить этот тренд (см. рис. 9.11). Черные и латиноамериканские подростки относятся к межрасовым отношениям более позитивно: в 2015 году половина из них назвали «желательной» близкую дружбу с представителем другой расы. В целом теперь становится понятным, почему в школьном кафе белые подростки до сих пор сидят отдельно ото всех.

Когда я общалась с айдженерами на эту тему, большинство из них называли расовую диверсификацию «приемлемой», а не «желательной» по одной сугубо айдженерской причине: раса для них не имеет никакого значения.

Тесное общение с представителями другой расы вполне приемлемо, и я, честно говоря, не понимаю, кто и зачем поднимает шумиху вокруг расизма. Цвет кожи — это просто цвет кожи, и ничего больше. Мне было бы все равно, если бы все мои соседи или коллеги отличались от меня цветом кожи, и мне было бы все равно, если бы я оказалась единственной белой среди них. До тех пор, пока все относятся друг к другу с равным уважением, я не вижу никаких проблем.

Лори, двадцать лет

Я черный парень, но я люблю тяжелый металл и другие жанры рок-музыки. Еще я интересуюсь историей Первой мировой войны. Как вы понимаете, в моем районе (он преимущественно черный) сложно найти еще одного человека с такими интересами. Я совершенно случайно познакомился с классным парнем, который был в этой теме, и он оказался белым. Я специально не ищу дружбы с белыми ребятами — все происходит само собой. Люди слишком сильно заиклены на своей расе, но если они пошире раскроют глаза, то поймут, что все мы не настолько разные, как принято думать.

Уильям, двадцать лет

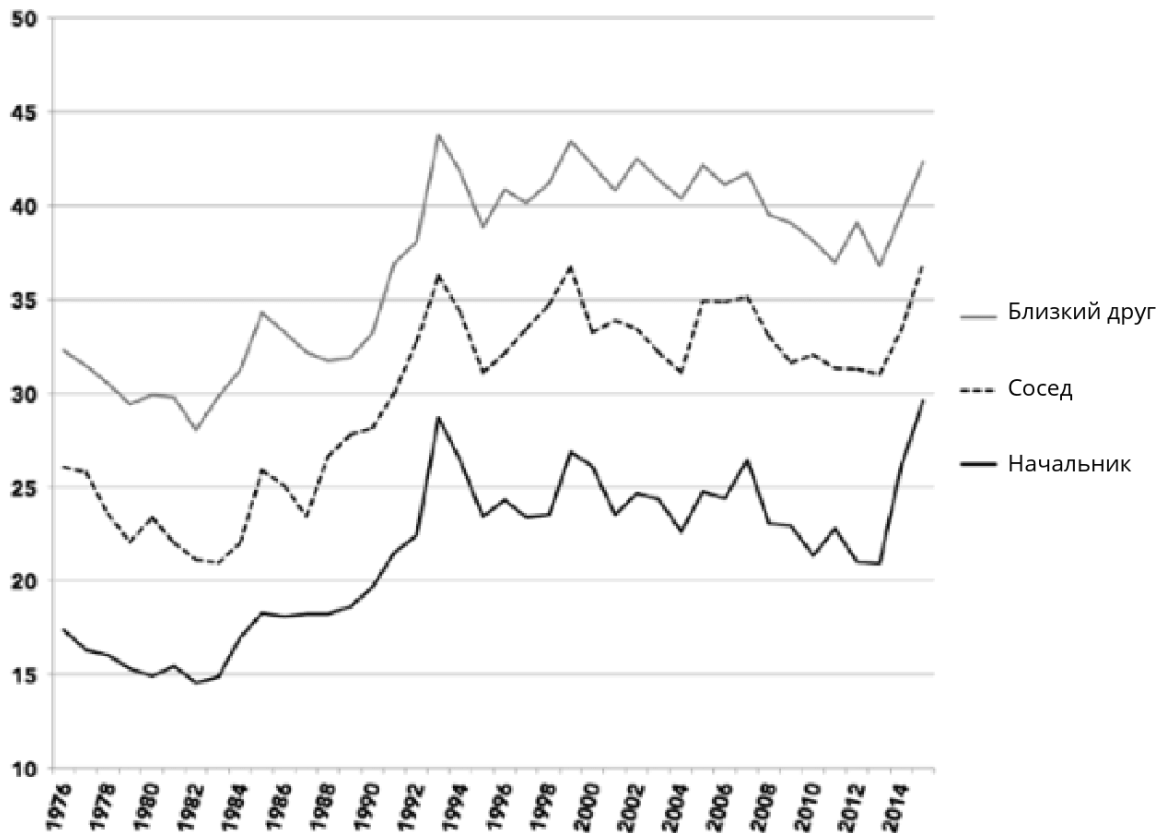

Рис. 9.11. Процент белых двенадцатиклассников, оценивших соседство, а также дружеские и рабочие отношения с представителями другой расы как «желательные». Monitoring the Future, 1976–2015

У меня сложилось впечатление, что айдженеры просто не видят разницы между «приемлемой» и «желательной» расовой диверсификацией своего окружения, потому что сам вопрос им кажется бессмысленным.

Квалификация руководителя не зависит от его расы. Сейчас что, 1950-е?

Хизер, двадцать лет

В наши дни глупо обращать внимание на цвет кожи людей, с которыми ты общаешься. Я белая, но меня не волнуют «цвета», когда речь заходит о моих друзьях.

Только узколобый идиот может находиться в плену архаичных предрассудков.

Франси, двадцать лет

Назвав расовую диверсификацию «желательной», человек демонстрирует избыточный интерес к этому вопросу, а айдженеры по определению не обращают внимание на расу человека.

Тема игнорирования расы неизбежно всплывает, когда мы начинаем выяснять, как расовые проблемы обсуждаются в студенческих кампусах. Не обращать внимание на расу, конечно, здорово — в этом есть свои плюсы, — но также надо понимать, что в этом случае мы перестаем замечать проблемы, с которыми сталкиваются цветные студенты, и вопреки здравому смыслу начинаем отрицать тот факт, что люди, конечно, «видят», кто и к какой расе принадлежит (когда консервативно настроенный гость программы The Daily Show сказал: «Я не различаю цвета», ведущий Тревор Ной иронично заметил: «Вероятно, вы испытываете определенные сложности, стоя на светофоре?»).

Идея игнорирования расы могла спровоцировать стремительный рост белого национализма, если предположить, что некоторые белые недовольны тем, что никому нет дела до их расы. События, произошедшие в 2014–2016 годах, доказали, что претворяться и делать вид, будто расы не существуют, это крайне уязвимая и нежизнеспособная стратегия.

Однако, судя по другим вопросам, удалось достичь существенного прогресса в достижении расового равенства. Число белых американцев, которые не хотели бы, чтобы их близкий родственник вступил в брак с чернокожим или чернокожей, упало с 54 % в 1990-х до 10 % в 2010-х (см. рис. 9.12). Многие айдженеры вообще не понимают противников межрасовых браков.

Честно говоря, я не могу точно сказать, почему межрасовые браки раньше были проблемой. Думаю, сейчас к ним относятся проще, потому что общество стало более толерантным. Большинству американцев доступна информация, которая полностью опровергает расистскую по своей сути идею «чистой расы». Меня сильно удивляет, что смешение рас в прошлом считалось чем-то «плохим» или «аморальным».

Энтони, девятнадцать лет

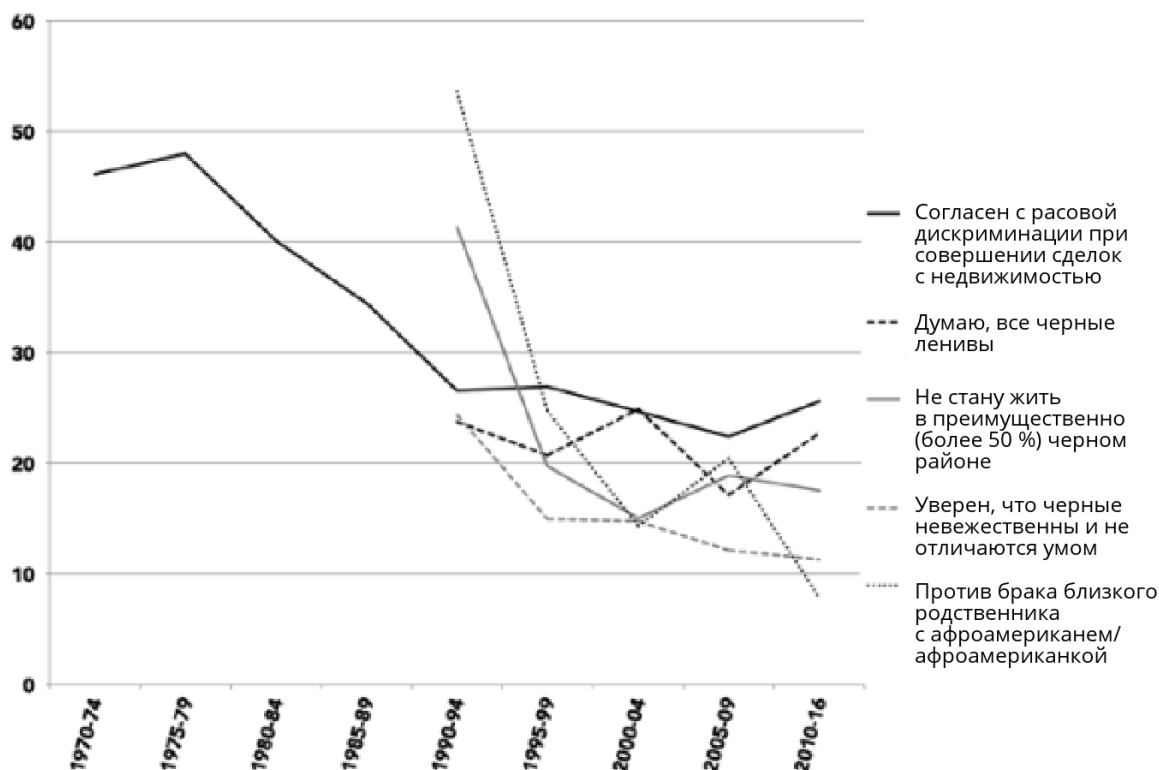

Рис. 9.12. Негативные установки белых американцев в возрасте от 18 до 24 лет в отношении черных американцев. General Social Survey, 1972–2016

Процент белых, категорически не желающих жить в преимущественно черных районах или поддерживающих расовую дискриминацию при покупке, найме или ипотеке жилья, снизился вдвое. В то же время, почти не изменился процент белых американцев, уверенных в том, что все черные — лентяи и бездельники.

21-летний Джейден думает, что в этом, возможно, виноваты СМИ.

Конечно, СМИ рассказывают обо всех преступлениях, но акцент делается именно на преступной деятельности афроамериканцев. Негативный образ афроамериканцев, сформированный и поддерживаемый СМИ и документальными фильмами, сильно влияет на взгляды людей.

Джейден

Для полноты картины нам так же следует выяснить, что сейчас (по данным за 2014–2016 год) думают обо всем этом белые американцы всех возрастов и поколений. Как и следовало ожидать, особняком ото

всех стоит молчаливое поколение (70 и более лет), а вот белые айдженеры и самые младшие миллениалы (см. рис. 9.13) преподнесли сюрприз: именно они чаще всего считают черных лентяями и несколько чаще, чем старшие миллениалы, заявляют, что не станут жить в преимущественно черном районе. Это может говорить как о юношеском невежестве, так и о возрождении белого национализма.

В колледжах дискуссии на тему расового неравенства зачастую сводятся к обсуждению позитивной дискриминации абитуриентов при поступлении в колледж и при назначении стипендий. Учитывая экономическое неравенство и гигантские долги по образовательным кредитам, некоторые белые студенты возмущаются особенным, как они считают, отношением к цветным студентам.

На моем этаже живет черная девушка, которая постоянно жалуется на притеснение и дискриминацию... Сука, я набрал по АСТ^[26] на 12 баллов больше, чем ты, но у тебя есть полная стипендия, а у меня нет.

Студент Висконсинского университета в Yik Yak

Когда студентка Ратгерского университета Иванна Сен-Форт была принята сразу в семь колледжей, ее бывшие одноклассники сказали, что это произошло только потому, что она черная.

Обратный расизм вызывает озабоченность у айдженеров. В ходе опроса молодежи в возрасте от 14 до 24 лет, проведенном MTV, 48 % белых респондентов согласились, «что дискриминация белых стала такой же серьезной проблемой, как и дискриминация расовых меньшинств» (также с ними согласились 27 % цветных участников опроса). Подавляющее большинство, 88 %, убеждены, что несправедливо ставить одну расу выше другой, а 70 % убеждены, что несправедливо предоставлять льготные условия одной расе в ущерб другой, независимо от существовавшего даже в недалеком прошлом расового неравенства (так считают 74 % белых и 65 % цветных). Айдженеры настолько уверовали в свою версию равенства, что многие из них категорически отказываются поддерживать позитивную дискриминацию. Когда к преференциям прибавляется невыносимая экономическая нагрузка, не надо удивляться возрождению расизма в студенческой среде.

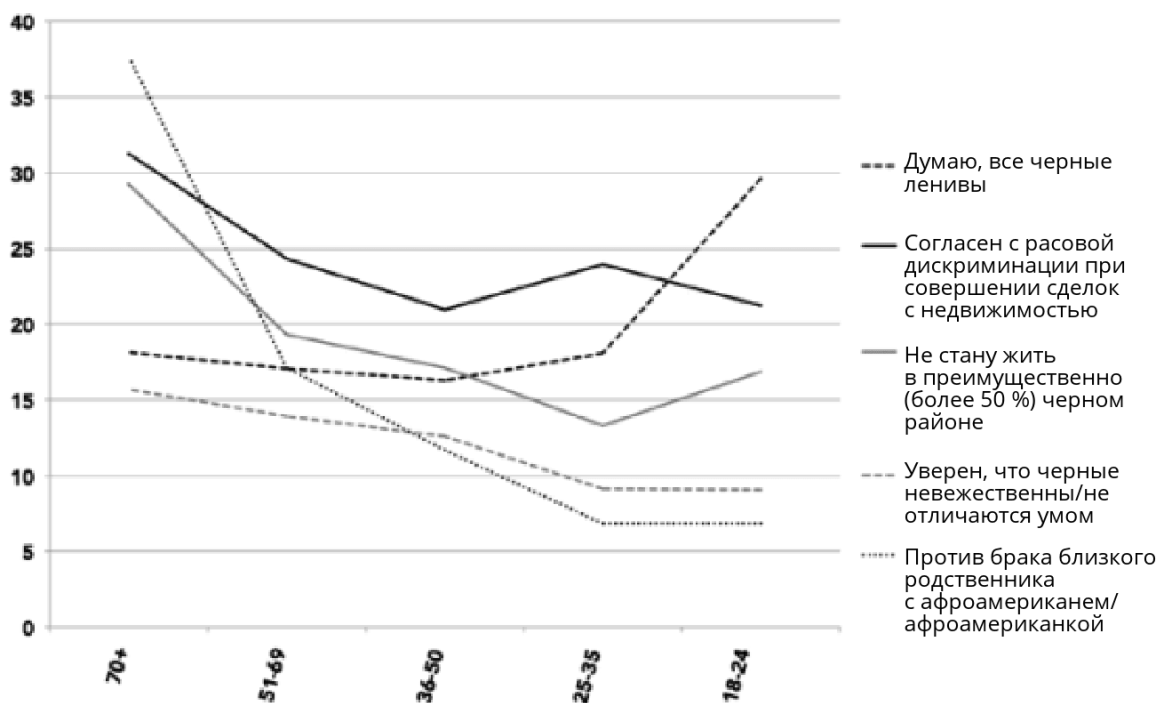

Рис. 9.13. Негативные установки белых американцев (по возрастным группам/поколениям) в отношении черных американцев. General Social Survey, 1972–2016

Вполне возможно, что айдженеры стоят на пороге новой эры положительной дискриминации, но уже не расовой, а классовой. В 2015 году 52 % первокурсников (согласно опросу American Freshman Survey) согласились с тем, что «выходцы из социально незащищенных слоев населения должны иметь преимущество при поступлении в колледж», тогда как в 2009 году так думали 37 % студентов-первокурсников. Айдженеры яростно поддерживают равенство, но при этом не отождествляют его с равенством расовым, а трактуют гораздо шире.

В целом айдженеры имеют несравнимо больший опыт нахождения в расово диверсифицированной среде, чем все их предшественники вместе взятые. Белые тинейджеры все охотнее соглашались иметь чернокожих соседей и родственников, впрочем, этот сдвиг произошел и в других поколениях. Число белых подростков, называющих «желательным» для себя полностью белое окружение, снизилось вдвое, а число тех, кто считает «желательным» расово диверсифицированное окружение, почти не меняется. Исследования в области социальной психологии доказали — простой контакт между

представителями разных рас недостаточен; контакт обязательно должен быть позитивным и осуществляться на равных. Несмотря на то что айдженеры придерживаются более прогрессивных взглядов, чем их сверстники в прошлом, они все еще слишком далеки от принятия пострасизма. Не являются они и постгендерами, поскольку относятся к расовым и гендерным проблемам почти так же, как поколение X и миллениалы. Что отличает айдженеров, так это отношение к ЛГБТ; айдженеры стремятся к еще большему равенству и терпимости в этом вопросе, что в итоге привело к разрыву поколений.

Безопасные пространства, отмена приглашений и предупреждения о неприемлемом содержании (предупреждения о триггерах)

Последние несколько лет в студенческих кампусах не затихает волна протестов против дискриминации. Но это не единственная причина недовольства студентов. Многие требуют полностью искоренить на территории кампусов не только все формы дискриминации, но и т. н. оскорбительную речь — любые слова, заявления и публичные выступления, которые могут обидеть, оскорбить или иным образом задеть окружающих. Разумеется, айдженеры постоянно подвергаются насмешкам и критике за подобную, как многим кажется, избыточную чувствительность. Так или иначе, но борьба за равенство впервые посягнула на свободу слова, гарантированную первой поправкой Конституции США. К особому неудовольствию защитников свободы слова, в кампусах появились «системы учета сообщений о предвзятом отношении», которые позволяют студентам сообщать обо всем, что кажется им оскорбительным. Многие преподаватели отстраняются от работы за ведение дискуссий на расовые темы. Спикеры, выступающие на провокационные и спорные темы, все реже получают приглашения, или же их выступления срываются по инициативе организаторов и слушателей.

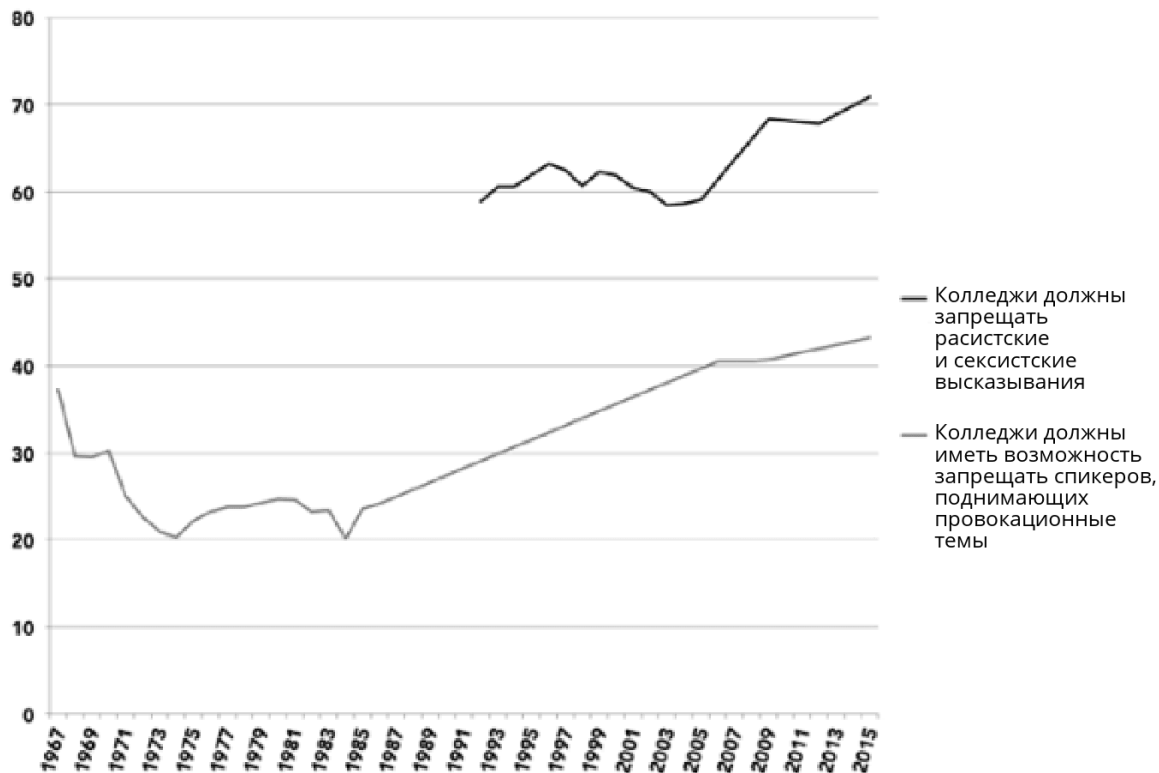

Рис. 9.14. Некоторые представления первокурсников о свободе слова на территории студенческих кампусов. American Freshman Survey, 1967–2015

Что это? Реальное культурное изменение или студенты всегда были такими? Данные многолетних исследований говорят в пользу первого варианта: айдженеры охотно поддерживают ограничение свободы слова (см. рис. 9.14).

Миллениалы также в целом одобряют ограничение свободы слова. Согласно данным Исследовательского центра Пью, 40 % миллениалов и айдженеров считают, что правительство должно бороться с оскорбительными высказываниями в адрес меньшинств, тогда как среди представителей молчаливого поколения сторонников ограничений оказалось 12 %, беби-бумеров — 24 %, а представителей поколения X — 27 %.

Отвечая на вопросы об ограничении свободы слова, многие, вероятно, думают, что речь идет о борьбе с оголтелым расизмом и сексизмом или представляют, как один человек со злости награждает другого человека расистским эпитетом или использует фразы типа

«Все [вставить нужную группу лиц] — [вставить подходящее ругательство]». Когда кто-то записал и выложил видео, на котором два

члена белого братства Университета Оклахомы распевают кричалку про «нигеров», которых никогда не примут в братство и обязательно «повесят на дереве», эти молодые люди были немедленно исключены из братства, а само оно вскоре распалось. Этот инцидент стал предметом жесткой дискуссии о необходимости ограничить действие первой поправки, однако правоведы были готовы оправдать даже такую дику выходку, лишь бы не менять Конституцию. Как написал председатель Верховного суда Джон Робертс в отзыве на решение, принятое большинством голосов по другому делу об изменении первой поправки: «Слово обладает огромной силой. Оно может заставить человека действовать, вызвать слезы как радости, так и печали и... причинить огромную боль. Исходя из всех обстоятельств дела и имеющихся фактов, мы не считаем возможным отреагировать на причиненную боль наказанием спикера. Как нация мы выбрали другой путь — защищать любые, даже самые нелицеприятные и обидные выступления и заявления при обсуждении общественных проблем для того, чтобы не допустить удушения публичных дебатов».

Откровенно расистские инциденты вроде случая в Университете Оклахомы, очевидно, меняют представления о пределах свободы слова. Что изменилось в последнее время, так это то, что все больше и больше заявлений все чаще признаются расистскими или сексистскими, а самые разные спикеры — «экстремальными». Один студент-латиноамериканец посчитал себя оскорбленным, когда его белый приятель использовал испанское слово *fútbol* для обозначения игры в соккер (так в США принято называть европейский футбол). Студент Оберлинского колледжа пожаловался на то, что недоваренный рис в суши, которые он покупает в местном кафе, оскорбляет чувства некоторых студентов из числа меньшинств. Студент Колорадского колледжа был отстранен от занятий на два года (позднее срок наказания сократили до шести месяцев) за анонимное сообщение «Они тоже важны, но они не горячие» в дискуссии с хештегом *#blackwomenmatter* (черные женщины тоже важны), которая велась в приложении Yik Yak. Преподаватель Канзасского университета был отстранен от работы после откровенного обсуждения со студентами расовых проблем в кампусе. Как написала второкурсница Рейчел Хюбнер в *Harvard Crimson* в 2016 году: «Избыточное внимание к чувствам привело к тому, что кампусы стали местом, где каждый

должен очень тщательно подбирать слова и даже слоги, чтобы не дай бог кого-нибудь не обидеть».

Это темная сторона толерантности; все, как обычно, началось с благих намерений, а закончилось (в лучшем случае) нежеланием обсуждать сложные проблемы и вникать в суть вещей или (в худшем случае) разрушением карьеры после неудачного заявления, которое кому-то показалось оскорбительным.

Отчасти это связано с изменением курса правительства. В 2013 году Министерство юстиции и Министерство образования США утвердили расширительное толкование понятия «сексуальный харассмент»: теперь это не только те слова, которые любой «разумный человек» обоснованно сочтет оскорбительным, а вообще любые «нежелательные» слова. Университеты подхватили нововведение и начали активно внедрять новый стандарт, чтобы сделать «нежелательными» любые разговоры про расу, религию и гендер. По сути, они игнорируют первую поправку, поскольку опасаются судебных исков со стороны Правительства.

Предполагается, что сейчас каждый может, опираясь исключительно на свои субъективные ощущения, решить, что некий комментарий профессора или однокурсника оскорбил его или ее чувства, и, соответственно, выдвинуть обвинение в харассменте. Эмоции в наши дни считаются допустимым доказательством.

Грег Лукьянов и Джонатан Хайдтс в журнале Atlantic в 2015 году

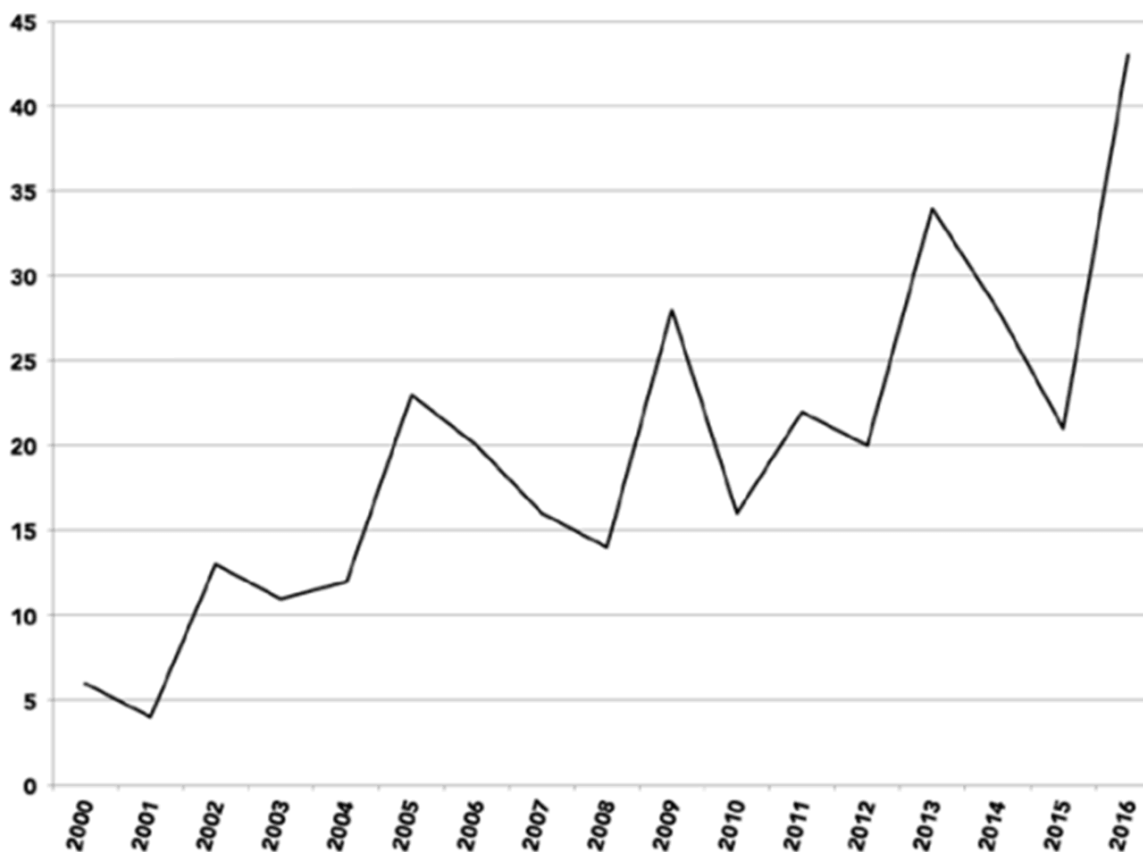

Рис. 9.15. Число приглашенных для выступления в американских колледжах спикеров, приглашения которых были отменены. 2000–2016. Foundation for Individual Rights in Education (FIRE)

Если студенты не согласны со спикером, приглашенным для выступления в кампусе, они, скорее всего, выступят против его приезда. Согласно опросу American Freshman Survey, поддержка запрета на приглашение «экстремальных» спикеров достигла в 2015 году рекордного уровня (см. рис. 9.14). Студентки колледжа Смит однажды потребовали отменить приглашение директора-распорядителя Международного валютного фонда Кристин Лагард; протестующие студенты Ратгерского университета вынудили Кондолизу Райс отменить свое выступление; студенты Брандейского университета заблокировали приезд известной защитницы прав женщин и последовательного критика ислама Айаан Хирси Али. Некоммерческая организация, защищающая свободу слова, установила, что сейчас колледжи отменяют приглашения в пять раз чаще, чем в 2000 году. Это когда-то редкое явление стало вполне обычной практикой. В 2016 году

Фонд защиты индивидуальных прав в образовании зафиксировал рекорд — 43 случая отмены приглашений (см. рис. 9.15).

Думаю, все молодые люди только выиграют от того, что станут более активными, будут чаще задавать вопросы властям, начнут спрашивать, почему надо делать именно так, а не иначе, и не будут бояться задавать трудные вопросы, касающиеся социальной справедливости...

Будут спорить и не соглашаться, а не просто затыкать рот оппонентам. Чего я точно не хочу, так этого того, чтобы чье-то разумное и уважительно высказанное мнение замалчивалось или игнорировалось.

Барак Обама о ситуации с отменой приглашений

Другими словами, протестуйте, но не лишайте слова своих оппонентов.

Политолог Эйприл Келли-Весснер говорит, что неприятие свободы слова некоторыми сторонниками социальной справедливости — сравнительно новое явление: у тех, кто старше 40 лет, представления о свободе слова и социальной справедливости никак не коррелируют между собой, а вот более молодые сторонники социальной справедливости реже поддерживают свободу слова. Согласно проведенному в 2015 году опросу, 35 % студентов убеждены, что первая поправка не защищает «язык ненависти» (на самом деле защищает), а 30 % либерально настроенных студентов считают, что первая поправка безнадежно «устарела». Все это хорошо перекликается с представлениями айдженов о безопасности (см. шестую главу) — эмоциональная безопасность для них так же важна как и физическая, следовательно, слово, по их мнению, является инструментом насилия.

Протесты, охватившие университет Миссури осенью 2015 года, подогревались протестами, организованными движением «Черные жизни важны» в соседнем Фергюсоне и чередой расовых конфликтов, произошедших в студенческих кампусах. Однако события внезапно приняли новый оборот после того, как митингующие объявили о своем праве создавать «безопасные пространства» в государственных университетах и изгонять представителей СМИ. В ходе стычки активистов со студентом-фотографом один из преподавателей крикнул,

что им надо позвать кого-нибудь «покрепче» и прогнать фотографа куда подальше. Сам студент возразил (корректно), что его право находиться в гуще событий гарантировано первой поправкой.

Когда профессора права Калифорнийского университета Ирвайна Говард Гиллман и Эрвин Чемеринский провели с первокурсниками семинар на тему свободы слова, они пришли в ужас от того, насколько охотно студенты поддерживают ограничение свободы, гарантированной первой поправкой. Они поняли, что у них на глазах происходит поколенческий сдвиг: студенты прекрасно знают, какой вред причиняет «язык ненависти», и не понимают, насколько опасны цензура и наказание инакомыслящих. Профессора отметили, что желание ограничить свободу чужого слова может обернуться ограничением свободы твоего слова

Когда власти получают право регулировать свободу слова, неизбежно начинаются злоупотребления властью... На протяжении всей истории США чиновники подвергали цензуре или наказывали несогласных: борцов за отмену рабства, профсоюзных лидеров, религиозные меньшинства, коммунистов, социалистов, критиков существующей культуры, геев и лесбиянок.

Наши студенты осознали, что существование в кампусах «безопасных пространств» — мест, где человек не подвергается нападкам и оскорблениям, — невозможно без введения тотальной цензуры и, возможно, появления новых форм и видов насилия.

Профессора права Говард Гиллман и Эрвин Чемеринский в
Los Angeles Times

Одной из жертв культуры ограничения свободы слова стал, как это ни странно, юмор. Такие комики, как Крис Рок говорят, что больше не выступают в кампусах, потому что студенты стали очень обидчивыми.

Студенты отдадут предпочтение на 100 % безопасному юмору, юмору, который никого не может расстроить, уязвить или даже слегка задеть... полностью лишенный колкостей и агрессии.

Кэйтлин Фланаган в журнале The Atlantic

Закончив предварительное прослушивание, представители колледжа засомневались, стоит ли им приглашать на выступление в кампусе комика-гея, поскольку его шутки о «нахааальном черном

друге» рассмешившие всех слушателей, якобы «увековечивают стереотипы».

Мы не хотим спонсировать мероприятия, которые могут кого-то обидеть.

Президент комиссии по студенческой активности Западного Мичиганского университета Кортни Беннет

Этот случай позволяет увидеть как плюсы, так и минусы университетской толерантности: с одной стороны, она обеспечивает нечто вроде инклюзивности, что хорошо, с другой, что плохо, позволяет быстро и крайне жестко осуждать за любую обидную для кого-то фразу, даже если она была неправильно понята или вовсе была шуткой.

Исключение или новое правило?

Мне стало любопытно, можно ли считать подобные взгляды редчайшим исключением или нет. В поисках ответа я в 2016 году вместе со своими аспирантами опросила двести студентов Государственного университета Сан-Диего, выбравших для изучения предмет «Введение в психологию». Несмотря на то, что исследование проводилось на территории всего лишь одного кампуса, по диверсифицированности студенческого сообщества, влияющей на репрезентативность опроса, наш университет превосходит университеты Лиги Плюща, которые часто упоминаются в историях о безопасных пространствах.

Полученные результаты нас ошарашили: трое из четырех студентов поддержали идею создания безопасных пространств для студентов, несогласных с выступлениями приглашенных «экстремальных» спикеров; более того, трое из четырех студентов согласились с тем, что каждый профессор должен делать предупреждение, если во время лекции собирается затрагивать тему сексуального насилия.

Результаты нашего опроса позволяют понять, почему свобода слова с недавних пор стала предметом острейших дискуссий в колледжах. Почти половина (48 %) студентов Государственного университета Сан-Франциско согласились с тем, что «когда белый студент произносит слово „нигер“ это всегда звучит оскорбительно, даже если он приводит

это слово в качестве примера расовой дискриминации и не обращается ни к кому лично с желанием оскорбить». 52 % согласились с тем, что слово «нигер» могут использовать только черные.

Наказание за нарушение неписаных правил может быть очень жестким. Почти каждый третий студент (28 %) согласился с тем, что «преподаватель, который хотя бы однажды во время занятий проявит бестактность в расовом вопросе, должен быть немедленно уволен» (вопрос был сформулирован максимально расплывчато, ради большего драматизма результатов опроса). Когда жалобу на преподавателя подают почти 30 % студентов, а таких случаев становится все больше, вероятность ее удовлетворения резко повышается. К своим однокурсникам студенты относятся более снисходительно; только 16 % опрошенных считают, что «студент, который хотя бы однажды во время занятий проявит бестактность в расовом вопросе, должен быть исключен из колледжа».

Но больше всего меня поразило другое: 38 % студентов уверены, что «преподаватели не должны на занятиях обсуждать характерные черты и особенности (взгляды, уровень интеллекта и т. д.), присущие той или иной расе». Это требование практически невыполнимо, поскольку невозможно читать лекции по психологии, социологии, экономике, политологии, да и многим другим дисциплинам и не рассказывать об исследованиях, посвященных расовым различиям. Выходит, что, по мнению пусть и значительного, но все же меньшинства студентов, результаты подобных исследований вообще не должны обсуждаться в стенах колледжей. Выглядит это более чем странно, ведь все опрошенные нами студенты изучали предмет «Введение в психологию», а значит, просто обязаны были знать как о расовых различиях, так и о научных методах изучения их. Если даже эти студенты не желают знакомиться с материалами о расовых различиях, то неудивительно, что многие преподаватели боятся поднимать любые темы, даже косвенно связанные с расовыми проблемами, в результате чего дискуссии об этнических и культурных различиях постепенно утихают. А ведь теоретически эти разговоры помогают достичь большего взаимопонимания и, следовательно, решить многие конфликты.

Когда я спрашиваю двадцатилетнего студента колледжа Джорджии Дарнелла, как он относится к занятиям, на которых рассказывают о

расовых различиях, он отвечает:

Я могу понять тех, кому это не нравится, и считаю, что лучше об этом не говорить. Давайте будем просто держаться подальше от этих тем.

Дарнелл

Другие студенты не согласны с ним.

Тестирование различных расовых групп и проверку гипотез нельзя по умолчанию признавать вредными занятиями. Чрезмерная обидчивость отвлекает от учебы. Она лишает объективности и мешает получать новые знания и приближаться к истине.

Джеймс, студент колледжа Джорджии

Микроагрессия: тысяча порезов

Настало время поговорить о «микроагрессии», под которой обычно понимают непреднамеренное нанесение обиды представителям расовых и этнических меньшинств. Сам термин нельзя признать удачным, поскольку агрессивные действия не могут быть неумышленными по определению. С другой стороны, причинить боль может даже случайно оброненное слово. Недавно портал Buzzfeed рассказал о любопытном фотопроекте студентов Фордэмского университета, в рамках которого они фотографировались с плакатами, на которых были напечатаны фразы, услышанные ими в свой адрес: «Ты хорошенькая для чернокожей», «Так на каком языке вы разговариваете в своей Японии? На азиатском?», «А ты кто?» и «Нет, ты *реально* откуда?» (Честно говоря, меня потрясла бестактность и некорректность формулировок. Впрочем, откуда возьмутся навыки нормального общения, если подростки все реже общаются друг с другом лично?) Очевидно, что постоянно выслушивая бестактные вопросы, любой представитель нацменьшинств рано или поздно начнет испытывать стресс. Сталкиваются с микро-агрессией и гомосексуалы. В качестве примера микроагрессии приведу пост, опубликованный кем-то в Твиттере: «*Кассир*. У вас есть девушка? *Я*. Я гей. *Кассир*. Вы не выглядите... Ой. Вы отлично выглядите!»

В 2014 году канал MTV провел опрос, согласно которому 45 % цветных и только 25 % белых молодых людей в возрасте от 14 до 24

лет лично сталкивались с микроагрессией.

Что бесит, так это незначительные, но бесконечные выпады в мой адрес. Они постоянно напоминают мне о том, что я везде чужая. Люди сначала видят во мне черную и только потом обычного человека. Эти напоминания давят невидимым грузом... Они исподволь подтверждают твой страх, что люди воспринимают тебя не как личность, а как, не знаю, карикатуру.

Аспирантка Висконсинского университета Принцесс Одзияку

Одно исследование установило, что люди, сталкивающиеся с микроагрессией, чаще жалуются на депрессию и тревогу. (Однако, надо учитывать, что люди, страдающие депрессией или жалующиеся на повышенную тревожность, могут увидеть микроагрессию там, где ее нет. Внешние факторы также могут влиять на восприятие микроагрессии.)

Наибольшие споры вызывают суждения и вопросы, которые имеют разный смысл в зависимости от контекста и поэтому их нельзя признавать микроагрессией. В руководстве по микроагрессии, подготовленном Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе, на первом месте стоит вопрос «Ты откуда?». Между тем это самый частый вопрос, который можно услышать в кампусах в первую неделю нового учебного года, и очевидно, что обычно он не воспринимается как микроагрессия. К числу спорных относятся следующие суждения и вопросы: «Я считаю, что работу должны получать самые квалифицированные специалисты», «Любой может добиться успеха, если будет много и тяжело работать» и «Ты где родился?»

Можно их безоговорочно признать оскорбительным или обидными? Зависит от человека. Проблема в том, что сейчас достаточно сказать, что вас оскорбили, и это будет признано достаточным доказательством вины, даже если другой человек не имел в виду ничего дурного. Именно по этой причине айдженеры заработали репутацию гиперчувствительных людей, которых можно смертельно обидеть любым словом. Однако до сих пор нет понимания, что следует безусловно считать оскорбительным. Некоторые американцы азиатского происхождения обижаются, когда им задают вопрос: «Где ты родился?»; некоторые нет.

Вопрос «Ты из какой страны?» я слышу как минимум раз в неделю... Культура виктимности подсказывает мне, что это прямая, замешанная на расизме микроагрессия, которая должна задевать мои чувства. Ничего подобного. Мы живем в мультикультурном обществе, и поэтому не всегда можно с ходу понять, у кого какой бэкграунд. Я не считаю их расистами только потому, что они интересуются моим бэкграундом. Но согласно принципам культуры виктимности я, безусловно, должен обижаться.

Молодой человек южно-азиатского происхождения

Согласно опросу Государственного университета Сан-Диего, только 18 % студентов согласны с тем, что вопрос «Ты из какой страны?» является микроагрессией, при этом подавляющее большинство не считает микроагрессией фразы «Америка — страна возможностей» и «Гендер никак не влияет на наше решение о принятии на работу». Однако 85 % сочли микроагрессией переход на другую сторону дороги при виде представителей меньшинств, фразу «Мы всего лишь женщины» и адресованную азиатам просьбу «Ты должен хорошо разбираться в математике, помоги решить задачу». 13 % сочли оскорбительными вечеринки в стиле «Мексиканская ночь», которые проводят в студенческих столовых, в то же время 33 % сочли оскорбительным ношение пончо и сомбреро во время Хеллоуина. С таким разбросом мнений очень сложно, если вообще возможно, предсказать, какая фраза обидит всех, а какая — только одного человека. Впрочем, даже этого будет достаточно, чтобы у вас появились серьезные проблемы.

Свободная и открытая дискуссия

Период взросления айдженеров пришелся на непростые времена, когда все сталкиваются со сложностями при определении своей групповой идентичности. В ходе опроса, проведенного каналом MTV, 84 % респондентов сказали, что родители приучили их относиться ко всем одинаково независимо от расы. Однако только 37 % (30 % среди белых) признались, что родители обсуждали с ними расовые проблемы. Расовый вопрос внезапно повис в воздухе: он существует и не существует одновременно, его обсуждают и в то же время замалчивают. Айдженеры «не различают цвета», однако это не самая

разумная позиция, поскольку расы существуют и игнорировать этот факт невозможно.

Поступив в колледж, айдженеры продолжают бороться за равноправие, но при этом они настолько сильно боятся обидеть друг друга, что никогда не станут обсуждать расовые проблемы. Согласно опросу MTV, только 20 % тинейджеров чувствуют себя комфортно при обсуждении расовых предрассудков. 48 % уверены, что обращать внимание собеседника на его расу недопустимо даже в позитивном ключе. В то же время 73 % считают, что люди должны чаще и более открыто обсуждать расовые предрассудки, а 69 % с удовольствием приняли бы участие в откровенной, уважительной и честной дискуссии о предрассудках. Непокколебимая уверенность айдженеров в равенстве всех людей дает шанс на налаживание межрасового диалога в этой стране; подавляющее большинство айдженеров вступают во взрослую жизнь, не имея за спиной багаж устаревших расовых предрассудков. В то же время многое зависит от расы и жизненного опыта конкретного человека, поэтому до сих пор многие студенты чувствуют себя некомфортно в преимущественно белых университетах. Айдженеры хотят говорить о проблемах — во всяком случае, говорят, что хотят, но не могут. В этом нет ничего удивительного, если учесть культуру взаимных упреков и замалчивания этих тем.

Рекордный уровень тревоги и депрессии, медленное взросление и упор на инклюзивность обернулись уверенностью в том, что людей необходимо защищать любой ценой. Поиск баланса между защитой и свободой слова в будущем приведет к еще большему разобщению айдженеров и старших поколений.

Глава 10. Независимые: Политика

Я буду голосовать за Дональда Трампа.

Двадцатилетний Марк за несколько месяцев до выборов 2016 года

Марк совмещает учебу в местном публичном колледже с работой в магазине электроники, встречается с постоянной девушкой, но живет с родителями, чтобы не тратить деньги на собственное жилье. Закончив школу, он около года пытался начать самостоятельную жизнь в своем родном городке, расположенном неподалеку от Форт-Уэрт, Техас, но в итоге понял, что арендная плата съедает почти всю его зарплату, и вернулся домой. Его родители — механик и домохозяйка — сказали, что он может жить с ними до окончания колледжа.

Марка мало волнуют заявления Трампа, но, сравнив его предвыборную программу с программой Хиллари Клинтон, решил, что «из двух зол... Трамп является наименьшим». Как и Трамп, Марк считает, что дела американцев идут из рук вон плохо и пора уже перестать оказывать помощь другим странам.

Мигранты лишают нас не только работы, но и места под солнцем. Уровень бедности зашкаливает, потому что нам не хватает ресурсов для нормального существования.

Будет гораздо лучше, если мы построим стену и поднимем экономику, чем будем помогать людям, которым мы не можем помочь.

Марк

Примерно в это же время, но девятью месяцами ранее и совсем на другом конце страны, я ехала на машине вдоль побережья Калифорнии на встречу с Кэмероном, который после завершения первого семестра в частном колледже приехал на зимние каникулы к родителям. Это был один из тех редких дней, когда движение на шоссе I-5 было относительно свободно, и поэтому, никуда не опаздывая, я неторопливо катилась на своем мини-вэне по извилистым улочкам закрытого пляжного комьюнити, на территории которого находится дом семьи Кэмерона. Их дом, типичный для этих мест: большой и красивый, но с маленьким участком, — стоит всего в паре кварталов от

океана. Сам Кэмерон — голубоглазый, худощавый благодаря увлечению бегом и вегетарианством молодой человек, который в колледже специализируется на изучении математики. С первых минут разговора он поражает меня нетипичной для первокурсника целеустремленностью. Когда Кэмерон рассказывает об анализе данных, которым он занимался во время интернатуры в технической компании, я едва успеваю за ходом его мысли, несмотря на всю свою любовь к статистике.

Как и многие другие айдженеры, в начале 2016 года Кэмерон поддерживал Берни Сандерса — независимого кандидата-социалиста, который на президентских праймериз 2016 года составил очень серьезную конкуренцию Хиллари Клинтон. Кэмерона привлекла не партийная политика Сандерса, а его личность и нравственный посыл его речей, особенно в части поддержки образования государством. Кэмерон понимает, что имеет значительное преимущество перед многими другими молодыми людьми, и не считает это справедливым.

Никто не должен оказываться в заведомо проигрышном положении только потому, что он или она родились в одной семье, а не в другой. Каждый должен иметь возможность жить так, как ему заблагорассудится. Все, что не затрагивает права других людей, например наркотики, не подлежит никакому контролю. Никто не вправе вмешиваться в личную жизнь и контролировать мир фантазий, в котором живет человек.

Кэмерон

Сандерс пользовался огромной популярностью у молодежи. Так, на кокусах (собрания сторонников партии) демократической партии, проходивших в 2016 году в Айове, Сандерса поддержали 84 % молодых участников, а Клинтон — 14 % (шестикратное отставание). Даже в середине июля 2016 года около половины сторонников Сандерса заявляли, что будут голосовать за кандидата от третьей партии, а не за Клинтон или Трампа.

Изначально Трамп не был фаворитом президентской гонки, однако к ноябрю ему удалось привлечь на свою сторону молодых избирателей. В итоге за Трампа проголосовали 48 % белых избирателей в возрасте от 18 до 29 лет, а за Клинтон — 43 %. Невероятный результат, если учесть, что молодежь, как правило,

придерживается либеральных взглядов. Несмотря на то что в целом Клинтон выиграла битву за голоса молодых избирателей, увесистые 37 % проголосовали все-таки за Трампа. Это значит, что, четверо из десяти айдженеров проголосовали не просто за кандидата-республиканца, а за кандидата, тесно связанного с белым национализмом, который до появления айдженеров на политической сцене казался анахронизмом. Именно таким образом голоса молодых американцев изменили ход президентской гонки в пользу Трампа: избирателей в возрасте от 18 до 29 лет больше, чем избирателей старше 65 лет.

Как это произошло? Почему такой процент молодежи проголосовал за кандидата-республиканца, который всем казался маргиналом, и что ожидать нам от будущих выборов?

Проблемы политических партий

За два месяца до выборов мы с коллегами опубликовали статью, в которой предположили, как будут дальше развиваться события. Многие годы господствовало мнение, что миллениалы, а теперь и айдженеры в большинстве своем поддерживают и будут поддерживать демократов. В августе 2016 года газета *USA Today* предрекла Трампу «историческое поражение» в борьбе за голоса молодых избирателей. В 2014 году газета *Washington Post* заявила, что у республиканцев есть «проблемы с молодежью» — партия, по мнению газеты, в принципе не способна заинтересовать миллениалов. Через два года стало ясно, что журналисты сильно ошиблись в своих оценках. Чтобы понять почему, надо ответить на один вопрос: что общего у Берни Сандерса и Дональда Трампа?

Правильный ответ: оба являются политически независимыми кандидатами. Сандерс поставил рекорд по длительности пребывания в Конгрессе США в качестве независимого политика; страничка Сандерса на сайте Сената США не содержит сведений о его членстве в демократической партии. До того как стать президентом, Дональд Трамп никогда не занимал политические должности, а во время предвыборной кампании постоянно конфликтовал с республиканским истеблишментом. В ноябре 2016 года газета *Washington Post* назвала Трампа «первым независимым президентом Америки». Сандерс и Трамп воспринимались всеми в качестве свободных агентов, которые высказывают свое собственное мнение и никогда не идут на поклон к другим партийным лидерам.

Именно за это молодежь полюбила Сандерса и Трампа, несмотря на то что многие взгляды социалиста Сандерса и националиста Трампа выходили за пределы политического мейнстрима. Согласно данным последнего опроса General Social Survey, 54 % молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет не причисляли себя ни к одной из двух партий, тогда как в 1989 году таких было чуть более 30 % (см. рис. 10.1). Вот одна из причин, по которой молодежь сначала поддержала Сандерса, а затем Трампа. Айдженеры и миллениалы не желают идентифицировать себя с одной из двух основных партий, точно так же, как не желают вступать в брак или следовать какой-либо религии.

Старшие поколения сейчас также отличаются большей политической независимостью, чем это было в прошлом, но тем не менее молчаливому поколению и беби-бумерам все еще очень далеко до миллениалов и айдженеров. Таким образом, на рост числа независимых избирателей влияет как временной, так и поколенческий фактор — взрослые люди всех возрастов все больше отдаляются от двух основных партий, однако, по данным на 2016 год, миллениалы и айдженеры, бесспорно, остаются самыми политически независимыми поколениями.

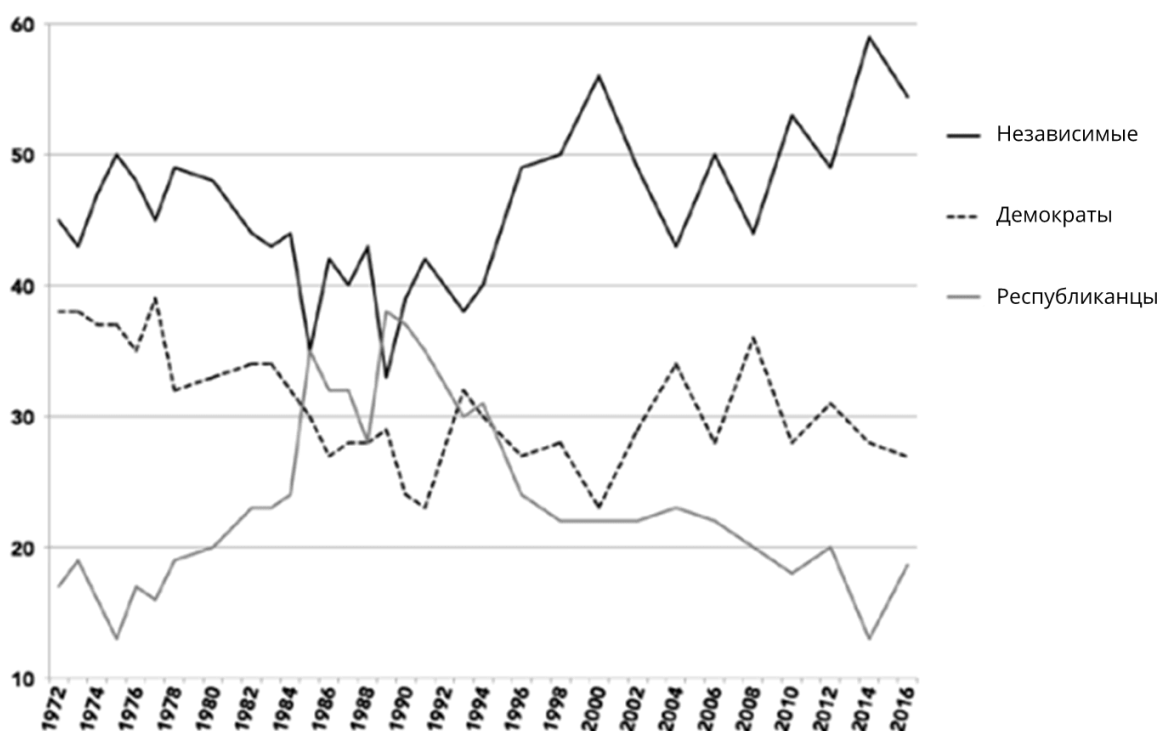

Рис. 10.1. Партийная принадлежность молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет (ответы «не знаю/не определился» и «другая партия» не учитывались). General Social Survey, 1972–2016

Вероятно, по этой причине Хиллари Клинтон, известная своими тесными связями с политическим истеблишментом, не смогла набрать необходимое число голосов молодых избирателей. Когда в июне 2016 года Клинтон стала первой женщиной в истории США, чью кандидатуру на пост президента выдвинула одна из двух основных партий, беби-бумеры были шокированы равнодушной реакцией молодежи на это событие. Многие даже слышать не хотели о

кандидате, принадлежащем к политическому истеблишменту, несмотря на то что ей удалось разбить «стеклянный потолок», веками преграждавший женщинам путь на политический Олимп.

Если выиграет Хиллари, то это будет означать всего лишь выбор меньшего из двух зол. Я знаю, что мы можем создать более правильную систему, чем та, что существует сейчас.

Восемнадцатилетняя Жозефина Сикинг из города Кливленд-Хайтс, штат Огайо, журналу Time в 2016 году

Семидесятивосьмилетняя бабушка Жозефины, напротив, проголосовала на праймериз за Клинтон, потому что пришла в восторг от мысли, что президентом США впервые может стать женщина, а ее сорокадевятилетняя мама проголосовала за Сандерса, но потом неоднократно «меняла свое мнение». Мама сказала Жозефине: «Мы уговорим тебя пойти на выборы». В ответ та лишь пожала плечами.

Тренд на повышение политической независимости может быть обусловлен индивидуализмом и нежеланием айдженеров присоединяться к каким-бы то ни было группам и следовать их правилам.

Когда люди присоединяются к политической партии, они начинают разделять определенные взгляды и теряют индивидуальность.

Майк, двадцать два года

Похоже, айдженеры предпочитают быть себе на уме вместо того, чтобы под влиянием семьи или религии присоединяться к различным группам и принимать чужие взгляды.

В апреле я случайно подслушал на футбольном поле разговор двух мужчин, которые обсуждали планы демократов, и внезапно осознал, что не имею ни малейшего представления о собственной политической платформе. Вернувшись домой, я тщательно изучил этот вопрос, прошел несколько «политических тестов» и пришел к выводу, что в целом я являюсь либертарианским консерватором.

Роб, девятнадцать лет

Рост числа независимых избирателей — отнюдь не единственная проблема демократов. Как показала победа Трампа в борьбе за голоса

молодых белых избирателей, Демократическая партия за последние несколько лет допустила множество ошибок в работе с молодежью. В конце 2000-х, в эпоху Обамы, демократы обходили республиканцев по числу сторонников среди молодежи на 16 процентных пунктов. К настоящему моменту это преимущество снизилось на 9 процентных пунктов.

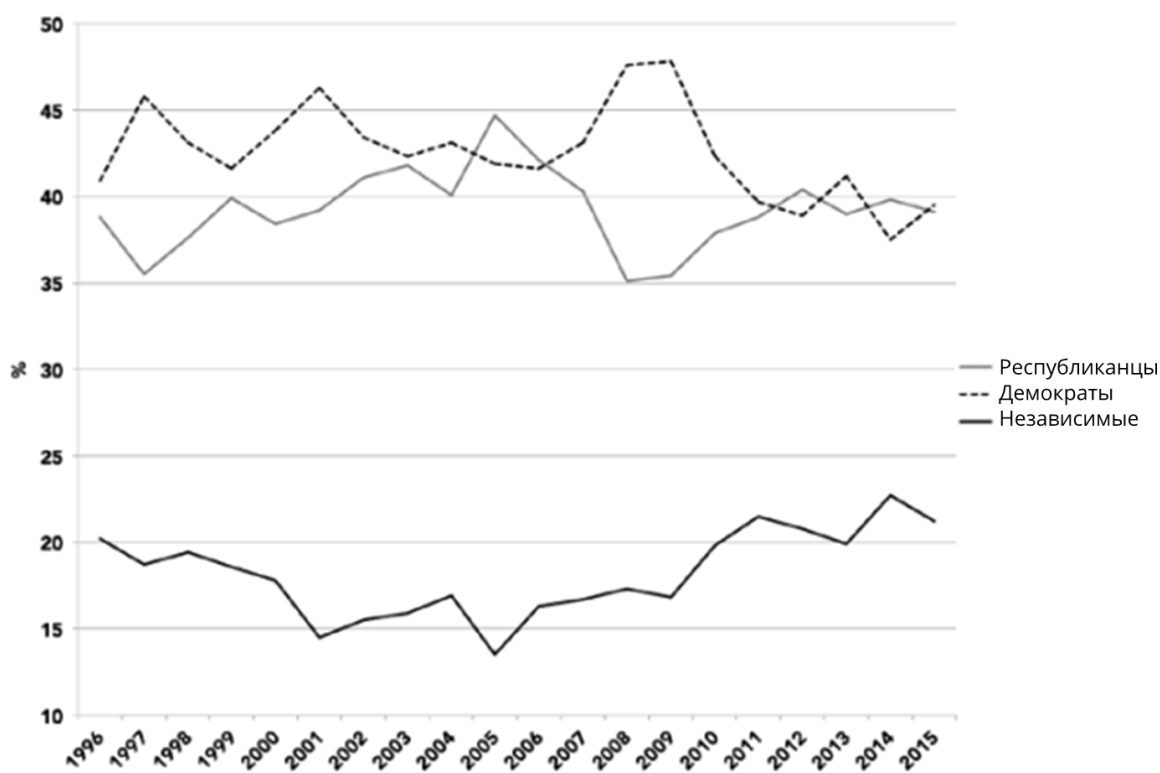

Рис. 10.2. Партийная идентификация двенадцатиклассников (ответы «не знаю/не определился» и «другая партия» не учитывались). General Social Survey, 1972–2016

Есть и другая, более неприятная новость для демократов. Число их сторонников среди двенадцатиклассников, которые примут участие уже в следующем избирательном цикле, вплотную приблизилось к историческому минимуму. Ряды сторонников Демократической партии стремительно пустеют: кто-то уходит к республиканцам, кто-то причисляет себя к независимым избирателям (см. рис. 10.2)

Возможно, все выглядело бы для демократов не так плохо, если бы большинство независимых избирателей причисляли себя к либералам, но ничего подобного не происходит: примерно половина двенадцатиклассников, не причисляющих себя к демократам или

республиканцам, имеет умеренные взгляды. Впрочем, либералов среди молодых независимых избирателей по-прежнему значительно больше, чем консерваторов (38 % и 14 % соответственно).

Обосновывая свой выбор, айдженеры, независимо от собственной партийной идентификации, очень часто приводят сугубо индивидуалистические доводы.

Я — республиканка и консерватор, и я ценю каждого, кто может позаботиться о себе. Думаю, абсолютно справедливо, когда каждый получает от системы только то, что сам готов вложить в нее.

Эбби, восемнадцать лет

Я — либеральный демократ и горжусь этим. Я не считаю, что мы должны кого-то к чему-то принуждать. Мы свободны быть теми, кем сами захотим, но только при условии, что не причиняем никакого вреда окружающим.

Чарли, двадцать один год

Чарли находится на другом конце политического спектра, но тоже пользуется индивидуалистическим языком, хотя и приходит к несколько иным выводам.

Учитывая, что партийная принадлежность отходит на второй план, более разумным было бы выяснить, кем себя считают сами молодые люди: либералами, умеренными или консерваторами? Здесь нас поджидает сюрприз: число двенадцатиклассников, причисляющих себя к консерваторам, выросло с начала 2000-х, причем консерваторов среди айдженеров сейчас даже больше, чем среди миллениалов одного с ними возраста (см. рис. 10.2). Консерваторов среди двенадцатиклассников сейчас ровно столько, сколько их было во времена Рональда Рейгана, когда молодые представители поколения X шокировали своими взглядами старшие поколения (вспомните героя классического сериала «Семейные узы» Алекса П. Кито-на, который поддерживал консервативные идеалы Рейгана, чем приводил в замешательство своих родителей). В то же время число двенадцатиклассников, считающих себя либералами, почти не менялось с начала 1990-х, а после выхода айдженеров на сцену в 2010-х годах даже немного снизилось (см. рис. 10.3)

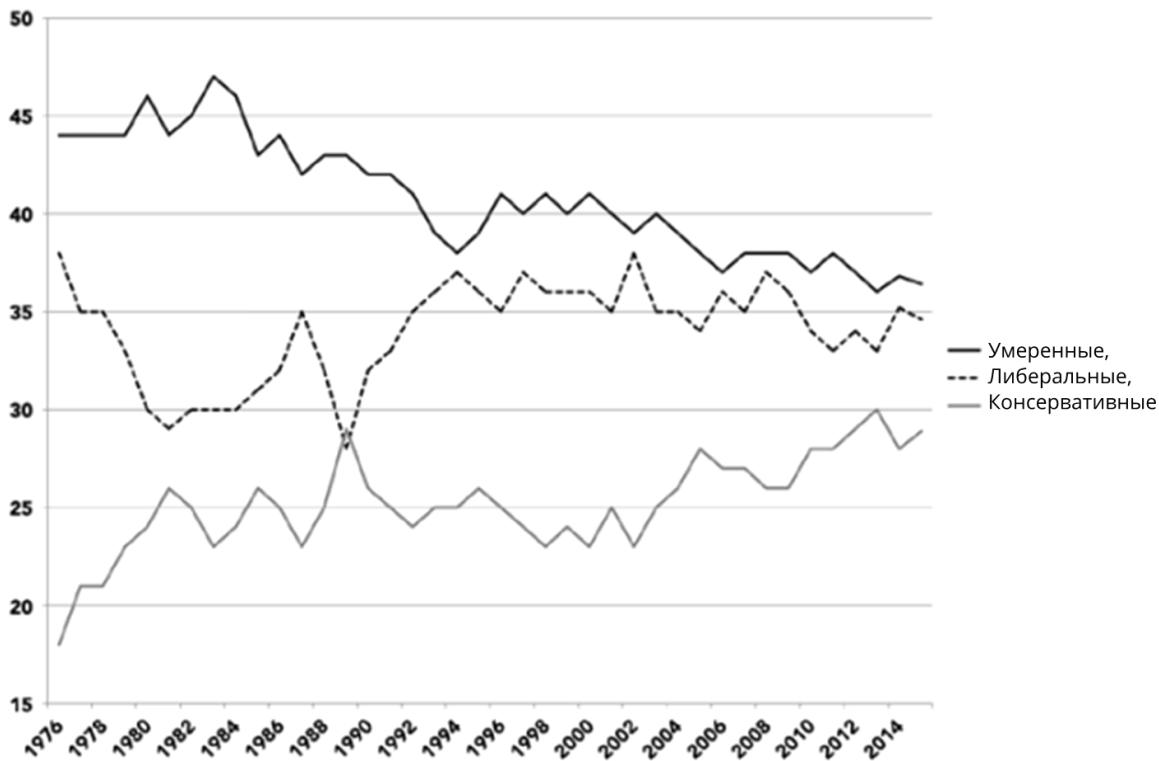

Рис. 10.3. Политические взгляды двенадцатиклассников. Monitoring the Future, 1976–2015

Само понятие «консерватор» так же претерпело изменение: акцент сместился с социальных проблем на экономические.

Я — консервативный республиканец. Быть консерватором, значит очень хотеть помочь людям по-настоящему — сделать так, чтобы все привыкли заботиться о себе самостоятельно. Получая социальные пособия, люди становятся бездельниками и привыкают во всем полагаться на государство. Нам нужна система, в которой они в конечном итоге вернут все, что успели получить от государства. Я крайне скептично отношусь к программе «бесплатный колледж», предложенной демократами, потому что кому-то придется это оплачивать из собственного кошелька. Налоги вырастут так, что все [богатые люди] свалят из страны.

Марк, студент публичного колледжа

Итак, Марк — классический консерватор и, как вы помните из пятой главы, искренне верующий евангельский христианин. Однако, когда я задаю ему вопрос об однополых браках, он дает уклончивый ответ:

Я просто придерживаюсь консервативной точки зрения и стараюсь никогда не вмешивать религию в эти вопросы. Я спокойно отношусь к однополым бракам до тех пор, пока люди не начинают устраивать беспорядки на улицах....

Также я выступаю за легализацию марихуаны. Думаю, государство или правительства некоторых штатов не должны за нас решать что легально, а что нет. Это личное дело каждого. Что касается контроля за оборотом оружия, то тут нет никакой проблемы. Хочешь иметь оружие? Иди и купи. Не хочешь? Сиди дома на диване и не покупай. Не надо только никому навязывать свое мнение.

Марк

Если его экономический консерватизм понятен, то позиция Марка по социальным вопросам еще десять лет назад показалась бы чуждой большинству консерваторов. Марк же напротив придерживается индивидуалистической либертарианской точки зрения, согласно которой государство должно держаться подальше от частного бизнеса.

Марка, как и многих других его сверстников, волнует проблема безработицы в условиях все еще непростой экономической ситуации. Вот почему его так привлекла идея Трампа остановить поток нелегальных мигрантов в страну; он считает, что правительство должно больше внимания уделять своим гражданам, а не иностранцам.

Когда уровень бедности, преступности и размер государственного долга достигнут нулевого уровня, тогда мы сможем перевести дух и снова начать помогать всем странам, которым нужна наша помощь.

Марк

Это классический национализм и изоляционизм, порожденный экономическими проблемами и страхом за свое будущее. Избиратели в возрасте от 18 до 29 лет, считающие, что за последние годы белые американцы сильно обеднели, в октябре 2016 года с высокой вероятностью были готовы голосовать за Трампа. Однако, несмотря на все внимание, уделяемое взрослым белым американцам из числа представителей рабочего класса, наиболее обделенной, как нам известно из седьмой главы, сейчас себя считает безработная молодежь.

Высокие требования к безопасности и большие сомнения относительно своих финансовых перспектив привели к тому, что вопреки всем прогнозам айдженеры стали более консервативными и восприимчивыми к националистическим месседжам.

Существует еще один любопытный тренд: снижение популярности умеренных взглядов. И старшеклассники, и студенты все реже и реже характеризуют свои политические взгляды как умеренные, причем число сторонников подобных взглядов достигло в 2016 году исторического минимума (см. рис. 10.3.). Все больше молодых людей соглашались со старой шуткой о том, что произойдет, если вы остановитесь посреди дороги и начнете думать что делать дальше: вернуться или пойти дальше? Ответ: вас переедут. Это первый признак того, что время любых компромиссов прошло.

Политические полюсы

Как бы вы отнеслись к тому, что ваш сын или дочь собираются вступить в брак с представителем чуждой вам партии? В 1960 году всего 5 % республиканцев и 4 % демократов признались, что эта новость их бы сильно расстроила. В 2010 году недовольство выразили бы уже 49 % республиканцев и 33 % демократов. В наши дни межпартийные браки вызывают большую обеспокоенность, нежели браки межрасовые.

Рис. 10.4. Крайние политические взгляды двенадцатиклассников. Monitoring the Future, 1976–2015

Сколько айдженеры себя помнят, республиканцы и демократы ведут между собой войну не на жизнь, а на смерть: начиная с начатой процедуры импичмента Биллу Клинтону и заканчивая реформой системы медицинского страхования. Стороны заняли непримиримые позиции, и молодежь неизбежно последовала их примеру. Общее число двенадцатиклассников, считающих себя «крайними» либералами или «крайними» консерваторами, выросло с 13 % в 1976 году до рекордных 20 % в 2015 году. Число тех, кто причисляет себя к «крайним» консерваторам, достигло рекордных значений за все сорок лет проведения опросов — больше, чем в 1980-х во времена Рейгана, и больше, чем после событий 11 сентября 2001 года, произошедших во времена Джорджа Буша-младшего (см. рис. 10.4). Этим трендам также следуют первокурсники и более взрослая молодежь — число студентов с ультралевыми взглядами достигло в 2016 году рекордного уровня. Да, в абсолютных числах их не так много, но они проявляют в кампусах невероятную политическую активность: организуют демонстрации, требуют изменений и вступают в споры с остальными

студентами по самым разным вопросам. Чем больше будет таких студентов, тем больше будет возникать разногласий в обществе и тем чаще будут проходить акции протеста.

За несколько дней до выборов 2016 года в студию CBS News на интервью было приглашено около 25 молодых людей. Один из эпизодов программы наглядно продемонстрировал, насколько далеко зашли социальные и политические разногласия. Принимавшая участие в программе белая девушка, едва сдерживая гнев от возмущения, так отреагировала на слова другого гостя о межрасовых отношениях:

Трамп не провел в Белом доме ни одного дня. Он даже еще не выиграл выборы. Как можно вообще говорить о том, что он разорвал страну на части и расколол общество на черных и белых? Президент Обама провел в Белом доме восемь лет, и за это время межрасовые отношения в этой стране достигли дна. Давайте посмотрим правде в глаза — страну разорвал на части афроамериканец, занимавший все эти годы должность президента.

Молодой чернокожий мужчина по имени Ричард Лукас III в ответ заметил:

Говорить, что межрасовые отношения никогда не были такими плохими, как при Обаме, или сильно ухудшились при нем, значит плохо знать историю своей страны.

Америка построена на фундаменте расовой сегрегации, и риторика Дональда прекрасно вписывается в этот нарратив, бывший до недавнего времени нарративом всего американского общества.

После выборов противоречия обострились. Многие айдженеры — особенно из числа расовых меньшинств — посчитали, что, выбрав Трампа, белые американцы предали их. Некоторые посчитали, что победа Трампа на выборах нанесла удар по их репутации толерантного и открытого всему новому поколения.

Дорогие белые миллениалы, которые проголосовали за Трампа... Хочу поблагодарить вас за то, что вы выбрали этого монстра. Нет, не потому, что он мне нравится, а потому, что вы помогли мне избавиться от иллюзий относительно социальной прогрессивности белой молодежи... Я и подумать не могла — мой маленький наивный мозг на это просто не способен, — что 48 % белых

молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет проголосуют за человека, политическая платформа которого построена на расизме, сексизме, ксенофобии и т. д.

Тиффани Онейяка, дочь африканского мигранта, студентка Университета Джона Хопкинса в открытом письме в Huffington Post

Свое письмо она подписала следующим образом: «Черная миллениалка, узнавшая, что почти 50 % ее белых сверстников считают, что у нее нет основных прав человека».

Поляризация проявляется не только в крайностях: идеологический раскол между основными партиями также усилился. Если прежде в каждой партии встречались как либералы, так и консерваторы, то сейчас есть только консервативные республиканцы и либеральные демократы. Некоторые специалисты предполагают, что это справедливо лишь для «политических элит» — политиков, которые занимают выборные должности и потому во всем следуют линии своей партии. Судя по опросам General Social Survey, в которых принимают участие взрослые американцы и старшеклассники, это не так. Корреляция между выбором политической идеологии (либеральной, консервативной либо умеренной) и политической партии с каждым годом становится все сильнее. Если в прошлом связь между политическими партиями и политической идеологией была крайне слабой и неочевидной, то сейчас ее невозможно не замечать. Помню, как в 1980-х я услышала шутку: «Либеральный республиканец похож на единорога: он тоже не существует». Тогда это казалось забавным преувеличением, сейчас — нет.

Согласно опросу Исследовательского центра Пью, проведенному в 2016 году, межпартийная вражда достигла беспрецедентного уровня. Если в 1994 году 21 % республиканцев и 17 % процентов демократов относились друг к другу «крайне недоброжелательно», то в 2016 году уже 58 % республиканцев и 55 % демократов ненавидели своих политических противников. 70 % демократов и 52 % республиканцев называли друг друга «узколобыми». Почти половина республиканцев сочли демократов «аморальными». Более 40 % представителей обеих партий заявили, что политика конкурирующей партии «настолько ошибочна, что угрожает национальным интересам и благосостоянию

страны». Мы крайне разобщены, а айдженеры пожинают плоды наших ошибок.

Легализация марихуаны, аборты, смертная казнь и контроль за оборотом оружия: делайте что хотите, либертарианцы

Несколько десятков лет назад идея легализации наркотиков у многих вызывала только смех и казалась абсурдной. В 1980-х, когда я была подростком, по телевизору крутили рекламный ролик, в котором показывали как жарится яйница, закадровый голос при этом говорил «Это твой мозг под наркотиками», а Нэнси Рейган советовала нам «Просто сказать „нет“». Сейчас все изменилось: в некоторых штатах, включая Массачусетс, Колорадо и Калифорнию, разрешено потребление марихуаны в рекреационных целях, а во многих других — в медицинских.

Айдженеры — продукт своего, весьма толерантного к марихуане времени. Они выступают за легализацию марихуаны гораздо чаще, чем это делали представители поколения X в молодости, и даже чаще, чем беби-бумеры, которые любили покурить травку в 1970-е. В 2015 году сторонников легализации марихуаны среди двенадцатиклассников было примерно в два раза больше, чем в 1980-х, а среди студентов-айдженеров и взрослой молодежи — в три раза больше. Согласно опросу, проведенному в 2016 году институтом Гэллапа, 77 % взрослых американцев в возрасте от 18 до 34 лет выступают за легализацию марихуаны.

На первый взгляд может показаться, что поддержка легализации марихуаны идет вразрез с представлениями айдженеров о должном уровне безопасности. Однако, как нам известно из шестой главы, многие айдженеры убеждены в полной безопасности марихуаны, и это убеждение вполне согласуется с их взглядами на легализацию марихуаны (см. рис. 10.5).

Рис. 10.5. Мнение двенадцатиклассников о безопасности марихуаны и ее легализации.
Monitoring the Future, 1976–2015

Айдженеры поддерживают легализацию в том числе и потому, что они уверены — государство не должно вмешиваться в личную жизнь граждан.

Марихуану надо легализовать, потому что люди сами вправе решать, что им делать со своим телом, а государство не должно в это вмешиваться.

Восемнадцатилетний молодой человек в ходе опроса
Исследовательского центра Пью в 2015 году

Этот тренд разгоняют не только активные курильщики марихуаны; как вы, наверное, помните из шестой главы, айдженеры вообще курят марихуану реже, чем беби-бумеры одного с ними возраста. Айдженеры последовательно выступают в защиту даже тех прав и свобод, которые им самим не нужны. Как пела миллениалка Кейси Масгрейвс в одной из своих песен: «Скрути косячок/ или не крути».

Рис. 10.6. Взгляды первокурсников на аборт, легализацию марихуаны, смертную казнь и оборот огнестрельного оружия. American Freshman Survey, 1968–2015

Вера айдженеров в то, что у каждого есть безусловное право на личный выбор, повлияла на рост поддержки легальных аборт. В 2014 и 2016 годах половина молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет заявили, что «женщина вправе сделать легальный аборт по любой причине» (иногда это право называют «аборт по требованию»). Это абсолютный рекорд за всю историю опросов. Уровень поддержки легальных аборт среди студентов стабильно растет в течение последних десяти лет, причем айдженеры поддерживают легальные аборт чаще, чем их непосредственные предшественники — миллениалы (см. рис. 10.6 и 10.7).

Когда я задала нескольким айдженерам вопрос, должны ли, по их мнению, быть разрешены аборт, и если да, то в каких случаях, все они, не колеблясь, ответили, что «в любых», и напомнили, что это личное право женщины.

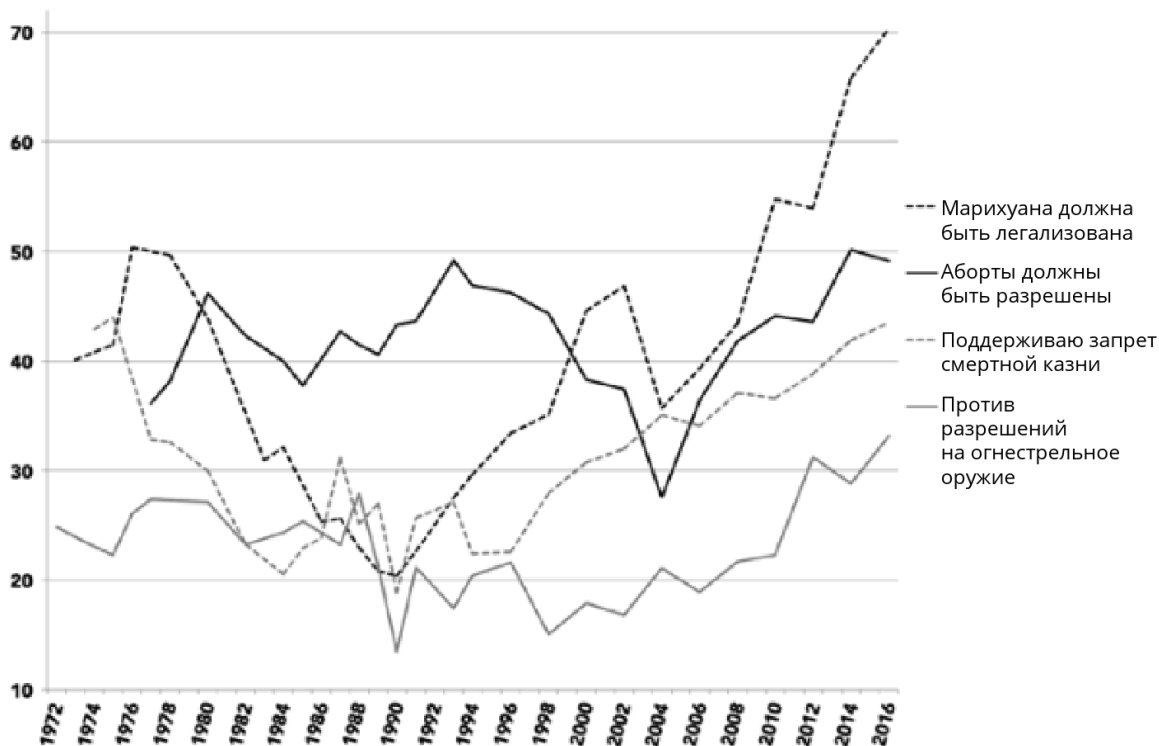

Рис. 10.7. Взгляды молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет на аборты, легализацию марихуаны, смертную казнь и оборот огнестрельного оружия, General Social Survey, 1972–2016

Я считаю, что аборты должны быть разрешены.

Безусловно, решение об аборте может принимать только сама женщина. Это ее жизнь и ее выбор.

Думаю, никто не может навязывать женщине свою волю, потому что, кроме нее, это никого не касается.

Джулианна, двадцать один год

Некоторые вспомнили о безопасности.

Любая беременность — это в первую очередь риск.

Разве можно заставить женщину рисковать своей жизнью? Беременность может не только стать непосильной финансовой, социальной и эмоциональной ношей, но и причинить серьезный вред физическому здоровью. Поэтому никто не вправе сказать женщине, что она ДОЛЖНА вынести все тяготы и родить.

Кили, девятнадцать лет

Все больше айдженеров сомневаются в необходимости смертной казни. Число противников смертной казни среди взрослой молодежи в целом и студентов в частности выросло в два раза по сравнению с 1990-ми (см. рис. 10.6. и 10.7.)

Доказанный факт — смертные приговоры непропорционально часто выносятся в отношении беднейших меньшинств этой страны. Все слышали эти жуткие истории о судебных ошибках. Плюс также доказано, что смертная казнь не останавливает преступников и не снижает преступность.

Лилли, двадцать лет

Таким образом, в настоящее время айдженеры поддерживают стандартные требования либералов: легализация марихуаны, разрешение аборт и запрет смертной казни. Впрочем, на этом их либерализм заканчивается. Айдженеры все чаще выступают против усиления контроля за оборотом оружия, а это уже консервативная позиция. Согласно результатам опросов General Social Survey, число противников разрешений на оружие среди молодежи в возрасте от 18 до 29 лет выросло в 2016 году более чем вдвое по сравнению с 1998 годом (см. рис. 10.7). Число студентов, не согласившихся с утверждением «Федеральное правительство должно усилит контроль за продажей короткоствольного огнестрельного оружия», выросло в 2013 году вдвое по сравнению с 1998 годом (см. рис. 10.6). Исследовательский центр Пью зафиксировал еще более глубокие изменения: если в 2004 году против контроля за оружием выступало 27 % миллениалов, то 2015 году — 47 % миллениалов и айдженеров.

Еще одним сюрпризом стали представления айдженеров о здравоохранении: средний айдженер, в отличие от среднего миллениала, не склонен поддерживать всеобщее обязательное медицинское страхование. В 2013 году 39 % первокурсников не согласились с утверждением, что «обязательная медицинская страховка необходима для того, чтобы каждый мог покрыть свои расходы на лечение», тогда как в 2007 году несогласных было 26 %.

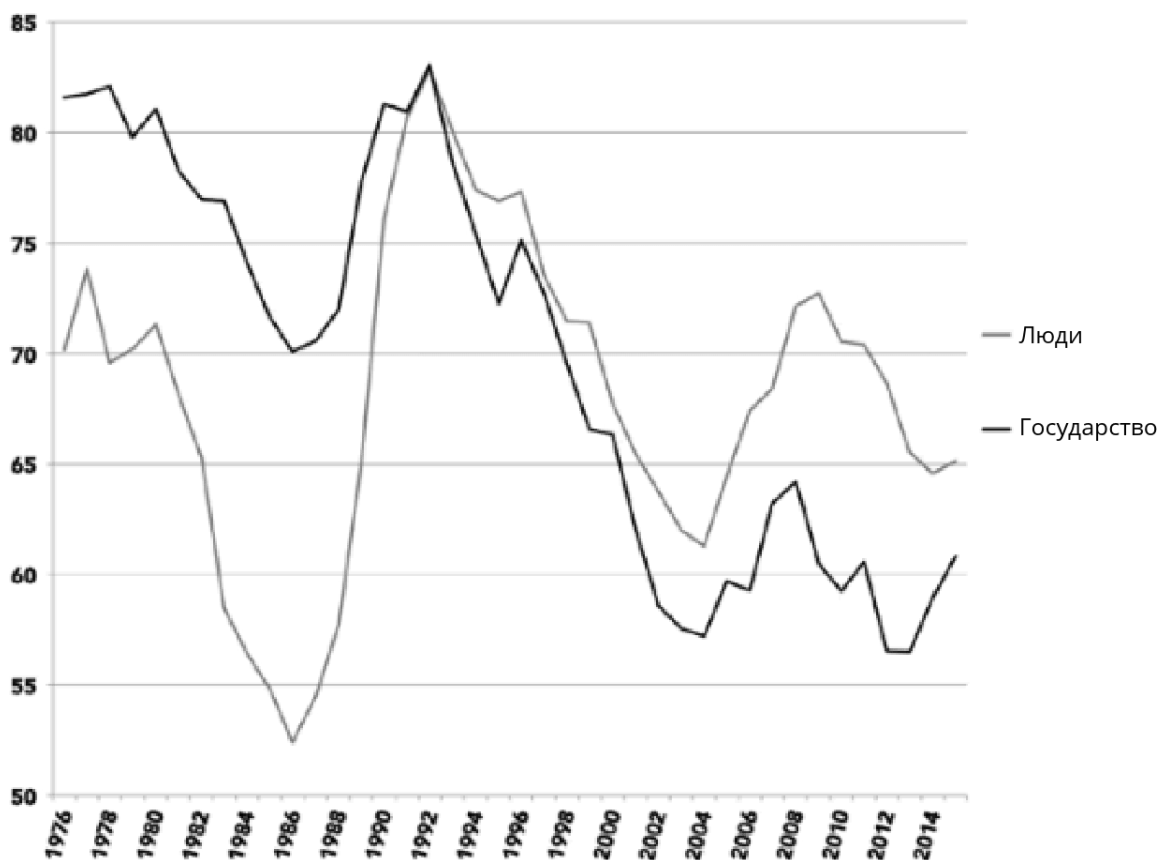

Рис. 10.8. Представления двенадцатиклассников о том, кто должен решать экологические проблемы. Monitoring the Future, 1976–2015

Как обстоят дела с защитой окружающей среды? Принято считать, что проблемы окружающей среды сильно волнуют современную молодежь. Это не так. Айдженеры, например, все реже соглашались с тем, что правительство должно заниматься вопросами охраны окружающей среды. Беби-бумеры и представители поколения X считали, что охрана природы — это в первую очередь дело правительства (в прошлом они охотно соглашались с утверждением «Правительство должно предпринимать меры по охране окружающей среды, даже если в результате этих действия исчезнут привычные нам товары»), в то время как, по мнению айдженеров, заботиться о природе скорее должны сами люди, а не правительство («Люди должны изменить свои покупательские привычки и образ жизни, чтобы общими усилиями решить экологические проблемы». См. Рис. 10.8)

Почему же либерально настроенные айдженеры так часто выступают против контроля за оружием, попыток обеспечить всех

медицинской страховкой и решения экологических проблем на государственном уровне? С учетом крайне либеральной репутации айдженеров подобные аномалии в их политических взглядах нуждаются в объяснениях. Как им удастся совмещать настолько разные убеждения?

Им это удастся благодаря Либертарианской партии. Либертарианцы ставят личность превыше всего и выступают против государственного регулирования. Как и айдженеры, либертарианцы поддерживают идею предоставления равных прав всем людям без исключения. Они поддерживают легальные аборты и легализацию марихуаны просто потому, что они абсолютно уверены — государство не должно ограничивать личные права граждан. По той же самой причине либертарианцы категорически против усиления контроля за оружием и решения экологических проблем на государственном уровне. Идея проста: уберите свои законы подальше от моего тела, вещей и оружия и не мешайте мне жить так, как я хочу. Либертарианцы ставят свободный рынок выше государственных программ, и поэтому они также являются противниками всеобщего обязательного медицинского страхования (в программе партии, опубликованной в 2016 году, они пошли еще дальше и потребовали отменить подоходный налог и социальную защиту населения). Несмотря на то что изначально либертарианцы не имели четкой позиции по смертной казни, в настоящий момент они выступают против нее, поскольку считают, что, вынося смертные приговоры, государство переходит границы дозволенного.

Таким образом, по шести ключевым политическим вопросам — легализация марихуаны, аборты, смертная казнь, контроль над оборотом оружия, обеспечение всех медицинскими страховками и защита окружающей среды на государственном уровне — айдженеры чаще, чем их предшественники, занимают четкую либеральную позицию по первым трем и консервативную — по остальным. Вместе с тем они чаще своих предшественников занимают либертарианскую позицию по всем шести вопросам.

В этом есть свой смысл: айдженеры по определению имеют индивидуалистический склад ума, а либертарианство ему соответствует лучше, чем любая другая политическая доктрина. Либералы — индивидуалисты во всем, что касается вопроса

предоставления всем равных гражданских прав (к примеру, однополых браков), но коллективисты, когда речь заходит о социальных программах (государственное финансирование медицины). Консерваторы — индивидуалисты в том, что касается социальных программ (люди должны сами решать свои проблемы), но коллективисты, когда речь заходит о гражданских правах (традиционное распределение семейных ролей им кажется более предпочтительными). Либертарианцы крайне индивидуалистичны по всем вопросам. В их партийной программе, опубликованной в 2016 году, прямо сказано: «Мы, либертарианцы, стремимся к свободе; к миру, в котором на первом месте стоят личные права и никого не заставляют приносить в жертву свои ценности ради других людей... В мире, который мы хотим построить, любой человек сможет следовать своей мечте, и никакая власть не сможет ему в этом помешать». Это квинтэссенция индивидуализма. В 2017 году известная своими консервативными взглядами двадцатичетырехлетняя активистка Томи Ларен вступила в конфликт со своим работодателем — компанией The Blaze, поддерживающей противников абортов, после того как однажды заявила следующее:

Я больше не могу сидеть здесь и лицемерно говорить: я выступаю за ограничение полномочий правительства, но я думаю, что оно должно решать за женщин, что им делать со своими телами. Нет. Держитесь подальше от моего оружия и от моего тела.

Томи Ларен

В ответ на обрушившую критику и обвинения в очевидной непоследовательности, она написала такой пост в Twitter:

Я говорю то, что думаю...Я всегда буду честна и всегда буду отстаивать свою правду... У меня умеренные, консервативные и одновременно либертарианские взгляды. Я обычный человек. Я никогда не буду ни перед кем извиняться за то, что у меня есть своя голова на плечах.

Томи Ларен

Взгляды Ларен отнюдь не всегда можно признать либеральными или консервативными, но при этом они идеально вписываются в

концепцию индивидуализма, что не удивительно для человека, рожденного в 1992 году.

Либертарианская философия «малого правительства» полностью устраивает айдженеров за исключением всего двух, но очень важных моментов: айдженеры и миллениалы чаще, чем их предшественники, хотят, чтобы правительство взяло на себя расходы по уходу за ребенком (бесплатные детские дошкольные учреждения) и оплачивало учебу в колледже. Многолетних социологических исследований по этому вопросу по сути нет, поэтому мы вынуждены полагаться на результаты однократных опросов, которые не позволяют отделить возраст опрашиваемых от их поколения. Тем не менее результаты даже этих опросов впечатляют: сторонников бесплатных детских дошкольных учреждений среди айдженеров и миллениалов на 43 % больше, чем среди беби-бумеров, а сторонников бесплатного высшего образования — на 70 % больше (см. рис. 10.9).

В 2016 году президенты нескольких студенческих организаций дали интервью CNN, во время которого все они как один заявили, что наибольшую озабоченность у студентов вызывают расходы на образование.

Самые большие проблемы, с которыми сейчас сталкиваются студенты, — это образовательные кредиты и стоимость обучения в колледже — они стали просто неподъемными. Все это лишает нас права на образование. Но я не считаю, что высшее образование должно быть полностью бесплатным.

Студенты должны платить какие-то деньги за обучение, потому что в этом случае они учатся более старательно.

Президент студенческого правительства Мэрилендского университета Сет Уорд

Я думаю, нам нужно бесплатное высшее образование. Значит ли это, что каждый должен иметь право четыре года бесплатно учиться в колледже либеральных

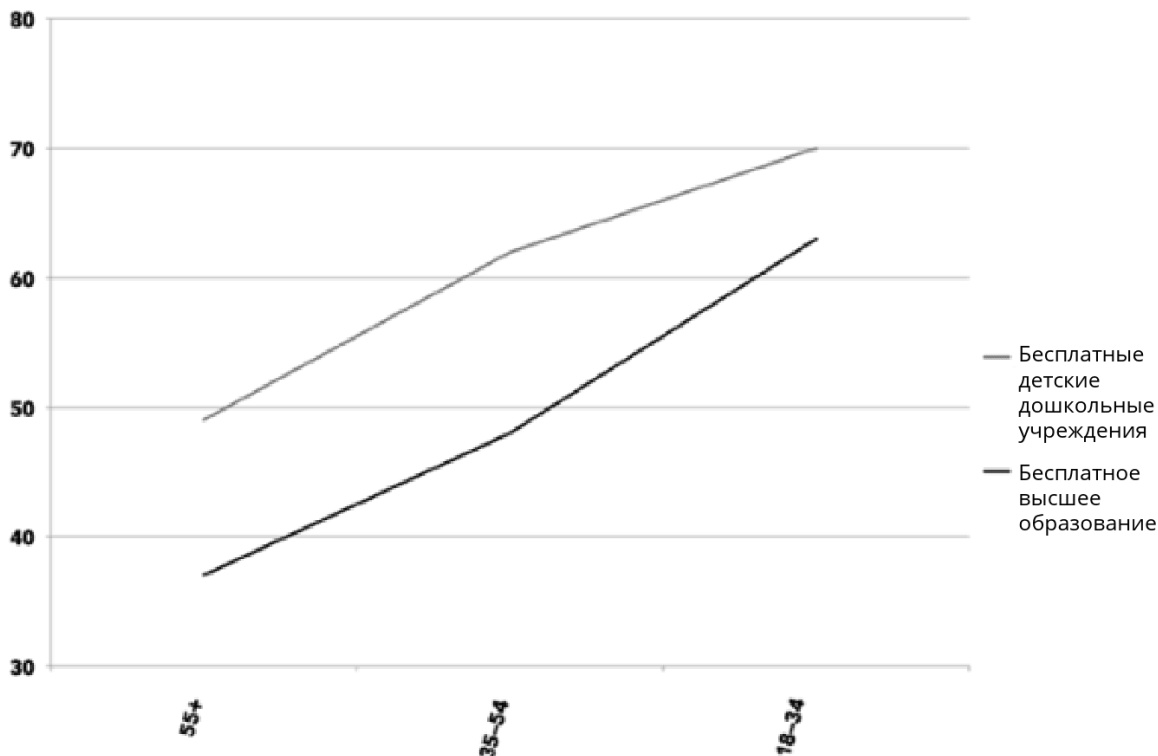

Рис. 10.9. Процент согласившихся с тем, что государство должно финансировать некоторые образовательные программы (с разбивкой по возрастным группам). Опрос Гэллапа, апрель 2016 года.

искусств? Вероятно, нет. Но по достижении 18 лет каждый выпускник старшей школы должен иметь возможность приобрести новые навыки.

Президент студенческого совета Виргинского университета
Абрахам Акслер

Введение бесплатного образования в публичных университетах было одним из основных пунктов программы Берни Сандерса на демократических праймериз в 2016 году. Возможно, именно поэтому он, несмотря на свой преклонный возраст, сумел заручиться мощной поддержкой молодых избирателей. По иронии судьбы в те времена, когда сами беби-бумеры были студентами, обучение в публичных университетах, например в Калифорнии, было бесплатным для местных жителей. В Калифорнии плата за обучение вводилась постепенно. Все началось в 1970-х, когда по настоянию Рональда Рейгана, бывшего в те времена губернатором Калифорнии, появились

обязательные «сборы» за обучение. В наши дни стоимость обучения в публичных колледжах непрерывно растет практически во всех штатах, заметно опережая темпы роста инфляции, а миллениалы с айдженерами с ужасом смотрят на свои долги по образовательным кредитам.

Впрочем, желание айдженеров получать «халяву» от правительства ставит в тупик даже некоторых либералов.

Современные молодые люди ничего не знают о развалившемся СССР, и поэтому социализм у них ассоциируется с некими полуголыми датчанами, отдыхающими по 30 дней в году на море. Никого уже не удивляет ситуация, когда пожилые мамы и папы оплачивают мобильную связь, медицинскую и автомобильную страховку своих двадцати-, а то и тридцатилетних отпрысков. Если добавить сюда все те бесплатные вещи, к которым привыкли все, кто младше 40 лет: начиная с бесплатного Wi-Fi, музыки и даже средств контрацепции и заканчивая возможностью валять дурака на развлекательных сайтах прямо на работе или сидеть целый день в Starbucks, заплатив лишь за кофе с булочкой, то популярность социалистических идей и привычка к халяве ни у кого не должна вызывать удивление.

Ведущий шоу Real Time Билл Махер, либерально настроенный беби-бумер

В конце своей речи он, по сути, перефразировал классическую фразу, которую многие слышали в молодости от своих родителей: «Найди себе работу»:

Я беби-бумер, и я привык платить за любимую музыку.

Скачивая песни бесплатно, ты становишься не революционером, а человеком, который прячется в туалете, когда официант приносит общий счет на всю компанию. Должно быть, поэтому сайты вроде Kickstarter и GoFundMe пользуются такой бешеной популярностью. Профинансируйте меня? Иди и сам себя финансируй!

Билл Махер

Скандалный опрос 2015 года показал, что молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет оценивают социализм более положительно, чем капитализм (58 % одобряют социализм, а 56 % — капитализм).

Айдженеры и миллениалы поддерживают Берни Сандерса, считающего себя социалистом, и это лишний раз подтверждает достоверность результатов опроса. Некоторые исследователи полагают, что виной тому неправильное понимание молодежью сути социализма: на вопрос «Поддерживаете ли вы государственное регулирование экономики» (базовый принцип социализма) только 32 % ответили «Да».

Популярность социалистических идей среди айдженеров и миллениалов также можно объяснить их молодостью — молодежь редко когда хорошо зарабатывает — или представлением, что существующая экономическая система работает против них (об этом мы говорили в седьмой главе). Будет интересно узнать, какие взгляды возобладают — либертарианские или социалистические, — когда современная молодежь повзрослеет и начнет хорошо зарабатывать. Несмотря на то что либертарианство и социализм прямо противоречат друг другу (первая доктрина выступает за «малое правительство», вторая — за сильное государство), они разрешают два важнейших для поколения I вопроса: индивидуализм и неуверенность в завтрашнем дне. В конце концов их дальнейшие политические взгляды, вероятно, будут зависеть от того, достигнут они финансового благополучия или нет.

Я вам не доверяю, и не надо меня ни во что впутывать

В июле 2016 году репортер CBS News берет в филаделфийской закусочной интервью у студента-афроамериканца Бриона Бьюкенена. Он одет в поло в сине-красную полоску и носит модную бородку.

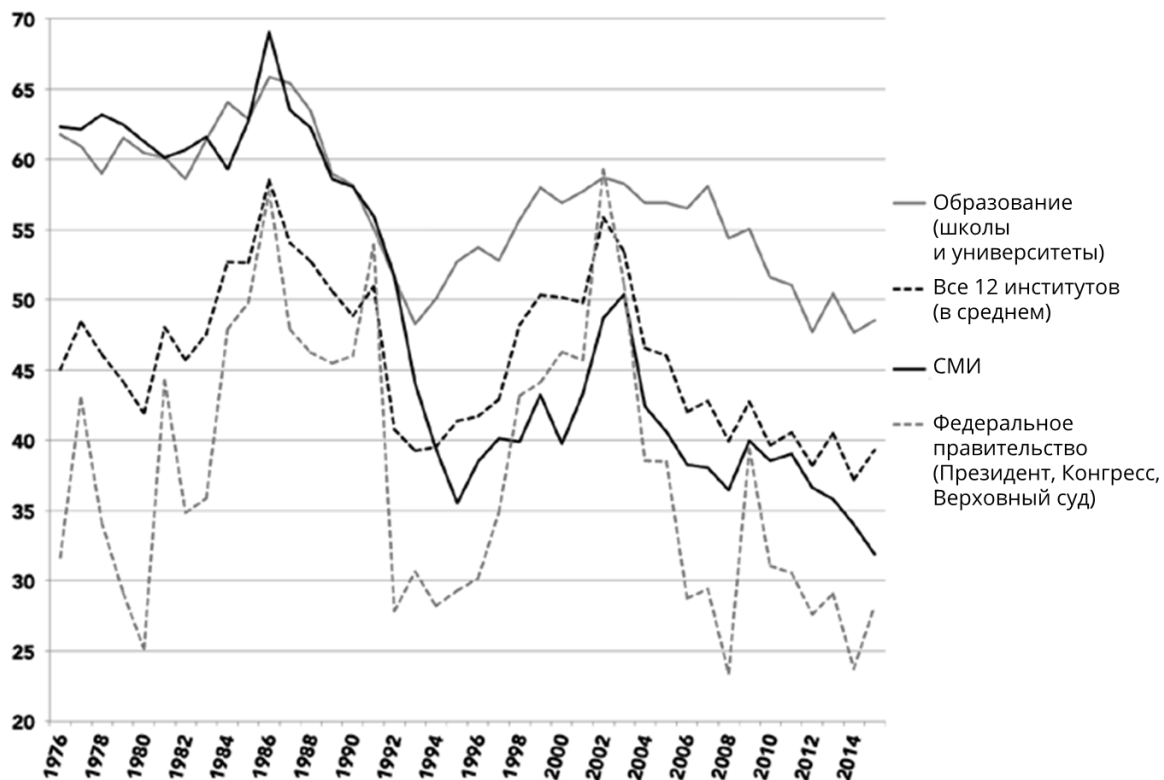

Рис. 10.10. Процент двенадцатиклассников, согласных с тем, что основные социальные институты хорошо или очень хорошо выполняют свои функции. Monitoring the Future, 1976–2015

Грядущие выборы вызывают у него, как и у многих других айдженеров, массу вопросов.

— Что надо сделать, чтобы все [ситуацию в стране] исправить?

— Каким образом [кандидаты] собираются убедить [молодежь] пойти в ноябре на выборы? Что может нас мотивировать? Что может расшевелить нас? Просто сейчас все крайне безразлично относятся к выборам.

Брион прав, но, думаю, даже он недооценивает роль «безразличия». Айдженеры полностью оторваны от политических процессов, разочарованы в правительстве и не доверяют ему, возможно даже в большей степени, чем все остальные поколения.

Айдженеры крайне недовольны положением дел в стране. Процент двенадцатиклассников, недовольных системой образования, а также деятельностью правительства, СМИ, крупных корпораций и религиозных организаций, достиг в 2014 году рекордно низкого уровня — уровень одобрения был выше даже после Уотергейта, в 1990-х — во времена разгула преступности и даже в период Великой рецессии 2007–2009 годов (см. рис. 10.10).

Я считаю, что правительство США не справляется со своими обязанностями. Более того, я уверен, что это худшее правительство в нашей истории. Когда я смотрю политические дебаты или слушания в конгрессе, я вижу людей, которые совершенно не заботятся о стране и, как неадекватные подростки, постоянно устраивают истерики, чтобы скрыть от оппонентов свои истинные намерения. Мне это напоминает зону боевых действий — все ждут, кто первым ошибется.

Антонио, двадцать лет

Так думают не только айдженеры, но и, судя по результатам опросов General Social Survey, многие взрослые американцы: в 2014 году только 21 % американцев сказали, что «полностью доверяют» 12 социальным институтам (включая прессу, образование, здравоохранение и правительство) — это абсолютный минимум за всю историю опроса, который проводится с 1972 года. В 2016 году уровень одобрения оставался стабильно низким. Согласитесь, это хорошо объясняет безумие, творившееся во время избирательной кампании.

Айдженеры не просто уверены в том, что правительство плохо работает; многие вообще отказывают ему в доверии. Двенадцатиклассники все меньше доверяют правительству, все реже думают, что правительство работает в интересах простых людей, и все чаще сомневаются, что в правительстве работают честные люди. Интересно, что антирекорд достигнут во всех трех случаях (см. рис. 10.11). Уровень доверия к правительству в последние годы стабильно снижается, и это полностью опровергает распространенное

мнение, что якобы миллениалы доверяют правительству больше, чем предыдущие поколения.

Опрос, проведенный в октябре 2016 года, показал, что недовольные работой правительства молодые люди редко отдавали свои голоса Клинтон. Надо полагать, что уровень поддержки Клинтон оказался ниже прогнозируемого в том числе и из-за недоверия правительству.

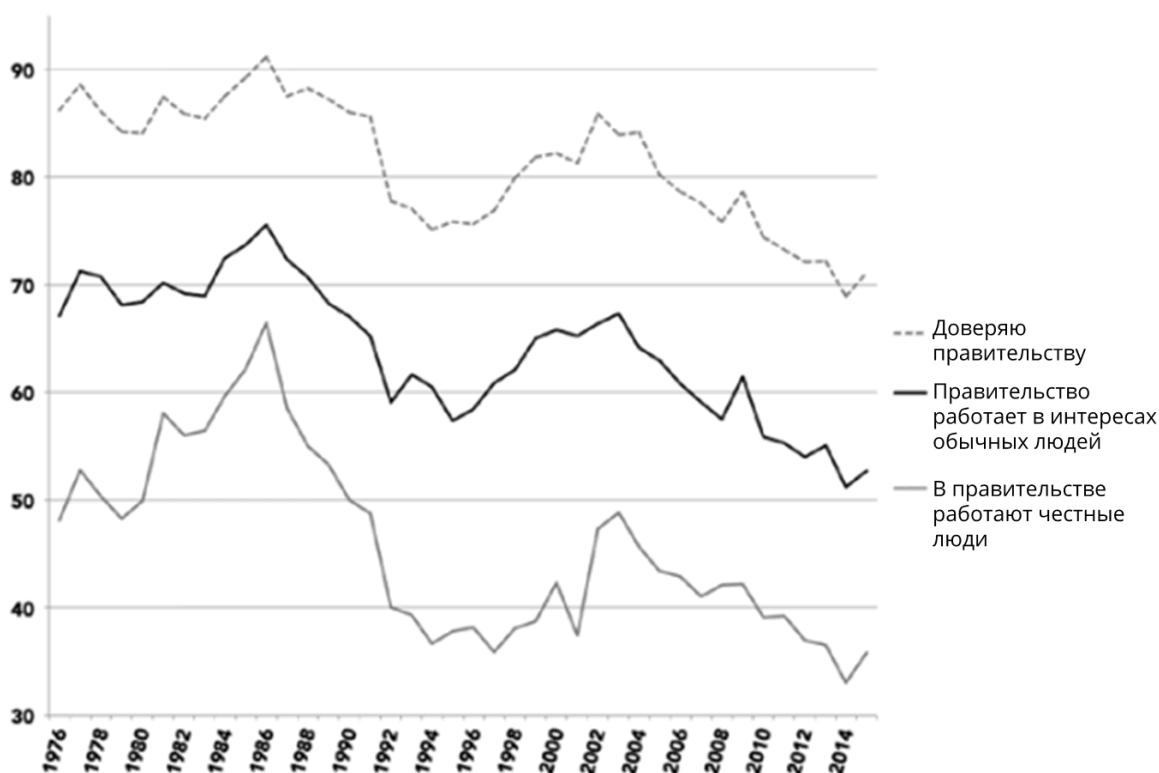

Рис. 10.11. Процент двенадцатиклассников, доверяющих правительству, Monitoring the Future, 1976–2015

Я реально не доверяю правительственным чиновникам, потому что, судя по нынешнему электоральному циклу, практически все, у кого есть власть или хоть какой-нибудь статус в правительстве, давным-давно куплены с потрохами.

Логан, двадцать лет

Даже не сомневаюсь, что чиновники делают только то, что так или иначе приносит им определенную выгоду.

Большинство политиков ничем не отличаются от преступников. Они все в кармане у лоббистов, потому что получают от них

пожертвования на свои избирательные кампании. Плевать они хотели на своих избирателей. Вы только посмотрите, сколько политиков сами становятся лоббистами и зарабатывают еще больше денег на своих связях!

Система прогнила насквозь, и лучше всего об этом говорит тот факт, что Дональд Трамп и Хиллари Клинтон стали основными кандидатами на должность президента.

Брианна, девятнадцать лет

Айдженеры интересуются работой правительства заметно меньше, чем представители старших поколений. Это очень странно, потому что, несмотря на крайне низкий уровень доверия к правительству в 1990-е, интерес к его деятельности в те времена был огромный. Представители поколения X в начале 1990-х не доверяли правительству и считали, что оно не справляется со своими обязанностями, однако живо интересовались его работой. Сочетание недоверия и отсутствия интереса — уникальная особенность айдженеров. Похоже, они настолько не доверяют правительству, что не видят смысла интересоваться его работой.

Как правило, мне неинтересно, чем занимается правительство. Разве что в тех случаях, когда оно начинает прямо влиять на мою жизнь. Полагаю, коррумпированность политиков сводит на нет любой интерес к их деятельности.

Чандлер, двадцать один год

Несмотря на все равнодушие к работе правительства, социальными проблемами айдженеры интересуются несколько больше, чем самые старшие миллениалы. Таким образом, деятельность правительства волнует айдженеров меньше, а глобальные и внутренние социальные проблемы — больше. Как правило, интерес к социальным проблемам и работе правительства растет или падает одновременно, однако айдженеры не видят между ними никакой связи (см. рис. 10.12). Это лишний раз доказывает тот факт, что айдженеры не хотят иметь с правительством ничего общего. Они уверены, что перемены произойдут благодаря действиям простых людей, а не правительства. Справедливости ради следует заметить, что согласно результатам

одного из опросов в 2016 студентам было более важно «находиться в курсе текущих политических событий», чем в 1992 году.

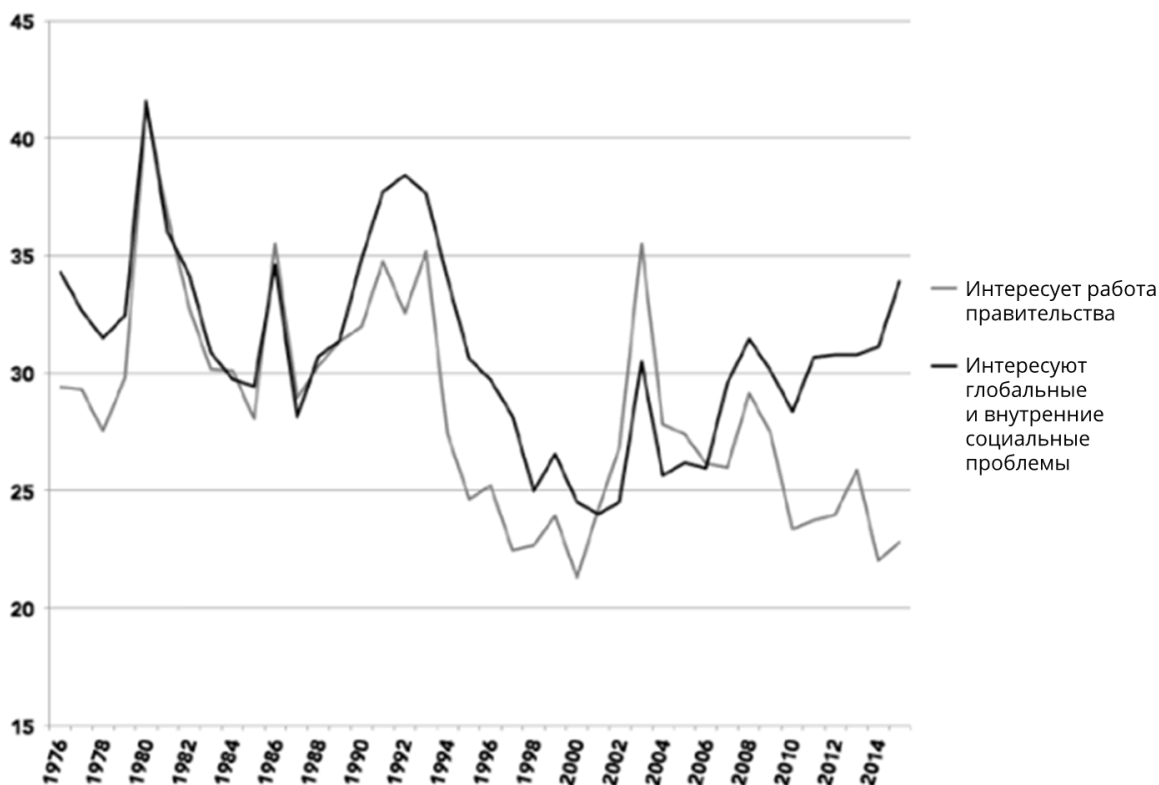

Рис. 10.12. Процент двенадцатиклассников, которые интересуются социальными проблемами и работой правительства. Monitoring the Future, 1976–2015

Можно предположить, что если айдженеры живо интересуются социальными и политическими проблемами, значит, они, скажем, должны чаще писать письма своим представителям в Конгрессе или ходить на демонстрации. На самом деле айдженеры стали реже заниматься политической деятельностью: в 2014–2015 годах политическая активность снизилась до исторического минимума, причем айдженеры стали реже или менее охотно писать письма политикам, принимать участие в демонстрациях, работать волонтерами во время избирательных кампаний или вносить пожертвования в избирательные фонды партий или кандидатов (см. рис. 10.13).

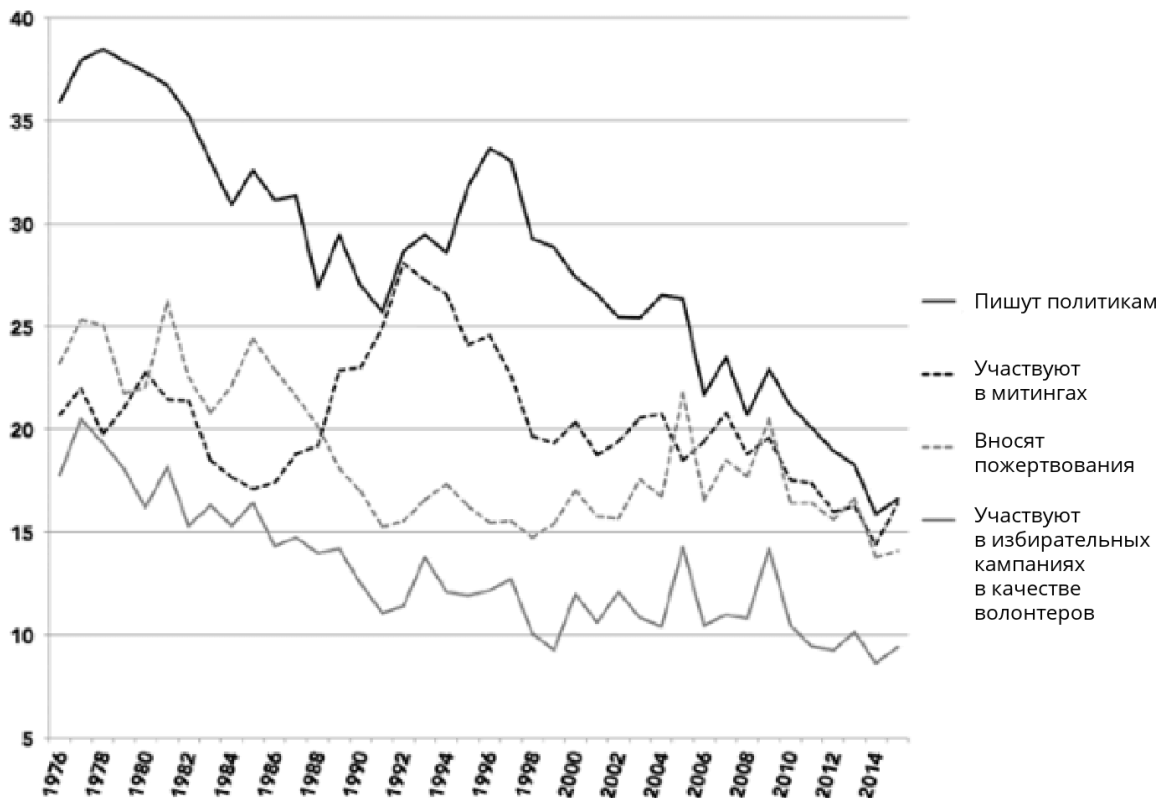

Рис. 10.13. Процент двенадцатиклассников, которые занимаются или хотят заниматься политической деятельностью. Monitoring the Future, 1976–2015

Я интересуюсь политикой примерно так же, как некоторые люди интересуются спортом. Прикольно же следить за всей этой движухой. Однако мой интерес ограничивается чтением или написанием постов на Reddit. Я не хожу на митинги, не пишу своему конгрессмену и не участвую в избирательных кампаниях в качестве волонтера. Я просто смотрю, что происходит, или жалуюсь.

Брианна, девятнадцать лет

Помните Чарли, который сказал, что считает себя либеральным демократом и гордится этим?

Однако я никогда не писал письма политикам и не занимался политикой, потому что это слишком грязное дело. Даже те, кто называет себя либералом или демократом, решают свои задачи и занимаются пропагандой. Думаю, политика — это про деньги...

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на политику и политиков.

Чарли

Либеральный консерватор Роб, определившись со своими политическими взглядами благодаря онлайн-тестам, называет другую, чисто айдженерскую причину своего неучастия в политике: безопасность.

Я не испытывал никакого желания ходить на митинги и шествия, потому что видел все эти безумные уличные драки между сторонниками Трампа и Сандерса.

Роб

Многие айдженеры не испытывают никаких иллюзий относительно своих возможностей прямо влиять на политические процессы и правительство — это к вопросу о политической составляющей личного локуса контроля, о котором мы говорили в седьмой главе. Число двенадцатиклассников, считающих, что их голоса на выборах или действия активистов ничего не решают и никак не влияют на правительство, практически достигло исторического минимума. Айдженеры предпочитают думать, что от них ничего не зависит, и поэтому не видят смысла во что-либо вмешиваться.

Я не участвую [в политике], потому что это бессмысленно. Вспомните, сколько людей поверило в Сандерса. Куча народу выходила на улицы, чтобы поддержать его, но выиграла все равно Клинтон.

Анонимный студент

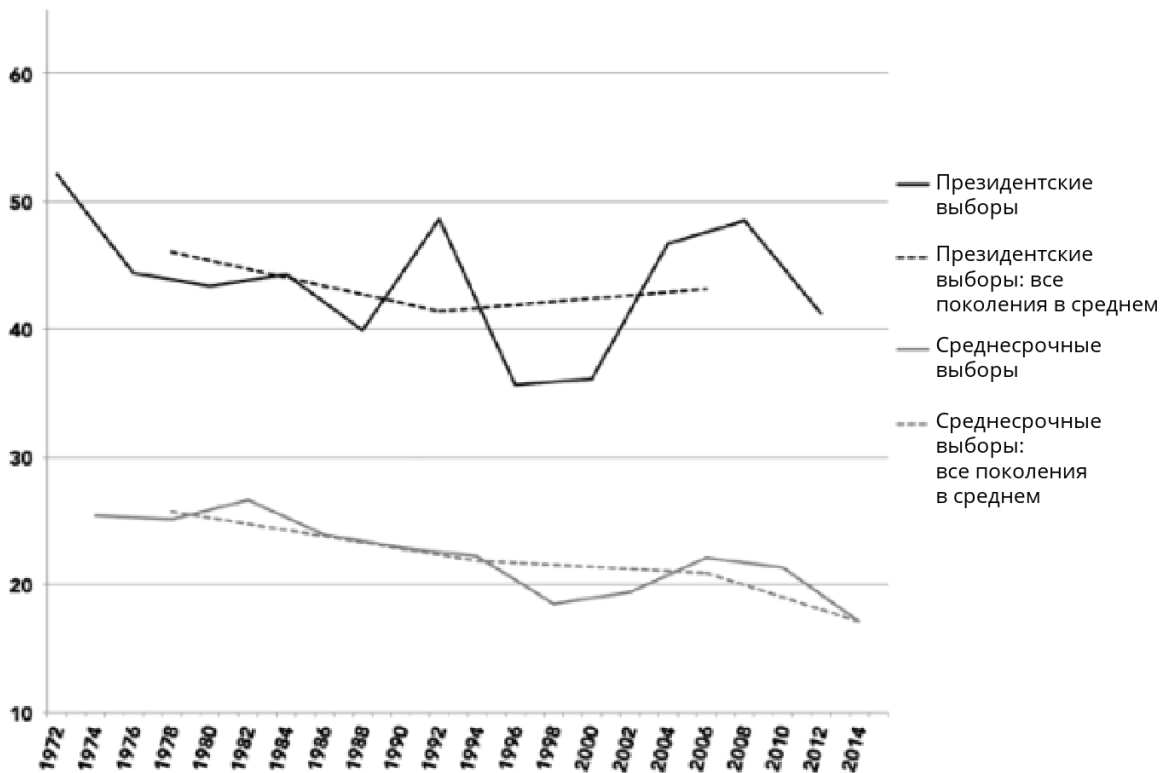

Рис. 10.14. Явка среди избирателей в возрасте от 18 до 24 лет на президентских и среднесрочных выборах. Current Population Survey, 1972–2014

Ходят ли они на выборы? Голосование требует значительно меньших усилий, чем политический активизм, поэтому тренды могут различаться. Долгое время считалось, что миллениалы — непосредственные предшественники айдженеров — поднимут явку молодежи на выборах до беспрецедентно высокого уровня и тем самым полностью изменять расклад политических сил в стране. Ничего подобного не произошло, хотя небольшой рост все же был зафиксирован: число избирателей в возрасте от 18 до 24 лет, принявших участие в президентских выборах, выросло на два процентных пункта после того, как миллениалы стали доминировать в этой возрастной группе над представителями поколения X. Но даже в этих случаях уровень явки был на три процентных пункта ниже, чем в годы молодости беби-бумеров (см. рис. 10.14).

Куда большую тревогу вызывает стабильное снижение явки молодежи на среднесрочных (промежуточных) выборах. В 2014 году айдженеры впервые приняли участие в среднесрочных выборах и установили на них очередной антирекорд: в 2014 году явка среди

айдженеров была на 33 % меньше, чем среди беби-бумеров в годы их молодости (на 22 % меньше, чем среди представителей поколения X, и на 18 % меньше, чем среди миллениалов). В целом явка на выборах снизилась не так сильно, как другие виды политической активности, однако первый поход на избирательные участки сложно назвать успешным. Впрочем, судя по имеющимся данным, явка молодежи на президентских выборах 2016 почти не изменилась по сравнению с 2012 годом.

Не самые большие любители новостей

Итак, айдженеры не хотят иметь никаких дел с правительством, не желают заниматься политикой и не верят, что их участие в политической жизни страны может что-то изменить. Однако, как нам известно из шестой главы, айдженеры могут много говорить и ничего при этом не делать; соответственно ничто не мешает им потреблять информацию и одновременно бездействовать. В конце концов, такого количества источников информации, как у айдженеров, не было ни у одного другого поколения: это и Интернет, и кабельное телевидение, и радио. Как правило, «подсевший» на новости человек получает их из разных источников: он смотрит новости по телевизору, читает статьи в Интернете и слушает радио, чтобы узнать разные точки зрения. Тот, кто по-настоящему интересуется новостями, будет следить за ними еще пристальнее. Однако, по таким параметрам, как частота просмотров и разнообразие источников, айдженеры заметно отстают от своих предшественников. После того как на смену поколению X и миллениалов пришли айдженеры, число учеников восьмых и десятых классов, которые часто читают новости и при этом берут их из разных источников, сократилось с 75 % (трое из четырех) до 50 % (каждый второй).

Конечно, это можно объяснить тем, что айдженеры предпочитают искать новостной контент в Интернете. Однако спад потребления новостной информации среди тинейджеров начался отнюдь не с айдженеров; интерес подростков к новостям начал стабильно снижаться задолго до появления Интернета. Из этого следует, что рост потребления новостного контента в Интернете — далеко не единственный социальный тренд в этой области. Более того,

популярность телевизионных новостей снизилась в два раза сильнее, чем популярность самого телевидения в целом. Похоже, для айдженеров Интернет стал единственным источником новостей. В этом нет ничего плохого, но только при условии, что они пользуются надежными и безопасными ресурсами. Однако, судя по многочисленным интервью и опросам, которые я проводила лично, работая над этой книгой, мало кто из айдженеров хорошо ориентируется в источниках информации.

Восемнадцатилетняя первокурсница София, с которой мы познакомились в девятой главе, заметно смущается, когда я спрашиваю, читает ли она новости в Интернете. Когда я спрашиваю, интересны ли ей мировые и национальные новости, она, на мгновение задумавшись, уточняет: «Какие именно?» Затем я спрашиваю, по какой ссылке она скорее всего, кликнет, если будет просматривать новостной сайт. «Не знаю», — отвечает она и начинает рассказывать о своем докладе по психологии. Девятиклассница Эмили из Миннесоты, о которой я рассказывала в первой, второй и девятой главах, смотрит утренние новости по телевизору вместе с родителями. Когда я спрашиваю ее о любимых новостных сайтах, она отвечает: «Даже не знала, что они существуют».

Большинство первокурсников Государственного университета Сан-Диего в ходе последнего опроса заявили, что новости им «неинтересны».

Я не самая большая фанатка новостей. Новости часто вгоняют в депрессию. Мне не хватает терпения на чтение новостей.

Марисоль, девятнадцать лет

Большинство старшеклассников, которым я во время интервью задала вопрос, следят ли они за текущими событиями, отвечали: «Только если в школе задали». Одиннадцатиклассница Эшли, с которой мы познакомились в седьмой главе, сильно растерялась, когда я спросила, какие последние национальные или мировые новости показались ей интересными (она ответила: «Хм. Не знаю. Что именно вы имеете в виду?»). Тем не менее она сказала, что сделала Yahoo! News домашней страницей браузера, однако, когда я спросила, какие статьи она обычно читает, Эмили ответила:

Обычно мама смотрит что-то, а потом пересказывает мне — обычно это происшествия или очень важные события.

Политическая апатия и политическая поляризация могут иметь одну общую первопричину: Интернет. Многие надеялись, что Интернет повысит гражданскую активность, упростит сбор информации и организацию демонстраций или акций протеста. Писать письма политикам действительно стало проще; почти каждый из них имеет на своем сайте типовые формы обращений. Однако, несмотря на то что сейчас нет необходимости искать почтовый адрес политика в библиотеке, печатать письмо на машинке и ходить на почту, айдженеры все менее охотно контактируют со своими представителями в Конгрессе США. Айдженеры добиваются перемен другими способами: начиная с замены своей фотографии в профиле Facebook на знак равенства и заканчивая хэштегами в Twitter. Никто не спорит, что это проще, чем выходить на улицы, но, как показало решение Верховного суда по однополым бракам, подобные действия способны рано или поздно изменить сначала общественное мнение, а потом и законы. Движение «Черные жизни важны» своей популярностью во многом обязано именно Интернету. Вот в чем сила айдженеров — не в традиционных политических действиях, а в умении быстро распространять информацию о какой-либо проблеме. Иногда это дает результат (как в случае с однополыми браками), иногда — нет (как в случае с видео «Копу 2012», собравшем миллионы просмотров).

Какой политик может добиться расположения айдженеров? В первую очередь он должен быть настоящим, быть «самим собой», то есть он должен быть воплощением основного принципа поколения I — «будь самим собой». Айдженеры пойдут за тем политиком, который будет последовательно отстаивать свои взгляды и никогда не будет подстраиваться под чужое мнение. Именно самобытность стала залогом успеха Берни Сандерса и, вероятно, Дональда Трампа.

Вы можете не соглашаться с Берни Сандерсом, но вы должны уважать его за умение сопереживать и всегда оставаться самим собой. Он настоящий. У него есть убеждения, и он не боится их отстаивать. Никто не может навязать ему свое мнение. Он никому не позволит указывать, что ему говорить и во что верить.

Студентка Массачусетского университета Эмилия Бьюгер в газете Massachusetts Daily Collegian

То же самое можно сказать про Трампа; он говорит то, что думает, и многим это нравится. Не случайно республиканец Трамп, которого все признавали «настоящим», победил на выборах 2016 года, а слишком правильный и потому казавшийся искусственным республиканец Митт Ромни на выборах 2012 года проиграл.

Думаю, идеальный политик будущего будет похож на кандидата в президенты Уилла Конуэя — персонажа сериала «Карточный домик», у которого есть все, чтобы понравиться айдженерам: молодость, прямолинейность и непринужденность. В одном из эпизодов он ведет стрим, во время которого непринужденно общается в домашней обстановке рядом с женой и детьми и выглядит полностью расслабленным. Ему удастся создать образ «настоящего», живого человека, хотя в итоге он оказывается не совсем тем, за кого себя выдает. Айдженеры на дух не переносят политиков традиционного толка даже больше, чем миллениалы, потому что не доверяют им и считают их неотъемлемой частью давно устаревших и чуждых им социальных институтов.

Убеждения айдженеров во многом отражают сильную политическую поляризацию всей страны в целом. Очевидным недостатком нашей онлайн-культуры является то, что социальные сети объединяют в основном друзей и близких родственников. Люди привыкают общаться со своими единомышленниками и отгораживаются ото всех, кто не согласен с их мнением, что приводит к еще большей поляризации. В итоге молодые американцы все чаще имеют четкие политические взгляды и все реже хотят узнавать что-то новое или принимать активное участие в политической жизни общества. Вполне возможно, что мы увидим еще немало кандидатов, которые ради внимания айдженеров и первых мест в опросах будут вести себя как суперзвезды и делать громкие заявления. Начинающие политики, если только они хотят получить голоса айдженеров, должны смириться с их крайне противоречивыми взглядами и либертарианскими ценностями, а также преодолеть снижение интереса к политике в целом.

Заключение. Как понять поколение I и уберечь его от проблем

Тринадцатилетняя Афина быстро заводится, когда начинает рассказывать о влиянии новых технологий на ее поколение. По словам Афины, даже если она тусуется со своими друзьями, они все равно смотрят на свои телефоны чаще, чем на нее.

— Я пытаюсь им о чем-то рассказывать, но они при этом реально Не. Смотрят Мне. В. Глаза. Они постоянно тыкаются в телефоны или смотрят на Apple Watch.

— Что ты чувствуешь, когда рассказываешь им о чем-то, а они не смотрят тебе в глаза?

— Обиду. Да, это сильно обижает. Я знаю, что поколение моих родителей так себя не вело. Я могу рассказывать о чем-то очень важном, а меня никто не слушает.

Однажды, рассказывает Афина, ее подруга пришла к ней в гости и как ни в чем не бывало начала переписываться со своим бойфрендом.

— Я пыталась рассказать ей о своей семье, о том, что у нас происходит, а она только невпопад поддакивала: «Ага, угу, ну да». В итоге я не выдержала, выхватила телефон у нее из рук и забросила его на шкаф.

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

— Ты ведь занимаешься волейболом, — сказала я. — У тебя должен быть хороший бросок.

— Ну да, — согласилась она.

В этой истории меня заинтриговал не только сам поступок Афины, который, полагаю, многие бы с удовольствием повторили (не всем, однако, хватает для этого сообразительности Афины и ее навыков игры в волейбол). В свои 13 лет она не может представить себе мир, в котором нет Интернета и смартфонов. Она живет в том мире, в котором живет, однако она не уверена, что он ее полностью устраивает.

В этой главе я расскажу о том, что мы можем сделать, чтобы улучшить и упростить жизнь поколению I. Сразу оговорюсь, не попадайте в крайности и соблюдайте баланс — все меры по умолчанию должны быть адекватными и приемлемыми. Культурные изменения

невозможны без компромиссов: добро и зло всегда идут рука об руку. Поколение I сформировалось под влиянием как позитивных, так и негативных трендов, при этом надо понимать, что оценка трендов во многом зависит от личных пристрастий и убеждений исследователя. Иногда мне кажется, что нам вообще не следует навешивать ярлыки «плохой» или «хороший» на поколенческие тренды — они такие, какие есть. С другой стороны, я, как мать и преподаватель, не могу не понимать важность дискуссий на тему «и что нам теперь со всем этим делать?». Какие-то тренды не вызывают споров: чем реже тинейджеры употребляют алкоголь, а потом занимаются сексом или попадают в ДТП, тем лучше — вопросов нет. Жизни и здоровью современных подростков вообще угрожает, как никогда, мало опасностей. Конечно, это говорит не о возросшей ответственности и серьезности современных подростков, а скорее об их медленном взрослении, но тем не менее высокий уровень физической безопасности не может не радовать.

Другие тренды уже вызывают озабоченность: как нам защитить своих детей от повышенной тревожности, депрессии и одиночества в цифровую эпоху? Как родители и колледжи могут помочь не имеющим жизненного опыта школьникам плавно перейти к самостоятельной жизни в студенческих кампусах? Каким образом бизнес может выжать максимум из нового поколения рабочей силы?

В этой, уже последней главе я хочу дать некоторые советы и обсудить возможные варианты развития событий. Во многих случаях я буду полагаться на мнение самих айдженеров о своем будущем. Многие айдженеры, как, например, Афина, прекрасно знают обо всех минусах цифровой эпохи. Это как раз тот случай, когда субъективные оценки и мнения оказываются более важными, чем данные всех социологических исследований, вместе взятых, поэтому я крайне благодарна всем молодым людям, поделившимся со мной своими взглядами.

Отложите телефон в сторону

С тех пор как моя младшая сестра завела аккаунты в Instagram и Twitter, куда бы мы ни поехали, она всегда молча сидит в машине и, низко склонив голову, скроллит 6-дюймовый бело-голубой экран своего смартфона. Когда я пытаюсь поговорить с ней, она невпопад реагирует на мои вопросы односложными ответами. Я ее ни в чем не виню, потому что я сама такая же. Скорее я расстроена тем фактом, что жизнь в Интернете стала более интересной и важной, чем реальная жизнь.

Студентка Рейчел Уолман в газете Massachusetts Daily Collegian

Айдженеры испытывают зависимость от своих смартфонов и прекрасно это осознают. Более того, многие понимают, что это очень плохо. Очевидно, что снижение экранного времени пошло бы на пользу большинству тинейджеров (и взрослых тоже).

- Социальные сети разрушают наши жизни.
- Тогда почему вы продолжаете ими пользоваться?
- Потому что иначе мы выпадем из жизни.

Нэнси в книге Джо Сэйлс American Girls

Согласно многочисленным исследованиям, как упомянутым в этой книге, так и некоторым другим, чем позже ваш ребенок начнет пользоваться смартфоном, тем лучше. На самом деле младшекласникам телефон вообще не нужен. Когда ребенок переходит в среднюю школу, у него появляются дополнительные занятия, он становится более самостоятельным и с высокой вероятностью начинает ездить на автобусе, поэтому многие родители покупают своим детям телефоны для большего удобства и безопасности. Однако первый телефон совсем не обязательно должен быть смартфоном с доступом в Интернет и возможностью легко писать сообщения. Наоборот, купите своему ребенку самый простой телефон, например олдскую раскладушку (их еще называют «тупыми телефонами» в противовес «умным телефонам — смартфонам») без доступа в Интернет и сенсорного экрана (это значит, что ребенку придется по несколько раз нажимать на одну и ту же кнопку, чтобы

выбрать нужную букву. Помните такие телефоны?). Когда сын моей подруги перешел в среднюю школу, она купила ему самую обычную раскладушку. Я планирую поступить точно так же, когда через несколько лет моя старшая дочь начнет ездить в среднюю школу на автобусе. Однако, скорее всего, я не куплю даже раскладушку до тех пор, пока не буду уверена, что телефон ей действительно нужен. В конце концов, раньше школьники ездили на автобусах и прекрасно обходились без гаджетов.

Но зачем ждать, спросите вы, если «у всех» уже есть смартфон и ваш ребенок тоже очень хочет его заполучить? Иногда можно услышать следующий аргумент: социальные сети — это данность, и подростки рано или поздно все равно начнут ими пользоваться, поэтому нет ничего плохого в том, что даже самые маленькие дети будут иметь смартфон. Однако сторонники этого мнения не замечают коллизию, возникающую между первыми этапами подросткового развития и социальными сетями. Средняя школа всегда была местом, где подростки не только начинают искать себя, но и впервые могут столкнуться с травлей. Добавьте сюда социальные сети — и получите на выходе пороховую бочку. Вот почему связь между использованием социальными сетями и депрессией особенно заметна среди самых младших тинейджеров. Старшие тинейджеры более уверены в себе и поэтому менее подвержены влиянию социальных сетей. Если учесть принятый в Интернете акцент на сексуальность — селфи с голыми попами, поисковые запросы порнографии и лайки под провокационными эротическими постами в Instagram, — было бы вполне разумно оградить подростков на несколько лет от пагубного влияния соцсетей. Если ваши дети все же хотят пользоваться социальными сетями, то можно предложить им простое компромиссное решение: зарегистрируйте их, но только на своем компьютере. В этом случае они смогут время от времени переписываться со своими друзьями и договариваться с ними о встречах, но не смогут безвылазно сидеть в сетях, потому что родительский компьютер, в отличие от смартфона, невозможно носить с собой. Маловероятно, что спорадическое пользование сетями способно причинить им сколь-нибудь серьезный вред; электронные устройства могут вызывать психические расстройства и делать людей

несчастливыми, только если время пользования ими превышает два часа в день.

Если вам кажется, что два часа в день — это смешно, то хочу напомнить, что главы многих IT-гигантов строго следят за тем, сколько времени их собственные дети тратят на гаджеты. В конце 2010 года репортер New York Times Ник Билтон спросил одного из основателей и в ту пору главу Apple Стива Джобса, нравится ли iPad его детям. «Они им никогда не пользовались, — ответил Джобс. — Мы ограничиваем время, в течение которого наши дети могут пользоваться новыми технологиями дома». Сначала Билтон был шокирован ответом и даже не поверил ему, но потом выяснил, что очень многие эксперты в области IT, начиная с одного из учредителей компании Twitter Inc. и заканчивая бывшим редактором журнала Wired, ограничивают экранное время своих детей. Таким образом, даже люди, которые не просто любят новые технологии, но и сделали на них гигантские состояния, понимают, что бесконтрольное пользование электронными устройствами может причинить вред их детям.

Похоже, производители гаджетов свято соблюдают главную заповедь всех наркоторговцев: никогда не сиди на своем товаре.

Адам Алтер в книге Irresistible

Многие родители задаются вопросом: действительно ли им стоит переживать из-за гаджетов? Некоторые утверждают, что шумиха вокруг смартфонов похожа на необоснованную панику, которую в свое спровоцировало появление таких медиа, как радио, музыкальные альбомы, телевидение и даже романы. Возможно, в чем-то они и правы, но сравнивать эти события не всегда корректно. В отличие от прослушивания музыки и чтения книг, пользование социальными сетями и электронными устройствами очень тесно связано с высоким уровнем одиночества, несчастья, депрессией и повышенным суицидальным риском, что полностью подтверждается экспериментальными данными. В то же время просмотр телевизора повышает риск депрессии. Не вызывает никаких сомнений, что беби-бумеры (первое поколение, которое с раннего детства было знакомо с телевизором) страдали депрессией чаще, чем представители предшествующих поколений, которые росли и выросли без телевизора. Поэтому, если мы заранее начинаем бить в колокола, мы

отнюдь не всегда оказываемся паникерами; в конце концов, «паника» вокруг телевидения оказалась отчасти оправданной. Думаю, все разговоры о том, что пока, дескать, слишком рано говорить о проблеме, что надо посмотреть, что будет дальше, следует признать неуместными — мы должны начинать спасать своих детей здесь и сейчас.

Другой аргумент сторонников гаджетов заключается в том, что социальные сети и текстовые сообщения — это всего лишь новые способы общения. Допустим, но виртуальное общение тесно связано с плохим психическим здоровьем, а живое личное общение — с хорошим. Между этими видами общения нельзя ставить знак равенства.

И наконец, последний аргумент сводится к тому, что многие люди (включая взрослых) любят пользоваться социальными сетями, и поэтому в них нет ничего плохого. Этот аргумент не выдерживает никакой критики. Многие любят фастфуд, но из этого не следует, что фастфуд полезен для здоровья. Запомните: создатели социальных сетей в первую очередь думают о прибыли, поэтому когда тинейджеры всю ночь напролет сидят в новом модном приложении, бизнесмены просто зарабатывают на них деньги. В этой игре наши дети всегда проигрывают.

Особенно справедливо это для девушек, которые являются основными пользователями и одновременно главными жертвами социальных сетей. Родители, учителя и сами девушки должны как-то переломить ситуацию, потому что владельцев соцсетей все устраивает.

Компании, владеющие социальными сетями, ничего не будут менять до тех пор, пока пользователи генерируют необходимый трафик. «Ой, ваша дочка пользуется Tinder? Думаю, она просто ищет там друзей. В этом нет никакого цинизма — давайте прекратим ныть! Меня волнует только размер премии в следующем квартале».

Пол Робертс в книге *The Impulse Society*

Я ни в коем случае не предлагаю тинейджерам (или взрослым) полностью отказаться от смартфонов (или даже социальных сетей). Если вы или ваши дети пользуются ими не более часа в день, то, скорее всего, вы не столкнетесь ни с какими проблемами. Новые

технологии, если ими не злоупотреблять, повышают качество нашей жизни, однако ситуация давно вышла из под контроля. Журналы по психологии пестрят статьями об интернет-зависимости. Многие тинейджеры предпочитают общаться со своими друзьями не с глазу на глаз, а в социальных сетях или посредством текстовых сообщений, причем никто не рискнет предсказать, как это в будущем скажется на их социальных навыках. Тревожность и распространенность депрессии среди молодежи достигли беспрецедентно высокого уровня, а число совершаемых подростками самоубийств выросло вдвое всего за несколько лет. Очевидно, что экранное время необходимо сокращать.

Все мы, включая взрослых, должны научиться ограничивать себя: реже брать телефон в руки; реже задерживать свой взгляд на экране; реже общаться виртуально. Студентка Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Мелисса Найлз сформулировала проблему так, как это может сделать только представитель поколения I.

Недавно я пережила настоящий кошмар. Вместо того чтобы быстро встретиться со своей подругой за чашкой кофе, мы полчаса переписывались с ней, обсуждая планы на день. Затем, вместо того чтобы просто прийти на прием к своему преподавателю, я написала ему из дома электронное письмо со своим вопросом.

Разумеется, он не понял, кто я такая, и ничего не ответил, хотя легко бы дал нужную рекомендацию, потому что хорошо знает меня лично. Потом на автобусной остановке со мной захотел познакомиться симпатичный парень, однако я проигнорировала его, потому была слишком занята перепиской со своей подругой. Еще я потратила кучу времени на то, чтобы уделить внимание всем своим друзьям в Facebook, которых у меня уже больше 1000, хотя с большинством из них я едва знакома и очень редко вижу их лично, поэтому смысл в их существовании становится все более туманным. И да, это был обычный день, а не кошмарный сон. Обусловленная технологиями отстраненность стала частью нашей жизни. Технологии постепенно лишают нас столь необходимого всем нам простого человеческого общения. Что мы делаем со всеми своими 3000 друзьями в Интернете? Зачем они нам нужны? Зачем мы постоянно переписываемся?

Думаю, это пустая трата времени. Давайте чаще встречаться с друзьями и проводить с ними больше времени. Давайте заводить настоящие, долговременные отношения, которые никак не будут зависеть от новых технологий.

Мелисса Найлз

Похоже, айдженеры начинают догадываться, что реальная жизнь может быть интересна.

Что делать со смартфонами? Лайфхаки

Многим родителям порой непросто разобраться в социальных сетях и моделях смартфонов, потому что их выбор просто огромен. В то же время надо понимать, что рано или поздно ваш ребенок все-таки обзаведется смартфоном. Что делать дальше? Не отчаивайтесь и не думайте, что после этого все будет кончено. Прежде чем отдать своему ребенку новенький смартфон, установите приложение, которое умеет ограничивать время пользования устройством. Уже сейчас существует множество таких приложений, а к тому моменту, когда вы прочтете эту книгу, наверняка появятся новые; в настоящий момент плата за некоторые приложения не превышает нескольких долларов в месяц. Приложения могут ограничивать время просмотра любых сайтов, а по достижении установленного вами лимита блокировать или даже полностью выключать смартфон. Не поддавайтесь искушению и не пытайтесь выяснить, насколько ответственным пользователем может быть ваш ребенок, а сразу установите все необходимые ограничения, прежде чем он поставит пароль или станет зависимым от социальных сетей. Зависимость приобретается очень быстро — спросите об этом любого своего знакомого, который часто пользуется смартфоном. Установление ограничений — превосходный, если не идеальный вариант решения многих проблем, потому что в этом случае ваш ребенок сможет поддерживать общение со своими друзьями и узнавать обо всех важных для него событиях, но при этом не будет заикливаться на телефоне.

Еще одно обязательно правило: перед сном подросток должен положить телефон как минимум в трех метрах от себя (это правило также касается всех взрослых). Многие айдженеры и миллениалы рассказывали мне, что перед сном оставляют телефон на расстоянии

вытянутой руки и никогда не отключают громкость и поэтому постоянно просыпаются, когда слышат звонок или уведомление о входящем сообщении. Многие также сказали, что включают беззвучный режим, но все равно не выпускают телефон из рук, когда не могут уснуть. Все это вредит здоровому сну: нашими далекими предками были пещерные люди, поэтому свечение экрана телефона наш мозг воспринимает в качестве солнечного света и незамедлительно снижает выработку гормона сна — мелатонина, что значительно затрудняет засыпание.

Что делать, если вы, как и многие тинейджеры, с которыми мне удалось поговорить, используете смартфон в качестве будильника? Ответ очень простой: купите будильник. В этом случае вы не только всегда вовремя проснетесь, но еще и хорошо выспитесь, потому что избавите себя от вредного для сна свечения экрана и искушения лишний раз потыкаться в телефон перед сном.

Что делать, если ваш ребенок хочет зарегистрироваться в социальной сети? Какую сеть выбрать, если вы хотите чтобы он пользовался только одной? По мнению большинства экспертов, это Snapchat. В первую очередь потому, что большинство подростков там делятся друг с другом т. н. снэпами, фотографиями или короткими видео, на которые можно накладывать фильтры. Также к ним можно добавлять различные эффекты, текст и рисунки, которые исчезают буквально через несколько секунд после просмотра, причем отправить снэп можно только одному или нескольким друзьям из списка контактов. Таким образом, снэпы создаются не ради комментариев или лайков, поскольку они изначально не предназначены для широкой аудитории, в отличие от постов в Instagram, Twitter или Facebook, которые ориентированы на неопределенный круг людей. Если же кто-то захочет поделиться фотографией или видеороликом с более широким кругом лиц, то он может выложить их в Snapstory, но даже в этом случае весь выложенный контент исчезнет через 24 часа.

Мобильные приложения социальных сетей меняются очень быстро, поэтому к тому моменту, когда вы прочтете эту книгу, моя рекомендация может уже устареть. Тем не менее я могу дать один общий совет: отдавайте предпочтения тем платформам, которые предназначены для обмена короткими личными сообщениями, а не для непрерывного общения с большим числом малознакомых или вовсе

незнакомых лиц. Дело в том, что подготовка постов, рассчитанных на широкую аудиторию, требует слишком много времени и внимания: подростки начинают думать только о том, как правильно подать себя в сети, как сделать удачное селфи и придумать к нему такую подпись, чтобы пост собрал как можно больше лайков. Это сложно даже для взрослых, не то что для подростков. В Snapchat пользователи не могут искать контент, следовательно, тинейджеры там реже сталкиваются с неприемлемыми материалами. Также стоит обратить внимание на новые «прикольные» приложения вроде Houseparty — видеочаты, предназначенные для общения трех и более пользователей. Разумеется, эти приложения не заменяют живое общение, но зато они воссоздают его лучше, чем большинство социальных сетей.

Ничто не мешает всем нам, как тинейджерам, так и взрослым, убирать телефоны в сторону во время личных встреч. В некоторых молодежных компаниях заведено очень хорошее правило: в начале ланча или ужина все включают беззвучный режим и кладут телефоны экраном вниз на середину стола. Тот, кто не выдержит и первым возьмет свой телефон, оплачивает общий счет. Думаю, это правило могли бы перенять и многие взрослые.

Одна восемнадцатилетняя героиня книги American Girls полностью отказалась от социальных сетей, и при этом у нее остались друзья.

Иногда я минут по десять не понимаю, о чем говорят мои друзья, потому что я не видела какой-то пост или видео, но меня это нисколько не смущает. Если я хочу лучше узнать человека, я не хочу общаться с его искусственной интернет-версией... Насколько важно что выложила вчера условная Мэри в Instagram? Если я захочу пообщаться с Мэри, я позвоню ей и договорюсь о встрече.

Социальные сети не делают нашу жизнь полноценной.

Люди не находят там счастья. Они находят там красивую картинку.

Смартфоны помогают нам фиксировать самые интересные моменты в жизни, но при этом иногда они очень сильно влияют на саму жизнь. Какие события вы помните лучше? Те, что увидели своими глазами или за которыми наблюдали через камеру смартфона?

Куда бы ни пошли, где бы ни оказались, вы всегда сталкиваетесь с этим. Никто больше не хочет просто жить и наблюдать за

происходящим. Стоит произойти хоть чему-то занятному, как все сразу достают телефоны и начинают снимать.

Первокурсница Университета Джорджии Александра Ли

Недавно в Washington Post появилась статья об одной семье, в которой самый младший четырехлетний ребенок постоянно спрашивает своих родителей, не начат ли им выкладывать все, что происходит в их семье, на YouTube. С таким подходом очень сложно, если вообще возможно, жить своей собственной полноценной жизнью.

Только научившись при необходимости откладывать телефон в сторону, можно рассчитывать на успех в учебе и работе. Как известно, человек не может думать о нескольких вещах одновременно: при выполнении двух и более задач, требующих нашего внимания, мозг постоянно переключается между ними, что увеличивает время выполнения каждой из задач. Марк изучает в колледже информационные технологии, и он полностью согласен, с тем, что «никто не может осваивать учебный материал в режиме многозадачности». Его собственная методика заключается в том, что он в течение 20 минут интенсивно занимается, «а затем, чем бы я ни занимался, я делаю пятиминутный перерыв, во время которого проверяю Facebook, Instagram и Twitter. Потом включается мой внутренний будильник, который как бы говорит: Эй, пора возвращаться к работе». Лично я бы немного подкорректировала методику Марка — если вы занимаетесь или работаете, то не останавливаетесь так часто. Продолжайте выполнять задание до появления первых признаков усталости или рассеянности — обычно это происходит максимум минут через 40–45 — а затем немного отдохните. Рекомендованных Марком пяти минут вам вполне хватит на то, чтобы восстановить концентрацию внимания и при этом не успеть увязнуть в дебрях социальных сетей или Интернета, читая статьи вроде «Почему в Голливуде никто больше не хочет снимать Брендана Фрейзера». Самое главное правило — перед тем, как приступить к работе или занятиям, уберите подальше свой смартфон и по возможности не пользуйтесь Google или электронной почтой. Если вы этого не сделаете, то будете постоянно переключать внимание с работы на входящие звонки и уведомления, а это лучший способ убить день и ничего не успеть.

В целом время пользования смартфоном необходимо контролировать, причем как взрослым, так и детям. Используйте смартфон для развлечения, общения и решения повседневных задач, но уберите его подальше, когда вам надо полностью сконцентрироваться на работе или учебе. Если считаете нужным, то установите приложение, которое будет ограничивать время пользования социальными сетями. Не доверяйте телефону свои интимные фотографии и не спите с ним — он не ваш любовник. Не отвлекайтесь постоянно на телефон, когда с кем-нибудь разговариваете с глазу на глаз. Телефон не ваш лучший друг.

Откровенные селфи и порно

Социальные сети нередко усугубляют и без того повышенное внимание тинейджеров к своему внешнему виду и сексуальной привлекательности, что приводит к чрезмерной сексуализации тинейджеров — в первую очередь это касается девочек. Многие родители даже не представляют, какие фотографии выкладывают их дети в Интернете, поэтому для начала рекомендую всем периодически просматривать странички своих детей в Instagram. Также родителям следует откровенно поговорить со своими дочерьми и объяснить им, какими неприятностями может обернуться публикация откровенных фотографий в Сети. Девочки никогда и никому не должны отправлять свои голые селфи, даже в Snapchat. Это приложение предупреждает пользователя о том, что получатель фотографии сделал скриншот, но оно не способно предотвратить само действие. Получив фотографию, человек впоследствии может переслать ее кому угодно. В Интернете существует множество сайтов, на которых находятся целые галереи с фотографиями голых девушек-подростков. Очевидно, что многие из этих фотографий сначала всплывают в средней и старшей школе, а затем распространяются по всему свету со скоростью лесного пожара. Родители должны четко объяснить своим детям, что делиться обнаженными фотографиями со знакомым — это очень, очень плохая идея.

Когда тринадцатилетняя Афина заканчивает рассказывать мне про Snapchat, я спрашиваю ее:

— Почему вас бесит, когда кто-то делает скриншоты сообщений?

— Не всегда. Только если на них есть что-то плохое.

— Ругательства?

— Нет. Обнаженка. Если ты отправишь свою фотографию, то подлец разошлет ее своим знакомым, и ему за это ничего не будет, потому что после этого он сразу удалит компрометирующую фотографию со своего телефона. Интимные фотографии могут распространиться по всей школе буквально за считанные минуты.

Афина рассказала мне о двух своих одноклассниках, которых на неделю отстранили от учебы в школе за рассылку чужих голых селфи. И это только вершина айсберга. Поэтому следующий совет: объясните своим детям, что на любую просьбу прислать голое селфи они всегда должны говорить «нет». Еще можно поступить как шестнадцатилетняя Риз Хеберт, которая однажды написала своему парню, что собирается принять душ, а тот моментально прислал ей сообщение: «Ого, хочу на это посмотреть». Риз удовлетворила его просьбу — надела шляпу-зонтик и сделала свой портрет крупным планом в душе.

Помимо всего прочего, родители должны оградить своих детей от порнографии. Доступность электронных устройств и широкое распространение порнографии в Интернете привели к тому, что подростки впервые сталкиваются с ней во все более и более раннем возрасте. Специальные программные фильтры на телефонах и планшетах малоэффективны и обходятся даже младшеклассниками, поэтому рекомендую давать им устройства вроде Kindle, которые могут быть сконфигурированы таким образом, чтобы в них вообще не было браузера (при этом сохраняется возможность просматривать видео и читать книги, но в пределах т. н. «Огороженного сада»). Подростков постарше также необходимо ограничивать, ну или как минимум серьезно разговаривать с ними о вреде порнографии. Порносайты, равно как и социальные сети, создаются для зарабатывания денег, а деньги им приносит в том числе агрессивный, унижающий достоинство секс. Подросткам надо объяснять, что в порнофильмах они видят не любящих друг друга людей, а профессиональных актеров, которые занимаются грубым и, как правило, лишенным всяких эмоций сексом. Надо понимать, что порнография создает у подростков ложное представление о том, что из себя представляет и как проявляется нормальная сексуальность у

взрослых людей. В результате уже выросло целое поколение тинейджеров, имеющих превратное представление о сексе.

Дефицит личного общения

Подростки, которые проводят много времени со своими друзьями (вместе гуляют, ходят друг к другу в гости и т. д.) чувствуют себя более счастливыми, менее одинокими и реже страдают депрессией, в то время как подростки, предпочитающие общаться в социальных сетях, менее счастливы, более одиноки и чаще склонны к депрессии. В любом случае, социальные сети, в отличие от живого личного общения, не спасают от одиночества и депрессии.

Учитывая всю пользу личного общения, родители должны перестать думать, что тусовки с друзьями — это пустая трата времени. Во-первых, тинейджеры и без того все реже общаются лично, а, во-вторых, они делают это за счет сокращения экранного времени, а не в ущерб учебе и работе. К сожалению, общение посредством электронных устройств не только не может заменить полноценное личное общение в том, что касается развития эмоциональных связей и социальных навыков, но и, вероятно, является одной из причин роста числа самоубийств и распространенности депрессии среди подростков.

Многие родители считают, что личное общение со сверстниками представляет потенциальную опасность для их детей. Мы все хотим оградить своих детей от неприятностей и поэтому, как можем, ограничиваем их; проблема, однако, заключается в том, что родители сильно ограничивают максимально полезную социальную активность (личное общение) и почти не лимитируют активность, которая приносит наименьшую пользу (онлайн-общение). Да, общаясь в Интернете, тинейджеры находятся в большей безопасности, но выбор в пользу электронной коммуникации может обернуться серьезными проблемами с психическим здоровьем. Похоже, родители до сих пор видят проблемы там, где их нет.

Несколько последних исследований доказали, что чем больше подростки общаются со сверстниками лично, не пользуясь электронными устройствами, тем более развитыми социальными навыками они обладают; например, точнее определяют эмоции

собеседника по выражению его лица. Полагаю, что в ближайшем будущем такие исследования будут проводиться все чаще. Айдженеры живут в мире, где общение все чаще происходит онлайн, однако навыки личного общения никогда не бывают лишними: люди по-прежнему разговаривают друг с другом, ходят на свидания и собеседования. Подростки, которые постоянно тыкаются в свои гаджеты и редко встречаются с друзьями, будут испытывать сложности с применением указанных социальных навыков. Правило «практика — залог успеха» не знает исключений. Поэтому, дорогие родители, запомните: когда ваши дети гуляют с друзьями, они не «шляются» и не тратят время зря — они инвестируют в свое будущее.

Несмотря на то что Афине всего тринадцать лет, она уже прекрасно понимает, какую опасность представляют знакомые ей с детства технологии.

— Мы не знаем, как надо правильно общаться.

— Как ты думаешь, привычный твоему поколению способ общения станет когда-нибудь нормой?

— Конечно. И когда это произойдет, у нас исчезнет последняя причина отрываться от дивана.

Обращаюсь ко всем: оторвитесь от дивана.

Как победить тревогу и депрессию

В тот день я сидела в лекционном зале и изо всех сил пыталась собраться с мыслями и успокоиться... Я не могла думать ни о чем, кроме бесчисленных задач и проблем, которые мне предстояло решить. В голове вертелись десятки каких-то обрывочных второстепенных мыслей, которые сами по себе очень быстро превращались в гигантские проблемы. Примерно так выглядит тревога. Когда она появляется, от нее очень сложно избавиться. В какой-то момент мне удалось вырваться из круговорота мыслей, и я попробовала сфокусироваться на лекции, но поняла, что почти ничего не слышу. Поэтому я собрала вещи и ушла. Я поехала в оздоровительный центр и побегала там полчаса.

Думаю, мой организм вознаградил меня хорошей дозой эндорфинов, потому что почти сразу после пробежки ко мне вернулась ясность ума, я почувствовала прилив сил и успокоилась.

Кейт Ледди в газете Massachusetts Daily Collegian

В тот день Кейт узнала то, что давно известно специалистам: физическая нагрузка является естественным антидепрессантом. Стивен Иларди, клинический психолог и профессор Канзасского университета выступил на одной из конференций TED с лекцией на тему «Депрессия — болезнь цивилизации». Оказывается, образ жизни нашего предка — пещерного человека — это один из лучших способов предотвратить или снизить тревогу и депрессию. Предложенная Иларди программа восстановления состоит из шести пунктов: пребывание на солнце, физические упражнения, диета, богатая Омега-3 жирными кислотами, отказ от самокопания, полноценный сон и активное личное общение. В его книге *The Depression Cure* (Лечение депрессии) можно найти конкретные рекомендации по применению указанных правил на практике. Большинство из предложенных автором техник не влекут дополнительных расходов, но занимают много времени.

Где найти на это время? Попробуйте, например, реже пользоваться смартфоном. Вспомните график, приведенный в третьей главе, на котором показана зависимость между различными видами деятельности и психологическим благополучием. Пользование электронными устройствами (экранная активность) делает людей менее счастливыми и более депрессивными, а внеэкранная активность — в первую очередь личное общение и физические упражнения — делает людей более счастливыми и менее депрессивными. Проведите небольшой эксперимент (на себе или своих детях): попробуйте в течение недели пользоваться телефоном, Интернетом и социальными сетями в два раза реже, чем обычно, а освободившееся время уделите общению с друзьями и близкими или тренировкам. К концу недели вы почти наверняка будете чувствовать себя более счастливыми.

Конечно, даже изменив образ жизни, невозможно устранить все, особенно серьезные причины повышенной тревожности и депрессии. Хорошая новость заключается в том, что излечить депрессию можно с помощью психотерапии. Многочисленные заслуживающие доверия исследования доказали, что благодаря терапии люди, страдающие депрессией, выздоравливали быстрее, чем те, кто обходился без нее. Антидепрессанты также очень эффективны, особенно при лечении умеренной и тяжелой депрессии. Терапия и лекарства действительно

могут облегчить страдания и спасти жизнь, но проблема заключается в том, что не все могут позволить себе дорогостоящие препараты и услуги специалистов. В студенческих кампусах эту проблему можно решить уже сейчас: для этого в первую очередь необходимо отменить ограничение на число доступных сеансов психотерапии. Устанавливать подобные лимиты — это все равно что говорить студентам: «Вы слишком часто болеете и поэтому больше не можете обращаться за квалифицированной помощью». Чтобы стремительный рост психических расстройств в студенческих кампусах наконец остановился, студенты должны иметь возможность регулярно получать терапию в течение всего учебного года. Кроме того, помощь должна быть доступна не только в дневное время: во многих кампусах консультационные центры закрываются в 17 часов, а ведь именно вечерние часы очень часто являются самыми трудными для людей с психическими расстройствами.

Ученики средней и старшей школы также нуждаются в помощи, однако система обеспечения психического здоровья сильно отстает от потребностей детей и их родителей. Учитывая быстрый рост заболеваемости депрессией среди подростков в возрасте от 12–17 лет, надо заметить, что проблема будет только усугубляться. Родители должны понимать, что даже самые юные тинейджеры (и даже маленькие дети) могут испытывать постоянное чувство тревоги и страдать депрессией. К этому следует относиться очень серьезно. Всем известно, что помощь должна оказываться как можно раньше, однако большинству людей приходится очень долго преодолевать бюрократические препоны, прежде чем им наконец удастся попасть на прием к психотерапевту. Вероятно, в том числе по этой причине до сих пор сохраняется недопустимо высокий уровень подростковых самоубийств. Психотерапевты помогают не только непосредственно во время терапевтической сессии; они обучают подростков навыкам, которые пригодятся им и во взрослой жизни.

Я очень надеюсь, что представленные в четвертой главе данные разубедят всех, кто до сих пор считает, что ситуация с психическим здоровьем населения остается стабильной. Благодаря указанным данным, которые были получены после обработки результатов многолетних опросов, мы можем сравнить современных тинейджеров с их сверстниками из недалекого прошлого. Случайная выборка и

анонимность опросов позволяют обойти критику, которой подвергаются многие другие опросы. Зафиксированные тренды на удивление устойчивы: начиная с 2011 года наблюдается стабильный рост уровня одиночества, тревожности, а также числа подростковых самоубийств, тяжелых депрессивных эпизодов и случаев нанесения себе повреждений. Поколение I вызывает о помощи, и мы должны его услышать.

Медленное взросление

Все больше и больше становится тинейджеров, которые заканчивают старшую школу, не имея никакого опыта работы, самостоятельного управления автомобилем, свиданий, сексуальных отношений и употребления алкоголя. Надо полагать, эти тренды являются адаптацией к текущему культурному контексту; другими словами, они по определению не являются плохими или хорошими. Они такие, какие есть.

В тоже время указанные тренды имеют далекоидущие последствия. Поступая в колледж или устраиваясь на работу, многие молодые люди очень плохо приспособлены к взрослой жизни. Для родителей это означает, что они будут еще больше переживать за своих отпрысков и все чаще объяснять им по телефону, как справиться с обычными для взрослого человека обязанностями. Для сотрудников колледжей по работе со студентами это означает, что им придется консультировать еще больше молодых людей, неспособных позаботиться о себе самостоятельно. Студенты все чаще будут впервые пробовать алкоголь на территории кампусов и все чаще приобретать первый сексуальный опыт и вступать в серьезные отношения во время учебы в школе. Таким образом, хронологически они будут взрослеть позже, чем представители других поколений, и в этом есть свои плюсы. Однако, оказавшись вдали от привычной среды, родителей и старых друзей, они могут доставить много сложностей сотрудникам колледжей, отвечающим за психическое здоровье и быт проживающих в кампусах студентов.

Отсутствие или недостаток сексуального опыта может усложнить работу по предупреждению сексуального насилия на территории кампусов, поскольку неопытным студентам непросто ориентироваться

во всех тонкостях сексуальных отношений. Хорошая новость заключается в том, что уровень сексуального насилия в колледжах снижается, хотя и остается до сих пор очень высоким. Многие инциденты случаются, когда студенты только начинают делать первые шаги во взрослую жизнь: первокурсники становятся жертвами сексуального насилия в два с половиной раза чаще, чем старшекурсники.

Мы живем в мире, в котором подростки смотрят, как никогда, много порнографии, а в 11 лет просят друг у друга интимные фотографии, но при этом все позже начинают заниматься сексом. Сочетание богатого виртуального и незначительного реального опыта чревато проблемами.

Если у вас есть ребенок подросткового возраста, вы можете помочь ему стать более независимым и самостоятельным прежде, чем он поступит в колледж. Во-первых, отмените слишком жесткий «комендантский час» и старайтесь как можно меньше ограничивать своего ребенка, если он хочет гулять с друзьями; благодаря этому опыту он получит необходимые социальные навыки и станет более самостоятельным. Во-вторых, потребуйте, чтобы он получил водительские права; перестаньте подвозить его на своей машине. Не переживаете за его безопасность на дороге. Современные подростки очень осторожные и аккуратные водители: они крайне редко попадают в ДТП и получают штрафы.

Другие стороны взрослой жизни находятся в серой зоне. Данные по работе в свободное от учебы время достаточно запутаны. Похоже, максимальную пользу из такой работы извлекают тинейджеры из неблагополучных семей, а вот выгода для подростков из семей, принадлежащих к среднему классу, менее очевидна. Как правило, тинейджеры могут рассчитывать на низкоквалифицированную работу, но даже в этом случае они учатся управлять своим временем, становятся более ответственными и приобретают множество социальных навыков. Учитывая стоимость обучения в колледже, подростки могут в будущем потратить часть заработанных денег на образование и таким образом снизить свою долговую нагрузку по образовательным кредитам.

Алкоголь является серьезной проблемой, для решения которой нет одного универсального решения. Все больше появляется молодых

людей, которые поступают в колледж, не имея опыта употребления алкоголя, и сразу сталкиваются с культурой безудержного пьянства на студенческих вечеринках. Может быть, стоит разрешать тинейджерам раз-другой раз выпить или даже напиться дома, где им не угрожает никакая опасность, чтобы они смогли понять, как на них действует алкоголь? Может быть, но думаю, что подталкивать несовершеннолетних к употреблению спиртного, пусть и в благих целях, это не самая лучшая идея. Другой вариант — серьезно разговаривать и объяснять им, что представляют собой студенческие вечеринки и чем они могут закончиться. Некоторым студентам вообще следует полностью отказаться от употребления алкоголя. Во многих университетах уже появились так называемые «свободные от субстанций общепития», и, думаю, со временем их станет все больше. Как мы знаем, айдженеры с уважением или как минимум терпимо относятся к чужому выбору, поэтому маловероятно, что непьющие студенты будут подвергаться в кампусах остракизму. Учитывая всю опасность пьянства, думаю, лучший совет, который могут дать родители своим детям, это «Просто скажи нет алкоголю».

Есть мнение, что «пропущенный год» — перерыв между окончанием школы и поступлением в колледж — может отчасти решить проблему психических расстройств и отсутствия жизненного опыта у студентов. За этот год можно успеть поработать, посмотреть мир и в целом повзрослеть. Тема «пропущенного года» вызвала всеобщий интерес после того как, Малия Обама решила сделать перерыв и не поступать в Гарвард сразу после окончания школы. По словам студентов, решивших, как и Малия, сделать перерыв между школой и колледжем, этот год пошел им на пользу; согласно одному исследованию, 73 % заявили, что за это время они смогли хорошо подготовиться к поступлению в колледж, а 57 % сказали, что окончательно определились с выбором специальности. Перерыв в учебе, вероятнее, всего принесет максимальную пользу тем, кто твердо решил получить высшее образование, но считает, что ему нужно немного повзрослеть, прежде чем с головой окунуться в студенческую жизнь (особенно если колледж находится далеко от дома). Джо О'Ши и Нина Хоу, администраторы колледжа и исследователи, тщательно изучили вопрос и пришли к выводу, что плюсы от «пропущенного года» перевешивают минусы для многих студентов. «Увеличенный до

одного года интервал между окончанием школы и поступлением в колледж помогает вчерашним школьникам приобрести навыки, необходимые для достижения как личного, так и академического успеха в колледже», — написали они на Quartz.

Безопасность

Наши дети защищены, как никогда, хорошо, и это само по себе является отличной новостью. Однако, как это нередко бывает с культурными трендами, данный тренд дошел до абсурда. Забота о безопасности привела к тому, что тинейджеры стали реже видаться с друзьями, а родители постоянно переживают, как бы их дети не попали в ДТП или не столкнулись с другими неприятностями.

Про безопасность в наши дни вспоминают даже в самых безобидных с точки зрения безопасности ситуациях. Так на прошлой неделе директор начальной школы, в которой учатся мои дети, уведомил всех родителей по электронной почте о том, что кто-то, судя по слухам ученик средней школы, нарисовал на стене школы «свастику и снабдил ее непристойной подписью». «Безопасность наших учеников, сотрудников и родителей является для нас безусловным приоритетом, и мы выражаем глубочайшую признательность всем, кто помогает избавить наше комьюнити, нашу школу от неуместного и оскорбительного поведения», — написала она. Безусловно, рисовать на стенах школы нельзя, но говорить, что нецензурные надписи и свастика угрожают безопасности — это явный перебор: никто никому не угрожал и не причинил физическую боль. Акцент на безопасности усугубил проблему, а не решил ее. Вместо этого следовало бы объяснить тинейджерам смысл нарисованного символа, а затем выяснить мотивы глупого поступка. Неуместные ссылки на безопасность как причину для очередного запрета используются в самых неожиданных ситуациях. Так, весной 2017 года директор старшей школы в г. Эуфауле, штат Алабама, запретил Брюсу Мэйну прийти на выпускной со своей шестидесятидевятилетней бабушкой, поскольку, согласно действующим правилам, на выпускной не допускаются лица старше 20 лет. «Обеспечение безопасности учеников является первоочередной задачей любого администратора школы, — заявил он. — Не может быть никаких исключений, когда

речь идет о безопасности». Брюсу объяснили, что запрет направлен на борьбу с употреблением алкоголя среди несовершеннолетних, который взрослые могут пронести на выпускной. Очевидно, что в случае с бабушкой это не более чем глупая отговорка. Похоже, некоторые уверены, что в современных реалиях даже бабушки могут угрожать безопасности.

Это не единичные примеры. Внимательно прислушайтесь, и вы сразу заметите, что слово «безопасность» сейчас используется как школьниками, так и преподавателями для оправдания или объяснения буквально любых действий. Полагаю, что бездумное употребление этого слова только усиливает напряженность в обществе и вынуждает родителей еще больше контролировать своих детей. Привыкнув к таким условиям, наши дети неизбежно будут приходить в ужас от мысли, что им скоро придется поступать в колледж или искать работу. Если мы перестанем заикливаться на безопасности, то вполне возможно, что тинейджеры наконец перестанут пугаться конфликтных ситуаций с однокурсниками. Сейчас айдженеры настолько сильно боятся любой конфронтации, что они скорее пожалуются сотруднику колледжа на своего однокурсника, чем прямо выскажут претензию.

Как мы неоднократно говорили, айдженеры стремятся обеспечить себе не только физическую, но и эмоциональную безопасность. В настоящее время уже действуют школьные программы, направленные на защиту подростков от травли, причем не только от физического насилия, но и от оскорблений, насмешек и обзывательств. Травля имеет далекоидущие негативные последствия, и мне как соавтору ряда экспериментов, посвященных изучению такой разновидности травли как социальное отторжение, об этом очень хорошо известно.

Безусловно, необходимость в принятии действенных мер по защите детей от травли давно назрела. С другой стороны, я согласна с теми, кто критикует указанные программы за то, что порой они заходят слишком далеко: приравнивают моральные травмы к физическим и сводят многочисленные нюансы обычного общения подростков к травле. Зачастую правила антибуллинговой политики в школах формулируются настолько широко и расплывчато, что многие школьники просто боятся общаться со сверстниками. В начальной школе Айкена в Западном Хартфорде, штат Коннектикут, травля определяется как «любая коммуникация или физическое воздействие,

которые причиняют эмоциональную или физическую травму» школьнику. В школьном регламенте можно найти самые разные определения, начиная с того, кто является «работником школы», и заканчивая тем, что считается «мобильным электронным устройством», но только не определение «эмоциональной травмы». Никто не отрицает, что травля причиняет эмоциональную травму, но причины травмы могут быть и более прозаическими, например нежелание одного ребенка играть с другим, случайно вырвавшееся ругательство на детской площадке или споры о правилах игры. Однако, согласно этим нормам, любой ребенок, задевший умышленно или неумышленно чувства другого ребенка, признается виновным в травле. В результате может возникнуть ситуация, когда, наслушавшись разговоров обо всех возможных и невозможных опасностях общения, дети начнут испытывать безосновательный страх перед травлей. Увы, но антибуллинговые программы вполне могут сформировать целое поколение детей, которые будут постоянно выискивать и находить признаки травли даже там, где ее нет.

Как указывает психолог Ник Хэслэм, сейчас критерием «травмы» считается вообще все плохое, что может произойти с человеком, в результате чего формируется культура виктимности, для которой характерно чрезмерное преувеличение силы испытанных эмоций. Еще совсем недавно — в 1980-х — психиатры называли *травмой* только неблагоприятное воздействие, «выходящее за пределы повседневного жизненного опыта». В наши дни официальный перечень травм заметно расширился, и многие люди в разговорной речи называют *травмой* переживания из-за неудачной стрижки или надписи, сделанной мелком на асфальте (как это произошло в Университете Эмори, где студенты, увидев на тротуаре надпись «Трамп 2016», принялись скандировать: «Нам больно!»). По данным базы данных Google Books, частота использования слова *травма* выросла в четыре раза за период с 1965 по 2005 год.

Многие айдженеры (и самые младшие миллениалы) очень сильно переживают, когда кто-то просто не соглашается с их мнением. Полагаю, в подобных ситуациях им следовало бы не страдать, а игнорировать чужое нелicenseприятное мнение или вступать в активную дискуссию и приводить веские контраргументы в свою пользу. Одинаково эффективно можно опровергать любые расистские,

сексистские, гомофобные и трансфобные взгляды — для этого существует множество логичных аргументов. Если, столкнувшись с подобными взглядами, молодые люди (да и все мы) будут только лить слезы и чувствовать себя жертвами, мы вряд ли добьемся серьезных изменений к лучшему. Если же мы будем решительно бороться этими взглядами, то рано или поздно они канут в Лету. Ход истории не остановить — предрассудки будут разрушены; чтобы победить в войне, необходимо выигрывать сражение за сражением.

Айдженеры за партой

Айдженеры не похожи на своих предшественников, и преподаватели колледжей наконец-то начали это понимать. Миллениалы маршировали по территории кампусов с высоко поднятой головой. Они никогда не сомневались в своей исключительности и всегда излучали оптимизм и уверенность в своих силах. Преподаватели ежедневно сталкивались со студентами, которые были уверены, что заслужили пятерку только потому, что ходили на лекции, яростно спорили из-за плохих оценок и считали, что достойны особого к себе отношения. Айдженеры другие: они выросли в период Великой рецессии, и поэтому их ожидания более скромны, а сами они менее склонны к нарциссизму и реже считают, что им все должны. Айдженеры более пессимистичны и менее уверены в себе, чем миллениалы, но при этом они чаще готовы много и тяжело работать и реже спорят из-за оценок. С другой стороны, они неохотно вступают в дискуссии и выступают на занятиях, а также не любят задавать вопросы, потому что боятся сказать глупость и не уверены в правильности своей точки зрения (в ходе опроса, проведенного компанией McGraw-Hill Education, 70 % из более чем 600 опрошенных преподавателей колледжей заявили, что современные студенты менее активно ведут себя на занятиях и реже задают вопросы, чем это было пять лет назад). Потребуется приложить немало усилий, чтобы айдженеры поверили в себя и стали более активно участвовать в учебном процессе.

Айдженеры — первое поколение эпохи постинтернета, и они привыкли самостоятельно искать необходимую информацию. Но из этого не следует, что они не хотят слушать лекции. Напротив, они

очень серьезно относятся к учебе. Когда я спросила своих студентов, что бы они сами предпочли делать на занятиях — больше слушать или говорить, — большинство ответили, что лекции их полностью устраивают, если дают знания, необходимые для успешной сдачи экзаменов. Дискуссии им тоже нравятся, но только если они не уходят далеко от основной темы. Учитывая вышесказанное, преподаватели должны научиться поддерживать интерес студентов к своим лекциям всеми доступными способами. Айдженеры привыкли постоянно переключаться между вкладками в браузере и приложениями в телефоне; даже видеоролики, которые они смотрят онлайн, редко длятся более трех минут. Поддерживать контакт и доносить до айдженеров необходимые знания зачастую можно, только приспособившись к их неумению долго сохранять высокую концентрацию внимания и научившись своевременно переходить от чтения лекции к дискуссиям, просмотру видео или демонстрации наглядных материалов. В целом айдженеры более уважительно, чем миллениалы, относятся к преподавателям, но это никак не мешает им засыпать прямо на занятиях, если лекция становится слишком скучной или не прерывается короткими видеороликами.

Поступив в колледж, айдженеры не имеют большого опыта чтения книг или даже объемных статей в журналах. Чтобы вернуть интерес к чтению, издатели начали вставлять в электронные книги видео, интерактивные рисунки и даже викторины — отличный способ привлечь внимание айдженеров. В то же время я убеждена, что привычные учебники слишком перегружены ненужными подробностями. Моя подруга Кейт Катанезе, преподаватель психологии в Общественном колледже Кайахога, также заметила, что современная молодежь не любит читать.

«У меня были студенты, которые жаловались, что я заставляю их очень много читать. Они говорили, что не могут сосредоточиться и прочитать даже восьмистраничную газетную статью», — рассказала однажды она. Я ни в коем случае не предлагаю преподавателям сдаваться и реагировать на подобные жалобы; рано или поздно студенты привыкнут читать большие тексты. В то же время мы должны принимать айдженеров такими, какие они есть, а в качестве компромисса предлагаю на лекциях охватывать чуть меньше тем, чем это было принято раньше. Кейт поступает именно так. «Как

преподаватель я придерживаюсь правила „лучше меньше, да лучше“. Думаю, это оптимальный вариант для моих студентов. Я рассказываю о самом важном и интересном, а все лишнее отбрасываю в сторону», — рассказывает она. Думаю, авторы учебников могли бы последовать примеру Кейт: они должны подробно раскрывать наиболее важные темы, чтобы студенты в полной мере усвоили материал и познакомились с разными точками зрения, а не перегружать учебники второстепенной информацией, которая не может вызвать у айдженеров ничего, кроме скуки. Кроме того, крайне необходимо регулярно обновлять учебники — как минимум раз в три года. Например, школьные учебники обновляются в лучшем случае раз в десять лет, поэтому айдженеры считают их устаревшими и не доверяют им. Замечу, что многие учебники полностью устаревают как раз за этот срок. Одним из решений может быть переход на электронные учебники, потому что их проще обновлять.

Учитывая объем потребляемой айдженерами информации в Интернете, очень важно научить их разбираться в контенте. Как показал вал «фейковых новостей» в период избирательной кампании 2016 года, очень многие люди не умеют отличать выдумку от правды. Айдженеры должны уметь ориентироваться в источниках информации и правильно оценивать доказательства. Многие старшеклассники уже научились этому, однако школьные учителя и преподаватели колледжей должны больше внимания уделять развитию навыка критического мышления у своих учеников. Например, студентам, изучающим естественные и социальные науки, следует объяснить, чем отличается статья, прошедшая строгое рецензирование и только потом опубликованная в специализированном научном журнале, от блога, в котором никому не известный автор пишет откровенно слабые аналитические статьи или анализирует результаты опроса, в котором приняло участие несколько десятков человек из числа его подписчиков или друзей. Студенты должны узнавать, что такое контрольная группа и репрезентативная выборка, а также интересоваться политикой и проблемами человеческих ресурсов, журналистики или маркетинга не только в стенах учебных заведений.

Айдженеры, как и миллениалы, больше, чем представители других поколений, сфокусированы на внешних ценностях (конкретный материальный результат) и в меньшей — на внутренних (удовольствие

от самого процесса). Студенты-айдженеры очень боятся не пройти жесткий отбор и оказаться в команде неудачников. Они практичны, серьезны, тревожны и сфокусированы на экзаменационных оценках больше, чем на получении удовольствия от учебы. Они идут в колледж ради хорошей работы и высокой зарплаты, при этом саморазвитие отнюдь не всегда является для них основной целью. Эта новость может стать неприятным сюрпризом для преподавателей из поколения беби-бумеров, X и даже миллениалов, потому что они искренне любят свой предмет и хотят, чтобы студенты тоже получали от него удовольствие. Лично я для поддержания баланса часть времени на занятиях уделяю дискуссиям, которые обычно начинаю с вопроса о том, как полученные знания соотносятся с личным жизненным опытом. Конечно, я понимаю, что многим нужны только хорошие оценки, но надеюсь, что однажды полученные знания им все-таки пригодятся. Большинство студентов, кстати, признаются, что дискуссии помогают им лучше запоминать изучаемый материал.

Как взять айдженера на работу и удержать его

Айдженеры уже составляют большинство выпускников колледжей, поэтому работодатели, едва успев понять, чего ждут от работы миллениалы, теперь должны срочно переключаться на айдженеров и разбираться с их предпочтениями. К счастью, данные, приведенные в седьмой главе, дают нам ключ к пониманию айдженеров, причем эти данные гораздо более точны, нежели результаты однократных опросов, проводившихся пятнадцать лет назад, поэтому сейчас мы хорошо знаем, что представляет собой новое поколение.

Первыми работодателями айдженеров были рестораны и розничные магазины. Многие руководители быстро выяснили, что айдженеры совершенно не умеют писать резюме, но при этом записывают хорошие видеоролики (в этом нет ничего удивительного, ведь они любят сидеть в социальных сетях, а не читать книги). Некоторые руководители используют приложения вроде JobSnap, которые предлагают соискателям работы прислать короткое видео вместо традиционного резюме. Это очень удобно, ведь теперь работодатели могут быстро просматривать видеозаписи и сразу решать, обладает кандидат качествами, необходимыми для работы в сфере обслуживания (развитая речь, развитые социальные навыки и т. д.) или нет. Кроме того, сейчас айдженеры могут подготовить и отправить заявление с помощью смартфона, а значит, количество соискателей вырастет, и работодателям будет легче находить хороших работников.

В целом айдженеры — настоящая находка для работодателей: они более сфокусированы на работе и более реалистичны, чем миллениалы. Айдженерам нужна хорошая стабильная работа, и они очень хотят проявить себя. Вопреки распространенному мнению они не мечтают о собственном бизнесе — на самом деле они реже, чем представители других поколений, хотят стать предпринимателями или самозанятыми. Айдженеры реже, чем миллениалы, считают, что им все должны, менее склонны к нарциссизму и чаще готовы довольствоваться малым. В отличие от миллениалов, они не заявляют, что через пять лет собираются занять должность генерального директора в компании, в которую пришли устраиваться (помните эту

шутку?), и реже хотят меньше работать и больше получать. Они не отличаются чрезмерной самоуверенностью и имеют четкие представления о трудовой этике. К недостаткам айдженеров можно отнести высокую тревожность и нерешительность; они стремятся добросовестно выполнять свои трудовые обязанности, но боятся совершить ошибку. Они не прочь засидеться допоздна на работе, чтобы закончить презентацию, но не уверены, что справятся с поставленной задачей. Если миллениалов надо было постоянно хвалить или даже перехваливать, то айдженеров — успокаивать и подбадривать. Также надо учитывать, что айдже-неры взрослеют медленнее, чем их сверстники в прошлом, и поэтому отличаются меньшей самостоятельностью. Впрочем, эта проблема решается достаточно просто: давайте айдженерам максимально конкретные задания, чаще их контролируйте и не забывайте помогать им советами. Хороший и чуткий руководитель быстро поймет, что для айдженера он должен быть не столько начальником, сколько психотерапевтом, наставником и даже родителем.

Так что в итоге заставит айдженера подписать трудовой договор с вами, а не с кем-то другим? Зарплата. Проблема неравенства доходов довела айдженеров до такого страха перед бедностью, что «очень высокое финансовое благополучие» для них представляет большую ценность, чем даже для миллениалов. Также не надо забывать, что многие айдженеры обременены непосильными долгами по кредитам. Гибкий рабочий график и продолжительный отпуск тоже интересуют айдженеров, но не настолько сильно, как миллениалов всего несколько лет тому назад.

Как и миллениалы, айдженеры хотят найти работу с перспективой карьерного роста, и желательно быстрого. Решая вопрос о повышении молодого сотрудника, поступите следующим образом: вместо одного, но большого повышения раз в два года продвигайте его вверх по карьерной лестнице постепенно, но часто, например каждые шесть месяцев. Для поколения Snapchat шесть месяцев — это как шесть лет для вас. Делайте им замечания чаще, чем раз в год на итоговых совещаниях. Из-за своей нетерпеливости и низкой концентрации внимания айдженеры плохо вникают в смысл пространных отчетов о проделанной за год работе и выявленных ошибках, но зато они быстро реагируют на сделанные по существу короткие и четкие замечания.

Айдженеры не обладают гипертрофированной самоуверенностью миллениалов, но это не мешает им оставаться индивидуалистами и рассчитывать на индивидуальный подход к себе. Они хотят вносить реальный вклад в общее дело и не чувствовать себя никчемными винтиками в огромном механизме. В некоторых компаниях сотрудники уже сейчас могут сами придумывать названия своим должностям и даже кастомизировать собственную карьеру. Эти опции крайне привлекательны для миллениалов и айдженеров, потому что они любят, когда окружающие видят в них личность и относятся соответствующим образом.

Чаще используйте такие слова как «безопасность» и «безопасное окружение», когда рассказываете айдженерам об их будущем рабочем месте. Они, как ни одно другое поколение, привыкли с детства ценить безопасность, и эти слова не просто желательны, а обязательны во время разговора с айдженерами. Они хотят убедиться, что на новом месте их безопасности — не только физической, но также социальной и эмоциональной — ничто не будет угрожать. Это не значит, что вам придется с ними нянчиться — они, безусловно, должны полностью погрузиться в суровые реалии бизнеса, — но обращаться с ними следует все-таки более деликатно, чем с миллениалами. Всегда подчеркивайте, что хотите помочь, что вы на их стороне, а ваши замечания помогут им быстрее добиться успеха (прямо так и говорите: «Я хочу, чтобы ты добился успеха»). Объясните им, что критика не унижает, а повышает производительность труда.

Многие бизнесмены, принимая на работу молодых выпускников колледжей, вовлекают их родителей в процесс трудоустройства и знакомства с компанией. Полагаю, что данный тренд не только сохранится, но и со временем усилится. Айдженеры и так медленно взрослеют, а колледжи, изо всех сил стремясь обеспечить безопасность своим студентам, только способствуют этому. Не удивляйтесь, когда ваши молодые сотрудники начнут советоваться с родителями по рабочим вопросам или вам покажется, что они ведут себя так, словно им восемнадцать, а не двадцать два года. Все это кажется странным только беби-бумерам и представителям поколения X, но не самим айдженерам.

Айдженеры имеют свое представление о том, как лучше осуществлять коммуникацию. Многие не понимают, зачем

пользоваться электронной почтой, если проще написать текстовое сообщение. «Одно время я думал, что когда люди говорят об „улиточной почте“, они имеют в виду электронную почту, — написал в своей книге „We are Generation Z“ шестнадцатилетний Вивек Пандит. — В конце концов я сообразил, что „улиточной почтой“ называют бумажные письма, которые раньше доставляли по несколько дней. Я предпочитаю называть это „древней почтой“». Впрочем, даже сообщения со временем могут устареть: с появлением Instagram и Snapchat айдженеры стали все чаще отдавать предпочтение визуальной, а не текстовой коммуникации. Проще говоря, айдженеры любят общаться с помощью эмодзи, картинок и видеороликов. В конце концов, компании могут перейти на предпочтительный для айдженеров вид коммуникации, но сначала руководители должны объяснить своим молодым сотрудникам, как надо правильно общаться со взрослыми коллегами и клиентами; другими словами, попросите их не злоупотреблять картинками, эмодзи и видеороликами. Многие беби-бумеры не разбираются в эмодзи, а представители поколения X будут рады получить электронное письмо, а не видеофайл. Также айдженерам надо как-то решать проблему низкой концентрации внимания. Чтение длинных текстов и написание пространственных докладов изнуряют их гораздо сильнее, чем миллениалов и представителей поколения X. Всю свою жизнь айдженеры потребляли информацию маленькими порциями, а не работали с многостраничными документами, в которых нет ничего, кроме текста.

Устроившись на работу, айдженеры не откажутся от своих взглядов на безопасные пространства, микроагрессию и предупреждения о триггерах. Если у вас есть сотрудник (скорее всего, пожилой), который до сих пор имеет смутное представление о трансгендерах и новых видах сексуальной ориентации или плохо ориентируется в расовых и гендерных проблемах, то будьте готовы постоянно выслушивать от своих молодых работников жалобы на микроагрессию. Возможно, в ближайшие годы работодатели даже начнут создавать в офисах безопасные пространства. Все больше и больше сотрудников будут вести себя слишком эмоционально, услышав на совещании мнение, с которым они категорически не согласны. Повзрослев, айдженеры безусловно приспособятся к непривычной для них рабочей

обстановке, которая, в свою очередь, неизбежно изменится под их влиянием, а вот как это будет происходить, нам пока не известно.

Что ждет айдженеров в будущем?

За три года работы над книгой я нарисовала десятки графиков, прочитала кипу студенческих газет, выслушала в ходе интервью огромное количество самых разных историй и мнений и в результате пришла к следующему выводу: айдженеры запуганы, возможно, очень сильно. Привычка чувствовать себя в безопасности и страх перед будущим сформировались у айдженеров в подростковом возрасте, когда их социальная активность сводилась преимущественно к тыканью в телефон. Устройства, которые айдженеры никогда не выпускают из рук, расширили возрастные границы их детства и одновременно лишили их полноценного человеческого общения. В итоге они стали самым физически защищенным и одновременно самым психологически уязвимым поколением в истории страны. Они более сфокусированы на работе и реалистичны, чем миллениалы, потому что прекрасно понимают, что добиться своего можно только тяжелым трудом. Они не религиозны и невероятно толерантны и поэтому смогли повысить осведомленность общества о правах ЛГБТ, проблемах неравенства и психического здоровья. Айдженеры практичны, осторожны и имеют все необходимое для успеха. Если они встряхнутся, сбросят с себя оковы телефонной зависимости и избавятся от страхов, то смогут взлететь и достичь невиданных высот.

Найти дополнительную информацию, а также ознакомиться с источниками и методологией можно по следующей ссылке: simonandschuster.com/igen-index.

Подробную информацию обо всех проектах Джин Твенге можно найти на сайте jeantwenge.com

Благодарности

В первую очередь хочу поблагодарить своих первых читателей — Джилл Найрим и Люси Клиланд за мудрые советы. Без вашей помощи я бы никогда не закончила эту книгу. Спасибо всем замечательным сотрудникам Atria Books, особенно Питеру Борланду, Милене Браун, Шону Делоне, Тори Лоуи, Лесли Мередит и Даниэлле Векслер. Ваша компания издала мою книгу и стала для меня вторым домом.

Отдельное спасибо всем молодым людям, которые не пожалели времени и подробно ответили на все мои вопросы. Я очень благодарна вам за честные ответы, которые открыли мне глаза на многие вопросы; эта книга получилась благодаря вам. Также хочу сказать спасибо друзьям, родителям и школьным учителям тинейджеров, у которых я взяла интервью; я не смогу перечислить всех, но ваш вклад бесценен. Спасибо участникам онлайн-опросов и студентам Государственного университета Сан-Диего, которые поделились со мной мыслями о поколении I; желаю вам успехов в будущей карьере.

Также хочу сказать спасибо самоотверженным и неутомимым людям, проводившим опросы, результаты которых я использовала при написании этой книги (Monitoring the Future, the American Freshman Survey, the General Social Survey, and the Youth Risk Behavior Surveillance System). Несмотря на всю закрытость научного мира, я очень хотела бы однажды встретиться со всеми вами лично и выпить за ваше здоровье. От всей души прошу вас продолжать свою работу. Полученные вами данные являются национальным достоянием. Без них люди до сих пор бродили бы в потемках, пытаясь тщетно разобраться в особенностях поколений. Надеюсь, ваши проекты никогда не закроются.

Спасибо У. Киту Кэмпбеллу, моему близкому другу и соавтору многих моих научных статей и двух книг, за то, что всегда помогал мне не утратить здравый смысл. Анжела Бейлер-Мэй, Стейси Кэмпбелл, Натан Картер, Малисса Кларк, Кристин Доннелли, Джули Эклайн, Джошуа Фостер, Патрисия Гринфилд, Джошуа Граббс, Гаррет Хислер, Натан Ханикатт, Томас Джойнер, Сара Конрат, Златан Кризан, Соня Любомирски, Габриэль Мартин, Хиджунг Парк, Радмила Прислин, Меган Роджерс, Крис Састри Самия Шейх, Райн Шерман, Брайан

Шпицберг, Ялда Улс, Ханна Ван Ландингем и Брук Уэллс помогали мне писать статьи для научных журналов, заполняли пробелы в моих знаниях и просто всегда были крутыми и умными ребятами. Мне очень повезло, что я с вами однажды познакомилась. Желаю вам успешной научной карьеры.

Спасибо моим друзьям и близким за то, что они внимательно слушали меня, когда я рассказывала им о книге: Кен Блум, Кейт Катанезе, Ким и Брайан Чапо, Лоуренс Чарап, Дженни Кроухерст, Джоди Дэвис, Эли Финкель, Джефф Грин, Ник Гроссман, Кертис Холл, Крис Харрис, Бранделин Джарретт, Малхар Кале, Сара и Дэн Килибарда, Марта Колтхофф, Рон Лоуден, Эрин Митчелл, Билл и Джоан Моенинг, Бад и Пэт Моенинг, Дарси и Брэд Олсен, Шрути Паткар, Тринти Перри, Стивен Сиу, Мэрилин Свенсон, Дрю Сворд, Эми и Пол Тобиа, Анна и Дасти Ветцель, Джуд Уилсон, Мэй Йе, Эшли и Майк Захалан, Алиса Зеллмер, Дженнифер и Мэтт Зволински. Спасибо моим родителям Стиву и Джоанн Твенге, за то, что на выходных и на каникулах они сидели с моими детьми, когда мне надо было работать над книгой или просто отдохнуть.

Спасибо моему мужу Крейгу, за то, что каждый вечер за ужином терпеливо выслушивал мои рассказы о линейных графиках и с пониманием относился к моему отсутствию на семейных мероприятиях, когда мне надо было работать.

И наконец, спасибо моим дочерям-айдженерам Кейт, Элизабет и Джулии. Вы свет моей жизни. У меня есть только один вопрос: если я дала имя вашему поколению, может вы наконец послушаетесь меня, когда я в следующий раз попрошу вас причесаться? Спасибо, девочки. Я люблю вас.

Примечания

1

На 1 ноября 2018. После этой даты компания Apple официально прекратила публиковать статистику продаж iPhone в количественном измерении. См.: Costello, S. (2019) How Many iPhones Have Been Sold Worldwide? // *Lifewire*. May 30. 2019 [URL: <https://www.lifewire.com/how-many-iphones-have-been-sold-1999500> доступ от 05.08.2019].

2

Baptista, P., Melo, S. and Rolim, C. (2014) Energy, environmental and mobility impacts of car-sharing systems. Empirical results from Lisbon, Portugal // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, № 111. Pp. 28–37. P. 31.

3

Павлов, А. В. (2018) Образы современности в XXI веке: диджимодернизм. Рецензия на книгу Алана Кирби // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. II. № 2. С. 200.

4

Твенге, Д. (2019) Введение.

5

Афанасов, Н. Б. (2019) «Социально-философская футурология», X Международная конференция «Способы мысли, пути говорения» Школы философии НИУ ВШЭ (НИУ ВШЭ, Москва 22–23 апреля 2019 года) // *Новое литературное обозрение*. № 4(158). С. 28.

6

Гринфилд, А. (2018) Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: РАНХиГС «Дело». С. 21.

7

Твенге, Д. (2019) Первая глава.

8

Радаев, В. (2019) Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 43–51.

9

Джин Твенге указывает, что термин «поколение Y», вписывавшийся в логику обозначения поколенческих срезов, не стал популярным именно по причине того, что сами «айдженеры» не захотели быть названы по аналогии с предыдущими поколениями. Это обыграно в дизайне книги Вадима Радаева, бандеролька обложки которой закрывает нижнюю часть буквы Y. Тем самым, до момента снятия этой части обложки может создаться впечатление, что на обложки красуется большая буква X, которая отсылает совсем к другому поколению.

10

Twenge, J. (2014) Generation Me: Why Today's Americans Are More Confident, Assertive, Entitled and More Miserable Than Ever Before. New York: Atria Books.

11

Твенге, Дж. (2018) Поколение селфи. Кто такие миллениалы. М.: Бомбора.

12

Bolton, R. N., Parasuraman, A., Hoefnagels, A. et al. (2013) Understanding Generation Y and their Use of Social Media: A review and

13

Твенге, Д. (2019) Заключение.

14

Подробнее о меме «dead inside» см.: <https://memepedia.ru/ded-insajd>

15

Джеймисон, Ф. (2019) Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 126–127.

16

См.: Фишер, М. (2010) Капиталистический реализм. Альтернативы нет? Екатеринбург: Ультракультура 2.0.

17

Твенге, Д. (2019) Заключение.

18

См.: Кин, Дж. (2015) Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

19

iGen — оригинальное название книги, образованное от iGeneration. Отсюда — употребляемый в книге для определения представителей поколения I термин «айдженер», оставленный в неизменном виде для унификации представления о феномене, касающегося не только англоязычного мира. — *Примеч. ред.*

20

Спиритуальность (здесь) — вера без формальных признаков религиозности (вера в святой дух).

21

В русском переводе вышла под названием — «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству» — Альпина Паблишер, 2018 год.

22

Профессиональная степень необходима для работы юристом, врачом и для некоторых других профессий. — *Примеч. пер.*

23

в США совершеннолетие наступает в 21 год. — *Примеч. пер.*

24

Англ. lesbian until graduation — лесбиянка до выпускного.

25

Англ. bisexual until graduation — бисексуалка до выпускного.

26

Тест для поступления в колледжи и университеты США. — *Примеч. пер.*